

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Peter the Great's Second Trip to Europe

The European Enlightenment: Russian Practices

Belarus: the Search for Identity

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 5 | 2017 | № 2

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *Web of Science, Scopus*.

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 262
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 262, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Staff

E d i t o r - i n - C h i e f : Prof. **F.-D. Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); Section Editors: *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Reviews Section Editor*: Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Translation editors*: Dr **Tatiana Kuznetsova** (Russia, Yekaterinburg, UrFU), PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate*: Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Corresponding Member of RAS, Prof. **Elena Berezovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Simon Dixon** (United Kingdom, University College of London); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Natalia Kupina** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); PhD **Jordan Lyutskanov** (Bulgaria, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences); Dr **Vladislav Rjeoutski** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); PhD **Michel Tissier** (France, University of Rennes 2); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples “L’Orientale”); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); PhD **Andrey Keller** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History); Dr **Igor’ Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Yakub Sadovski** (Poland, Krakow, Pontifical University of John Paul II); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Logo & cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенау** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), *по культурологии, искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *отдел рецензий*: доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *редакторы перевода*: доц. **Т. С. Кузнецова** (Россия, Екатеринбург, УрФУ), PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: к. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); член-корр. РАН проф. **Е. Л. Березович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Н. А. Купина** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); PhD **Йордан Люцканов** (Болгария, София, Институт литературы БАН); к. и. н. **В. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); PhD **М. Тиссье** (Франция, Ренн, Университет Ренн 2); проф. **Д. Уо** (США, Сиэтл, Университет Вашингтона)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); PhD **А. В. Келлер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинки университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); д. и. н. **Я. Садовский** (Польша, Краков, Папский университет Иоанна Павла II); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

<p><i>Дмитрий Редин, Лариса Соболева.</i> The Epoch of the Enlightenment: From the Voyages of Peter I to the Ideas of the Catherinian Period . . . 303</p>	<p><i>Dmitry Redin, Larisa Soboleva.</i> The Epoch of the Enlightenment: From the Voyages of Peter I to the Ideas of the Catherinian Period . . . . . 303</p>
--	---

Problema Voluminis

<p>Второе европейское турне Петра Великого (1716–1717)</p> <p><i>Anne Mézin.</i> Les préliminaires du voyage de Pierre le Grand en France . . . . . 315</p> <p><i>Сергей Мезин.</i> Париж Петра Великого . . . . . 329</p> <p><i>Steven Müller.</i> Der Aufenthalt Peters I in Paris 1717 aus Sicht des Wiener Hofes . . . . . 356</p> <p><i>Алексей Морохин.</i> «И такой злой дороги не видали»: Путешествие царицы Екатерины Алексеевны по Германии в конце 1716 г. . . . 367</p> <p>Просветительские практики Европы в России XVIII в.</p> <p><i>Matthew Binney.</i> Empire, Spectacle and the Patriot King: British Responses to Eighteenth- Century Russian Empire. . . . . 385</p> <p><i>Татьяна Абрамзон, Алексей Петров.</i> Одические версии «обществен- ного договора» в России XVIII в. . . . . 406</p> <p><i>Татьяна Акимова.</i> «Галантный диа- лог» с самой собой в мемуарах Екатерины II . . . . . 425</p> <p><i>Ангелина Вачева.</i> Ее императорского величества Екатерины II автоцензура . . . . . 436</p> <p><i>Наталья Дворцова.</i> «Училище любви» Панкратия Сумарокова как пространство встречи России и Европы . . . . . 453</p>	<p>Peter the Great's Second European Tour (1716–1717)</p> <p><i>Anne Mézin.</i> The Preparations for Peter the Great's Trip to France . . . . . 315</p> <p><i>Sergey Mezin.</i> The Paris of Peter the Great . . . . . 329</p> <p><i>Steven Müller.</i> Tsar Peter I's Visit to Paris in 1717: The View from the Viennese Court. . . . . 356</p> <p><i>Alexey Morokhin.</i> 'Such an Evil Road I Have Never Seen': Tsarina Ekaterina Alekseevna's Trip Through Germany at the End of 1716. . . . . 367</p> <p>Practices of European Enlightenment in 18th-century Russia</p> <p><i>Matthew Binney.</i> Empire, Spectacle and the Patriot King: British Responses to Eighteenth- Century Russian Empire. . . . . 385</p> <p><i>Tatiana Abramzon, Aleksey Petrov.</i> Odic Versions of the 'Social Contract' in 18th-century Russia . . . . . 406</p> <p><i>Tatiana Akimova.</i> 'Gallant Dialogue' in Catherine's II Memoirs . . . . . 425</p> <p><i>Angelina Vacheva.</i> Her Majesty Catherine II's Self-Censorship . . . 436</p> <p><i>Natalya Dvortsova.</i> Pankraty Sumarokov's <i>Uchilishche lyubvi</i> (School of Love) as a Meeting Place for Russia and Europe . . . . . 453</p>
--	--

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Origines

<p><i>Дмитрий Редин, Дмитрий Серов.</i> Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П. П. Шафирова князю А. Д. Мен- шикову (1716–1717) ..... 471</p> <p><i>Lorenz Erren.</i> «Widrige Winde»: Der Abbruch der schonischen Expedition aus der Sicht des preußischen Gesandten, des Freiherrn Friedrich Ernst von Cnyphausen ..... 503</p> <p><i>Armelle Le Goff, Olga Okuneva.</i> L'acquisition en France d'une cire anatomique pour Pierre le Grand: autour d'un traité et de ses suites ..... 518</p>	<p><i>Dmitry Redin, Dmitry Serov.</i> Peter the Great's Second Voyage to Europe in the Letters of Baron P. P. Shafirov to Prince A. D. Menshikov (1716–1717) ..... 471</p> <p><i>Lorenz Erren.</i> 'Difficult Winds': The Cancellation of the Schonen Expedition from the Perspective of the Prussian Ambassador Friedrich Ernst von Cnyphausen ..... 503</p> <p><i>Armelle Le Goff, Olga Okuneva.</i> The Acquisition of a Wax Anatomical Model for Peter the Great in France: The Contract and Its Consequences ..... 518</p>
--	---

Disputatio

<p><i>Хартмут Русс.</i> 8–9 мая 1945 года и длинные тени войны ..... 537</p> <p><i>Валерий Моквиенко.</i> Библейские мотивы в современной поэзии Донбасса ..... 552</p>	<p><i>Hartmut Rüß.</i> 8/9 May 1945 and the Long Shadows of War... 537</p> <p><i>Valery Mokiienko.</i> Biblical Motifs in Modern Donbass Poetry ..... 552</p>
---	---

Controversiae et recensiones

<p><i>Александр Филюшкин.</i> «Мобилиза- ция Средневековья» как поиск идентичности: какими путями Белоруссия хочет уйти от исто- рического наследия Российской империи и СССР ..... 569</p> <p>Об авторах ..... 591</p> <p>Сокращения ..... 595</p>	<p><i>Alexander Filyushkin.</i> "The Mobilisa- tion of Middle Ages" as a Search for Identity: How Belarus Wants to Leave Behind the Historical Heritage of the Russian Empire and the USSR ..... 569</p> <p>On the Authors ..... 591</p> <p>Abbreviations ..... 595</p>
---	---

**THE EPOCH OF THE ENLIGHTENMENT:
FROM THE VOYAGES OF PETER I TO THE IDEAS
OF THE CATHERINIAN PERIOD**

Three hundred years ago, Tsar Peter I completed one and a half years (1716–1717) of travelling in Eastern, Central, and Western Europe. The visit of the Russian monarch culminated with a visit to Paris and the establishment of regular diplomatic relations between Russia and France. This ultimately laid the groundwork for a recent series of scientific and cultural events in Russia and France, one of the most significant of which was the international conference *Le deuxième grand voyage de Pierre le Grand en Europe (1716–1717)*, held in Paris in June 2017. Articles written on the basis of presentations at that conference comprise the thematic core of this issue of QR.

The anniversary of Peter the Great's travels was mentioned during President V. V. Putin's recent visit to France and his meeting with E. Macron, the newly elected President of the Fifth Republic. The two leaders referred to the 300-year-old event during their joint press conference and while visiting the exhibition 'Tsar Peter in France, 1717' in Versailles.

The second European tour of Peter I deserves close attention and is by all means worthy of much more intensive research than has thus far been conducted. The main problem in the study of this voyage is that, unlike the first trip undertaken by the young tsar as part of the Grand Embassy in 1697–1698, modern scholarship has not yet taken a holistic approach to Peter's journey in 1716–1717. Important issues like chronology, periodisation, and Peter the Great's motives remain largely unexplored. Unlike the Grand Embassy, which had a certain objective that dictated its route, the second journey was not originally intended to be so long and extensive: the Russian monarch changed his schedule in accordance with developing circumstances, particularly those relating to diplomacy and the Great Northern War. This was also true of the visit to Paris, 'a logical serendipity'.

The results of this journey suggest that it was not merely an event in Russian history, but also had a great effect on the Pan-European context. During the tsar's second journey, Russia, for the first time in modern history, showed itself to be one of the key players in the coming partition of Europe (and indeed of the Eurocentric world). Europe had changed greatly after the War of the Spanish Succession, and was undergoing still further changes in terms of the diminishing power of Sweden, a former hegemon of the north. Europe was formulating a balance of power among the great countries, among which Russia had taken a prominent place even in the

eyes of the most ardent skeptics. During the 1716–1717 journey, Russian diplomats improved their skills and gained clout. Meanwhile, the Russian army and fleet were becoming a familiar, albeit not universally welcome, element of the European military landscape: equally, the matrimonial aspirations of the Romanov dynasty promised to surpass the legendary achievements of Yaroslav the Wise in the 11th century.

Peter's second voyage also made many other acquisitions in the fields of science, arts, and crafts that have since sunk deep roots into Russian soil. Many iconic objects of Russian cultural heritage were the results of this voyage, such as the world-famous Amber Room and the collection of 'naturalia' and 'monstruosos' of the Dutch anatomist Frederik Ruysch, which formed the basis of the first museum in Russia, the *Kunstkamera* of St Petersburg. The development of landscape and garden design in Russia, most remarkably at Peterhof, with its fountains and abundant palaces and manors, was triggered by the royal visit to Versailles, Trianon, and Marly. The Russian Academy of Sciences and its expeditions, the appearance of the first Russian tapestries and porcelain, new styles in portrait painting and sculpture – all these received a powerful impetus from the voyage of 1716–1717. Many European scientists, engineers, architects, and artists, personally invited by Peter the Great during his second trip to Europe, began to work in Russia.

Tsar Peter's prolonged stay abroad attracted the attention of European sovereigns and their courts and piqued the curiosity of many strata of the population, thus giving rise to a large number of disparate texts: diplomatic correspondence, reports, regulatory and financial records, newspaper articles, pamphlets, essays, and literature. These texts comprise a vast range of historical sources, providing the opportunity for a comprehensive international research programme dedicated to studying this event in terms of the widest possible historical and cultural contexts. The aforementioned Paris conference in June 2017 and the thematic collection of articles published in this and subsequent editions of *QR* can be regarded as the launch of this programme.

By terming the visit of Peter the Great to Paris in the spring and summer of 1717 a 'logical serendipity', we mean that the Russian tsar had long been interested in establishing strong relations with France and had previously made several attempts to this effect. For various reasons, however, rapprochement did not occur at the end of the seventeenth or in the first decade of the eighteenth centuries. Yet, a few years prior to Peter's historic visit to Paris, France has sent its representative to St Petersburg, one Henri Lavie, a merchant with a modest rank in France's maritime consulate. *Anne Mezin* (Archives Nationales, Paris) examines some of Lavie's activities and his private meeting with the tsar in 1715, which formed the background to Peter's visit to the French capital in 1717. As a result of this meeting, Lavie was appointed as the first French ambassador to Russia.

The theme continues with the article by *Sergey Mezin* (Saratov University), a major specialist in the history of Russo-French relations in the first quarter of the 18th century. "The Paris of Peter the Great" explores the cultural dimension of Peter's visit to France in 1717, including the experi-

ences and 'lessons' that the Russian tsar derived from the trip. The author reconstructs the routes that Peter the Great took in Paris and studies the influence of the French capital's architecture and monumental art on the 'cultural policies' of the monarch.

Alexey Morokhin's (Nizhny Novgorod University) article focuses on the movements of Tsarina Catherine Alekseevna's convoy at the end of 1716. The tsar's spouse accompanied her husband, at times traveling with him and at others voyaging separately, in one case as far as the Netherlands. On the road, she had to endure very harsh circumstances, foremost among them a complicated birth which ended with the tragic death of the newborn and almost cost the tsarina her own life. Describing the circumstances of her trip, the author includes much new material: he looks at Catherine's mishaps on the road in terms of the overall political context, concluding that the particularities of her trip contributed to the deterioration of Russia's relations with its allies.

The movements of the tsar aroused keen interest among the monarchs of Europe. The tsar's visit to the French capital was of particular interest to the Austrian Empire, a rival of France in the recent War of the Spanish Succession. *Steven Müller's* (University of Jena, Germany) article examines the process of collecting and evaluating information on Peter I by the Austrian diplomat Joseph von Königsegg, the Imperial Envoy in Paris at the time. The article leads to the conclusion that Königsegg's ability to gather information was limited due to strained relations between the Viennese court and Versailles.

The desire to put new documents on Peter the Great's 1716–1717 trip into the public domain has prompted the editors to strengthen the source component of this issue. *Dmitry Redin* (Ural Federal University, Ekaterinburg) and *Dmitry Serov* (Novosibirsk State University of Economics and Management) have co-edited the first publication of a compilation of letters sent by Vice-Chancellor Peter Shafirov to Prince Alexander Menshikov at the end of the 1716. Shafirov, one of the leaders of the Russian diplomatic office and the tsar's confidant, had been accompanying him on the tour and serving as a translator during Peter's most sensitive meetings with European monarchs: he had an intimate knowledge of the finest minutiae of the tsar's diplomatic affairs and everyday chores. The letters reveal many unknown details about Peter's stay in Denmark, Prussia, Hanover, and the Netherlands.

Lorenz Erren (University of Mainz), publishing the documents of Baron Friedrich Ernst von Cnyphausen, the Prussian envoy in Copenhagen, analyses one of the key episodes of the Great Northern War: the preparation and failure of allied forces during the Schonen Expedition of 1716. Documents show that the reasons for the failure of the operation in Skåne were the machinations of Anglo-Hanoverian diplomacy and an 'irrational Russophobia hysteria' that subsequently encompassed the Danish court. Prussia, apparently the only firm ally of Russia at the time, understood the true causes of the sentiment at the Danish court and was interested in the military success of St Petersburg.

The Petrine theme in the second issue of *Quaestio Rossica* for 2017 is concluded with a piece by *Armel Le Goff* (Archives Nationales, Paris) and *Olga Okuneva* (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow). Here, the authors reconstruct the history of an anatomical model of the brain and skull by Joseph-Guichard Duverney, anatomy professor and member of the Paris Academy of Sciences, and its acquisition by Tsar Peter I: it became one of the first exhibits of the *Kunstkamera*. This analysis allows the researchers to trace the evolution of the tsar's views on establishing natural science collections in Russia.

The European lifestyle and achievements that Peter's trip helped bring to Russia continued to develop in the court's performative practices in the 18th century. Based on the descriptions of British subjects, *Matthew Binney* (Eastern Washington University) employs a semiotic analysis of imperial celebrations and their impact on observers: the patriotic pathos of the performances contributed to the sense of the greatness of the state.

Of utmost importance for European social thought, 'social contract theory' had its supporters in Russia not only among politicians, but also in some poetic works. From the late 17th to the late 18th centuries, the Russian ode successfully recast this European idea into artistic reality, as *Tatiana Abramzon* and *Alexey Petrov* (University of Magnitogorsk) demonstrate. In their opinion, the circle of poets engaged with such ideas was quite wide: poetic descriptions reworked the theory in relation to the image of an enlightened monarch.

The inner world of the 'ideal monarch', which Catherine II of Russia imagined she represented, was the focus of her memoirs. Here, we present Russian and Bulgarian authors researching her autobiographical work from different perspectives. *Tatiana Akimova* (University of Saransk) draws attention to the poetic device of 'gallant conversation', which was popular in European literature of the time. This gave the imperial author the chance to simultaneously create theatrical and novelistic chronotopes. Akimova concludes that this allowed Catherine II to show the merging of the public and private spheres in her acts and to declare that her life goal was to attain the love of her subjects.

The article by *Angelina Vacheva* (Sofia University, Bulgaria) considers Catherine the Great's self-censorship, which she discovers by comparing various editions of her memoirs. The author is thus able to see Catherine's changing attitudes towards the previous empress and other characters. With time, the idea of the proper handing over of imperial power grows stronger, leading the author of the memoirs to soften her earlier negative attitude towards the role and character of Empress Elizabeth.

The name of Pancraty Sumarokov is less well known than that of his uncle, the poet Alexander Sumarokov. Pancraty's life, full of hardships during his long exile in Tobolsk, was nevertheless filled with creative writing. Translated from French, his 'English story' *Uchilishche liubvi* ['The School of Love'] was one of the manifestations of his creativity. Using the pioneering methods of contextual and structural-typological

analysis, *Natalya Dvortsova* (Tyumen University) takes into account the characteristics and functions of translated literature and finds the text to be original and professionally written. At the heart of Sumarokov's work, the researcher discovers the idea of interaction between Russian and European traditions, the meeting of 'ours' and 'theirs': this was necessary for the development of the new Russian literature.

The *Disputatio* section of this issue provides two articles focused on experiencing the horrors of war. In the article by *Hartmut Rüss* (University of Münster, Germany), '8/9 May 1945 and the Long Shadows of War', the reader will find a unique combination of the biographical experiences of the postwar generation and the reflections of a professional historian. The author's humanistic position, depth, and pursuit of objective understanding are deeply appealing. The second article belongs to the famed linguist *Valery Mokiyeenko* (St Petersburg University): in it, he presents a book of poems entitled *Chas muzhestva* ['The Hour of Courage'], which was created in the war-torn zone of Donbass. All the poets in the collection have been touched by the bitter winds of the tragic war in this region. Their art frequently contains strong Biblical allusions: this poetic device contributes to the profound meaning of the works, allowing the vulnerable and fragile position of a particular people to assume universal significance.

Finally, *Alexander Filyushkin* (St Petersburg University) looks at the current situation in Belarus as the country seeks to define its own identity. The Middle Ages has been elevated into a key period in the formation of the Belarusian state and culture: this is visually expressed in the symbolism of coats-of-arms and urban sculpture and has been further popularised by history textbooks and research. The author explores whether this approach is problematic.

Dmitry Redin, Larisa Soboleva
Ural Federal University, Ekaterinburg
Translation by Anna Dergacheva

Триста лет тому назад завершилось более чем полуторагодовое путешествие царя Петра I по ряду стран Восточной, Центральной и Западной Европы (1716–1717), его кульминацией стало посещение российским монархом Парижа и установление постоянных дипломатических отношений между Россией и Францией. Это событие послужило поводом для проведения ряда научных и культурных мероприятий в России и Франции, среди которых международная конференция «Le deuxième grand voyage de Pierre le Grand en Europe (1716–1717)», прошедшая в Париже в июне 2017 г. Первый блок статей, написанных на основе докладов, прозвучавших на конференции, составил тематическое ядро публикуемого номера¹.

¹ Продолжение темы запланировано в четвертом выпуске QR за 2017 г.

Этот юбилей был актуализирован визитом во Францию Президента Российской Федерации В. В. Путина и его встречей со вновь избранным Президентом Пятой республики Э. Макроном. Оба лидера не смогли обойти вниманием эту тему, коснувшись событий трехсотлетней давности на своей совместной пресс-конференции, а позже посетив выставку в Версале «Царь Петр во Франции, 1717 год».

Второе европейское турне Петра само по себе заслуживает самого пристального внимания и достойно гораздо более интенсивных исследовательских усилий, чем это можно было наблюдать по сей день. И главная проблема заключается в том, что, в отличие от первого путешествия, совершенного молодым царем в составе Великого посольства в 1697–1698 гг., современная наука не располагает целостным взглядом на путешествие 1716–1717 гг. Недостаточно изученными остаются даже вопросы хронологии и периодизации этого вояжа, установление мотиваций царских передвижений по Европе. В отличие от Великого посольства, имевшего определенную цель, диктовавшую и его маршрут, второе путешествие изначально не планировалось столь длительным и масштабным: потребность его продолжения определялись российским монархом ситуативно, под влиянием динамично менявшейся дипломатической конъюнктуры и событий Великой Северной войны. Это касалось и Парижа, посещение которого стало «закономерной случайностью».

Результаты этого турне позволяют говорить, что оно стало событием не только для истории России, но имело большое влияние на общеевропейский контекст, как актуальный, так и перспективный. В ходе второго путешествия Россия впервые показала себя в роли одного из ключевых игроков очередного передела Европы (а для того времени, по сути, мира). Европы, ставшей другой после войны за испанское наследство; Европы, становящейся другой ввиду явного заката гегемона Севера – Швеции; Европы, формировавшей стратегию баланса сил великих держав, среди которых место России стало очевидным даже для самых закоренелых скептиков. В ходе путешествия 1716–1717 гг. русская дипломатия совершенствовала свое мастерство и набирала вес; русские армия и флот становились привычной, хотя далеко не для всех приятной данностью европейского военного ландшафта, а матримонические устремления русского царствующего дома обещали вскоре превзойти по своей широте успехи легендарных времен Ярослава.

Но второе путешествие имело и другие приобретения в области науки, искусств и ремесел, пустивших глубокие корни на русской почве. Многие знаковые сейчас для национального культурного достояния объекты стали результатом этого вояжа. Среди них, например, Янтарная комната и коллекция «натуралий» и «монструозов» Фредерика Рюйша, заложившие основу первого русского музея – Кунсткамеры. Садово-парковое искусство, Петергоф с его фонтанами и последующее дворцовое и усадебное строительство обязаны царскому посещению Версаля, Трианона и Марли. Академия наук и ее

последующие экспедиции, русские гобелены и фарфор, портретная живопись и скульптура – все получило мощный стимул к развитию. Многие европейские ученые, инженеры, архитекторы, художники, приглашенные Петром во время его второго путешествия в Европу, стали служить и творить в России.

Длительное пребывание царя Петра за границей приковывало внимание дворов европейских суверенов и вызывало любопытство обывателей, а это породило огромное количество разнородных текстов: дипломатической переписки, отчетов, донесений, нормативной и финансовой документации, газетных публикаций, памфлетов, сочинений художественных жанров – всего того, что на сегодняшний день составляет необозримый круг исторических источников, дающих потенциальную основу для реализации комплексной международной исследовательской программы, посвященной изучению этого феномена в широком историко-культурном контексте.

Упомянутую выше июньскую конференцию в Париже и тематическую подборку статей, публикуемых в этом и последующем выпусках *QR*, можно рассматривать в качестве заявки на начало реализации этой программы. Назвав ранее визит Петра I в Париж весной-летом 1717 г. «закономерной случайностью», мы имели в виду то, что русский царь давно интересовался установлением прочных отношений с Францией и предпринимал к тому несколько попыток и ранее. По разным причинам в конце XVII – первом десятилетии XVIII столетия этого сближения не произошло. Тем не менее, за несколько лет до исторического визита в Париж Петра Франция обзавелась своим представителем в Петербурге – Анри Лави, имевшим скромный ранг и полномочия морского консула королевства. *Анна Мезин* (Национальный архив, Париж) предлагает вспомнить эпизоды деятельности Лави и его личную встречу с царем в 1715 г. в качестве предыстории посещения Петром французской столицы в 1717 г. Ее результатом стало получение Анри Лави полномочий первого посла Франции в России.

Тема продолжается статьей крупного специалиста по истории русско-французских отношений первой четверти XVIII в. *Сергея Мезина* (Саратовский университет) «Париж Петра Великого». В ней рассматривается культурный аспект визита Петра I во Францию 1717 г. – парижские впечатления и «уроки» русского царя, реконструируются его парижские маршруты и исследуется влияние архитектуры и монументального искусства французской столицы на «культурную политику» монарха.

Статья *Алексея Морохина* (Нижегородский университет) фокусирует внимание на передвижениях поезда царицы Екатерины Алексеевны в конце 1716 г. Супруга государя сопровождала мужа, следуя то вместе с ним, то отдельно вплоть до Нидерландов. Ей пришлось выдержать очень суровые испытания: беременность и тяжелые роды, закончившиеся трагической смертью младенца и едва не стоившие жизни самой царице. Описывая, в том числе и на основе впервые при-

влекаемого материала, обстоятельства дорожных мытарств Екатерины, автор включает ее дорожные злоключения в общеполитический контекст и делает вывод, что обстановка путешествия имела важные негативные последствия и способствовала ухудшению отношений России с ее союзниками.

Перемещения царя вызывали пристальный интерес монархов Европы. Посещение царем французской столицы представляло особый интерес для Австрийской империи, недавней соперницы Франции в войне за испанское наследство. В статье немецкого историка *Стефана Мюллера* (Университет Йены, Германия) на основе неотредактированных дипломатических донесений Йозефа фон Кёнигсегга, имперского посланника в Париже, анализируется процесс сбора и оценки информации австрийским дипломатом о Петре. Автор подводит к мысли о том, что информационные возможности фон Кёнигсегга были ограничены ввиду напряженных отношений между Венским двором и Версалем.

Стремление сделать достоянием научной общественности новые документы, освещающие историю путешествия 1716–1717 гг., побудило редакцию усилить публикаторскую составляющую номера. *Дмитрий Редин* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) и *Дмитрий Серов* (Новосибирский университет экономики и менеджмента) публикуют подборку писем, отправленных подканцлером бароном Петром Шафировым светлейшему князю Александру Меншикову в конце 1716 – 1717 г. Барон как один из руководителей русского дипломатического ведомства и доверенных лиц царя сопровождал его в путешествии и, служа переводчиком при самых конфиденциальных встречах Петра с европейскими монархами, был посвящен в мельчайшие детали дипломатических и повседневных его забот. Письма открывают множество неизвестных деталей пребывания Петра I в Дании, в прусских и ганноверских владениях и в Нидерландах.

На основе публикуемых документов прусского посланника в Копенгагене барона Фридриха-Эрнста фон Кнюпгаузена *Лоренц Эррен* (Университет Майнца, Германия) анализирует один из ключевых эпизодов Великой Северной войны – подготовку и провал десанта сил союзников по антишведской коалиции в Сконе (1716). Документы показывают, что причиной неудачи операции в Сконе стали происки англо-ганноверской дипломатии и «иррациональная русофобская истерия», охватившая датский двор. Пруссия, ставшая на тот момент едва ли ни единственным дипломатическим союзником России, понимала истинные причины настроений при датском дворе и была заинтересована в военных успехах Петербурга.

«Петровскую» тему в этом номере замыкает публикация *Армель Ле Гофф* (Национальный архив, Париж) и *Ольги Окуневой* (Институт мировой истории РАН, Москва), в которой авторы реконструируют историю создания и приобретения Петром анатомической модели головного мозга и черепа, изготовленной профессором анатомии

и членом парижской Академии наук Жозефом-Гишаром Дювернеем и ставшей одним из первых экспонатов Кунсткамеры. Документ позволяет проследить эволюцию взглядов царя на задачи формирования естественнонаучной коллекции в России.

Путешествия Петра, открывшие европейский стиль жизни и сделавшие европейские достижения в различных сферах притягательными для России, были продолжены в просветительских практиках XVIII в. Интересный феномен царских праздников в семантическом ключе и на основании описаний иностранцев раскрыт в статье *Мэтью Бинне* (Восточный университет Вашингтона). Патриотический пафос представлений должен был способствовать национальному чувству величия государства.

Важнейшая для европейской общественной мысли теория «общественного договора» не только имела своих сторонников в России среди политиков, но своеобразно преломлялась в поэтическом творчестве. Русскую оду периода конца XVII – конца XVIII в., успешно претворившую европейскую идею в художественную реальность, рассматривают *Татьяна Абрамзон* и *Алексей Петров* (Магнитогорский университет). По их заключению, круг поэтов, вовлеченных в сферу этих идей, был достаточно широк и транслировал теорию в связи с образом просвещенного монарха.

Внутренний мир идеального монарха, каким позиционировала себя Екатерина II, был в центре внимания ее записок-мемуаров. Авторы из России и Болгарии с разных позиций исследуют ее автобиографическое произведение. *Татьяна Акимова* (Мордовский университет) обращает внимание на поэтический прием «галантного диалога», распространенного в европейской литературе, дающий возможность венценосному автору воссоздать в тексте театральные и романтические хронотопы одновременно. Это позволяет в единстве показать слияние общественного и личного в деяниях и декларировать в качестве жизненной цели любовь подданных к императрице.

В статье *Ангелины Вачевой* (Софийский университет) предметом рассмотрения стала автоцензура Екатерины II, выявляемая в процессе сопоставления различных редакций ее мемуаров. Текстологические наблюдения позволяют увидеть изменение отношения к образу предшествующей императрицы и других персонажей. Усиление идеи о преемственности власти вынуждает автора смягчить в мемуарах негативные оценки личности Елизаветы Петровны.

Имя Панкратия Сумарокова менее известно, чем имя его дяди, поэта Александра Сумарокова. Трудная жизнь Панкратия, долгое время прожившего в тобольской ссылке, была наполнена творческим поиском. Одним из проявлений стала его «англинская повесть» «Училище любви», переведенная с французского, как уведомлял о том титульный лист издания 1789 г. Автор статьи *Наталья Дворцова* (Тюменский университет), впервые исследуя текст в рамках контекстного и структурно-типологического анализа на фоне особенностей

и функций переводной литературы, приходит к заключению о его оригинальности и профессиональном владении автором навыками изложения. В основе творчества П. Сумарокова – идея взаимодействия русской и европейской традиций, встречи «своего» и «чужого», столь необходимая для становления новой русской литературы.

В рубрике *Disputatio* редколлегия соединила две статьи, посвященные переживаниям ужасов войны. В статье *Хартмута Рюсса* (Вестфальский университет имени Вильгельма, Германия) «8–9 мая 1945 года и длинные тени войны» перед нами предстает уникальное соединение личного биографического опыта человека послевоенного поколения с размышлениями профессионального историка². Привлекательны его гуманистическая позиция, человеческая глубина и стремление к объективному пониманию событий. Вторая статья принадлежит перу известного лингвиста *Валерия Мокиенко* (Санкт-Петербургский университет), презентующего книгу стихов «Час мужества», созданную в горячей точке войны – Донбассе. Всех поэтов коснулся горький ветер военной трагедии; современные события, к которым автор чувствует сопричастность, перекликаются с библейскими сюжетами и образами. Этот поэтический прием, по мысли исследователя, придает произведениям глубокий смысл: судьбы конкретных людей получают общечеловеческие обобщения через библейский контекст.

Современная ситуация в Белоруссии, стремящейся определить собственную идентичность, прослежена в статье *Александра Филюшкина* (Санкт-Петербургский университет). Активное обращение к Средневековью, визуально выраженное в символике гербов, городской скульптуре, растиражированное в учебниках истории и научных трудах, возвеличивает значение этого времени для территории Белоруссии как периода формирования государственной и культурной основы. Насколько это спорно и проблематично, показывает автор статьи.

Дмитрий Редин, Лариса Соболева

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

---

² См. автобиографические размышления автора об интересе к русской теме: *Ruß H. Family History and Interest in Russia // Quaestio Rossica. 2013. № 1. S. 13–26.*

Problema Voluminis

Peter the Great's Second European Tour (1716–1717)

Practices of European Enlightenment in 18th-century Russia

Музыкальный Г. С. Портрет молодого Петра I

Musikiysky G. S. Portrait of young Peter I

Problema Voluminis

Второе европейское турне Петра Великого (1716–1717)

Просветительские практики Европы в России XVIII в.

PETER THE GREAT'S SECOND EUROPEAN TOUR (1716–1717)

DOI 10.15826/qr.2017.2.225

УДК 94(44:470)"17"+330(44:470)+929Петр(470)

LES PRÉLIMINAIRES DU VOYAGE DE PIERRE LE GRAND EN FRANCE*

Anne Mézin

Archives nationales,
Paris, France

THE PREPARATIONS FOR PETER THE GREAT'S TRIP TO FRANCE

Anne Mézin

National Archives,
Paris, France

This article studies an episode of the France-Russia relations dating back to the early 18th century when there were no permanent diplomatic contacts between Russia and France. Referring to archival sources, the author describes the events behind the appointment of the first Consul of France in St Petersburg, Henri Lavie, as well as the political and economic circumstances that led to the establishment of trade relations between the two countries. The author analyses various offers as regards the development of French-Russian trade that were being employed by French merchants and the French authorities at the beginning of the 18th century. Additionally, the author describes both the objective (commercial and diplomatic) and subjective reasons that impeded the realisation of these offers. Despite the desire of the French authorities and Peter I himself to develop trade between the two countries, the first bilateral agreement was only concluded on the eve of the French Revolution. The article is supplemented by two letters that are part of Henri Lavie's correspondence with the Navy Minister Count de Pontchartrain kept in the National Archive of France. In a concise form, they reflect the plans of the French government regarding Russia, whose geopolitical influence and share in European trade were getting more and more significant at the time. The letters concern a number of general is-

---

* *Citation*: Mézin, A. (2017). Les préliminaires du voyage de Pierre le Grand en France. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 315–328. DOI 10.15826/qr.2017.2.225.

Цитирование: Mézin A. Les préliminaires du voyage de Pierre le Grand en France // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 315–328. DOI 10.15826/qr.2017.2.225.

sues related to the bilateral relations in the context of Russia's war with Sweden, and discuss the issues connected with the establishment of permanent trade relations.

Keywords: Peter I; trade relations; French-Russian cooperation; Henri Lavie; the French in Russia.

Статья посвящена одному эпизоду франко-российских отношений, относящемуся к началу XVIII в., когда между Россией и Францией еще не существовало постоянных дипломатических контактов. С опорой на архивные источники автор описывает историю назначения первого консула Франции в Санкт-Петербурге Анри Лави, а также политические и экономические обстоятельства, в которых происходило становление торговых отношений между двумя странами. Анализируются различные предложения относительно развития франко-российской торговли, которые продвигались французскими купцами и властями Франции в начале XVIII столетия. Автор описывает как объективные (коммерческие, дипломатические), так и субъективные причины, не позволившие этим предложениям воплотиться в жизнь. Несмотря на желание французских властей и самого Петра I развивать взаимную торговлю, первый двусторонний договор о торговле будет заключен лишь накануне Великой Французской революции. В приложении публикуются два письма, являющиеся частью переписки между Анри Лави и государственным секретарем по морским делам графом де Поншартреном, сохранившиеся в Национальном архиве Франции. Они в сжатой форме отражают планы французского правительства относительно России, чье геополитическое влияние и доля в европейской торговле в это время становились все более значительными. В письмах поднимаются общие вопросы двусторонних отношений в контексте войны России со Швецией, а также обсуждаются проблемы установления постоянных торговых связей.

Ключевые слова: Петр I; торговые отношения; франко-российское сотрудничество; Анри Лави; французы в России.

Les deux lettres présentées en pièces justificatives font partie de la correspondance reçue des consulats par le secrétaire d'État de la Marine. Elles sont conservées dans la sous-série AE/B/I des Archives nationales de France, site de Paris. La lettre envoyée de Saint-Petersbourg en juillet 1715 par le chargé des affaires de la marine Henri Lavie au secrétaire d'État de la Marine, le comte de Pontchartrain, et la réponse de ce dernier forment un condensé des intentions politiques du gouvernement français à l'égard de la Russie, alors que cette puissance était en train de prendre sa place dans le concert européen¹. L'établissement des relations politiques entre les deux États et l'observation de la Russie, à cause de la guerre avec la Suède, y sont évoqués, mais le thème principal qui se dégage dans ce bref échange est la question de l'organisation d'un commerce franco-russe pérenne, dans le cadre institutionnel des consulats de France d'Ancien Régime.

---

¹ Voir les sources manuscrites et imprimées.

Premiers échecs

C'est d'abord pour le commerce que Lavie avait été nommé à Saint-Pétersbourg. Dans ce domaine, les relations entre la France et la Russie étaient encore quasiment inexistantes au début du XVIIIe siècle. Quelques Français s'étaient pourtant risqués dès le XVIe siècle à commercer avec la Moscovie d'Ivan le Terrible [Jordania, p. 7–30] et de Fédor Ier Ivanovitch [BNF. Ms Fr 4600. Fol. 186–187]. Puis, en 1630, le capitaine marchand Bertrand Bonnefoy fut chargé d'une commission pour l'achat de grains. Une première compagnie de commerce fut ensuite constituée en 1644 pour le commerce des baleines et des chiens de mer [Bonnassieux, 1892, p. 169]. En 1667, le diplomate moscovite Pierre Potemkine fut envoyé en mission en France et proposa l'établissement de relations commerciales entre les deux couronnes, assorti notamment d'une liberté du transit, ce qui n'eut pas de suite [Grünwald, p. 24 et suiv.]. En 1669², fut créée une Compagnie du Nord [Kraatz, p. 14 et suiv.]³ qui ne dura que six ans.

Au début du XVIIIe siècle, des négociants de Rouen⁴ ou de Bordeaux⁵ proposèrent au gouvernement de commercer directement avec la Russie et une nouvelle proposition d'un traité de commerce fut faite en 1705 par l'ambassadeur du tsar⁶.

L'intervention d'Henri Lavie

Ce fut à Henri Lavie que revint la tâche de mettre en place les premières relations officielles pérennes entre la France et la Russie, ce qui constitua la genèse de l'organisation du réseau consulaire français en Russie. Ce personnage atypique et quelque peu trouble obtint d'être nommé le premier agent à titre permanent en Russie pour les affaires de la marine et du commerce. Négociant et armateur de Bordeaux, plus ou moins heureux en affaires, il avait voyagé dans toute l'Europe dans la première décennie du XVIIIe siècle. Vers 1710, il servait le ministre plénipotentiaire du tsar à Venise, qu'il accompagna à Ratisbonne et à Vienne, en qualité de secrétaire. Il se rendit en avril 1713 à Hambourg, sans doute sur ordre du comte de Pontchartrain qu'il avait dû rencontrer avant son départ de France.

---

² Par un édit donné à Saint-Germain-en-Laye en juin 1669 et la déclaration du Roi, vérifiée en Parlement le 9 juillet 1669.

³ Avec la mise à disposition d'un fonds de 812 000 lt et des lettres patentes pour une durée de vingt ans, en contrepartie de droits grevant les marchandises d'entrée et de sortie: [AN. MAR/B/7/485. Fol. 328 et suiv.; MAR/B/7/485. Fol. 328 et suiv.; MAR/B/7/490; MAR/B/7/491].

⁴ Ils voulaient éviter d'utiliser les navires marchands des puissances maritimes. Voir: [AN. F//12/51. Fol. 37], proposition du sieur Legendre (*Thomas Le Gendre*) d'établir des relations de commerce avec la Moscovie, 13 mai 1701.

⁵ « Mémoire du député de Bordeaux sur la permission qu'il demande de laisser charger du vin et autres liqueurs pour la table du Czar de Moscovie sur un vaisseau venu à cet effet à Bordeaux avec son lest seulement », 10 janvier 1705 [AN. F//12/51. Fol. 332].

⁶ Lettre de M. de Pontchartrain sur la proposition d'un traité de commerce entre la France et le Czar de Moscovie, faite par l'ambassadeur de ce prince, 11 décembre 1705 [AN. F//12/51. Fol. 359v].

On peut supposer qu'il se trouvait plus ou moins pris dans les rets du « réseau Pontchartrain », si bien décrit par Étienne Taillemite :

Pontchartrain s'intéressait énormément à la politique étrangère. Il était également avide des petites nouvelles, des potins des cours... Le secrétaire d'État à la Marine avait donc organisé à son usage personnel... un véritable réseau de renseignements qui concurrençait et doublait celui des Affaires étrangères, au grand agacement de Torcy, qui n'appréciait guère ces méthodes... Avant 1715, on trouve (dans les dépêches qu'on lui envoyait. – A. M.) presque autant de renseignements politiques et militaires que commerciaux ; souvent même la politique domine [Inventaire des archives, p. 4–5].

Dès cette époque, le ministre aurait évoqué la possibilité de créer un consulat à Russie, à Arkhangelsk ou à Saint-Petersbourg, et d'y nommer Lavie. Ce dernier avait une préférence pour le nouveau port de la Baltique. À Hambourg, Lavie rencontra Jean Le Fort⁷, un Suisse au service du tsar, comme il en rendit compte au comte de Pontchartrain :

J'ai tâché de pénétrer les sentiments des ministres du Czar, et leurs inclinations par rapport à la France. Il m'a témoigné d'une manière qui m'a paru fort sincère, que son maître avait pour Sa Majesté le Roi une considération très particulière, et qu'il souhaitait d'établir avec la France un commerce libre. <...> Il m'a dit d'informer Votre Grandeur de ce que je viens de lui observer sur l'inclination du Czar, pour l'établissement du commerce de ses sujets, que ce Prince écouterait avec plaisir des propositions de la part du Roi. Je lui ai répondu que je croyais que si le Czar faisait la première démarche, j'estimais que ses propositions seraient favorablement écoutées de Sa Majesté. N'ayant point d'ordre de Votre Grandeur, je ne pouvais lui dire autre chose. Il m'a dit que si la Cour veut entrer en négociation, il aura l'agrément de M. le Prince Menchicov pour aller en France et qu'il pouvait beaucoup sur l'esprit de ce Prince, sans le consentement duquel on ne peut traiter aucune affaire à la cour czarienne, que les intérêts du Roi quoique contraires au Czar son maître ne doivent point empêcher l'établissement d'un commerce, qu'il est facile d'y parvenir, qu'on a vu dans cette guerre la France avoir commerce à droiture avec ses ennemis ; qu'à plus forte raison peut-elle faire un traité de commerce avec la Moscovie, avec laquelle il n'y a point de rupture ouverte ; qu'enfin s'il était à Paris, il se ferait fort de n'y pas rester longtemps sans conclure des affaires de la dernière conséquence pour les intérêts mutuels des deux puissances⁸.

De son côté, Jean Lefort avait proposé au comte de Pontchartrain de servir d'intermédiaire pour conclure à la paix un traité de commerce avec la Russie⁹. Par une lettre du 20 juillet 1713 [AN. MAR/B/7/261], le prince

⁷ Neveu de François Le Fort (1656–1699), favori de Pierre Ier, Jean Le Fort (1585–1739) fut chambellan du prince Menchikov avant d'être nommé conseiller du commerce, peu de temps après son arrivée en Russie en 1712. En 1715, il fut nommé résident russe en France. Il joua un rôle important dans l'ouverture du commerce de la Russie avec la France et dans le recrutement d'ouvriers français pour aller en Russie. Il fut termina sa carrière en qualité d'envoyé de Pologne à la cour de Russie (1720–1734).

⁸ Lavie à Pontchartrain, 9 avril 1713 [AN. AE/B/I/982. Fol. 1–4v].

⁹ Le Fort à Pontchartrain, 4 avril 1713 [AN. AE/B/I/982. Fol. 5–6v].

Menchicov proposa à Henry d'Aguesseau¹⁰ d'établir un commerce en droiture avec la France ; deux états de marchandises étaient joints, les marchandises que la France pourrait tirer de la Russie¹¹ et celles de France qui conviendraient à la Russie¹².

Le 17 août 1713, une nouvelle lettre du prince Menchicov à Henri d'Aguesseau indiqua que le gouvernement russe était disposé à un développement de ces échanges commerciaux avec la France :

J'ai appris par M. Lefort mon gentilhomme de la Chambre que Sa Majesté le roi de France aurait en vue de lier un commerce par mer entre la France et l'Empire de la Grande Russie, que pour cet effet vous trouveriez, Monsieur, à propos que ledit M. Lefort se rendît à Paris. Je n'ai pas hésité à faire cette demande puisque l'affaire dont il est question ne peut qu'apporter de grands avantages de part et d'autres.

Si pour un commencement Sa Majesté le Roi trouve à propos de faire partir quelques bâtiments français chargés de marchandises pour Pétersbourg qui est le lieu de la résidence et où se feront les plus gros négoce, lesdits bâtiments pourront se retourner chargés de marchandises et denrées telles que vous le jugerez à propos ; mais il faudra que vous ayez la bonté de donner les mémoires à M. Lefort des marchandises que vos vaisseaux seront chargés à Pétersbourg afin qu'elles y soient toutes prêtes et que lesdits vaisseaux puissent s'en retourner sans perte de temps. Et au cas que Sa Majesté consentît d'envoyer une personne par lesdits bâtiments avec les instructions nécessaires et pleins pouvoirs pour traiter cette négociation, je vous prie, Monsieur, d'assurer Sa Majesté que l'on aura toutes sortes d'égards pour ce qui viendra de sa part. Comme je serai dans ce temps-là à Pétersbourg, j'espère que Sa Majesté aura lieu d'être contente de ce commencement de commerce. S'il y avait quelque chose dans notre pays qui lui pût faire plaisir, de même qu'à vous, Monsieur, vous m'obligerez sensiblement de le faire connaître à M. Lefort¹³.

Le prince Menchicov ajoutait qu'il était prêt à aider les premiers bâtiments français qui viendraient directement à Pétersbourg en donnant deux passeports à Jean Lefort « pour deux vaisseaux tels qu'il vous plaira afin qu'ils jouissent d'une pleine sûreté dans leurs trajets » ainsi que des ordres dans tous les ports russes « pour qu'on leur facilite en toute manière leur

---

¹⁰ Henry d'Aguesseau (né en 1636 ; mort à Paris le 17 novembre 1716), était un des membres du Bureau ou Conseil de commerce depuis juillet 1700 [Antoine, p. 1-2 ; DGS, p. 52-53].

¹¹ La France pourrait importer de Russie des pelleteries, des blés et grains, des mâts de navire, du goudron, du chanvre, du lin, de la filasse pour les cordages, des madriers et planches, de la potasse, des cires blanche et jaune, des cuirs, de l'huile et de la colle de poisson, des soies de porc, du miel, du suif, diverses drogueries, des tapis de Turquie, du poil de lapin, de chameau ou de castor, et des laines.

¹² La France pourrait exporter vers la Russie des eaux de vie, des vins, du papier, des drogueries pour les teintures, de la mercerie, des quincailleries, bijouteries et galanteries, des draps, toiles, brocarts, velours de satin et damas à fleurs d'or, des soies, taffetas, satins, chagrins (cuir grenu, fait de peau de mouton, de chèvre, d'âne), grisettes ou étoffe commune de teinte grise de Paris et ferrandine (étoffes légères), des dorures, galons d'or et d'argent, des boutons, filages, passements (tissu plat de fil d'or, de soie, etc., servant à orner des habits ou des meubles), de l'huile, du savon, des amandes, des raisins, figues, citrons et oranges, des câpres et des olives, du safran, ainsi que des toiles blanches...

¹³ Lettre du prince Menchicov à Henri d'Aguesseau, 17 août 1713 [AN. MAR/B/7/261].

route ». Les conditions pour le gouvernement russe d'un traité de commerce avec la France seraient d'une part la venue de navires français dans les ports russes, et d'autre part le paiement immédiat des marchandises¹⁴.

Le projet d'Henri Lavie

De retour à Paris, Lavie remit plusieurs mémoires au comte de Pontchartrain pour la création d'une compagnie de commerce en Russie, qui serait appelée la Compagnie de la Grande Russie¹⁵.

Le principe d'une compagnie de commerce ne suscita pas l'approbation générale. Ainsi Jean-Baptiste Fénelon¹⁶, député de Bordeaux au Conseil de commerce indiqua qu'il était nécessaire de rendre ce commerce libre à tous :

« C'est l'esprit de tous messieurs les députés des villes » qui représentaient à Lefort que « le Czar devait être encouragé de faire de sa ville de Pétersbourg un port franc de même que d'envoyer ses propres vaisseaux dans nos ports afin que le commerce y soit ménagé par ses sujets »¹⁷.

Lavie fit remarquer que le port de Saint-Pétersbourg, avec ses privilèges, franchises et exemptions de droits d'entrée et de sortie, attirerait un commerce universel en raison de sa situation et des denrées d'Asie et de Perse qui y convergeraient. Cette ville pourrait devenir aussi florissante que l'était alors Amsterdam. Par ailleurs, il serait dangereux d'encourager le tsar à envoyer ses vaisseaux dans les ports français en raison de sa passion pour la marine : il pourrait alors séduire les meilleurs ouvriers français et les attirer chez lui. De même, il pourrait débaucher les matelots français inactifs à la suite de la paix d'Utrecht. Un commerce libre avec la Russie, procurant privilèges et exemptions, pourrait séduire un grand nombre de négociants français et provoquer des faillites. Enfin, sans privilège ou exemption, les navires marchands français ne pourraient soutenir la concurrence des bâtiments anglais ou hollandais qui faisaient « présentement » un commerce clandestin des denrées de France : ils garderaient de ce fait le monopole de la fourniture des arsenaux du Roi, ce qui lui en coûterait un tiers de plus.

En revanche une compagnie « favorisée de privilèges et d'exemptions sera en état d'établir le commerce à droiture avec Pétersbourg d'une manière très

¹⁴ De Bottiger, conseiller du commerce et résident du tsar au Cercle de la Basse-Saxe, à Lavie, Hambourg, 7 novembre 1713 [AN. AE/B/I 982. Fol. 26–27].

¹⁵ De Lavie à Pontchartrain, 17 octobre 1713 [AN. AE/B/I/982. Fol. 7–9v, 10–11v] ; Mémoire pour l'établissement du commerce entre la France et la Grande Russie et projet d'une compagnie de commerce, joints à la lettre du 17 octobre 1713 de Lavie [AN. MAR/B/7/261] ; Mémoire sur le commerce de la Russie avec la France (1713–1717), par Nicolas-Louis Le Dran [MAE. MD Russie, vol. 3].

¹⁶ Jean-Baptiste Fénelon, jurat à Bordeaux en 1693, élu député du commerce le 11 août 1700, installé le 14 novembre, démissionnaire en décembre 1718. Il fut chargé en 1712 de négociations commerciales avec l'Angleterre. Par la suite, il fut mêlé aux affaires de Law. Anobli par lettres patentes de juillet 1705, enregistrées à la Chambre des comptes le 18 septembre suivant [Bonnassieux, 1900, p. LXV].

¹⁷ Lavie à Pontchartrain, 5 novembre 1713 [AN. AE/B/I 982. Fol. 12–18].

solide, même elle pourrait vendre nos denrées à meilleur compte que les Hollandais et autres qui en apportent indirectement en Moscovie, outre que cela diminuerait considérablement leur commerce de même que celui qu'ils font avec les marchandises russiennes en France, Espagne, Portugal et Italie ». De plus, cette compagnie française « conduite par l'esprit du commerce et non celui des partisans deviendrait florissante ». Il serait en effet important que la compagnie fût conduite « par des marchands versés dans le commerce du Nord, et non par des gens d'affaires qui l'ignorent entièrement ». Ces derniers « le ruineront dans sa naissance et risqueront à perdre indubitablement leur bien, car ils n'agissent que par un principe d'ambition intéressée, fondée sur un aveuglement qui leur est naturel et dont les suites seraient désavantageuses à l'Etat... »¹⁸ Grâce à ces exemptions et privilèges, la France augmenterait son commerce en Espagne, Portugal et Italie, et on disposerait, d'une part, des fournitures pour la marine à un juste prix, ce qui permettrait de rétablir l'abondance dans les arsenaux et d'armer et équiper une flotte nombreuse en cas de guerre, d'autre part des grains et blés, ce qui éviterait des disettes¹⁹.

Le Fort entra en négociation avec les autorités françaises au sujet de la réalisation de ce projet de création d'une grande compagnie de commerce entre la France et la Russie, prévoyant l'ouverture d'un comptoir à Saint-Pétersbourg, avant de retourner en Russie. Cependant, Henry Lavie, qui était revenu à Paris au début de l'automne 1713, ne parvint pas à convaincre les autorités françaises d'accorder des privilèges temporaires à la compagnie qu'il avait en projet :

J'ai voulu lui insinuer que l'exclusion pour les trois ou quatre premières années aurait été nécessaire pour favoriser les prémices de cet établissement mais comme il est prévenu contre ce sentiment aussi bien que Messieurs les Députés du commerce des villes, mon respect m'oblige d'être sans réplique. Ce sera à celui qui ira en Moscovie sous les ordres gracieux de Votre Grandeur d'être attentif aux intérêts de la Nation et de prévenir par son application et son zèle les revers à craindre de la part des nations qui ont intérêt de le ruiner dans sa naissance²⁰.

Selon Le Fort, le tsar était prêt à favoriser le commerce français, de même que le prince Menchikov, ce dernier souhaitant obtenir, en retour, une pension de 900 écus par mois. Invité à Paris pour des pourparlers, Le Fort présenta un projet de traité entre la France et la Russie. En décembre 1713, Denis-Jean Amelot de Chaillou²¹, l'un des six intendants du Commerce, estima qu'il ne fallait pas d'exclusion dans le commerce à établir avec la Russie et recommanda qu'il fût fait « une société de quelques négociants de distinction pour conduire avec prudence et circonspection l'entreprise

¹⁸ Lavie à Pontchartrain, Paris, 22 novembre 1713 [AN. AE/B/I/982. Fol. 19-25v].

¹⁹ Ibid. [AN. AE/B/I/982. Fol. 12-18].

²⁰ Lavie à Pontchartrain, Paris, 6 décembre 1713 [AN. AE/B/I/982. Fol. 28-31v°].

²¹ Denis-Jean-Michel Amelot de Chaillou (né le 15 janvier 1666 ; mort en 1746). Conseiller au Parlement et commissaire aux requêtes du palais (16 mars 1687) ; maître des requêtes (6 avril 1690) ; il fut pourvu le 15 juillet 1708 de l'un des six offices d'intendant du Commerce et siégea jusqu'à 1715, époque où les intendants du Commerce furent supprimés ; maître des requêtes honoraire (17 décembre 1712) [Antoine, p. 7 ; Bonnassieux, 1900, p. XXXVII].

des premiers vaisseaux qu'on expédiera au mois de mars prochain pour Pétersbourg »²², à qui on accorderait quelques exemptions si elles étaient réciproques de la part du roi de France et du tsar. Quatre vaisseaux seraient en effet destinés à Pétersbourg, armés par le banquier Pajot, de Paris, et les négociants Planterose, de Rouen, avec un capital initial que Lavie estimait à 500 000 lt au moins. Ce dernier, à qui l'on avait promis le poste d'agent de la marine de France à Saint-Pétersbourg, aurait également voulu y prendre une participation et promettait son soutien actif, une fois sur place. Cependant, bien qu'attirés par les perspectives de commerce avec la Russie, les commerçants rouennais ne souhaitèrent pas entrer dans une compagnie, préférant la pratique libre du commerce.

À la même époque, des négociants de Saint-Malo étaient également prêts à envoyer quatre navires, mais la Suède annonça qu'elle ne laisserait passer qu'un navire français aux abords des côtes russes : effectivement, trois des quatre navires envoyés par les Malouins furent saisis et leurs cargaisons vendues à Stockholm.

En mars 1714, le gouvernement français apprit la disgrâce de Menchikov, rouage important du projet à leurs yeux. Les démarches entreprises par Le Fort avaient été faites, semble-t-il, à l'insu du tsar et à la seule initiative du prince disgracié. Mais tout ne fut pas remis en cause car Pierre le Grand, désirant lui-même un rapprochement entre les deux pays, s'opposa notamment au transport des marchandises d'un pays dans les navires d'un autre ce qui favorisait le commerce direct entre la France et la Russie.

Henri Lavie, chargé des affaires de la marine en Russie

À l'automne 1714, Lavie quitta Paris pour Saint-Pétersbourg après s'être probablement rendu à Lyon, à la suite de Le Fort officiellement pour des achats d'étoffes destinés au prince Menchikov, mais également pour faire une recrue d'ouvriers en soie²³. Lavie n'avait pas obtenu des provisions de consul mais un simple titre d'agent de la marine. Il se rendit en Russie par voie de terre et ses premières lettres d'agent de la marine sont envoyées de Riga, en décembre 1714.

Dès son arrivée à Saint-Pétersbourg en janvier 1715, il ne manqua pas de faire observer combien son statut personnel était ambigu. Son brevet de commissaire de la marine ne lui donnait qu'un caractère limité, seulement utilisable par les négociants français²⁴. Il était donc essentiel qu'on lui donnât ici « le titre de consul de France ou quelque chose adressé à droiture au Czar pour que je sois reçu en cette cour et en état de rendre service à la nation française »²⁵.

Ce caractère de simple agent de la marine pour représenter la France de Louis XIV dans la Russie de Pierre Ier, en pleine mutation et ouverture à l'Europe, heurta également la fierté des Russes. Le tsar le fit savoir à Lavie

²² Lavie à Pontchartrain, Paris, 6 décembre 1713 [AN. AE/B/I/982. Fol. 28–31v].

²³ Ibid.

²⁴ Lavie à Pontchartrain, Saint-Pétersbourg, 11/22 février 1714 [AN. AE/B/I/982. Fol. 40–41v].

²⁵ Lavie à Pontchartrain, Saint-Pétersbourg, 22 février 1715 [AN. AE/B/I/982. Fol. 42–45 v°].

après la réception sur la *Victorieuse* : « sans lettre de créance », Lavie ne pouvait « faire les fonctions de commissaire de la Marine ici ni être accrédité à solliciter les intérêts du commerce de la nation »²⁶.

À la suite des réclamations de Lavie, le Conseil de Marine intervint en faveur de Lavie. Le maréchal d'Estrées²⁷, président du Conseil de Marine, n'était pas étranger à cette décision :

Vous avez bien fait d'envoyer au Conseil de Marine la copie de l'ordre et de l'instruction qui vous ont été remis pour prouver que c'est en qualité de commissaire de la Marine et non en celle de consul que vous avez été envoyé à Pétersbourg et je souhaite fort que l'on puisse prendre une résolution qui vous soit favorable²⁸.

Lavie fut nommé consul de France à Saint-Pétersbourg par des provisions du 22 novembre 1717 et ses successeurs eurent le même statut [Mézin]. En étant nommé consul, Lavie devenait un agent du Roi à l'étranger. Il touchait une rémunération annuelle, fixée à 2 000 lt et il aurait droit à une pension de retraite, reversée à son épouse ou à ses enfants en cas de décès. Il était nommé en vertu d'une commission sous la forme de lettres de provisions. Cette commission lui donnait un caractère d'envoyé officiel, à condition d'obtenir un exequatur de la part du gouvernement russe, et lui permettait, parallèlement à ses fonctions d'autorité sur la nation française, de remplir un certain nombre de missions dans le domaine du renseignement et de l'information, et de traiter les affaires liées à la navigation et au commerce. Il était tenu d'informer les Français des ordonnances, règlements, décrets ou avis qu'il recevait et d'en assurer la publicité en les affichant dans le consulat. Des registres d'état civil (baptêmes, mariages, décès) étaient tenus dans la chancellerie du consulat. De plus, Lavie bénéficiait, comme les autres consuls étrangers, d'une franchise des droits de douane et d'une exemption du logement des gens de guerre. Enfin, il était tenu d'entretenir de bonnes relations avec l'administration russe.

Cinq ans plus tard, Lavie alerta le Conseil de Marine au sujet de sa situation impécunieuse. Il rappelait qu'il avait été nommé commissaire de la marine avec la permission de toucher des droits consulaires sur les navires français entrant à Saint-Pétersbourg, soit une vingtaine de roubles par navire. Seule la *Victorieuse* était arrivée en 1715 et il n'avait pas perçu de droits. En 1716, deux navires étaient arrivés et leurs capitaines avaient refusé de les verser. Entre 1717 et 1720, Lavie avait perçu 119 roubles de droits consulaires, ce qui laisse présumer l'arrivée de deux ou trois navires français par an entre 1715 et 1720. Par ailleurs, un seul négociant français est mentionné dans les deux assemblées de la nation tenues en 1720²⁹. Les autres étaient des gens de

---

²⁶ Lavie, Pétersbourg, 20 octobre 1715 [AN. AE/B/I/982. Fol. 70 et suiv.].

²⁷ Victor-Marie d'Estrées, marquis de Coeuvres puis duc d'Estrées (né à Paris le 30 novembre 1660 ; mort à Paris le 27 décembre 1737), maréchal de France (1703), gouverneur des ville et château de Nantes, et vice-roi d'Amérique (1707), président du Conseil de Marine (septembre 1715), conseiller au Conseil de Régence (25 mars 1718) et ministre d'État (21 novembre 1733). [Antoine, p. 97].

²⁸ Maréchal d'Estrées, Paris, 25 octobre 1716 [AN. AE/B/I/982. Fol. 157].

²⁹ 9/15 février 1720 et 30 avril / 5 mai 1720 [AN. AE/B/I/983. Fol. 61-61v].

métier, artisans ou artistes, des militaires, voire des ingénieurs. Tout restait donc à faire dans le domaine des échanges commerciaux franco-russes. D'ailleurs, après bien des tentatives, le premier traité de commerce entre les deux puissances ne fut signé qu'à la veille de la Révolution française³⁰...

APPENDIX

Pièce justificatives

<Apostille de haut de page>

Pour le Nord

Le sieur Lavie³¹ le 7 juillet.

Le Czar a esté 2 heures à table sur la frégate de Dunkerque, a bu à la santé de son frère Sa Majesté Très Chrétienne et à la prospérité du commerce des Français dans ses États.

On luy a fait encore comprendre que, s'il avoit une lettre de créance, il serait bien mieux reçu.

Le Czar envoie 22 mille hommes en Poméranie.

Monseigneur,

Lundy dernier 3 courant qui fut le jour que j'ay eu l'honneur d'écrire à Votre Excellence³² ma dernière dépêche, comme j'étais prest à l'envoyer à la poste, l'on vint m'avertir que le Czar alloit à bord de la frégate française nommée la *Victorieuse*³³

³⁰ Les 31 décembre 1786 / 11 janvier 1787.

³¹ Heny Lavie ou de Lavie ou Delavie ou Leviston : né à Bordeaux le 3 février 1678 (fils de Henry Lavie (mort en 1699), négociant, et de Marie Taudin (morte en 1679)) ; marié le 12 février 1701 à Françoise Rocaute, dont il eut : Guillaume *Henri* de Lavie (né vers 1701), précepteur en Russie ; une fille (née vers 1702), restée à Bordeaux ; probablement mort en Russie en 1738. Agent de la marine à Saint-Pétersbourg (1714), puis consul à Saint-Pétersbourg (provisions du 22 novembre 1717). Les plaintes se multipliant contre lui, il fut rappelé en France en janvier 1722. Il ne put quitter la Russie à cause de ses dettes (plus de 40 000 lt), et devint précepteur dans une famille russe.

³² Le destinataire de la lettre d'Henry Lavie est le secrétaire d'État de la Marine, Jérôme Phélypeaux, comte de Pontchartrain (né le 26 mars 1674 ; mort à Paris le 8 février 1747), secrétaire d'État de la Marine le 27 décembre 1693, en survivance de son père, Louis Phélypeaux (1643–1724), dit le chancelier de Pontchartrain, en exercice le 6 septembre 1699, démissionnaire le 7 novembre 1715.

³³ La frégate la *Victorieuse*, de Dunkerque, fut le premier navire français à entrer dans le port de Saint-Pétersbourg en 1715. Elle apportait un chargement de vins français et d'eau de vie. Dans sa lettre du 9/15 juin 1715 [AN. AE/B/I/982. Fol. 51–52v], Lavie mentionna que Pierre Ier était monté à bord de ce navire, lors son arrivée à Kronslot, le fort défendant Kronstadt sur l'île de Kotle. Son commandant, le capitaine Cayphas, fut ensuite reçu par le tsar avec tous les capitaines des autres navires étrangers présents, à l'occasion de la solennité des saints Pierre et Paul [AN. AE/B/I/982. Fol. 55–56, 1er juillet 1715]. Il s'y était distingué en buvant à la santé du tsar et à celles des membres de sa famille, et il avait invité le tsar à lui rendre visite sur son navire quand il serait arrivé à Saint-Pétersbourg.

Un capitaine Michel Caiphas ou Cayphas commandait la frégate le *Vainqueur*, de Dunkerque, en 1736. Il s'agit soit du même capitaine, soit de son fils (correspondance des consuls de France à Cadix : [AN. AE/B/I/247. Fol. 229–231v]).

de Dunkerque, accompagné du chancelier³⁴, du vice-chancelier³⁵, du prince Romanodosky³⁶ et de plusieurs autres personnes de distinction. J'eus l'honneur de m'y rendre sur le champ et de le complimenter en langue allemande³⁷. Il eut la bonté de m'écouter gracieusement et de me dire qu'il était bien aise de voir des François dans ses États.

Lorsque je suppliai ce prince de me permettre de boire à sa santé, il me répondit :

– Non, Monsieur commençons premièrement celle du Roy votre maître ».

Il fit remplir son verre et dit tout haut :

– À la santé de mon frère Sa Majesté Très Chestienne ».

Je fis tirer le canon à toutes les santés qu'il but. Après qu'on eut salué toutes celles de sa famille royale, il eut la bonté de faire remplir un verre de vin et de boire à la prospérité du commerce de la nation française dans ses États, qui luy étoit très agréable. Après avoir resté 4 heures à table et parlé en sa langue pendant presque tout le temps, il se retira fort satisfait. Nous luy servîmes du vin de Malvoisie, de Bourgogne et de Canarie.

Comme j'eus l'honneur de boire à son heureux voyage, il me dit, « Oui pour un bon vent », c'est tout le François qu'il sçait. Il est depuis parti pour Revel³⁸ par mer, c'étoit avant-hyer au matin.

J'ay été à ce sujet complimenté de plusieurs personnes de distinction et M. Sava Ragozensky³⁹, son conseiller privé, me dit hyer que le Czar son maître a été très satisfait des attentions respectueuses que j'ay eu à la divertir à bord de la frégate, qu'il souhaiteroit que j'eusse une lettre de créance⁴⁰ pour me faire les mêmes honeurs qu'il accorde aux ministres étrangers.

Ce prince envoie 24 régiments en Poméranie⁴¹ qui font environ 22 000 hommes.

Il va voir à Revel 3 vaisseaux de guerre qui y sont arrivés d'Angleterre où il les a fait achepter. Il en attend aussy 4 autres d'Archangel⁴². Ce prince est aussy curieux de voir les nouvelles fortifications qu'il a fait faire audit Revel.

³⁴ Comte Gavriila Ivanovitch Golovkine (1660–1734), diplomate, chancelier.

³⁵ Baron Piotr Pavlovitch Chafirov (1669–1739), vice-chancelier de Pierre le Grand, ministre des Affaires étrangères.

³⁶ Prince Fedor Romodanovski (1640–1717), boyard, fidèle de Pierre le Grand.

³⁷ Henri Lavie était polyglotte et connaissait aussi bien l'italien que l'anglais ou l'allemand. Il était arrivé en janvier précédent à Saint-Pétersbourg et l'on peut supposer qu'il ne parlait pas encore assez bien le russe pour engager une conversation avec le tsar dans cette langue. Ce n'était pas le cas de l'allemand qu'il dominait parfaitement, ayant séjourné en Prusse et à Hambourg en 1711–1713.

³⁸ Aujourd'hui Tallinn, en Estonie, sur le golfe de Finlande. Le port de Revel avait été conquis le 29 septembre 1710 par le tsar Pierre et lui servait de port militaire.

³⁹ Savva, comte Ragouzinski-Vladislavitch (né vers 1670 ; mort en 1738), diplomate russe, agent de Pierre le Grand.

⁴⁰ Henri Lavie avait été nommé agent de la marine à Saint-Pétersbourg ; il n'obtint ses provisions de consul à Saint-Pétersbourg que le 22 novembre 1717, après bien des demandes.

⁴¹ Une partie de la Poméranie, région côtière de la mer Baltique entre la Vistule (à l'est) et l'Oder (à l'ouest), fut placée sous la domination de la Suède des traités de Westphalie (1648) jusqu'à la paix de Nystadt le 30 août 1721. Charles XII de Suède était retranché à Stralsund depuis le 21 novembre 1714, et y était assiégé par les Brandebourgeois et les Prussiens. La capitulation de Stralsund se fit le 23 décembre 1715. Les troupes russes pouvaient donc évoluer librement en Poméranie.

⁴² Arkhangelsk fut l'unique port moscovite jusqu'à la création de Saint-Pétersbourg en 1703. La foire de la Saint-Michel (29 septembre) y attirait chaque année les navires des puissances maritimes européennes (Angleterre, Hollande, Suède notamment), de même qu'à l'ouverture des glaces au printemps, pour la petite foire de juin.

J'ay l'honneur d'être avec le plus profond respect, Monseigneur, de Votre Grandeur, le très humble, très obéissant et très soumis serviteur.

Lavie

Saint-Pétersbourg, le 7 juillet 1715 [AN. AE/B/I/982. Fol. 60–60v] .

[Réponse du comte de Pontchartrain à Henri Lavie]

À Versailles le 21e août 1715

J'ay reçu la lettre que vous m'avez écrite le 7 du mois dernier.

Je suis toujours également content de votre application à me mander les nouvelles. Je vous en remercie, et je vous prie de continuer à me faire part de toutes celles dont vous serez informé comme aussi de ce qui se passera où vous estes et particulièrement à la Cour du Czar, et en général des mouvements qu'il fera faire à ses armées de terre et de mer.

Vous m'avez fait plaisir en m'apprenant la favorable disposition où ce prince paroît estre par raport au commerce des François en Moscovie, qu'il a bu la santé du Roy, et qu'il a resté pendant 4 heures à table sur la frégate la *Victorieuse* de Dunkerque. J'en ay rendu compte à Sa Majesté qui a témoigné beaucoup de satisfaction et a fort approuvé la conduite que vous et le capitaine qui la commande avez tenue en cette occasion, puisqu'elle a esté fort agréable au Czar.

Je n'ay rien à ajouter à ce que je vous ay marqué par ma dépêche du 14 de ce mois touchant à ce que vous demandez. Je vous recommande toujours de donner toute votre attention sur les moyens qui pouront contribuer à augmenter le nombre des sujets du Roy en Moscovie⁴³.

< Apostille en dos de page, de la main de Lavie > – À M. le comte de Pontchartrain. Répondre. Touchant le traitement que j'ay eu l'honneur de donner à Sa Majesté Czarienne [AN. AE/B/I/982. Fol. 65–66v].

⁴³ Par cette mention, le comte de Pontchartrain évoque les colonies françaises à vocation commerciales, telles les nations françaises du Levant et de Barbarie, ou des pays de chrétienté comme l'Espagne et l'Italie. Ces nations françaises avaient pour principal objectif de développer le commerce français à l'étranger, essentiellement par voie maritime.

La situation de l'émigration française en Russie à la fin du xviie siècle et au début du suivant est d'une nature différente. La première émigration française importante en Russie fut celle des huguenots, à la suite de la révocation de l'édit de Nantes en 1685. Elle fut organisée par un oukase donné à Moscou en 1689 qui autorisait « les chrétiens de confession évangélique poursuivis en France » à venir s'établir en Russie. Un deuxième oukase du 16 avril 1702 permit à tous les étrangers de s'installer en France, avec la garantie de divers droits, dont la possibilité de quitter la Moscovie et la liberté de culte. La plupart des Français, qui sont à l'origine de la plus grande partie des familles russes d'extraction huguenote, arrivèrent à Moscou après une première installation en Hollande, Prusse ou Suède. À partir de 1703, le tsar Pierre encouragea la venue de gens de métier, d'artisans et d'artistes pour contribuer à la construction de Saint-Pétersbourg. Les voyages de Jean Le Fort en Europe occidentales à partir 1710 permirent le recrutement de nombreux hommes de talent, arts et compétences, français, suisses ou wallons : peintres, architectes, sculpteurs, fondeurs, tailleurs de pierre, ferronniers, doreurs, menuisiers, machinistes, maçons, charpentiers, constructeurs de navire, ciseleurs, graveurs, tanneurs, maîtres selliers, jardiniers, tapissiers... Cette émigration de talents fut bientôt un objet de tourment pour le gouvernement français, qui suivit les départs avec attention et donna avec parcimonie les autorisations de résidence en Russie, à l'exemple ce qui se faisait pour le Levant. Voir: [BNF. Ms Fr 780. Fol. 395–400].

Список литературы

AN. AE/B/1/982. Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg, 1713–1719 ; AE/B/1/983. Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg, 1720–1724.

AN. F//12/51. Fol. 37. Proposition du sieur Legendre d'établir des relations de commerce avec la Moscovie, 13 mai 1701 ; Fol. 332. 10 jan. 1705. Mémoire du député de Bordeaux sur la permission qu'il demande de laisser charger du vin et autres liqueurs pour la table du Czar de Moscovie sur un vaisseau venu à cet effet à Bordeaux avec son lest seulement ; Fol. 359v. 11 déc. 1705. Lettre de M. de Pontchartrain sur la proposition d'un traité de commerce entre la France et le Czar de Moscovie, faite par l'ambassadeur de ce prince.

AN. K/1308. Histoire étrangère, Russie, 1690 – XVIIIe siècle ; K/1352. Négociations avec les puissances du Nord, Russie, 1610 – XVIIIe siècle.

AN. MAR/B/7/261. 20 juillet 1713, 17 août 1713, 17 oct. 1713. Mémoire pour l'établissement du commerce entre la France et la Grande Russie et projet d'une compagnie de commerce, par Henri Lavie ; MAR/B/7/485. Fol. 328 et suiv. ; MAR/B/7/485. Fol. 328 et suiv. ; MAR/B/7/490. Mémoires sur le commerce, 1671 ; MAR/B/7/491. Service général commerce, correspondance, mémoires, 1672–1684.

Antoine M. Le *gouvernement et l'administration sous Louis XV* : dictionnaire biographique. Paris : Ed. du CNRS, 1978. 321 p.

BNF. Ms Fr 4600. Fol. 186–187.

Bonnassieux P. Conseil de commerce et bureau du commerce, 1700–1791. Paris : Imprimerie nationale, 1900. 700 p.

Bonnassieux P. Les grandes compagnies de commerce au XVIIIe siècle, étude pour servir à l'histoire de la colonisation. Paris : Plon, 1892. 562 p.

Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg : 1713–1792 : inventaire analytique des articles AE B1 982 à 989 (du fonds dit des Affaires étrangères) / A. Mezin. Paris : Archives nationales, 2009. LXX, 368 p.

Dictionnaire du Grand Siècle / sous la dir. de F. Bluche. Paris : Fayard, 1990. 1648 p. (DGS).

Grünwald C. de. Les alliances franco-russes : Neuf siècles de malentendus. Paris : Plon, 1965. 405 p.

Inventaire des archives de la Marine. Sous-série B 7 / É. Taillemite. T. 1. Paris : Imprimerie Nationale, 1964. 567 p. (MAR).

Jordania G. Les premiers marchands et marins français sur les côtes russes. l'émergence des relations commerciales et diplomatiques franco-russes // La Russie et l'Europe, XVIe–XXe siècle. Paris ; Moscou : SEVPEN, 1970. P. 7–30.

Kraatz A. La Compagnie française de Russie. Histoire du commerce franco-russe aux XVIIe et XVIIIe siècles. Paris : F. Bourin, 1993. 216 p.

MAE. CP, Russie, vol. 1–18. 1700–1725.

MAE. MD, France, vol. 435, 436. 1688–1704. Mémoires et instructions données par le roi à ses ambassadeurs (dont la Moscovie) ; vol. 2009. 1717–1755. Commerce de la Moscovie.

MAE. MD, Russie. Vol. 1. 1690–1748 ; Vol. 2. 1683–1775. Mémoires sur le règne de Pierre le Grand et mémoires et documents divers sur la Russie, son histoire, son gouvernement, son administration, ses ressources, etc. ; Vol. 3. 1700-1734. Traités entre la France et la Moscovie (1613–1702), par de Saint-Prez, commerce de la Russie avec la France (1613–1717), par Le Dran ; Vol. 4. Mémoire sur les négociations entre la France et le tsar de la Grande Russie, Pierre 1er, par Nicolas Louis Le Dran (1726) ; Vol. 18. Description physique de la Russie (sans date).

Mezin A. *Les consuls de France au siècle des Lumières (1715–1792)*. Paris : Ministère des Affaires étrangères, Direction des archives et de la documentation, 1998. 977 p.

References

AN AE/B/1/982. Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg, 1713–1719 ; AE/B/1/983. Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg, 1720–1724.

AN. F//12/51. Fol. 37. Proposition du sieur Legendre d'établir des relations de commerce avec la Moscovie, 13 mai 1701 ; Fol. 332. 10 jan. 1705. Mémoire du député de Bordeaux sur la permission qu'il demande de laisser charger du vin et autres liqueurs

pour la table du Czar de Moscovie sur un vaisseau venu à cet effet à Bordeaux avec son lest seulement ; Fol. 359v. 11 déc. 1705. Lettre de M. de Pontchartrain sur la proposition d'un traité de commerce entre la France et le Czar de Moscovie, faite par l'ambassadeur de ce prince .

AN K/1308, Histoire étrangère, Russie, 1690 – XVIIIe siècle ; K/1352. Négociations avec les puissances du Nord, Russie, 1610 – XVIIIe siècle.

AN MAR/B/7/261. 20 juillet 1713, 17 août 1713, 17 oct. 1713. Mémoire pour l'établissement du commerce entre la France et la Grande Russie et projet d'une compagnie de commerce, par Henri Lavie ; MAR/B/7/485. Fol. 328 et suiv. ; MAR/B/7/485. Fol. 328 et suiv. ; MAR/B/7/490. Mémoires sur le commerce, 1671 ; MAR/B/7/491. Service général commerce, correspondance, mémoires, 1672–1684.

Antoine, M. (1978). *Le gouvernement et l'administration sous Louis XV. Dictionnaire biographique*. 321 p. Paris, Ed. du CNRS.

Bluche, F. (Ed.). (1990). *Dictionnaire du Grand Siècle*. 1648 p. Paris, Fayard (DGS). BNF. Ms Fr 4600. Fol. 186–187.

Bonnassieux, P. (1892). *Les grandes compagnies de commerce au XVIIIe siècle, étude pour servir à l'histoire de la colonisation*. 700 p. Paris, Plon.

Bonnassieux, P. (1900). *Conseil de commerce et bureau du commerce, 1700–1791*. 562 p. Paris, Imprimerie nationale.

Grünwald, C. de (1965). *Les alliances franco-russes. Neuf siècles de malentendus*. 405 p. Paris, Plon.

Jordania, G. (1970). Les premiers marchands et marins français sur les côtes russes. L'émergence des relations commerciales et diplomatiques franco-russes. In *La Russie et l'Europe, XVIe–XXe siècle*. Paris, Moscou, SEVPEN, pp. 7–30.

Kraatz, A. (1993). *La Compagnie française de Russie. Histoire du commerce franco-russe aux XVIIe et XVIIIe siècles*. 216 p. Paris, F. Bourin.

MAE CP Russie. Vol. 1–18, 1700–1725.

MAE MD France. Vol. 435, 436. 1688–1704. Mémoires et instructions données par le roi à ses ambassadeurs (dont la Moscovie) ; Vol. 2009. 1717–1755. Commerce de la Moscovie.

MAE MD Russie. Vol. 1. 1690–1748 ; Vol. 2. 1683–1775. Mémoires sur le règne de Pierre le Grand et mémoires et documents divers sur la Russie, son histoire, son gouvernement, son administration, ses ressources, etc. ; Vol. 3. 1700–1734. Traités entre la France et la Moscovie (1613–1702), par de Saint-Prez, commerce de la Russie avec la France (1613–1717), par Le Dran ; Vol. 4. Mémoire sur les négociations entre la France et le tsar de la Grande Russie, Pierre Ier, par Nicolas Louis Le Dran (1726) ; Vol. 18. Description physique de la Russie (sans date).

Mézin, A. (1998). *Les consuls de France au siècle des Lumières (1715–1792)*. 977 p. Paris, Ministère des Affaires étrangères, Direction des archives et de la documentation.

Mézin, A. (Ed.). (2009). *Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg : 1713–1792 : inventaire analytique des articles AE B1 982 à 989 (du fonds dit des Affaires étrangères)*. Paris, Archives nationales.

Taillemite, É. (Ed.). (1964). *Inventaire des archives de la Marine. Sous-série B 7*. Paris, Imprimerie Nationale (MAR).

The article was submitted on 19.02.2017

DOI 10.15826/qr.2017.2.226

УДК 910.4(470:44)+929Петр(470)*1+94(443.611)"17"

ПАРИЖ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Сергей Мезин

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
Саратов, Россия

THE PARIS OF PETER THE GREAT*

Sergey Mezin

Saratov National Research
State University,
Saratov, Russia

This article considers the cultural aspect of Peter I's visit to France in 1717, as well as his Paris impressions and the "lessons" he learnt during the trip. It was not his main purpose to get acquainted with the capital of France during his trip in May and June 1717. However, as it became clear that political talks were not going to be very successful, cultural contacts were brought to the fore. Referring to materials from Peter I's library, the author concludes that Peter had prepared for the trip to Paris and arrived there already having an idea of French architecture and the landmarks of the capital. Written and printed "guidebooks" analysed by the author of the article and an album of engravings with city views help clarify the visual image of the city during the Russian tsar's visit. Paris as it is depicted in the aforementioned engravings can be seen as a source of Peter's dream about a new city on the Neva. Additionally, the author considers the Paris routes of Peter I described in detail by Pierre François Buchet, the editor of the *Le Nouveau Mercure* newspaper. The tsar was mostly interested in new buildings and monuments to monarchs. Peter I's cultural policy was significantly influenced by his sightseeing in the French capital. Many spheres of French culture shown to the tsar by his hospitable hosts evoked Peter's desire to create analogues on Russian soil.

Keywords: Peter I's trip; Russo-French cultural connections in the 18th century; Paris of the Regency era.

---

* *Citation:* Mezin, S. (2017). The Paris of Peter the Great. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 329–353. DOI 10.15826/qr.2017.2.226.

Цитирование: Mezin S. The Paris of Peter the Great // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 329–353. DOI 10.15826/qr.2017.2.226 / Мезин С. Париж Петра Великого // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 329–353. DOI 10.15826/qr.2017.2.226.

Рассматривается культурный аспект визита Петра I во Францию 1717 г. – парижские впечатления и «уроки» русского царя. Знакомство со столицей Франции не было главной целью его поездки в мае-июне 1717 г. Однако по мере того, как выяснялось, что политические переговоры в Париже не принесут больших успехов, на первый план стали выходить контакты в области культуры. Изучение материалов из библиотеки Петра I позволяет утверждать, что он приехал в Париж подготовленным, имеющим представление о французской архитектуре и достопримечательностях столицы. Рукописные и печатные «путеводители», а также альбом гравюр с городскими видами, описанные в статье, позволяют реконструировать образ города времени путешествия Петра Великого. В представленном на гравюрах Париже можно усмотреть один из истоков петровской мечты о новом городе на Неве. Выявлены парижские маршруты Петра I, наиболее подробно описанные издателем газеты «Le Nouveau Mercure» Пьером Франсуа Бюше. Царь более всего интересовался новыми постройками, а также памятниками монархам. Осмотр достопримечательностей французской столицы повлиял на культурную политику царя. Многие сферы французской культуры, представленные царю гостеприимными хозяевами, вызвали у Петра стремление создать их аналоги на русской почве.

Ключевые слова: путешествие Петра I; русско-французские культурные связи XVIII в.; Париж эпохи регентства.

В истории русской культуры парижские «уроки» и впечатления играли особую роль. Культурный переворот петровского времени, придавший европейский вектор развитию российской цивилизации, совпал по времени с культурной гегемонией Франции в Европе. Хотя на первых порах европейское влияние в России шло через Украину, Польшу, Германию, Голландию, встреча с французской культурой была неминуемой. Визит Петра I в Париж в апреле-июне 1717 г. положил мощное начало русско-французскому культурному диалогу, значение которого в рамках века Просвещения трудно переоценить. Царь Пётр Алексеевич оказался едва ли не первым русским, сознательно стремившимся в Париж, свободно разъезжавшим по его улицам, площадям и набережным, прогуливающимся по садам, жадно впитывавшим достижения французской цивилизации.

Хотя ученый монах Максим Грек еще в XVI в. призывал русских бояр учиться в «славном и многолюдном» городе Париже, чтобы, «достаточное время пробыв в учении прилежном», возвратиться в свою страну «исполненным всякой премудрости» [Памятники, с. 467–469], его призыву никто не последовал, и культурная пропасть разделяла две страны вплоть до начала XVIII в. В XVII в. некоторые русские дипломаты, приезжавшие во Францию, отказывались осматривать достопримечательности французской столицы,

иные же все-таки замечали, что «город Парис великой и многолюдной и богатой, и школ в нем безмерно много» [Путешествия, с. 314]. Живой интерес к Парижу и понимание особенностей французской культуры проявил А. А. Матвеев, побывавший во Франции с дипломатической миссией в 1705–1706 гг. Прибыв сюда из Голландии, русский дипломат писал: «Город Париж нашел я втрое болши Амстердама. И людства множество в нем неописанное, и народа убор и забаву в веселии их несказанную» [РГАДА. Ф. 93. Л. 3]. В своих «Записках» он впервые описал на русском языке красоты французской столицы. При этом он опирался на популярный путеводитель Жермена Бриса «Описание города Парижа и всего, что он содержит наиболее примечательного» [Brice]. Как заметил В. Берелович, Матвеев описывал Париж как город, организованный вокруг регулярных площадей, в центре которых находились статуи королей как модель-прообраз того, чего еще не было в России, но что он хотел бы там видеть [Berelowitch, p. 401, 403]. Неизвестно, знакомился ли царь с «Записками» Матвеева, но он как будто унаследовал его восприятие Парижа, навеянное, среди прочего, книгой Ж. Бриса.

Знакомство со столицей Франции не было главной целью поездки царя в Париж в мае-июне 1717 г. Во главе угла стояла задача подготовки русско-французского договора. Однако посещать достопримечательности Парижа и внимательно знакомиться с ними царь начал с первых дней своего пребывания. К тому же Пётр I был до некоторой степени разочарован политической стороной визита. По мере того, как выяснялось, что переговоры в Париже не принесут больших успехов, на первый план стали выходить контакты в области культуры и науки [Мезин, с. 125]. Петр I, как и его спутники, был наслышан, что «город здешний велик и строением хорош и богат... есть чего смотреть» [Бантыш-Каменский, с. 132]. Царь в письме к жене выказывал горячее желание «всего смотреть» в Париже [Письма, с. 66].

Париж начала XVIII в. – это огромный по тогдашним меркам город с населением 700 тысяч человек [Courtin, p. 64]. При Людовике XIV он значительно изменил свой облик: почти утратил средневековые укрепления, многие набережные были облицованы камнем, в городе появились целые районы регулярной застройки, в том числе площади с памятниками королям, а также несколько общедоступных регулярных садов и бульваров; классицизм пробивал себе дорогу в парижской архитектуре.

Осмотр достопримечательностей французской столицы и ее окрестностей стал не просто частью «культурной программы» визита, но повлиял на содержание дальнейшей культурной политики царя. Многие сферы французской культуры, представленные царю гостеприимными хозяевами, вызвали у Петра стремление создать их аналоги на русской почве.

«Виды прекрасных домов Франции»: книги и путеводители в библиотеке Петра I

Еще до поездки во Францию Пётр I имел визуальное представление о парижской архитектуре благодаря книгам и гравюрам, которыми снабдили его К. Зотов и Ж. Лефорт, проживавшие во французской столице на правах официальных агентов. В октябре 1715 г. Зотов обещал «немедленно» отправить царю «книги об архитектуре» [РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 23. Л. 412 об.]. К письму Лефорта от 20 ноября того же года (здесь и далее даты указаны по новому стилю, кроме оговоренных случаев) приложено описание (на французском языке) содержимого ящика с книгами и гравюрами, который был послан в Россию через Кёнигсберг и Ригу [Там же, кн. 24, л. 76; Хмелевских, 2014, с. 86–87]. 28 декабря (по старому стилю) 1715 г. царь потребовал от рижского губернатора П. А. Голицына «немедленно» доставить книги в Петербург [Хмелевских, 2014, с. 84]. Нетерпение Петра, по-видимому, объяснялось тем, что он хотел познакомиться с содержанием посылки до поездки в Европу, куда отправился в конце января 1716 г.

В списке, составленном Ж. Лефортом, названо 15 книг и несколько сотен гравюр. Большинство из них сохранились до наших дней среди западноевропейских изданий библиотеки Петра I (ныне – в отделе рукописей Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге)¹.

Немалый интерес для выяснения знакомства Петра I с Парижем и Францией представляла книга «*Médailles sur les principaux événements du regne de Louis le Grand avec les explications historiques*» (Paris, 1702) («Медали о главных событиях царствования Людовика Великого с историческими объяснениями») [Библиотека Петра I, с. 137]. Царь несомненно ознакомился с этими иллюстрированными

¹ См.: Les oeuvres d'architecture d'Anthoine le Pautre Architecte ordinaire du Roy. Paris [1691–1700] (Архитектурные творения Антуана Лепотра, ординарного королевского архитектора. Париж, [1691–1700]) [Библиотека Петра Великого, с. 494–502]; Bosse A. Traité des manieres de dessiner les ordres de l'architecture antique en toutes leurs parties. Paris, [1688] (Босс А. Трактат о способах рисовать ордера античной архитектуры во всех их частях. Париж, [1688]) [Библиотека Петра Великого, с. 147–153]; Davilier A. Ch. Cours d'architecture... Vol. 1–2. Paris, 1693–1694 (Давилье О. III. Курс архитектуры : в 2 т. Париж, 1693–1694); Davilier A. Ch. Explication des termes d'architecture. Vol. 1–2. Paris, 1710 (Давилье О. III. Объяснение архитектурных терминов : в 2 т. Париж, 1710) [Библиотека Петра I, с. 119–120]; Ripa C. Iconologie, ou, l'explication nouvelle de plusieurs images, emblems, et autres figures. Paris, 1644 (Рипа Ц. Иконология, или новое объяснение многих образов, эмблем и других фигур. Париж, 1644) [Библиотека Петра Великого, с. 632–635]; Marot J. Recueil de plans, profiles et élévations de plusieurs palais, chateaux, sepultures, grotes, bâtis dans Paris et environs. S. l., s. a. (Маро Ж. Сборник планов, профилей и боковых видов некоторых дворцов, замков, гробниц, гротов и особняков, построенных в Париже и его окрестностях. Б. м., б. г.) [Библиотека Петра I, с. 137]; De Boullencourt. Description générale de l'Hôtel Royal des Invalides... Paris, 1683 (Буленкур де. Общее описание Королевского Дома инвалидов. Париж, 1683) [Библиотека Петра I, с. 120]; Le Blond J.-B. A., Dezallier d'Argenville A. J. La Théorie et la Pratique du Jardinage... Vol. 1–2. La Haye, 1715 (Леблон Ж.-Б. А., Дезалье д'Аржанвиль А. Ж. Теория и практика садового искусства... Гаага, 1715) [Библиотека Петра I, с. 121] и др.

книгами, но незнание французского языка препятствовало их более глубокому изучению. Поэтому еще больший его интерес могли вызвать альбомы и отдельные гравюры, представлявшие достопримечательности Парижа и его окрестностей. Среди них план картинной галереи Люксембургского дворца; гравюры из серии «Les vues des Maisons Royales» («Виды королевских домов») [Библиотека Петра Великого, с. 196–199]; три плана дворца Тюильри, три плана Лувра, планы дворцов в Сен-Жермен-ан-Ле и в Кланьи, план «Машины Марли»; 24 гравюры, изображавших Версаль и его сады [Библиотека Петра Великого, с. 294–301]. Внимание царя не мог не привлечь сборник из 48 гравюр («Plans des Hotels d'Issy, de Lorge, de Mansard, de Clermont, de Varajeville, D'Auvergne, Demarets...»), позже получивший название «L'Architecture Française» («Французская архитектура»), – здесь были представлены типовые проекты, а также образцы городских и загородных домов, в том числе работы Ж. Ардуэна-Мансара и Ж. Б. А. Леллона [Библиотека Петра Великого, с. 67–72]. Самое полное представление об архитектуре и городских видах Парижа давали 260 гравюр с изображением «видов и перспектив красивейших домов Франции». Сегодня этот альбом отсутствует в библиотеке Петра I, но в данном случае речь шла, по-видимому, о сборнике гравюр «Vues des belles maisons de France» («Виды прекрасных домов Франции»), который издавал Адам Перелль. Изучение этих печатных материалов из царской библиотеки позволяет утверждать, что Петр I «приехал в Париж подготовленным, совершенно точно зная, куда и на что смотреть» [Хмелевских, 2013, с. 98].

По словам царского секретаря И. А. Черкасова, приехав в Париж, Пётр «назначил себе сам чертеж и собственное расписание особенных вещей, о которых он там спросить и их рассмотреть хотел» [Штелин, с. 63]. Черновик подобного «расписания», составленный рукой К. Зотова и содержащий собственноручные пометки царя, имеется в кабинетном архиве:

Роспись курioзным вещам в Париже. Тулери, где король живет. Там же огород, в котором всякому позволено гулять. Кур или проезд, где проезжаются для гуляния в коретах. Лувр, которой еще неотделан. Галереи в Лувре, в ней живут славные художники (в ней еще есть планы всем городам укрепленным во Франции). Шелдирей королевския. Люксембурх, в нем галерея писана славным живописцем господином Рубенс. Обсерватор и в нем многия курioзные вещи. Мануфактуры в Гобелене. Стекланья заводы. Арсенал. Палаты, где собирается парламент. Дом, где солдаты и офицеры за старость и за службу содержатся. Огород королевский, где всякия травы сажаются, и там же показывают анатомию и химику. Помпа на нотродамском мосту для проводу воды во все помпы в Париже. Махина и помпа на новом мосту. Пляс рояль. Пляс Людвика Великого. Пляс де виктуар. Многия церкви в Париже. Сорбона. Монах Себастьян математик. Кабинет господина Дезомбре. Дом Тулуза. Дом Субиза, перед тем де Гвиза. Коллегия

четырёх наций, где гроб кардинала Мазарина. Вне Парижа дома королевские. Версалия (там надобно ночевать, чтоб все добре высмотреть). Марли, там же и махина. Сен-Жермен. Сент-Клу. Медон. Винсен.

Далее рукой К. Зотова добавлено:

Дюк Дантен просит Ваше Величество, чтоб повелел ему дать знать за день, если какую из оных вещей пожелает увидеть, чтоб он мог взять свои меры, дабы не был народ и не знал об этом [РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 88. Л. 17–18].

Судя по приписке, к составлению или, по крайней мере, к обсуждению этого перечня имел отношение Луи Антуан де Пардайан де Гондрен, герцог д'Антен (1665–1736), занимавший высокие должности суперинтенданта королевских строений и президента Совета по внутренним делам. Он был единственным законным сыном маркизы де Монтеспан, ставшей затем фавориткой Людовика XIV. Красивый, образованный, наделенный гибким умом, д'Антен был услужливым придворным, покровителем искусства (см.: [Мезин; Хмелевских]). Он сопровождал русского царя во время поездок в подведомственные ему королевские учреждения, дворцы и загородные резиденции.

В этом кратком «путеводителе» обозначены все главные достопримечательности, которыми гордился Париж. Речь шла о королевском дворце Тюильри, в котором тогда проживал малолетний Людовик XV, а также о саде Тюильри и отходившей от него и тянувшейся вдоль Сены аллее Королевы (Кур де ла Рен). В «путеводителе» отмечено, что другой королевский дворец – Лувр – оставался тогда недостроенным (не были завершены северная сторона квадратного двора и восточная колоннада). Тем не менее, в Лувре располагались многие королевские учреждения, в том числе Академия живописи, собрание планов-рельефов (макетов) французских крепостей, собрание живописи («шелдиреи», от голландского глагола *schilderen* – рисовать, писать маслом). В качестве главной достопримечательности Люксембургского дворца названа галерея картин П. П. Рубенса, посвященных жизни королевы Марии Медичи. Далее перечислены парижская обсерватория, мануфактура гобеленов, заводы по производству стекла и зеркал, Арсенал, в котором не только хранили оружие, но и отливали статуи, высший суд королевства – Парижский парламент, заседавший в старом королевском дворце на острове Сите. Предметом королевской гордости был Дом инвалидов, построенный Людовиком XIV для военных ветеранов.

Ботанический сад был тогда настоящим центром естественных наук. В списке указаны установленные на Новом мосту и мосту Нотр-Дам насосы, снабжавшие город водой. Появившиеся в Париже в XVII в. регулярные площади – Королевская, Побед, Людовика Великого – были образцами современной архитектуры и градостроительства.

В списке упомянуты Парижский университет (Сорбонна) и Коллеж четырех наций (Коллеж Мазарини). К числу достопримечательностей отнесен дом графа Л. Л. Пажо д'Онз-ан-Бре с кабинетом редкостей, особняки графа Тулузского и герцога Субиза. В качестве живой достопримечательности назван ученый монах математик Себастьян Трюше. В конце «путеводителя» перечислены загородные королевские резиденции: Версаль, Марли, Сен-Жермен-ан-Ле, Сен-Клу, Мёдон, Венсенн. Пётр I посетил все указанные достопримечательности Парижа и окрестностей, кроме средневекового Венсеннского замка.

Еще один «путеводитель» царь получил от герцога Л. А. д'Анте́на. По словам французского журналиста, 10 мая Пётр попросил услужливого вельможу снабдить его описанием Парижа и был очень удивлен, получив «через два часа» такое описание, переведенное на русский язык и «аккуратно переплетенное». Восхищенный царь признал, что «только французы способны на такую обходительность» [Buchet, p. 191]. С большой долей вероятности можно утверждать, что в данном случае речь идет о рукописи «Описание знатных домов во Франции», сохранившейся в составе библиотеки царя [Отдел рукописей]. Она представляет собой перевод на русский язык подписей в альбоме гравюр «Виды прекрасных домов Франции», впервые изданном в Париже в 1680 г. Адамом Переллем с использованием работ его отца Габриеля и брата Николая [Perelle]. Альбом включал серию гравюр «Les places, portes, fontaines, et maisons de Paris» («Площади, ворота, фонтаны и дома Парижа»). Этот неоднократно переиздававшийся и дополнявшийся альбом, вероятно, тоже был приложен к русскому «Описанию»: в противном случае оно теряло свой смысл². Едва ли принимающая сторона могла обойтись в данном случае без помощи русского переводчика, в качестве которого, скорее всего, выступал К. Зотов³. Пётр I с помощью этого русскоязычного иллюстрированного «путеводителя» мог заранее планировать свои поездки и получать необходимую историко-культурную и архитектурную информацию.

«Альбом-путеводитель», который Петр I несомненно держал в руках и изучал, формировал определенный имидж французской столицы – это был образ современного города, обновленного в результате строительной деятельности Людовика Великого. Царь осмотрел почти все представленные в нем «прекрасные дома», лично убедился в привлекательности парижских городских видов и перспектив. «Описание знатных домов во Франции» и соответствующий ему альбом гравюр позволяют раскрыть образ Парижа, представший перед русским царем в 1717 г.

Самое полное представление о центральной части Парижа дает гравюра, названная по-русски несколько неуклюже:

² Альбом не сохранился в современном составе библиотеки Петра I.

³ П. Н. Берков предполагал, что переводчиком мог быть аббат Габриэль Жирак [Berkov, p. 13–14]; О. Медведкова полагает, что перевод подписей был выполнен для переиздания гравюр в Петербурге [Medvedkova, p. 499].

Город Париж, которой виден с мосту Королевского, от дворца, зовомого Тюлери, изображен в преспекте изрядной так схождением двух разливов реки Сены ниже Нового мосту у мыса Полатного острова, как множеством красивых строений, которые там открываются [ОР БАН. П I Б № 111. Л. 2].

Неуклюжесть, проявляющаяся и в других названиях «путеводителя», происходит, вероятно, не только от поспешности перевода, но и от отсутствия русской терминологии в области архитектуры и искусства. Сегодня французскую подпись под гравюрой следовало бы перевести так: «Вид города Парижа со стороны Королевского моста Тюильри представляет чудесное зрелище как из-за слияния двух рукавов реки Сены выше Нового моста у мыса Дворцового острова, так и благодаря множеству открывающихся отсюда прекрасных зданий». Имя автора гравюры – Ливенс. Однако это не гравёр голландского происхождения Жан Андре Ливенс, умерший в 1663 г., а какой-то другой мастер Жан Ливенс, продолжавший работать в 1680-е гг.

На гравюре представлена большая часть Парижа вплоть до его восточных окраин (см. цветную вклейку). Северная часть города (правый берег) акцентирована огромным комплексом зданий Лувра и Тюильри. Собственно на правом берегу располагался «город» («ville»), который противостоял острову Сите (здесь он назван Дворцовым из-за того, что его западную часть занимали постройки старого королевского дворца) и левобережному «университету» («université»), а также предместьям [Fierro; Sarazin, p. 17]. На правом берегу среди очень густой (по сути, средневековой) застройки возвышаются церковь Сент-Эташ, башни Тампля, башня Сен-Жак и церковь Сен-Поль. Недалеко от последней находился особняк Ледигьер, в котором и проживал русский царь.

Хорошо узнаваем за Новым мостом остров Сите с треугольной площадью Дофина, возвышающимися над ней шпилем часовни Сен-Шапель и башнями собора Нотр-Дам. На мосту заметен силуэт конного памятника Генриху IV.

Левый берег представлен на гравюре более широкой полосой застройки, хотя в действительности он уступал «городу» по территории и населению. На холме Святой Женеьевы видны колокольни одноименного аббатства и церкви Сент-Этьен. Узнаваема высокая романская башня аббатства Сен-Жермен де Пре. В центре хорошо просматриваются купол и выступающие к Сене крылья Коллежа Мазарини. Правый нижний угол картины занимает довольно солидная застройка Сен-Жерменского предместья, куда в конце царствования Людовика XIV переместился главный аристократический район столицы.

Мастер постарался представить на своей гравюре почти весь город, но центральное место он отвел Сене. Она предстает здесь не только как широкая речная магистраль, но и как главная улица Парижа с нависшими над водой мостами (три из них отчетливо просматрива-

ются, а четвертый – Сен-Мишель – едва виден), с одетыми в камень набережными. На реке заметно оживленное движение: барки, лодки и лодочки снуют по воде и толпятся у пристаней. Дотошный гравер изобразил даже лебедей на речной глади. Мы видим «людства множество» на замощенных набережных: кареты, повозки, всадников и пешеходов.

Тюильри (павильон Флоры), Большая Галерея и Лувр составляют парадный фасад города, выходящий на реку. Вполне регулярный вид имеет и противоположная набережная Малаке («берег, зовомай Малаке»). Конечно, за классическими фасадами еще скрывается средневековый город с тесной застройкой, с острыми щипцами узких фасадов и готическими колокольнями. Еще тесно застроено пространство между Тюильри и Лувром. Однако горизонтали луврских крыш, мерный шаг крупных арок Королевского моста, полукружие купола Коллежа Мазарини придают величественный классицистический ритм городской застройке.

На следующей гравюре того же Ж. Ливенса представлен вид на Сену с другой стороны Королевского моста. Подпись в царском «путеводителе» гласит:

Мост Королевской от Тюлерии зделан с великою крепостию чрез господина Гаврила (подрядчика Ж. Габриэля. – С. М.). <...> Зачето в 1685 году; несмотря на труды, которыя были в его основании, зделан сей мост по рисунку господина Мансарта (Ж. Ардуэн-Мансар. – С. М.), первого архитектора королевского [ОР БАН. П I Б № 111. Л. 4].

Виды моста, павильона и сада Тюильри придают некоторую «правильность» и этой панораме. Однако неустроенная набережная Гренуйер («пристань легушечья») и свободно разбросанные дома предместий свидетельствуют о том, что парижское «регулярство» здесь заканчивается. На правом берегу Сены за воротами Конферанс видны густые посадки прогулочных аллей – аллеи Королевы («гулянье королевино») и Елисейских полей. На месте садов и огородов, изображенных на левом берегу, позже (к приезду Петра) будет сооружена широкая эспланада Дома Инвалидов («двора Марсова или инвалидов»).

Высокая точка обзора, принятая на этих гравюрах, позволяет видеть город с высоты птичьего полета. Широкая гладь реки с обустроенными набережными, мосты, не застроенные домами, парадные фасады дворцов и ширь регулярного сада создают впечатление простора и правильной организации городского пространства, открытого к реке. Таким хотел показать Париж художник, такой стремились представить столицу русскому царю гостеприимные хозяева. Это впечатление, конечно, исчезало на старинных улицах города.

Еще одна гравюра, представляющая вид берегов Сены, озаглавлена в русском «путеводителе» «Перспектива города Парижа, которой виден от Красного мосту» [Там же. Л. 4 об.]. Работа Габриэля (?)

Перелля представляет почти тот же вид Сены в центре города. Однако здесь принята более низкая точка обзора, и городские постройки закрывают течение реки за Новым мостом. Это ограничение перспективы и изображение рядом с Лувром неустроенной, кишасей людьми и заваленной товарами пристани Святого Николая создает более реалистическую, но менее идеальную картину.

Рассмотренные виды Парижа дополняют и детализируют другие гравюры из альбома. Например, изображение Нового моста со статуей Генриха IV, окруженной ажурной решеткой.

Пляца Нового моста, которого середина есть у мыса Полатного острова, где поставлена статуя верховая Гендрика Великого, которая сделана во Флоренции в 1615 году чрез Кузьму Второго Великого дука Тосканского... [Там же, л. 5],

– сообщал петровский «путеводитель» сведения о создании первого конного монумента Парижа (ил. 1, 2).

Внимание русского царя не могли не привлечь гравюры с видом сада Тюильри и его подробным планом. Последний в переведенном «путеводителе» озаглавлен как «План саду у палат Тюлеринских инвенции господина Нотре». Творение А. Ленотра подробно описано:

3 партера узорных окружены грядами; 3 лохани с фонтанами окружены дерном; партер дерновой; лесок саженой; боскет; сала сделана из дерну [Там же, л. 7 об. –8].

Как видим, переводчик (К. Зотов?) вводит в описание французские слова, затем прочно вошедшие в русский язык: партер, фонтан, боскет, зал («сала»). Сегодняшний переводчик употребил бы в этом случае и такие пришедшие из французского языка садовые термины, как бродери («партер узорный»), бассейн («лохань»), газон («дерн»).

Рассматриваемая рукопись очень интересна для истории перевода и введения в русский язык терминов, относящихся к архитектуре и садово-парковому искусству. Переводчик еще затрудняется в переводе слов «escaliers» (лестницы, ступени он переводит как «рундуки»), «terrasse» (переводит как «насыпное место»). Однако он уже смело пишет по-русски: «перспектива», «статута» (статуя), «павилион», «педестал», «аллея», «фонтан», «парапет», «карниш» (карниз), «фасада, или лицо», «балериевы» (барельефы), «арнаменты», «фундамент», «резервория» (резервуар). У него вызывает затруднение слово «площадь»: французское «place» он передает то как «пляца», то как «место». Набережную он называет просто «берегом». Переводчик не находит русского эквивалента французскому «symetrie». В отличие от своего современника Б. И. Куракина, который любил щеголять французскими словами даже в тех случаях, когда в этом не было особой необходимости, переводчик не злоупотребляет заимствованиями

(редкое исключение: «обсервуют ход небесных астров» – наблюдают ход небесных звезд). Переводчик, несомненно, был русским, а не французом. Об этом свидетельствует не только «правильность» речи, но и использование французских имен в традиционной для русских немецкой огласовке (Гендрик, Людовик), а также, например, ошибка в переводе названия ворот Saint-Bernard: «ворота Санкта Бориса».

Косвенное отношение к визиту Петра I в Париж имеет еще один путеводитель. Эта упомянутая уже книга Жермена Бриса «Описание города Парижа и всего, что он содержит наиболее примечательного», которая является прямым предшественником современных путеводителей. Ж. Бриса (ок. 1653–1727) можно назвать автором одной книги, имевшей огромный успех у читателей: с 1684 г. за три четверти века она выдержала 14 переизданий, превратилась из двухтомника в трехтомник [Bonnardot]. Дополнение и переиздание путеводителя было главным жизненным делом автора, который, кроме того, преподавал французский язык иностранцам, приехавшим в Париж. Основное внимание автор уделял не древностям города на Сене, а его современному состоянию. Брис внимательно следил за изменениями городской среды и обо всем говорил *de visu*. Описание города построено по топографическому принципу: начав с Лувра, автор описывает кварталы правого берега с запада на восток, переходит к острову Нотр-Дам (ныне – Сен-Луи), а затем к левому берегу с университетом; заканчивается описание островом Сите и мостами. В предисловии автор характеризовал Париж как один самых больших и красивых городов мира и отмечал, что многие европейцы, приезжающие сюда, нуждаются в описании его достопримечательностей. Таким иностранцем, желавшим познакомиться с достопримечательностями Парижа, был Петр I. Как раз в 1717 г. вышло очередное седьмое издание книги Ж. Бриса [Brice]. «Возможно, эта книга также была в руках любознательного царя», – предполагает историк архитектуры С. Б. Горбатенко [Горбатенко, с. 161]. Однако это издание вышло после 13 июля (в этот день была дана привилегия короля на публикацию), когда царя уже не было в Париже. Да и предыдущее издание 1713 г. сам Петр едва ли держал в руках. Зато его хорошо знали те, кто разрабатывали царские «экскурсии» и описывали их в печати. Книга 1717 г. ценна тем, что дает словесный портрет города именно во время царского визита, позволяет уточнить внешний вид и местонахождение зданий и учреждений. Например, известно, что 28 мая Петр I посетил Королевскую библиотеку. Автор специальной статьи, посвященной этому сюжету, указывал, что библиотека помещалась тогда на улице Вивьен [Порше, с. 43]. Однако путеводитель 1717 г. сообщал:

Существенные перемены происходят в расположении апартаментов Лувра. Те, которые были заняты Академией живописи, предназначены для Королевской библиотеки, которая будет здесь расположена гораздо более достойно, чем на улице Вивьен, где она находилась несколько лет

в очень тесном здании, площадь которого была мала для большого количества содержащихся в ней книг... Апартаменты, которые она займет, были когда-то украшены с большим искусством и пышностью; их потолки были покрыты изысканным орнаментом, а на одном из них можно заметить отличное полотно Николя Пуссена, показывающее время, которое раскрывает истину⁴ [Brice, t. 1, p. 53].

Сопоставляя эту информацию с данными походного журнала Петра I, можно утверждать, что царь посетил Королевскую библиотеку в Лувре [Обстоятельный журнал, с. 617].

В другом случае можно предполагать влияние путеводителя Ж. Бриса на журналистское описание посещения Петром I Люксембургского дворца. Здесь царь побывал в картинной галерее и обратил внимание на серию картин П. П. Рубенса, посвященных истории Марии Медичи и Генриха IV (ныне хранятся в Лувре). Журналист (П. Ф. Бюше) сообщает, что царя заинтересовали картины Гвидо Рени, Ван Дейка, но особенно его «тронуло полотно, представляющее роды королевы, где видны *страдания и радость, одновременно отразившиеся на ее лице*» [Buchet, p. 200–201]. Лично Бюше не присутствовал при посещении царем Люксембургского дворца. Но он наверняка знал книгу Ж. Бриса, где при описании его картин среди лучших также отмечены работы Гвидо и Ван Дейка, а полотна Рубенса описаны подробно, причем среди них выделено именно «Рождение дофина»: «Это произведение, безусловно, одно из прекраснейших и наиболее трогательных в галерее благодаря живому изображению *радости и страдания, отразившихся на лице королевы*, бросающей взор на новорожденного дофина...» [Brice, t. 3, p. 87]. Не от путеводителя ли шел французский журналист, описывая впечатления Петра I?

Парижские маршруты Петра I

Все упомянутые в петровских «путеводителях» достопримечательности Парижа многократно посещались русским царем во время его 43-дневного визита. Парижские маршруты Петра I наиболее подробно были описаны журналистом Пьером Франсуа Бюше. Поездкам царя в мае посвящена отдельная часть в его книге «Краткий очерк истории царя Петра Алексеевича...» [Buchet], а июньские поездки регулярно освещались в его газете «Le Nouveau Mercure» [Le Nouveau Mercure].

В день приезда царя доставили в Лувр и хотели поселить здесь в отдельных апартаментах, выходящих окнами на реку. Тогда бы он мог видеть из своих окон панораму, близкую к изображенным на гравюрах из альбома Перелля. Однако Петр выбрал более укромную и спокойную резиденцию – особняк Ледигьер рядом с Арсеналом [Горбатенко, с. 158–160].

⁴ Здесь и далее перевод автора статьи.

Пожертвовав три первых дня пребывания в Париже протокольным встречам, Петр I поторопился наверстать упущенное «смотрение» уже 11 мая. С утра царь осмотрел находившиеся рядом с отелом Ледигьер Большой и Малый Арсеналы, представлявшие собой целый комплекс зданий, дворов и садов. Сооруженные в XVI–XVII вв., они служили для хранения оружия и амуниции, производства пороха и литья пушек, а также в качестве резиденции начальника королевской артиллерии⁵. В царском «путеводителе» значилось:

Арсенал есть магазин пороховой, где лежат ружья и воинские вещи королевские, также и литейный двор, и жилище фелдцейхмейстера... где есть великой сад, в котором всем гулять волно [ОР БАН. П I Б № 111 Л. 19 об.].

С 1684 г. братья Келлеры приспособили Арсенал для литья бронзовых статуй, предназначенных для королевских резиденций. Эти знаменитые литейщики изобрели новый вид бронзы, что позволило им внедрить технологию единой заливки, использованную при изготовлении гигантской конной статуи Людовика XIV работы Ф. Жирандона, о чем сообщалось в парижском путеводителе 1717 г.:

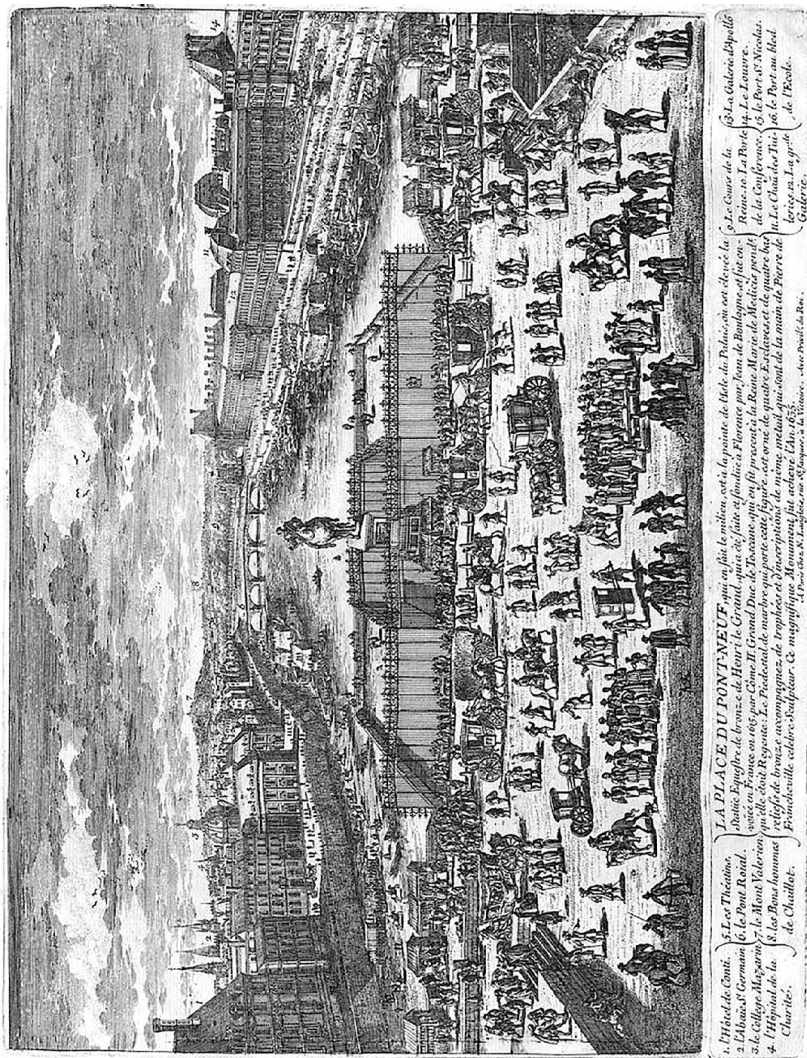
Большое пространство Арсенала разделено на несколько частей, наиболее значительная из которых отведена под сад, господствующий над городским рвом и над рекой, с которой открывается приятный широкий обзор. Остальное пространство занято сообщающимися дворами, имеющими простые постройки только с одной стороны. В 1715 году все старые грубые строения были разрушены. Кажется, должны на их месте возвести другие, но пока еще не видно, что будет здесь построено. <...> При маркизе Лувуа был учрежден литейный двор в Арсенале, чтобы делать копии с многочисленных античных и современных статуй, служащих для украшения королевских резиденций. Это предприятие было доверено Жану-Бальтазару Келлеру, уроженцу Цюриха в Швейцарии (умершему в 1702 году), имевшему уникальный опыт работ подобного рода. В его похвалу можно сказать, что никто не продвинулся дальше него в искусстве металлического литья и не предпринимал больших работ в этом роде. Это видно на примере конной статуи короля, установленной на площади Людовика Великого, и других произведений, вышедших из его рук, большую часть которых можно увидеть в Версале [Brice, t. 2, p. 152–153].

По-видимому, именно новая технология отливки бронзовых статуй, применявшаяся в Арсенале, привела сюда русского царя, совместившего этот визит с осмотром памятников французским королям.

---

⁵ Из всех сооружений Большого и Малого Арсеналов до наших дней дошла лишь резиденция де Сюлли, служившего фельдцейхмейстером артиллерии в 1594–1610 гг. В этом здании, модифицированном в XVIII–XIX вв., ныне находится Библиотека Арсенала, являющаяся частью Национальной библиотеки Франции.

2. Площадь Нового моста. Гравюра конца XVII в. [Perelle A., Perelle G., Perelle N.]
 Square of the Pont Neuf. Engraving of the late 17th century [Perelle A., Perelle G., Perelle N.]

Из Арсенала царь отправился на площади, украшенные статуями королей. Сначала он совершил прогулку по Королевской площади (ныне площадь Вогезов), застроенной еще по указу Генриха IV в 1605–1608 гг. Тогда впервые была реализована идея современного города, элегантного и безопасного. Площадь окружена 36 павильонами с одинаковыми фасадами из кирпича и камня с высокими крышами, снабженными слуховыми окнами. На уровне цокольного этажа павильоны были объединены аркадой.

В центре площади в 1639 г. (при жизни короля) была установлена бронзовая конная статуя Людовика XIII в образе римского императора. Скульптура коня, изготовленная итальянцем Р. да Вольтерра, была получена в качестве приданого Екатерины Медичи, а фигуру короля много позже сделал французский скульптор П. Биар⁶. Пётр обошел площадь и рассмотрел статую, на пьедестале которой были выбиты велеречивые надписи в честь «Людовика Справедливого». Весь внутренний двор площади в то время был обнесен железной решеткой, по замечанию современника, «совершенно бесполезной», а центр площади еще не был засажен деревьями.

Потом царь посетил овальную площадь Побед в квартале Сен-Рок («пляца зовомыя виктории»), построенную около 1686 г. по проекту знаменитого архитектора Ж. Ардуэна-Мансара как обрамление для статуи Людовика XIV. Скульптор М. Дежарден изобразил пешую фигуру короля, облаченного в коронационные одежды; за ним на земном шаре возвышалась аллегория Победы, венчающая королевскую голову лавровым венком; в другой руке она держала пальмовую и оливковую ветви. Ногами король попирал трехглавого Цербера. На пьедестале были укреплены барельефы, прославляющие победы Людовика. По углам пьедестала находились фигуры скованных рабов. Все бронзовые фигуры памятника были позолочены⁷.

Памятник целиком позолочен, чтобы он был блестящим и заметным издалека, и это придает ему очень пышный вид, который не удовлетворяет людей с хорошим вкусом,

– отмечал Ж. Брис [Brice, t. 1, p. 302].

Петру показали и площадь Людовика Великого (ныне Вандомская площадь), устроенную в 1685 г. в западной части правобережного Парижа. В центре площади возвышалась колоссальная конная статуя работы скульптора Ф. Жирардона, представляющая Людовика XIV в одежде античного героя, сидящего на лошади без седла и стремян. Архитектор Ардуэн-Мансар проектировал элегантные фасады, которые окружили восьмиугольную площадь. Высокие крыши зданий

⁶ Статуя была разрушена во время революции и заменена мраморной копией в 1829 г.

⁷ Памятник был разрушен во время революции и заменен в 1822 г. эффектной конной статуей короля-Солнца работы скульптора Бозио.

были украшены слуховыми окнами-люкарнами. Второй и третий этажи были объединены пилястрами коринфского ордера, нижний этаж устроен в виде закрытой аркады. Царь внимательно читал латинские надписи на пьедесталах всех статуй и делал зарисовки.

Позже Пётр посетил еще одну регулярную («строения все одной вышины») площадь города – площадь Дофина (1607–1610), которая примыкала к Новому мосту и была тогда замкнута с трех сторон. На мосту находился конный памятник Генриху IV (1634). В русскоязычном «путеводителе» содержалось ее описание:

Пляца Нового моста (Дофинова), которого середина есть у мыса Полатного острова, где поставлена статуа верховая медная Генрика Великого, которая сделана во Флоренции в 1615 году... [ОР БАН. П I Б № 111. Л. 5 об.; см. также: Л. 18].

В описаниях королевских построек проводилась следующая мысль о «народной пользе», которая была близка мировоззрению русского царя:

Гендрик Великий хотел дать своему народу непомерным иждивением так богатого строения свидетельство, что он народную пользу любил и резиденцию своего королевства во украшении видеть хотел [Там же. Л. 12 об.].

Побывав на центральных площадях Парижа, Пётр I познакомился с лучшими образцами регулярного градостроительства того времени и обратил внимание на своеобразие французской архитектуры. Но особенно его привлекли конные монументы, ведь в это время им уже была заказана скульптору Б. К. Растрелли собственная конная статуя в память о победах русских войск над шведами (современники будут сравнивать ее со статуей Людовика XIV работы Жирандона).

За полтора месяца пребывания во французской столице Пётр познакомился со всеми ее выдающимися архитектурными достопримечательностями. Царь много раз бывал в Лувре («двор королевской зовомой Лювр») и примыкавшем к нему дворце Тюильри, резиденции юного Людовика XV. После того, как король-Солнце покинул Лувр ради Версаля, громадный недостроенный дворец находился не в лучшем состоянии. Здесь размещались многочисленные учреждения: Королевская академия наук, Французская академия, Королевские академии живописи и архитектуры, Королевская академия надписей и медалей, Королевская типография. Нижний этаж большой галереи Лувра занимали Монетный двор, а также мастерские скульпторов, художников, ремесленников. Лувр («дворец Лювр почел приходить в форму легулярную в 1528-м году при короле Франциске, который переменял порядок архитектуры готической...») [ОР БАН. П I Б № 111. Л. 10 об.], Тюильри, Пале-Рояль («полаты

королевския вначале носили прозвание полаты кардиналские, понеже кардинал Ришелью во время счастья своего министерства велел их сделать, а при смерти оставил их королю Людовику 13...») [Там же. Л. 11], Люксембургский дворец («полаты орлеановы, которые называются Люксембурх») были памятниками ренессансной архитектуры, которая уже не воспринималась как современная и не могла служить образцом для подражания. Царь мог обратить внимание на попытки их перестройки в духе классицизма (знаменитая восточная колоннада Лувра была тогда еще не окончена). Сад Тюильри, как и другие «королевские огороды», вызывал живой интерес у русского гостя, неоднократно прогуливавшегося здесь. Знаменитый садовый архитектор А. Ленотр превратил Тюильри в образцовый регулярный сад: здесь была проложена главная аллея с большими бассейнами, которые должны были украшать статуи и вазы. Хотя оформление сада не было закончено, парижане гордились им:

По свидетельству тех, кто видел разные страны, сад Тюильри, безусловно, одно из лучших мест для прогулок во всей Европе и в том состоянии, в котором он находится сейчас, хотя он не украшен еще фонтанами и статуями, как это должно быть в соответствии с предложенным проектом. <...> Большой партер, находящийся со стороны дворца, разделен на несколько участков и прорезан аллеями, которые ведут к главным входам; самые лучшие цветы каждого сезона обязательно представлены здесь; вечнозеленые кустики составляют бордюры, окружающие самшитовые кусты в узорных клумбах-бродери [Brice, t. 1, p. 131–132].

Еще большее любопытство, чем сад, вызвал у царя строящийся рядом разводной мост. Как заметил С. Б. Горбатенко, «строительство технического сооружения привлекло внимание Петра, по крайней мере, не меньше, чем эстетика великолепного регулярного сада» [Горбатенко, с. 76].

Первого июня, возвращаясь из резиденции герцога д'Антена Пти-Бур в Париж, Петр I на специальной гондоле совершил прогулку по Сене и пожелал проплыть под всеми парижскими мостами. С реки открывались разнообразные живописные виды на Париж. В восточной части города берега Сены оставались в основном неблагоустроенными. Не отличавшиеся чистотой пристани были очень оживленными. Пристань Сен-Поль, находившаяся рядом с Арсеналом, была самой многолюдной: сюда прибывало большинство грузовых и пассажирских судов из провинции. Не существующий ныне остров Лувье был весь завален штабелями дров. На левом берегу рядом с восточными воротами Сен-Бернар располагалась заставленная бочками винная пристань. А по соседству с мостом Мари на правом берегу находился сенной рынок. Неприглядный вид скрашивали каменные набережные острова Сен-Луи, украшенные аристократическими особняками. С левым берегом остров связывал мост де ла Турнелль, не застроенный домами.

На острове Сите возвышался собор Нотр-Дам, верхняя часть которого хорошо просматривалась с воды. Однако вокруг него сплеталась паутина узких улиц, на которых прижимались друг к другу высокие дома, давно пережившие свои лучшие времена. Четыре моста, связывавшие остров с правым и левым берегами, были тесно застроены. В районе мостов Нотр-Дам и Менял Париж более всего сохранял средневековый облик. Перед мостом Нотр-Дам, рядом с Гревской площадью, располагалась Хлебная пристань. На другой стороне острова Малый мост вел на левый берег, где возвышался замок Пти-Шатле, превращенный в тюрьму, и лепились друг к другу старинные фахверковые дома. Рядом находился Новый рынок, где торговали рыбой, овощами и мясом и откуда наверняка доносились не самые приятные запахи. Лишь миновав эти мосты и проплывая мимо западной оконечности острова Сите, внимательный зритель мог почувствовать новые веяния парижской архитектуры и градостроительства. Новый мост, не загроможденный домами и лавками и украшенный статуей Генриха IV, являлся своеобразной смотровой площадкой, откуда открывалась широкая панорама парадных набережных. К мосту примыкала регулярно застроенная площадь Дофина.

На отрезке между Новым и Королевским мостами ярче всего проявлялся новый облик столицы, создаваемый архитекторами Людовика Великого, предполагавший правильную организацию городского пространства, открытого к реке. Парадный вид Луврской набережной несколько портила находившаяся здесь пристань Святого Николая, всегда кишачая людьми и заваленная товарами. С этой пристани шло снабжение королевских дворцов всеми необходимыми припасами. Сама река в городе буквально изобиловала судами различных видов, включая такие необычные, как плавучие таможи, мельницы, прачечные и купальни [Fierro; Sarazin, p. 49–77].

Совершив прогулку по реке, царь пересел в карету у ворот Конфранс в конце сада Тюильри, проехал по бульварам, разбитым на месте городских укреплений, купил ракеты и петарды и запускал их в сад отеля Ледигьер [Le Nouveau Mercure, p. 184–185].

Петр I много раз проезжал по парижским мостам. Всего в Париже к тому времени существовало девять каменных мостов. (Заметим, что в Москве к этому времени был построен единственный Каменный мост, а в Петербурге стационарных мостов тогда не существовало.) Брюссельская газета «Relations Veritables» сообщила (вероятно, ошибочно), что осмотр города он начал с Нового моста, на котором возвышалась статуя Генриха IV, а затем осмотрел так называемый Samaritaine («санкта самаритана» петровского «путеводителя») – павильон с насосом, подававшим воду в королевские дворцы [Relations Veritables].

14 июня Пётр I посетил в Лувре Королевскую типографию, а затем отправился на другую сторону Сены в Коллеж Мазарини (Коллеж четырех наций – «школа Мазаринова», «школа четырех народов»).

Отсюда он поехал на примыкающую к Новому мосту площадь Дофина в мастерскую Жана Пижона, где приобрел «сферу Коперникову». После обеда царь поднялся на башню собора Нотр-Дам, чтобы полюбоваться Парижем с высоты птичьего полета с помощью подзорной трубы [Le Nouveau Mercure, p. 191–192]. Несомненно, в этот день взору Петра неоднократно открывались виды, представленные на гравюрах его «путеводителя». На следующий день царь прогуливался в карете по Аллеям Королевы [Le Nouveau Mercure, p. 193] и наверняка любовался открывавшимся отсюда видом на Дом Инвалидов.

Архитектурный ансамбль Дома Инвалидов, включающий собор-усыпальницу, церковь Св. Людовика и приют для инвалидов, который царь посетил 16 мая, был, можно сказать, самой грандиозной новостройкой Парижа, располагавшейся на окраине города. Здание приюта для раненых солдат-инвалидов было построено по указу Людовика XIV архитектором Л. Брюаном в 1671–1676 гг. Церковные здания являлись творениями Ж. Ардуэна-Мансара, работавшего здесь в 1679–1708 гг. Огромная площадь-эспланада, протянувшаяся до Сены, создавалась в 1704–1720 гг. Царский «путеводитель» пояснял:

Двор Марсов или инвалидов зачет в 1672 г., а сделан для житья и покою всем равным, как афицерам, так и салдатам, которые в службе королевской.

Этот памятник военной славы Людовика XIV и его солдат не мог оставить равнодушным героя Полтавы.

Посещая научно-просветительские учреждения Парижа, Пётр I не мог не обратить внимания на то, что они располагают прекрасными зданиями. Украшением столицы был Коллеж Мазарини. Он был сооружен в 1665–1683 гг. по завещанию и на средства кардинала Мазарини по проекту архитектора Л. Лево. Настоящим дворцом науки была парижская обсерватория, которую русский гость посетил трижды. Она была построена в 1672 г. по проекту известного архитектора К. Перро на окраине предместья Сен-Жак. В петровском «путеводителе» значился «опсерватуар или место, где опсервуют планеты небесные, которое строение король зачел в 1667 г. на высоком месте в конце посада Санкта Иякова» [ОР БАН. Л. 29]. Сохранившееся до наших дней здание обсерватории является шедевром архитектуры французского классицизма XVII в.

В коллекции живописи Петра I была картина голландского художника Хендрика Моммерса «Вид Нового моста в Париже». Специалисты относят ее к середине XVII в. Городской пейзаж, вероятно, написан с французского оригинала (в парижском музее Карнавале находится полотно неизвестного мастера 1669 г. с тем же городским видом) или с гравюры. Мы видим Новый мост с памятником Генриху IV как главную смотровую площадку Парижа, протяженный фасад

Лувра и Большой галереи, павильон Тюильри. Однако нет еще достижений градостроительства короля-Солнца: благоустроенных набережных, эффектного купола Коллежа Мазарини. На месте Королевского моста виднеется другое (очевидно, временное) сооружение. Тем не менее, центр Парижа вполне узнаваем, но «в изображении толпы на мосту, коляски в центре картины, всадников, торговцев книгами, актеров, разыгрывающих сценки, прохожих, животных выявляются чисто голландские черты» [Побединская, с. 152]. Так в этой картине своеобразно соединились два пристрастия Петра I – его юношеская любовь к Голландии и сформировавшееся позже уважение к французской культуре, с которой он близко познакомился в 1717 г.

Источники, условно называемые парижскими «путеводителями» Петра I, не только дают перечень достопримечательностей французской столицы, но и позволяют выяснить, какой хотели представить русскому гостю свою столицу гостеприимные хозяева. В первую очередь речь шла о Париже, обновленном за последнее столетие французскими королями. Сам царь полностью разделял это стремление к новизне и почти не проявил внимания к памятникам старинной архитектуры. Знакомство с Парижем продемонстрировало царю роль строительства и архитектуры в самопрезентации власти, в реализации близкой политическому сознанию русского царя идеи «общего блага». Пётр I воочию убедился, как королевские резиденции и памятники монархам могут служить пропаганде и прославлению успехов страны.

Какие же конкретные впечатления и уроки вынес Пётр I из знакомства с парижскими достопримечательностями и архитектурой? К сожалению, в своих письмах он почти не оставил прямых отзывов. Заявления французских газетчиков о том, что русский царь «удивлялся», «был в восторге», «восхищался архитектурой дворца», можно воспринимать как журналистские штампы, однако наблюдатели верно подметили, что царь зарисовывал понравившиеся ему достопримечательности и собирал планы увиденных «прекраснейших мест». Пётр радовался приглашению на русскую службу известного французского архитектора Ж. Б. А. Леблона и сразу же поручил ему разработать новый план Петербурга.

О парижских впечатлениях царя в целом писал герцог Сен-Симон в своих мемуарах: Петра I «крайне поразила роскошь, которую он видел; ему очень по сердцу прились и король, и Франция, и он с горечью сказал, что роскошь вскоре погубит Францию. Уезжал он, *восхищенный оказанным ему приемом, всем, что увидел* (курсив мой. – С. М.)» [Сен-Симон, с. 371]. Известную фразу о то, что «Париж воняет» [Петр Великий, с. 273], приписал царю А. А. Нартов в литературном произведении периода борьбы с галломанией.

Конечно, не все в парижской архитектуре восхищало Петра, было им понято и принято. Об этом свидетельствует, например, написанное еще до приезда в Париж письмо с отзывом об архитектур-

ных проектах Леблона, который, по словам царя, не учитывал, что «у нас не французский климат» [Архив СПб ИИ РАН. №. 84. Л. 372]. Единственный прямой отзыв о французской архитектуре содержится в письме царя архитектору И. К. Коробову 7 ноября 1724 г. (по старому стилю). Царь отказал ему в просьбе переехать из Голландии во Францию и в Италию «для практики архитектуры цивилис»:

Во Франции я сам был, где никакой архитектуры нет и не любят, но толко глатко и просто и очень толсто строят, и все из камня, а не из кирпичика (понеже везде камень есть).

Далее Пётр писал, что французские и итальянские постройки не сходны с русскими условиями: «но в обоих сих местах строение здешней ситуации противные места, и нет сходнее Голландии» [Архив СПб ИИ РАН. № 107. Л. 404]. В данном случае царь имел в виду не только сходство климатических условий. Кажется, он верно уловил черты классицистической простоты в архитектуре Франции, точно подметил, что мода на кирпичные постройки в Париже прошла. Возможно, он считал, что архитектура должна быть более украшенной, в духе голландского барокко. Но скорее всего Пётр-прагматик здесь просто подчинял эстетику практической пользе.

Искусствоведы по-разному оценивают влияние парижских архитектурных впечатлений на строительную практику в петровском Петербурге. С. Б. Горбатенко считает, что Пётр оставался «внутренне чуждым» к достижениям французских архитекторов и гораздо выше ценил образец Амстердама, хотя и признавал влияние французских «уроков» на создание загородных резиденций [Горбатенко, с. 186, 224]. По наблюдениям И. В. Хмелевских, французский стиль эпохи регентства подчас до мелочей копировался в Петербурге Петра I [Хмелевских, 2013, с. 94]. В любом случае знакомство с городской средой Парижа не прошло для царя бесследно.

***

Визуальные материалы дают некоторую возможность представить Париж глазами Петра I. Несомненно, все увиденное царь соотносил с планами строительства своей новой столицы. В представленном на гравюрах почти идеальном Париже можно усмотреть один из истоков петровской мечты – мечты о городе, открытом к реке, с оживленными пристанями и набережными, застроенными «единой фасадой», с мостами, сделанными «крепко из камня твердого», с площадями «формы легулярной» вокруг памятников царям, с садами «лучше», чем у французского короля [Беспярых, с. 141]. Пройдет сто лет, и мечта воплотится в жизнь – такой город вырастет на берегах Невы.

Список литературы

- Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. №. 84, 107.
- Бантыш-Каменский Д. Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого, с портретами их : в 2 ч. М. : Тип. Н. С. Всеволожского, 1813. Ч. 2. 354 с.
- Беснятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях : Введение. Тексты. Комментарии. Л. : Наука, 1991. 280 с.
- Библиотека Петра Великого: западноевропейские печатные книги : в 2 т., 3 кн. СПб. : БАН, 2016. Т. 1. Западноевропейские печатные книги : в 2 кн. / сост. И. В. Хмелевских. Кн. 1–2 (единая пагинация). 981 с.
- Библиотека Петра I : указ.-справ. / сост. Е. И. Боброва ; под ред. Д. С. Лихачева. Л. : БАН СССР, 1978. 214 с.
- Горбатенко С. Б.* Архитектурные маршруты Петра Великого. СПб. : Ист. иллюстрация, 2015. 376 с.
- Мезин С. А.* Пётр I во Франции. СПб. : Европ. дом, 2015. 312 с.
- Мезин С. А., Хмелевских И. В.* Петр I и герцог д'Антен // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. 78. Петровское время в лицах – 2015 : материалы науч. конф. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 298–311.
- Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Голландии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // История Свейской войны : Поденная записка Петра Великого / сост. Т. С. Майкова. Вып. 1. М. : Круг, 2004. С. 610–625.
- ОР БАН. П I Б № 111 (Собр. Петр. гал. № 55).
- Памятники литературы Древней Руси : Конец XV– первая половина XVI века. М. : Худож. лит., 1984. 768 с.
- Пётр Великий : Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М. : Пушкин. Фонд ; Третья волна, 1993. 446 с.
- Письма русских государей и других особ царского семейства. М. : Тип. С. Орлова, 1861. Т. 1. Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. 172 с.
- Побединская А. Г.* Голландские картины из коллекции Кунсткамеры // Из истории петровских коллекций: Памяти Н. В. Калязиной : сб. науч. тр. СПб. : Гос. Эрмитаж, 2000. С. 146–161.
- Порше Ж.* Петр Великий и Парижская королевская библиотека // Временник Общества друзей русской книги. Париж : Jacques Povolozky & Cie, 1938. Кн. 4. С. 43–60.
- Путешествия русских послов XVI–XVII вв. : статейные списки / отв. ред. Д. С. Лихачев. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 490 с.
- РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 23; 24; 88, ч. 1; Ф. 93. 1705. Д. 2.
- Сен-Симон.* Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве : Избранные главы / пер. с фр. Ю. Б. Корнеева ; предисл. А. Д. Михайлова; сост. и коммент. А. П. Бондарева. Кн. 2. М. : Прогресс, 1991. 520 с.
- Хмелевских И. В.* Два указа Петра I о книгах рижскому губернатору // Книга в России: к истории академической библиотеки : сб. науч. тр. СПб. : БАН, 2014. С. 80–88.
- Хмелевских И. В.* Сборник «L'Architectue Française...» из библиотеки Петра Великого // Пушкин и 1812 год : материалы науч.-практ. конф. «Золотой век французской книги в России» (4–8 апр. 2012 г.) и Михайловских Пушкинских чтений «Пушкин и 1812 год» (15–19 авг. 2012 г.). Сельцо Михайловское : Пушк. заповедник, 2013. С. 91–98.
- [*Штелин Я.*] Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. М. : Тип. Пономарева, 1787. 592 с.
- Berelowitch W.* Aux sources d'un model à construire: la France de 1705 vue par un Russe // De Russie et d'ailleurs. Feux croisés sur l'histoire. Pour Marc Ferro / Textes recueillis et éd. par M. Godet. Paris : Inst. d'études slaves, 1995. P. 389–403.
- Berkov P. N.* Trediakovskij et l'abbé Girard // Rev. des etudes slaves. 1958. № 35, fasc. 1–4. P. 7–14.
- Bonnardot A.* Gilles Corrozet et Germain Brice : Etudes bibliographiques sur ces deux historiens de Paris. Genève : Slatkine, 1971. 75 p.
- Brice G.* Description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable : in 3 t. Paris : François Fournier, 1717. Т. 1. 494 p. Т. 2. 526 p. Т. 3. 462 p.

[Buchet P. F.] *Abbrégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour.* Paris : Pierre Ribou et Gregoire Dupuis, 1717. 210 p.

Courtin N. *Paris Grand Siècle : Places, monuments, églises, maisons et hotels particuliers du XVII-e siècle.* Paris : Parigramme, 2008. 176 p.

Fierro A., Sarazin J. Y. *Le Paris des Lumières d'après le Plan de Turgot (1734–1739).* Paris : Réunion des Musées Nationaux, 2005. 144 p.

Le Nouveau Mercure. 1717. Juin. P. 183–205.

Medvedkova O. *La bibliothèque d'architecture de Pierre le Grand : Entre Curiosité et Passion // Cahiers du Monde Russe.* 2006. № 3 (47). P. 467–502.

Perelle A., Perelle G., Perelle N. *Veues des belles maisons de France.* Paris : [S. n.], 1680. S. p.

Relations Veritables (Bruxelles). 1717, 18 mai. S. p.

References

Arkhiv SPb II RAN [The Archive of the Russian Academy of Sciences of St Petersburg Institute of History]. Fund 270. Inventory 1. Dos. 84, 107.

Bantysh-Kamenskiy, D. N. (1813). *Deyaniya znamenitykh polkovodtsev i ministroy, sluzhivshikh v Tsarstvovanie gosudarya imperatora Petra Velikogo, s portretami ikh. Volume 2* [Great Deeds of the Famous Commanders and Ministers, Serving during the Reign of Emperor Peter the Great with their Portraits] 354 p. Moscow, Tipografiya N. S. Vsevolozhskogo.

Berelowitch, W. (1995). Aux sources d'un model à construire: la France de 1705 vue par un Russe. In Godet, M. (Ed.). *De Russie et d'ailleurs. Feux croisés sur l'histoire. Pour Marc Ferro.* Paris, Inst. d'études slaves, pp. 389–403.

Berkov, P. N. (1958). Trediakovskij et l'abbé Girard. In *Rev. des etudes slaves*, 35, pp. 7–14.

Bespyatykh, Yu. N. (1991). *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh. Vvedenie. Teksty. Kommentarii* [Peter I's St Petersburg in Foreigners' Accounts. Introduction. Texts. Comments]. 280 p. Leningrad, Nauka.

Bobrova, E. I. (Comp.) & Likhachev, D. S. (Ed.). (1978). *Biblioteka Petra I. Ukazatel'-spravochnik* [Peter the Great's Library. Index and Reference Book]. 214 p. Leningrad, Biblioteka Akademii nauk SSSR.

Bonnardot, A. (1971). *Gilles Corrozet et Germain Brice. Etudes bibliographiques sur ces deux historiens de Paris.* 75 p. Genève, Slatkine.

Brice, G. (1717). *Description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable.* 494 + 526 + 462 p. Paris, François Fournier.

Buchet, P. F. (1717). *Abbrégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour.* 210 p. Paris, Pierre Ribou et Gregoire Dupuis.

Courtin N. (2008). *Paris Grand Siècle. Places, monuments, églises, maisons et hotels particuliers du XVII-e siècle.* 176 p. Paris, Parigramme.

Fierro A., Sarazin J. Y. (2005). *Le Paris des Lumières d'après le Plan de Turgot (1734–1739).* 144 p. Paris, Réunion des Musées Nationaux.

Gorbatenko, S. B. (2015). *Arkhitekturnye marshruty Petra Velikogo* [The Architectural Routes of Peter the Great]. 376 p. St Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya.

Khmelevskikh, I. V. (2013). *Sbornik "L'Architecture Françoise..." iz biblioteki Petra Velikogo* [Compilation "L'Architecture Françoise..." from the Library of Peter the Great]. In *Pushkin i 1812 god: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Zolotoy vek frantsuzskoy knigi v Rossii" (4–8 aprelya 2012 goda) i Mikhaylovskikh Pushkinskikh chteniy "Pushkin i 1812 god" (15–19 avgusta 2012 goda).* Mikhaylovskoe, Pushkinskiy Zapovednik, pp. 91–98.

Khmelevskikh, I. V. (2014). Dva ukaza Petra I o knigakh rzhskomu gubernatoru [Two Decrees of Peter I about the Books for the Riga Governor]. In *Kniga v Rossii: k istorii akademicheskoy biblioteki.* St Petersburg, Biblioteka Akademii nauk, pp. 80–88.

Khmelevskikh, I. V. (Comp.). (2016). *Biblioteka Petra Velikogo. Zapadnoevropeyskie pechatnye knigi v 2 t. T. I.* [Peter the Great's Library. Western European Printed Books in 2 Vols. Vol. 1]. 981 p. St Petersburg, Biblioteka Akademii nauk.

Le Nouveau Mercure. 1717, juin, pp. 183–205.

Likhachev, D. S. (Ed.). (1954). *Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vekov: Stateynye spiski* [Journeys of the Russian Ambassadors during the 16th and 17th Centuries. Articles Lists]. 490 p. Moscow & Leningrad, Izdatel'svo Akademii nauk SSSR.

Medvedkova, O. (2006). La bibliothèque d'architecture de Pierre le Grand. Entre Curiosité et Passion. In *Cahiers du Monde Russe*, 47/3, pp. 467–502.

Mezin, S. A. & Khmelevskikh, I. V. (2015). Petr I i gertsog d'Anten [Peter I and Duke of Antin]. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 78, pp. 298–311.

Mezin, S. A. (2015). *Petr I vo Frantsii* [Peter I in France]. 312 p. St Petersburg, Evropeyskiy Dom.

Obstoyatel'nyy zhurnal o voyazhe (ili o puteshestvii) ego Tsarskogo velichestva, kak is Kopengagen poekhal i byl v Galandii, vo Frantsii i v protchikh tamoshnikh mestakh, i chto tam chinilos' [A Detailed Journal about the Journey of His Tsar Majesty and how from Copenhagen He Went to Holland, France and Other Places and what Happened there]. In Maykova, T. S. (Comp.). (2004). *Gistoriya Sveyskoy voyny. Podennaya zapiska Petra Velikogo, I*. Moscow, Krug.

OR BAN [The Manuscripts Department of the Academy of Sciences Library]. P I B, 111. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV– pervaya polovina XVI veka* [Monuments of Literature of Ancient Rus. Late 15th – First Half of the 16th Century]. (1984). 768 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Perelle A., Perelle G., Perelle N. (1680). *Veues des belles maisons de France*. S. p. Paris. *Petr Velikiy. Vospominaniya. Dnevnikovye zapisi. Anekdoty* [Peter the Great. Memoirs. Diaries. Anecdotes]. (1993). 446 p. Moscow, Pushkinskiy fond & Tret'ya volna.

Pis'ma russkikh gosudarey i drugikh osob Tsarskogo semeystva. Volume I: Perepiska Petra I s Ekaterinoyu Alekseevnoyu [Letters of Russian Tsars and Other Members of the Royal Family. Peter I and Ekaterina Alekseevna's Correspondence]. (1861). 172 p. Moscow, Tipografiya S. Orlova.

Pobedinskaya, A. G. (2000). Gollandskie kartiny iz kolleksii Kunstkamery [The Dutch Pictures from the Collection of the Kunstkamera]. In *Iz istorii petrovskikh kolleksiy: sbornik nauchnykh trudov. Pamyati N. V. Kalyazinoy*. St Petersburg, Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 146–161.

Porchet, J. (1938). Petr Velikiy i Parizhskaya korolevskaya biblioteka [Peter the Great and Paris Royal Library]. In *Vremennik Obshchestva druzey russkoy knigi (Paris)*, 4, pp. 43–60.

Relations Veritables. 1717, 18 mai, s. p.

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. Fund 9 (II). Volume 23, 24, 88 (I). Fund 93 (1705). Dos. 2.

Saint-Simon (1991). *Memuary. Polnye i dopodlinnye vospominaniya gertsoga de Sen-Simona o veke Lyudovika XIV i Regentstve. Izbrannye glavy. Kn. 2* [Memoirs. Full and Real Memories of Duke de Saint-Simon about the Era of Louis XIV and Regency. Selected Chapters. Vol. 2]. 520 p. Moscow, Progress.

Stählin, J. (1878). *Podlinnye anekdoty Petra Velikago, slyshannye iz ust znatnykh osob v Moskve i Speterburge* [Real Anecdotes of Peter the Great, Heard from Noble People in Moscow and St Petersburg]. 592 p. Moscow, tipografiya Ponomareva.

The article was submitted on 27.02.2017

DOI 10.15826/qr.2017.2.227

УДК 327.82+929Петр(470)*1+94(470)"17'+94(4)"17"

DER AUFENTHALT PETERS I IN PARIS 1717 AUS SICHT DES WIENER HOFES*

Steven Müller
University of Jena,
Jena, Germany

TSAR PETER I'S VISIT TO PARIS IN 1717: THE VIEW FROM THE VIENNESE COURT

Steven Müller
University of Jena,
Jena, Germany

This article discusses observations made by Joseph Königsegg, the Habsburg envoy in Paris, on the presence of Tsar Peter I in the French capital. The author bases his argument on unedited diplomatic reports in the Austrian state archives in Vienna (Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien). First, the author outlines the aims of Königsegg's embassy on the basis of the instructions issued by Emperor Charles VI. Analysing diplomatic reports, it is clear that Königsegg was unable to draw a detailed picture of the tsar's activities in Paris due to the significant ceremonial disputes between the Viennese and the Parisian court. Furthermore, a report issued by the Swedish envoy in Paris (discovered among the papers of the Habsburg emperor) not only reveals diverse observations on Peter I, but also shows that diplomatic communication and information collection functioned thanks to diplomatic networks.

Keywords: diplomacy; diplomatic communication; Tsar Peter I; Eighteenth-century Russian/European history.

Показаны наблюдения посланника венского императора в Париже Йозефа фон Кёнигсегга, касающиеся пребывания русского царя Петра I в 1717 г. во французской столице. Источниками послужили неотредактированные дипломатические послания Австрийских государственных архивов г. Вены (Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien). Изложены цели посольства Кёнигсегга на основании указаний римского императора Карла VI. Анализируя дипломатические сообщения, автор приходит к выводу, что Кёнигсегг был

---

* *Citation:* Müller, S. (2017). Der aufenthalt Peters I in Paris 1717 aus sicht des wiener hofes. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 356–366. DOI 10.15826/qr.2017.2.227.

Цитирование: Müller S. Der aufenthalt Peters I in Paris 1717 aus sicht des wiener hofes // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 356–366. DOI 10.15826/qr.2017.2.227.

не в состоянии нарисовать детальную картину деятельности царя в Париже, что было обусловлено церемониальными диспутами между венским и парижским двором. Обнаруженный в работах римского императора в Вене доклад шведского посланника в Париже не только пополняет разнообразные наблюдения о Петре I, но также объясняет, как дипломатические отношения и сбор информации функционировали благодаря дипломатическим сетям.

Ключевые слова: дипломатия; дипломатические отношения; царь Петр I; История России и Европы XVIII в.

Dieser Artikel stellt die Sichtweise des kaiserlichen Gesandten Joseph Lothar Dominik Graf von Königsegg-Rothenfels (1673–1751)¹ und des Wiener Hofes auf die Anwesenheit Zar Peters I. in Paris dar und basiert auf der Grundlage bisher nicht unter dieser Fragestellung bearbeiteter [Müller, insb. S. 126–131] und nicht edierter kaiserlicher Gesandtschaftsberichte.

Der Untersuchungszeitraum umfasst nicht nur die Aufenthaltsdauer Peters I. am französischen Hof vom 18. Mai bis 1. Juli 1717, sondern setzt mit der Planung der Gesandtschaft Königseggs nach Paris 1715 ein. Die Betrachtung des Hintergrunds und der Zielsetzung der kaiserlichen Gesandtschaft ist notwendig, um die Berichterstattung über Peter I. zu verstehen. Die Darstellung erfolgt in drei Schritten: Die Ziele und die Zusammensetzung der kaiserlichen Gesandtschaft unter der Leitung des Gesandten Königsegg werden eingangs an Hand der vorhandenen kaiserlichen Instruktionen herausgearbeitet. Zentral ist zweitens die Darstellung des russischen Zaren in den Relationen des kaiserlichen Gesandten sowie in den Instruktionen aus Wien. Es ist zu klären, warum die Hauptinformationsquelle des kaiserlichen Hofes in Wien nicht (nur) die Berichterstattung des eigenen Gesandten sein konnte, sondern ein auf Französisch verfasster Bericht des schwedischen Gesandten in Paris.

Diese Fragestellung leitet dann zum dritten Schritt über: Wie die diplomatische Informationsbeschaffung und Nachrichtenübermittlung in diesem konkreten Fall funktionierte. Dadurch wird abschließend die Aussagekraft der kaiserlichen Gesandtschaftskorrespondenz bewertet sowie der Mehrwert dieser für die Forschung dargelegt.

Die Mission des kaiserlichen Gesandten Königseggs

Die Absendung Königseggs² an den französischen Hof war zwar seit Anfang Oktober 1715 beschlossen [HHSTA FR 30 I 1r-v],³ musste jedoch immer wieder verschoben werden. Die Gründe hierfür waren, dass

¹ Zu seinen biographischen Angaben [Albrecht, S. 523–525; Braubach, S. 356–358] sowie seinen diplomatischen Tätigkeiten [Müller, S. 203].

² Königsegg war vom 20.03.1717– 16.08.1719 kaiserlicher Botschafter am französischen Hof [Hausmann, 60].

³ Um eine eindeutige Zuordnung der Archivalien gewährleisten zu können, werden die Abkürzungen exemplarisch aufgeschlüsselt: HHSTA (= Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien) FR (= Staatenabteilung Frankreich) 30 (= Karton) I (Konvolut) 1r-v (= Folio).

Königsegg von August 1714 bis November 1715 den Barrièrevertrag für den Kaiser aushandelte, wofür er sich in den Niederlanden sowie zeitweise in London aufhielt [Bittner, Groß, 140; 154; HHSTA FR 30 II 14r-v; 18v–19r]. Königsegg musste bis zum 31. Januar 1716 in Brüssel verweilen, da die aus diesem Vertrag resultierende kaiserliche Übernahme der Regierung in den Niederlanden erst mit dem Austausch der Ratifikationen des Barrièrevertrages vollzogen wurde. Er konnte deswegen seine Gesandtentätigkeit in Paris nicht vor dem 20. März 1717 aufnehmen [HHSTA FR 28 I 1r–4v].

In einer Instruktion des Wiener Hofes hieß es, dass Königsegg auf Grund seiner Verdienste in Staats- und Kriegsangelegenheiten⁴ sowie seines vortrefflich geeigneten Charakters und seines hohen Vertrauens beim Kaiser für den bedeutenden Pariser Gesandtschaftsposten ausgewählt worden sei [HHSTA FR 30 I 1r-v, II 13v] – obwohl ihm die eigentlich notwendigen privaten monetären Mittel für eine Gesandtenlaufbahn fehlten [Müller, S. 171]. Über die personelle Zusammensetzung seiner Gesandtschaft geht aus den Archivalien hervor, dass Karl VI. ihm im Oktober 1716 den Legationssekretär Arnold Heinrich Edler von Glandorf, Reichsritter des Heiligen Römischen Reiches, zuteilte [HHSTA FR 30 II 25r].

Da die Absendung immer wieder verschoben wurde, sind drei Instruktionen vom 6. Oktober 1715, vom 29. August sowie vom 7. Oktober 1716 überliefert [HHSTA FR 30 I 1r-v, II 1r–4v, II 13r–24v], aus denen die Vorgaben Kaiser Karls VI. an seinen Gesandten hervorgehen. Deren wichtigste Bestimmungen werden im Folgenden erläutert, soweit sie für die Berichterstattung über Peter I. von Relevanz sind:

Besondere symbolische und politische Bedeutung hatte die Absendung Königseggs an den französischen Hof, da der Gesandtschaftsposten seit der Mission des Grafen Philipp Ludwig von Sinzendorf (6. August 1699 bis 24. August 1701) auf Grund des kaiserlich-französischen Gegensatzes im Spanischen Erbfolgekrieg (1701 bis 1714) unbesetzt geblieben war [HHSTA FR 30 II 14v–16r; Bittner, Groß, S. 141]. Es galt die friedlichen Beziehungen beider ehemals verfeindeter Staaten wiederherzustellen und sowie die mit England und den Niederlanden geschlossene Allianz des Kaisers am französischen Hof zu vermitteln [HHSTA FR 30 II 2r–3r].

Die längste der drei Instruktionen vom 7. Oktober 1717 befasst sich ausschließlich mit zeremoniellen Fragen [HHSTA FR 30 II 13r–24v]. Daraus wird ersichtlich, wie wichtig es war, durch das Zeremoniell herrschaftliche Vorrechte und den daraus abzuleitenden Machtanspruch auszudrücken und öffentlich sichtbar zu machen [Pečar, S. 207–213] – gerade in Zeiten, in denen europäische Höfe den Ehrevorrang des Kaisers einzuschränken suchten [Müller, S. 134]. Es sei jedoch wegen der langen Vakanz des Gesandtschaftspostens für den Kaiser umso schwerer, Königsegg Anweisungen über zeremonielle Feinheiten zu erteilen. Deswegen sei es umso wichtiger, dass er die gleichen zeremoniellen Vorrechte wie der päpstliche Nuntius am französischen Hof erhalte [HHSTA FR 30 II 15r–15v; 22v–23r].

⁴ Zu seinen Verdiensten ausführlicher: [Braubach, S. 356–358; Albrecht, S. 523–525].

Die Instruktion schließt mit der Ermahnung des Gesandten betreffend des Zeremoniells, dass Königsegg „weder Unserm Ansehen, noch der Würde seines Amtes was nachtheiliges thun, oder gestatten wird“. Aber der Kaiser gab ebenso unumwunden zu, dass er seinem Gesandten nicht alle zeremoniellen Lücken schließen könne, sondern dieser selbst seine allseits bekannte Aufmerksamkeit nutzen müsse, um abzuwägen, ob das Zeremoniell dem päpstlichen Nuntius gleichkomme [HHSTA FR 30 II 23r–24v].

Welche Auswirkungen dies auf die Berichterstattung über den Zaren hatte, der wenige Monate nach der Ankunft des kaiserlichen Gesandten ebenfalls in Paris weilte, gilt es im Folgenden aufzuzeigen.

Die Berichterstattung Königseggs über den Aufenthalt Peters I in Paris

Am 2. Mai erwähnte Königsegg das erste Mal, sich auf „Geheime... partikulere... Zeitungen“ berufend fast nebenbei – nämlich erst gegen Ende seiner Relation – über die Ankunft Peters I. in Paris: „der Czaar auß Moskau würdt nechster tagen allhier erwartet, ob diese Seine reyß anhero, nur die curiositet, od etwas anderes zum zweckh habe, werde bei Seiner anwesenheit zu observieren beflissen seyn, einige halten dafür, daß man ihn mit Schweden zu vergleich such dörrfte“ [HHSTA FR 28 I 15v].

Die Annahme Königseggs, dass es Zar Peter I. auf seiner Reise nach Paris um erfolgreiche Bündnisschlüsse gehe, erscheint insoweit nachvollziehbar, da Peter I. auf seiner zweiten Europareise militärisch hauptsächlich danach strebte, seine Eroberungen im Baltikum zu sichern sowie durch geschickte Allianzen mit europäischen Höfen einen endgültigen Sieg über Schweden zu erringen [Luber, S. 41]. Da zu Beginn des Jahres 1717 die anscheinend so aussichtsreichen Versuche Peters I., ein europäisches Bündnis zur militärischen Intervention in Schweden zu schmieden, scheiterten, suchte der Zar aus seiner bündnispolitischen Isolation zu gelangen, um seine Ziele zu erreichen [Liechtenhan, S. 392–399].

Seine Annahmen konkretisierte Königsegg in seinem nächsten Bericht vom 13. Mai 1730 abermals. Gerüchten zu Folge wollte sich Peter mit Schweden versöhnen und mit Frankreich einen Bündnis- und Handelsvertrag abschließen, worauf er ein wachsames Auge haben werde. Um die genannten Ziele zu erreichen, habe der französische Hof dem Zar große Ehrbezeugung zukommen lassen und die Ankunft des Zaren verursache die größte Aufregung. Französische Würdenträger seien um den Zaren bemüht, seitdem er das Königreich Frankreich betreten habe. Der Marchal de Tessé sei Peter I. entgegen geschickt worden und er solle während des Aufenthalts des Zaren in Paris stets bei ihm verbleiben. Nach seinem Einzug in Paris sei der Zar in das kostbar eingerichtete alte Louvre geführt worden, wo er jedoch nicht habe verbleiben wollen. Er habe sich noch am selben Abend in das Hotel Lesdiguières begeben, dass jedoch „eben so herrlich, als das appartement in dem Louvre für Ihn

schon eingerichtet gewesen“ sei, wie Königsegg durchaus anerkennend nach Wien berichtete. Dort sei er vom französischen Regenten, dem Herzog Philipp von Orleans, besucht worden, ebenso habe ihm zwei Tage später der junge König Ludwig XV. persönlich in großer Begleitung die erste Visite erteilt. Als Referenz habe der Zar in einem königlichen Wagen in Begleitung von drei Edelknaben und der Garde zu Pferde dem französischen König eine Gegenvisite erwiesen [HHSTA FR 28 I 17r–18r].

Da die befürchtete bündnispolitische Annäherung Peters I. an Frankreich nicht zu erfolgen schien, berichtete Königsegg am 23. Mai 1717 mit einiger Verwunderung an den Kaiser, dass seit seinem letzten Bericht die Verhandlungen über eine Allianz zwischen Frankreich und Russland nicht vorangekommen seien, obwohl der französische Hof dem Zaren kontinuierlich alle Ehrenbezeugungen entgegenbringe. Der Zar verbringe jedoch kurioser Weise mehr Zeit mit der Besichtigung Paris; dass auch über Bündnisse verhandelt werde, sei nicht zu erkennen. Woher die für Unruhe sorgenden Gerüchte kommen, dass auch der König von Preußen inkognito auf Weg nach Paris sei, konnte er nach eigenen Angaben noch nicht aufklären [HHSTA FR 28 I 17r–18r].

Die Anwesenheit des preußischen Königs Friedrich Wilhelm I., dem einzigen damaligen Bündnispartners Peters, hätte die Verhandlungsposition des Zaren gestärkt, da die Annäherung an Frankreich vor allem durch dessen Vermittlung sowie kultureller Verbindungen zwischen Paris und St. Petersburg möglich wurde [Liechtenhan, p. 401–410]. Ungeachtet des Berichts über weiteren Bündnisverhandlungen, thematisierte Königsegg erst am 20. Juni 1717 bereits die Abreise des ungewöhnlichen Pariser Gastes:

Der Zar habe alle Vorbereitungen getroffen, um noch am gleichen Abend über Charleville und Namur nach Aachen abzureisen [HHSTA FR 28 II 5r]. Trotz eines regen Austauschs zwischen den führenden französischen und russischen Würdenträgern und dem Versuch Frankreichs, Peter I. zu einer Allianz zu bewegen, sei ihnen dies nicht gelungen. Peter solle jedoch laut der Aussage des französischen Botschafters in Stockholm, Louis Pierre Comte de La Marck, einem Ausgleich mit Schweden nahe gewesen sein, so Königsegg [HHSTA FR 28 II 5v; Hausmann, S. 126]. Weiter heißt es, dass die Vorschläge des französischen Gesandten La Marck in Stockholm nicht „verfangen wollen“ und dieser deswegen nach Paris bereits von seiner Abberufung schreibe [HHSTA FR 28 II 5v]. Die Meldung, dass der Zar seine Truppen in Mecklenburg abziehe, habe am französischen Hof für Verdross gesorgt, wobei der Zar vorgegeben habe, dass die Gespräche in Paris dazu beigetragen haben [HHSTA FR 28 II 5v].

Die historische Kontextualisierung des russischen Truppenabzugs aus Mecklenburg legt nahe, dass dieser aus französischer Sicht je nach Verlauf der Verhandlungen in Europa positiv wie negativ gesehen wurden. Zum einen dienten sie dazu, die Position des Kaisers im Reich zu schwächen, zum anderen befürwortete der Regent den Abzug, da er versuchte, sich mit dem englischen König Georg I. gutzustellen, der eben diese Truppen als Bedrohung ansah [Liechtenhan, p. 395, 398, 418]. Der Rückzug der russischen

Truppen kann aber auch als Entgegenkommen Russlands gegenüber dem Kaiser gewertet werden, denn die Flucht des russischen Thronfolgers Alexej in die Arme seines Schwiegervaters, Kaiser Karl VI, verkomplizierte nicht nur die russisch-kaiserlichen, sondern insgesamt die europäischen Verhältnisse deutlich und bedrohte Peters Verhandlungsposition, indem dieser erpressbar wurde [Liechtenhan, p. 394–395].

Erst am 9. Juli 1717 – also bereits nach der Abreise Peters – erfolgten eine ausführlichere Berichterstattung und Einschätzungen zum Erfolg der Parisreise des Zaren. Dies begründet Königsegg damit, dass der kaiserliche Kurier Boulanger nach Paris zurückgekommen sei und der kaiserliche Gesandte somit dem Karl VI. die Relation „mit mehr Sicherheit“ zukommen lassen könne [HHSTA FR 28 II 7r]. Daraus wird ersichtlich, dass in dieser Situation die Sicherheit der Übermittlung der Botschaften Vorrang vor einer schnellen Informationsweitergabe hatte. Dazu war der Königsegg auch in seiner Instruktion neben der Chiffrierung bei brisanten Themen angehalten worden [HHSTA FR 30 II r-v, III 5r].

Königsegg repetierte, dass es unglaublich sei, welches Aufsehen und Entgegenkommen um den Zar während seiner Anwesenheit selbst für die kleinsten Sachen gemacht worden sei, um diesen für die französische Nation zu gewinnen. Dafür habe der französische Hof an nichts gespart, obwohl nicht viel erreicht worden sei, so der kaiserliche Gesandte in seiner Darstellung. Der Zar sei zwar im Besonderen wegen der zuvorkommenden Behandlung und den Höflichkeiten des Königs, des Regenten und der Prinzen von Geblüt besonders „wohl vergnügt abgereist“. Diese zuvorkommende Behandlung habe der Zar von dem verstorbenen französischen König Ludwig XIV. nicht erhalten, resümierte Königsegg [HHSTA FR 28 II 7r-v]. Er rekurierte hierbei darauf, dass der verstorbene Ludwig XIV. dem militärisch erfolgreichen Zaren noch alle Unterstützung versagt und treu zu seinen schwedischen Verbündeten gehalten hatte, während unter dem französischen Regenten, Philipp von Orleans, auf Grund mächtropolitischer Verschiebungen in Europa sowie wegen der wirtschaftlichen Schwäche Frankreichs ein vorsichtiges Entgegenkommen gegenüber Peter I. erfolgte [Liechtenhan, p. 401].

Königsegg berichtete dem Kaiser zudem, dass es zu keinem angestrebten Bündnis oder einem Handelsvertrag gekommen sei, auch wenn der Zar davon nicht weit entfernt gewesen sei [HHSTA FR 28 II 7r-v]. Von damit einhergehenden Subsidienzahlungen Frankreichs hätten der Zar sowie der preußische König profitiert, den Peter I. in dieses Bündnis hätte hineinziehen wollen. Nicht nur die hohe Staatsverschuldung Frankreichs sei hinderlich für einen erfolgreichen Bündnisschluss gewesen, sondern ausschlaggebend für das Scheitern der Verhandlungen zwischen Frankreich, Preußen und Russland sei vielmehr gewesen, dass der englische König Georg I. die Verhandlungen mit großer Aufmerksamkeit kritisch verfolgt habe. Frankreich wolle dem englischen König nämlich keinen Grund zum Misstrauen geben, so die Einschätzung der Situation in Paris durch Königsegg [HHSTA FR 28 II 7v–8r]. Trotz kürzlich geschlossener Defen-

sivallianz und französischer Garantie der Einhaltung ebendieser gestalten sich – laut Königsegg – die englisch-französischen Beziehungen schwierig, da verschiedene höfische Würdenträger beider Seiten diese als unverlässlich und kritikwürdig ansehen [HHSTA FR 28 II 7r–8v]. Das bessere Vertrauensverhältnis Englands zum Kaiser in dieser Dreierallianz verstimme Frankreich zudem zusätzlich [HHSTA FR 28 I 15v]. Aber auch das französisch-kaiserliche Verhältnis schätzte der kaiserliche Gesandte durchaus ambivalent ein, da der französische Regent sowie andere ungenannte französische Würdenträger den kaiserlichen Siegesmeldungen über das Osmanische Reich zwar besonderes Wohlwollen entgegen gebracht haben, von anderen jedoch Sympathiebekundungen gegenüber dem Omanischen Reich erfolgt seien [HHSTA FR 28 II 16r–v].

Diese Äußerungen verdeutlichen abermals die komplexen und fragilen Beziehungen und Abhängigkeiten der europäischen Höfe in dieser Kriegsperiode des Großen Nordischen Krieges, die bei der Beurteilung der Aussagekraft der Berichte des kaiserlichen Gesandten nochmals vertieft aufgegriffen werden.

Es ist insgesamt auffällig, wie wenig Königsegg über den eigentlichen Besuch Peters I. an den Wiener Hof berichtete. Dies allein mit der sicheren Übermittlung der Informationen durch einen Kurier aus Angst vor Spionage zu begründen, ist in der Tat wenig überzeugend. Da zeremonielle Fragen den größten Platz in der Berichterstattung Königseggs einnahmen, kann vermutet werden, dass eben darin die Ursache der rudimentären Berichterstattung über Peter I. lag.

Königsegg nahm die Anweisung des Kaisers über die Einhaltung seines Zeremoniells ausgesprochen ernst und berichtete bereits in seiner Relation, in der er seine Ankunft meldete, dass er Informationen über das Zeremoniell des päpstlichen Nuntius erhalten habe [HHSTA FR 28 I 2v–3r]. Königsegg bezeichnete das päpstliche Zeremoniell wörtlich als „Richtschnur“ seines eigenen Zeremoniells [HHSTA FR 28 I 3r] und falls es zu Abweichungen komme, werde er die kaiserlichen Befehle abwarten, bevor er handeln werde [HHSTA FR 28 I 3v, II 9r–10v]. Er habe sich abermals nicht nur auf das Genauste über das Zeremoniell des päpstlichen Nuntius bei dessen Einzug und dessen ersten Audienz informiert, sondern auch mit dem Präsidenten des Rates für auswärtige Angelegenheiten, dem Marschall d’Huxelles⁵ darüber gesprochen, wobei deutlich wurde, dass hier ein Interessenkonflikt bestehe und dieser – laut Königsegg – nicht gewillt sei, diesem seine zeremoniellen Vorstellungen zu gewähren [HHSTA FR 28 I 23r–28v]. Königsegg erbat sich deswegen vom Kaiser genaue Instruktionen, ob er auf das papstgleiche Zeremoniell während seiner ersten öffentlichen Audienz zu bestehen habe [HHSTA FR 28 I 24r–25r]. Königsegg merkte zwar an, dass „das übrige ministerium antreffendt, da rathet mir khein mensch Ihnen nachzugeben, undt Franzosen selbstn halten dafür, daß es eine unbillige pratesion seye“, es jedoch ein großes Hindernis seiner

⁵ Nicolas du Blé, marquis d’Huxelles (1652–1730) war von 1715–1718 Präsident des Rates für auswärtige Angelegenheiten [Malettke, S. 31].

Arbeit darstelle, wenn er keine öffentliche Audienz erlange, denn diese sei für die Erlangung von Informationen wichtig. Nur bei persönlichen Zusammentreffen am Hofe könne er aus den geführten Diskursen und Mienen Intrigen aufdecken [HHSTA FR 28 I 28r].

Daraus wird die doppelte Bedeutung des Zeremoniells sehr deutlich: Dieses stellte auf der einen Seite die Macht und die Würde des Herrschers dar, die nicht gemindert werden durfte; auf der anderen Seite war aber eben dieses Zeremoniell der ersten offiziellen Audienz eines Gesandten unabdingbar, um besser an Informationen zu gelangen. Welche bedeutende Rolle das Zeremoniell hatte, zeigt sich auch daran, dass Königsegg letztendlich seinen ersten offiziellen Einzug mit einem stattlichen Gefolge erst am 23. Oktober 1718 halten konnte [Müller, S. 126–131]. Deswegen musste er auch die Ankunft Peters I. aus in Paris verfügbaren Zeitungen entnehmen und sich auf Gerüchte berufen, die ihm zugetragen wurden. Es war ihm auch sonst nicht möglich, ausführliche Berichte über den Zaren nach Wien zu senden. Allein das Zusammentreffen mit anderen Botschaftern bei öffentlichen Empfängen stellte ein Problem dar, wie Königsegg wegen einer offiziellen Einladung aller Botschafter durch den Marschall d'Huxelles sowie bei der Teilnahme an der Fronleichnamsprozession offenlegte [HHSTA FR 28 I 26r-v, I 31r-v].

Nachdem die Gründe für die quantitativ rudimentäre kaiserliche Berichterstattung über Peter I. geklärt wurden, gilt es im Folgenden ihre Aussagekraft zu bewerten.

Die Informationslage des Kaisers in Wien und der Quellenwert der Aussagen des kaiserlichen Gesandten

Da auch in den überlieferten kaiserlichen Weisungen an Königsegg zeremonielle Anweisungen überwiegen, findet sich nur eine einzige sehr allgemein gehaltene Textpassage vom 29. Mai 1730 über den Aufenthalt Peters I. Darin heißt es, dass der Zar in Paris angekommen sei „und nicht wol zumuthmaßen ist, daß dise Reiß auß bloßem Vorwitz die ländler zu sehen angestellet seyn solte“. Deswegen solle Königsegg wachsam sein, genaue Beobachtungen anstellen und diese nach Wien melden. Des Weiteren solle er sich mit dem verbündeten englischen Gesandten in Paris vertraulich besprechen. [HHSTA FR 30 III 7r-v].

Archivalische Quellenfunde zeigen, dass die Darstellungen Königseggs über Peter I. nicht die einzige Informationsquelle war, über die der Kaiser in Wien bezüglich Zar Peter I. verfügte. Im gleichen Konvolut befindet sich die Abschrift eines Berichtes des schwedischen Gesandten Daniel Cronström⁶ aus Paris, der für den schwedischen Hofkanzler Baron Henrik Gustaf von Müllern angefertigt wurde. Anhand des Eingangsvermerks ist belegbar, dass diese Kopie des Berichts am 13. Juni 1717 den schwedischen

---

⁶ Daniel Cronström kam am 05.10.1702 als Resident an den Pariser Hof. Er war seit 1703 Gesandter und starb in Paris am 10.09.1719 [Bittner, Groß, S. 492].

Residenten am Kaiserhof Johann Karl Stiernhöök⁷ erreichte. Es ist anzunehmen, dass der Bericht durch den schwedischen Residenten am Kaiserhof in die Hände des Kaisers gelangte. Hieraus wird deutlich, dass das schwedische Diplomatennetzwerk Karl VI. aus eigenem Interesse Berichte über die Rolle Peters am französischen Hof zukommen ließ. Warum weder der Kaiser noch Königsegg in irgendeinem Schreiben auf den schwedischen Residenten in Wien oder auf Kontakte zum schwedischen Botschafter in Paris eingingen, wohingegen Verbindungen zu anderen Gesandten genannt wurden, muss an dieser Stelle offen bleiben. Dieser Befund der Nachrichtenübermittlung stützt jedoch die in der Forschung vertretende Auffassung, dass Gesandte in einem Netzwerk agierten und neben ihren offiziellen Relationen auch Briefkontakte zu anderen Diplomaten pflegten [Müller, S. 58]. Kein geringerer als der Kaiser selbst verlangte dies in einer Instruktion an Königsegg selbst: Er solle auch mit den an anderen Höfen tätigen kaiserlichen Gesandten über Sachverhalte korrespondieren, wenn diese von Interesse derjenigen seien [HHSTA FR 30 II 4r].

Bei einer Gegenüberstellung dieses einzelnen schwedischen Schreibens mit allen Berichten Königseggs, wird aber deutlich, dass die Beschreibungen des kaiserlichen Gesandten vergleichsweise oberflächlich und rudimentär blieben. Bereits über den Einzug des Zaren in Paris hieß es in dem schwedischen Gesandtschaftsberichts ausführlicher: „Le Czar arriva à Paris le 7. May à 9 heures du soir. Il entra sans flambeaux dans la ville pour n'être point vû par le peuple qui l'attendoit“ [HHSTA FR 30 III 8r]. Die Anwesenheit und das Auftreten des russischen Zaren in Paris stelle für die Pariser immer wieder eine Belustigung da, wie der schwedische Gesandte berichtete, da dieser versucht habe, den Zwängen des offiziellen Hofzeremoniells zu entkommen, dem er als russischer Zar unterlag: „Malgré son incognito il n'est forte d'honneur qu'on ne Lui fit, s'il le desiroit. Mais au lieu d'encherir sur cela Il se defait peu à peu de plusieurs choses de cette nature et ne paroit nullement difficile. Au commencement il ne sortoit point sans Gardes du Corps du Roy, mais il s'en passe le plus souvent, craignant d'amuser par là la foule qui est dans les rues.“ Wenig später hieß es durchaus anerkennend über seine Charaktereigenschaften, dass er unter anderem umgänglich und nicht im Mindesten hochmütig sei, sondern für seinen gesellschaftlichen Stand überaus zugänglich. Zudem sei er einfach aber gut gekleidet. Peter I. Sorge jedoch überall für Aufsehen [HHSTA FR 30 III 9r].

Aber nicht nur detaillierte Informationen zum Einzug des Zaren und über die Reaktionen der Pariser auf Peter I. sowie über seine Charaktereigenschaften erhielt Kaiser Karl VI. nur durch die ausführlichere Berichterstattung des schwedischen Gesandten, sondern auch über die durch Peter I. erzeugte Brüskierung des französischen Hofes auf Grund der Missachtung des französischen Hofzeremoniells bei den Visiten des Regenten und des Königs. [HHSTA FR 30 III 8r–9v; Massie, S. 543–545]. Zudem düpierte Peter I. den französischen Hof nicht nur durch Missachtungen des Hofze-

⁷ Johann Karl Stiernhöök kam am 18.05.1707 als Sekretär an den Wiener Hof. Er war seit 1716 Residenten und blieb bis zum 22.03.1719 in Wien [Bittner, Groß, S. 487].

remonieils, sondern auch durch sein als nicht standesgemäß wahrgenommenes Verhalten bei einer feierlich ausgerichteten Tafel, wie Cronström zu berichten wusste: „*Ses tables sont servies par les officiers de la bouche du Goblet et du Cerdeau, un de ceux du Goblet Luy presente la serviette en se metant à table et Luy serviroit le verre et la Soucoupe, mais ce Prince mange sans facon, met la bouteille aupres de Luy sur la table et Se verse à boir Lui meme*“ [HHSTA FR 30 III 8v–9r].

Einen Opernbesuch Peters mit dem französischen Regenten und dessen Besichtigungstouren in Paris, die von den Parisern belustigend bis befremdlich wahrgenommen worden seien [HHSTA FR 30 III 9v; Massie, S. 548–549], streift der kaiserliche Gesandte im Gegensatz zu seinem schwedischen Kollegen – wenn überhaupt – nur am Rande und beurteilte sie ausschließlich aus dem Gesichtspunkt, dass diese dem russischen Zaren wichtiger gewesen seien als Verhandlungen über Allianzverträge. Ob das Auslassen dieser kulturellen Aktivitäten Peters I. damit zusammenhängt, dass Königsegg ein Militärangehöriger war, und diese als nachrangig empfand, kann hier nur vermutet werden; wobei selbst der Schwerpunkt der kaiserlichen Berichterstattung – das Aushandeln und Schließen von Bündnissen sowie Beurteilungen gesamteuropäischer Affinitäten beziehungsweise Ambivalenzen zwischen einzelnen Höfen – nicht sonderlich ausführlich erfolgte.

Königsegg schien es aber auch nicht möglich gewesen sein, Aussagen über die Größe und die namentliche Zusammensetzung der Reisedelegation Peters vermelden zu können. Diese Information erhielt Kaiser Karl VI. ebenfalls ausschließlich durch die Angaben in der schwedischen Relation: „*Sa suite est de 80 personnes environ, les princi pax sont le Prince Kurakin, Safirof, Tolstoy, Dolgoruki et Buterlin, parmi ceux la personne ne parle françois que le premier*“ [HHSTA FR 30 III 9r]. Es ist anzunehmen, dass diese Informationen nicht unerheblich für den Erfolg der Verhandlungen um ein Militär- oder Handelsbündnis waren, denn ebenso wie Königsegg nahm der schwedische Gesandte an, dass es zu einem Handelsvertrag zwischen Paris und Petersburg komme. Letzterer konkretisierte seine Annahme allerdings, indem er vermutete, dass Peter I. im Anschluss an seinen Besuch in Paris an die französische Mittelmeerküste reise, „*pour apprendre la construction des galeres françoises*“. Angestrebt sei – nach Aussagen Cronströms – zudem, Handel vom Ladogasee bis in die Levante zu betreiben [HHSTA FR 30 III 9v].

Die nun folgenden Äußerungen des schwedischen Gesandten über die politische Lage Europas machen deutlich, warum es zur Übermittlung des schwedischen Berichts an den Kaiser kommen konnte. Die ehemals so verlässlichen schwedisch-französischen Verbindungen schienen nach Ansicht Cronströms durch die mehrmaligen Audienzen Peters und seiner Delegation am Pariser Hof gefährdet gewesen zu sein [HHSTA FR 30 III 10r–11r]. Wenn es zu einer Annäherung Englands und Russlands komme, einhergehend mit der Anerkennung der russischen Annexionen ehemals schwedischer Gebiete gegenüber Russland, wie dies der russische Gesandte in London bereits vergeblich vorgebracht habe, bestand aus schwedischer Sicht die Gefahr, dass sich unter der Vermittlerrolle Englands auch Frankreich die-

sem Separatfrieden mit Russland anschlieÙe [HHSTA FR 30 III 11r–12v]. Eine englisch-russische Annäherung schien zumindest wegen der zerrütteten englisch-schwedischen Beziehungen möglich, seit König Georg I. die schwedische Unterstützung eines schottischen Umsturzversuchs gegen ihn aufgedeckt hatte. Cronström bemühte sich zwar redlich, aber letztendlich vergeblich, die schwedische Beteiligung daran zu zerstreuen [HHSTA FR 30 III 11v; Liechtenhan, p. 397–399]. Schweden konnte kein Interesse daran haben, dass das bisher treu mit ihm verbündete Frankreich und England, das zumindest kritisch gegenüber Russland eingestellt war, sich nun Peter I. zuwenden würden [Luber, S. 57]. Deswegen beobachtete der schwedische Gesandte in Paris mit Argusaugen sowohl die Häufigkeit als auch die Dauer der Zusammentreffen zwischen den Würdenträgern der Höfe Frankreichs und Russlands und bemühte sich mit mäßigem Erfolg, bei dem für auswertige Angelegenheiten zuständigen Marschall d'Huxelles Informationen über den Stand der französisch-russischen Verhandlungen zu bekommen [HHSTA FR 30 III 10r–v]. Um eine Annäherung Russlands an England und Frankreich zu verhindern, versuchte Schweden, den Kaiserhof zu gewinnen, dessen Verhältnis zu Russland wegen der Stationierung russischer Truppen in Mecklenburg und der Flucht des russischen Thronfolgers Alexejs nach Wien als angespannt galt [Liechtenhan, p. 388–389; 423].

Die überall kursierenden Gerüchte um die gleichzeitige Ankunft des preußischen Königs erwähnte Kaiser Karl VI. sowie der schwedische Gesandte in Paris ebenso; sie hielten sie aber ebenso wie Königsegg für unglaubwürdig [HHSTA FR 30 I 7r–v, III 12v]. Dass diese Falschmeldung bewusst vom französischen Gesandten am preußischen Hof, Conrade Alexandre Rottembourg,⁸ gestreut wurden [Liechtenhan, p. 411], blieb aber unbekannt. Dass weder der kaiserliche noch der schwedische Gesandte das Potenzial des Pariser Aufenthalts Peters I. treffend einschätzten und die Annahme trafen, dass es zu keinem Vertrag gekommen sei, erwies sich lediglich als begrenzt richtig. Es kam am 2. September 1717 – und somit erst nach der Abreise Peters – zur Ratifizierung eines Vertrags zwischen Paris, Berlin und St. Petersburg, bei dem jedoch alle problematischen Fragen geschickt ausgeklammert wurden [Liechtenhan, p. 420–421]. Gleichwohl müssen die diplomatischen Erfolge Peters I. in Paris als lediglich marginal eingeschätzt werden. Dass vor allem die kulturgeschichtlichen Entwicklungen dieser Reise auf lange Sicht prägender waren [Luber, S. 62; Donnert, S. 26–29], konnte Königsegg zur Zeit seiner Berichterstattung nicht erahnen.

Zusammenfassend bleibt festzuhalten, dass Königsegg nicht nur wenig (Kulturelles) berichtete, sondern seinen Fokus fast ausschließlich auf strategische und militärische Begebenheiten legte. Bei Erörterung des Quellenmaterials erhärtet sich die These, dass hierfür zeremonielle Schwierigkeiten der ausschlaggebende Grund war, wie es Königsegg auch persönlich thematisierte. Sicherheitsbedenken des kaiserlichen Gesandten bei der Nachrichtenüber-

⁸ Conrade Alexandre, Comte de Rottembourg war vom 24.04.1714 bis 06.09.1728 am französischen Hof. Die deutsche Schreibweise ist Konrad Alexander ist auch gebräuchlich [Bittner, Groß, S. 210].

mittlung können in geringerem Maße als zusätzliches Hemmnis angeführt werden. Die Unklarheiten bezüglich des Zeremoniells lagen darin begründet, dass die diplomatischen Beziehungen zwischen Paris und Wien auf Grund des Spanischen Erbfolgekrieges lange unterbrochen waren und erst die Absendung Königseggs eben die Wiederherstellung der friedlichen Beziehungen beider Höfe zur Aufgabe hatte. Der Zugang zu Informationen aus den innersten Machtzirkeln blieb ihm somit im Gegensatz zu seinem schwedischen Kollegen verschlossen und auch das Zusammentreffen bei offiziellen Begegnungen war nicht unproblematisch, jedoch für die Informationsbeschaffung und den -austausch unabdingbar. Da Königsegg zuerst Rücksprache mit dem Kaiser in Wien über zeremonielle Streitfragen hielt, blieb ihm eben dieser Zugang zu den Vorgängen am Pariser Hof verwehrt und er konnte sich deswegen nur auf Zeitungsmittelungen und Gerüchte berufen.

Somit bleibt festzuhalten, dass die Berichte Königseggs nicht nur quantitativ sondern auch qualitativ über die Anwesenheit Peters I in Paris wenig aussagekräftig sind. Die vielschichtige Berichterstattung des schwedischen Gesandten über kulturelle, wirtschaftliche und militärische Belange aus Paris, die durch geschickte Nachrichtenübermittlung und das Zusammenspiel der diplomatischen Akteure an den Wiener Hof gelangten, ergänzen nicht nur den Mangel an Informationen für den Kaiser, sondern erfüllen die gleiche Aufgabe ebenso noch heute gegenüber dem Leser. Die Gründe der schwedischen Nachrichtenübermittlung an den Kaiser in Wien sind in den gesamt-europäischen Bündniskonstellationen zu finden. Schweden versuchte mit der Hilfe Wiens einen erfolgreichen Bündnisschluss Peters I. in Paris zu deren Ungunsten mit diplomatischen Mitteln zu verhindern. Erst die Gegenüberstellung der kaiserlichen Berichterstattung über den russischen Zaren und mit dem tatsächlichen Informationsstand des Kaisers, zeigt den Mehrwert der Quellenauswertung für die historische Forschung auf. Die Informationsweitergabe an Kaiser Karl VI. durch diplomatischen Vertreter der schwedischen Krone bestätigt den historischen Befund, dass Diplomaten zu dieser Zeit vernetzt agierten, um ihre Ziele zu erreichen. Sie liefern dabei – exemplarisch und scheinbar nebensächlich – einen wichtigen Beitrag zur historischen Erforschung der Funktionsweise diplomatischer Netzwerke.

Список литературы

Albrecht K. F. H. Königsegg und Rothenfels, Lothar Joseph Dominik Graf von // Allgemeine Deutsche Biographie. 1882, № 16. S. 523–525.

Bittner L., Groß L. Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648). Bd 1. Oldenburg [i. O.] ; Berlin : Stalling, 1936. 753 S.

Braubach M. Königsegg-Rothenfels, Josef Lothar Graf von // Neue Deutsche Biographie. 1980, № 12. S. 356–358.

Donnert E. Peter der Große : Der Eintritt Russlands in Europa // Zar Peter der Grosse : Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717 / unter der Red. von D. Alfter. Hameln : Niemeyer, 1999. S. 11–31.

Hausmann F. Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648). Bd 2. 1716–1763. Zürich : Fretz & Wasmuth, 1950. S. 704.

Liechtenhan F.-D. Pierre Le Grand : Le premier empereur de toutes les Russies. Paris : Tallandier, 2015. 686 p.

Luber S. Die Reise Peters des Großen nach Westeuropa 1716–1717 // Zar Peter der Grosse : Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717 / unter der Red. von D. Alfter. Hameln : Niemeyer, 1999. S. 41–67.

Maletke K. Die Bourbonen. Bd 2. Von Ludwig XV. bis Ludwig XVI. 1715–1789/92. Stuttgart : Kohlhammer, 2008. 298 S.

Massie R. K. Peter der Große : Sein Leben und seine Zeit. Frankfurt a. M. : Athenäum, 1986. 782 S.

Müller K. Das kaiserliche Gesandtschaftswesen im Jahrhundert nach dem Westfälischen Frieden (1648–1740). Bonn : Röhrscheid, 1976. 407 S.

Pečar A. Die Ökonomie der Ehre. Der höfische Adel am Kaiserhof Karls VI. (1711–1740). Darmstadt : WBG, 2003. 432 S.

HHStA. Diplomatische Korrespondenz. Frankreich. Karton 28. Berichte 1716–20. Graf Königsegg an Kaiser Karl VI. aus Paris: Konvolut I: 20.03.1717, fol. 1r–4v; 02.05.1717, fol. 15r–16r; 13.05.1717, fol. 17r–20v; 23.05.1717, fol. 21r–22v; 27.05.1717, fol. 23r–28v; 30.05.1717, fol. 31r–32v; Konvolut II: 07.06.1717, fol. 1r–4v; 20.06.1717, fol. 5r–6r; 09.07.1717, fol. 7r–11v. Karton 30. Weisungen 1700–1720. Kaiser Karl VI. an Graf Königsegg aus Wien: Konvolut I: 06.10.1715, fol. 1r–v. Konvolut II. 29.08.1716, fol. 1r–4v, 07.10.1716, fol. 13r–24v, 17.10.1716, fol. 25r. Konvolut III: 19.05.1717, fol. 5r–v; 29.05.1717, fol. 7r–v; Cronström an Baron von Müllern aus Paris (Kopie): 14.05.1717, Konvolut III, fol. 8r–13r.

References

Albrecht, K. F. H. (1882). Königsegg und Rothenfels, Lothar Joseph Dominik Graf von. In *Allgemeine Deutsche Biographie*, 16, pp. 523–525.

Bittner, L., Groß, L. (1648). Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden. Bd 1. Oldenburg i. O. 753 p. Berlin, Stalling.

Braubach, M. (1980). Königsegg-Rothenfels, Josef Lothar Graf von. In *Neue Deutsche Biographie*, № 12. pp. 356–358.

Donnert, E. (1999). Peter der Große : Der Eintritt Russlands in Europa. In *Zar Peter der Grosse : Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717*, unter der Red. von D. Alfter. Hameln, Niemeyer. pp. 11–31.

Hausmann, F. (1950). Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648). Bd 2. 1716–1763. 704 p. Zürich, Fretz & Wasmuth.

Lichtenhan, F.-D. (2015). Pierre Le Grand : Le premier empereur de toutes les Russies. 686 p. Paris, Tallandier.

Luber, S. (1999). Die Reise Peters des Großen nach Westeuropa 1716–1717. In (unter der Red. von D. Alfter). Hameln, Niemeyer. pp. 41–67.

Maletke, K. (2008). Die Bourbonen. Bd 2. Von Ludwig XV. bis Ludwig XVI. 1715–1789/92. 298 p. Stuttgart, Kohlhammer.

Massie, R. K. (1986). Peter der Große : Sein Leben und seine Zeit. 782 p. Frankfurt a. M. : Athenäum.

Müller, K. (1976). Das kaiserliche Gesandtschaftswesen im Jahrhundert nach dem Westfälischen Frieden (1648–1740). 407 p. Bonn, Röhrscheid.

Pečar, A. (2003). Die Ökonomie der Ehre. Der höfische Adel am Kaiserhof Karls VI. (1711–1740). 432 p. Darmstadt, WBG.

HHStA. Diplomatische Korrespondenz. Frankreich. Karton 28. Berichte 1716–20. Graf Königsegg an Kaiser Karl VI. aus Paris: Konvolut I: 20.03.1717, fol. 1r–4v; 02.05.1717, fol. 15r–16r; 13.05.1717, fol. 17r–20v; 23.05.1717, fol. 21r–22v; 27.05.1717, fol. 23r–28v; 30.05.1717, fol. 31r–32v; Konvolut II: 07.06.1717, fol. 1r–4v; 20.06.1717, fol. 5r–6r; 09.07.1717, fol. 7r–11v. Karton 30. Weisungen 1700–1720. Kaiser Karl VI. an Graf Königsegg aus Wien: Konvolut I: 06.10.1715, fol. 1r–v. Konvolut II. 29.08.1716, fol. 1r–4v, 07.10.1716, fol. 13r–24v, 17.10.1716, fol. 25r. Konvolut III: 19.05.1717, fol. 5r–v; 29.05.1717, fol. 7r–v; Cronström an Baron von Müllern aus Paris (Kopie): 14.05.1717, Konvolut III, fol. 8r–13r.

The article was submitted on 9.03.2017

DOI 10.15826/qr.2017.2.228

УДК 94(470)"17'+910.4(470:430)+929Петр(470)*1+929Екатерина(470)*1

**«И ТАКОЙ ЗЛОЙ ДОРОГИ НЕ ВИДАЛИ»:
ПУТЕШЕСТВИЕ ЦАРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ
ПО ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ 1716 г.***

Алексей Морохин

Нижегородский государственный университет,
Нижний Новгород, Россия

**‘SUCH AN EVIL ROAD I HAVE NEVER SEEN’:
TSARINA EKATERINA ALEKSEEVNA’S TRIP THROUGH
GERMANY AT THE END OF 1716**

Alexey Morokhin

University State of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

This article considers the trip of Peter I’s spouse Tsarina Ekaterina Alekseevna around Germany at the end of 1716. The tsarina’s journey and its consequences had a considerable impact on the foreign policy undertaken by Peter I in the final stage of the Great Northern War and played a significant role in the deterioration of relations between Russia and its allies in the anti-Swedish coalition. However, the trip has not been studied by historians, except for A. G. Brücker. The sources of this work include published materials, such as documentary evidence of foreign contemporaries, Peter I’s letters to Ekaterina Alekseevna, and unpublished documents kept in the Russian State Archive of Ancient Acts. These materials help reconstruct the events connected with the trip of Ekaterina Alekseevna to the domain of the Elector of Hanover George I, who had been king of Great Britain since 1714. Peter I’s trip to Holland through the territory in question preceded the tsarina’s trip through Hanover in December 1716.

---

* *Citation:* Morokhin, A. (2017). ‘Such an Evil Road I Have Never Seen’: Tsarina Ekaterina Alekseevna’s Trip through Germany at the End of 1716. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 367–384. DOI 10.15826/qr.2017.2.228.

Цитирование: Morokhin A. ‘Such an Evil Road I Have Never Seen’: Tsarina Ekaterina Alekseevna’s Trip through Germany at the End of 1716 // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 367–384. DOI 10.15826/qr.2017.2.228 / Морохин А. «И такой злой дороги не видели»: путешествие царицы Екатерины Алексеевны по Германии в конце 1716 г. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 367–384. DOI 10.15826/qr.2017.2.228.

During the trip there arose serious disagreements between Peter I and the Hanoverian Elector. Despite the disagreements between the allies, the authorities of Hanover welcomed Peter the Great. Unlike the tsar's trip, the one taken by his pregnant spouse was evidently lacking in preparation and was accompanied by many troubles. Having reached the Prussian town of Wesel on 2 January 1717, the tsarina gave birth to a son, Pavel, who died on the same day. Peter I blamed the tsarevich's death on the subjects of the Elector of Hanover, who did not consider themselves guilty but still investigated the situation. At the official level, the diplomats of George I rejected the tsar's claims. The author concludes that the consequences of Ekaterina Alekseevna's trip had important foreign policy consequences and contributed to the deterioration of relations between Russia and its allies at the end of the war against Sweden.

Keywords: 18th-century Russian history; Peter I; Catherine I; George I; diplomatic relations.

Рассматривается путешествие супруги Петра I царицы Екатерины Алексеевны по Германии в конце 1716 г. Вояж царицы и его последствия оказали серьезное влияние на ряд дальнейших внешнеполитических действий Петра I на завершающем этапе Северной войны, ухудшив отношения России с союзниками по антишведской коалиции, однако, за исключением работы А. Г. Брикнера, события поездки не были предметом внимания историков. Источниковую базу работы составили свидетельства современников-иностранцев, письма Петра I к Екатерине Алексеевне и неопубликованные материалы, хранящиеся в РГАДА. Это позволяет в значительной степени реконструировать события, связанные с путешествием Екатерины I по владениям курфюрста Ганновера Георга I, который с 1714 г. одновременно являлся и королем Великобритании. Поездке царицы по Ганноверу в декабре 1716 г. предшествовал вояж по этой территории самого Петра I, направлявшегося в Голландию. Это поездка протекала на фоне серьезных разногласий, возникших между Петром I и ганноверским курфюрстом. Несмотря на разногласия союзников, власти Ганновера оказали большое внимание русскому царю. В отличие от поездки царя, путешествие его беременной супруги оказалось явно неподготовленным и сопровождалось целым рядом дорожных неурядиц. Добравшись до прусского города Везеля, царица 2 января 1717 г. родила сына Павла, скончавшегося в этот же день. Главными виновниками смерти царевича Петр I объявил подданных ганноверского курфюрста, которые хоть и предприняли расследование конфликтной ситуации, виновными себя не считали. На официальном уровне претензии царя отвергались дипломатами Георга I. Путешествие Екатерины Алексеевны имело важные внешнеполитические последствия и ухудшило отношения России с ее союзниками на заключительном этапе войны со Швецией.

Ключевые слова: история России XVIII в.; Петр I; Екатерина I; Георг I; дипломатические отношения.

Второе путешествие Петра I по Западной Европе 1716–1717 гг. неоднократно привлекало внимание исследователей [Языков; Ковалевский; Цветаев; Лацинский; Каминская; Вагеманс; Козлова; Мезин]. В отличие от Петра I, поездкам его второй супруги Екатерины Алексеевны, и в частности ее путешествию по Германии в конце 1716 г., историки практически не уделяли внимания. Исключение составляет профессор А. Г. Брикнер, который изучил в одной из своих работ вояж царицы конца 1716 – начала 1717 г. на основании известных ему опубликованных источников [Брикнер, с. 195–201]. Между тем, это путешествие Екатерины Алексеевны оказало серьезное влияние на ряд дальнейших внешнеполитических действий царя-преобразователя на завершающем этапе Северной войны. Для реконструкции событий, связанных с поездкой царицы по Германии, совершенной в декабре 1716 г., наряду с опубликованными источниками нами были привлечены архивные материалы, хранящиеся в РГАДА. Это переписка Екатерины Алексеевны с А. Д. Меншиковым, неопубликованные письма Петра I к жене и другим членам царской семьи [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 295, 307; Ф. 9. Кн. 11]. Отдельную группу источников составили документы, вышедшие из-под пера российских дипломатов, аккредитованных в Ганновере [РГАДА. Ф. 9. Кн. 29; Ф. 47. Оп. 1. № 2, 3].

Екатерина Алексеевна, с которой царь официально заключил брачный союз в феврале 1712 г., сопровождала Петра I в его путешествии по Западной Европе, начавшемся в феврале 1716 г. Этот европейский вояж, по справедливому наблюдению И. В. Курукина, представлял «своеобразный экзамен», в ходе которого она должна была во время встреч с монархами Европы демонстрировать знание светского этикета. Царице как супруге главы российского государства оказывались все подобающие ее статусу «великие церемонии» и знаки внимания. В честь прибытия Екатерины Алексеевны в городах салютовали из пушек, а датский король Фредерик IV лично встречал и сопровождал жену Петра I [Курукин, с. 62–63; История Свейской войны, с. 445, 448; Походный журнал 1716 года, с. 29]. Эти проявления внешнего почтения имели, безусловно, очень важное значение, так как современники Петра I в России, и в Европе были прекрасно осведомлены о «низком», «подлом» и «недостойном» происхождении Екатерины Алексеевны.

Посетив ряд городов и стран, Петр I с супругой, к тому времени ожидавшей рождения ребенка, прибыли в начале ноября 1716 г. в Шверин. Отсюда царь направился сначала на свидание с прусским королем, а затем в Гамбург и в Амстердам, куда он и прибыл 6 (17) декабря [Вагеманс, с. 21]. Екатерина Алексеевна в это время оставалась в Шверине, откуда она первоначально намеревалась отправиться в Росток и там ждать возвращения мужа [Братья Олсуфьевы, с. 15]. Однако затем планы царицы изменились, и она решила последовать за Петром I в Амстердам, где ее, судя по письму М. Д. Олсуфьева, ждали к Рождеству. Герцогиня

Екатерина Иоанновна Мекленбург-Шверинская сообщила А. Д. Меншикову, что «государь мой дядюшка изволил путь восприять в Голландию... куда и Ее Величество... изволит завтрашняго дня путь отсель восприять» (9 декабря 1716 г.) [Письма русских государей, с. 45].

Путешествие по Европе Петра I и его супруги хронологически совпало с «Мекленбургским делом», или «Северным кризисом», обстоятельства которого хорошо известны в историографии [Молчанов, с. 332–340; Стерликова, с. 195–229]. Формальным поводом для недовольства союзников царя – правителей Дании и Ганновера стала зимовка российских войск в Мекленбурге после отмены Петром I в сентябре 1716 г. десанта в южную Швецию. Особое недовольство проявлял ганноверский курфюрст Георг I, с 1714 г. являвшийся и королем Великобритании, которого беспокоило укрепление позиций России в Северной Германии. Личные амбиции ганноверского курфюрста, претендовавшего на исключительное влияние в соседнем герцогстве и готовившегося ввести туда свои войска, усилили кризис [Любименко, с. 323–335; Сидоренко, с. 214–215]. Вскоре, по выражению Э. Кросса, «подозрения ганноверцев сделались опасениями британцев», что грозило привести союзников к вооруженному конфликту между собой [Кросс, с. 20]. Уже в конце 1716 г. Георг I требовал вывода российских войск из Мекленбурга, считая, что задержка в этом вопросе может лишь ухудшить отношения двух государств. При этом настоятельные просьбы правителя Ганновера о выводе русских войск из Мекленбурга шли на фоне переговоров двух стран о совместной морской экспедиции против шведов [РГАДА. Ф. 47. Оп. 1. № 2 (1716 г.). Л. 102; № 3 (1717 г.). Л. 18].

В этих непростых условиях дипломатического кризиса в отношениях союзников по антишведской коалиции Петр I и отправился в Голландию через германские владения Георга I. Накануне поездки царь через своего дипломатического представителя Г. Х. Шлейница отправил в Ганновер просьбу «о разставлении лошадей чрез Бременскую землю для путешествия... в Голландию». В ответ на это обращение Петра I ганноверский курфюрст, как сообщал Г. Х. Шлейниц 11 (22) ноября 1716 г.,

...не токмо на то сими словами позволил, что он удовольствие имеет и в сем малом деле Вашему Величеству свою скорую благоугодность оказать, но и своему ландрату Верпуфу из Саксен-Лиунбургской земли сюды приехать велел и ему повелел, чтоб ежели как чают и экипаж из Мекленбургии на Гамбург чрез Лиунбургскую землю пойдет, оной не токмо потребными подводами снабдил, но и надлежащее учреждение учинено было, чтоб, понеже Ваше Величество и водою мимо Линбургской земли пойдет, он ландрат Верпуф к Вашему Величеству прибыл, вашему величеству принятие ночного постою в Лимбурге представил и ваше величество и при вас обретающаяся свита там трактована была.

Первый министр Георга I граф А. Бернсдорф попросил у Г. Х. Шлейница информировать его о времени проезда царя через Ганновер, «дабы время имели надлежащее учреждение о разставке лошадей». Кроме того, власти Ганновера попросили представить им сведения о том, «в которой день потом ваше величество из Гамбурга решитца где через Элбу переправлятца будете, которым трактом чрез Бременскую землю к Олденбургским границам итти намерены, и сколько лошадей потребно, дабы и в том учреждение учинить» [РГАДА. Ф. 47. Оп. 1. № 2 (1716). Л. 287–287 об.]. Через несколько дней 17 (28) ноября 1716 г. Г. Х. Шлейниц писал, что Георг I

...к правительству в Штаде указ послал, а именно к тайному советнику Коберлину, директору Стафосту, чтоб оне по желанию Вашего Величества не отписывая к королю потребное число лошадей чрез Бременскую землю расставил и все что потребно для Вашего Величества учредил.

Больше того, А. Бернсдорф дважды передал Петру I свою просьбу «по последней мере за три дня до походу своего из Гамбурга помянутому правительству о числе лошадей, о тракте и в которой день итти изволите объявить повелеть, дабы все в готовности было». Одновременно с этим Г. Х. Шлейниц, узнав, что «и ныне много швецких офицеров или благонамеренных к шведу в Гамбурге и Бремене находитца», настоял перед ганноверским правительством на том, чтобы для Петра I был подготовлен «из стоящей в Бремене ганноверской кавалерии конвой от стану до стану» [РГАДА. Ф. 47. Оп. 1. № 2 (1716). Л. 308–308 об.].

27 ноября 1716 г. Петр I со свитой въехали в ганноверский город Штад недалеко от Гамбурга. Затем после остановки и обеда в этом городе «поехали на ганноверских лошадях и, 3 мили отъехав», остановились на ночлег в Бременверфе. По дороге от Штада «камвой Ганноверские драгуны до Бремена и чрез всю Люнебургскую землю Его Величество трактовали» [Походный журнал 1716 года, с. 52]. В итоге мы можем констатировать тот факт, что власти Ганновера, несмотря на непростые отношения с Россией из-за «Мекленбургского дела», оказали русскому царю соответствующий его рангу прием во время его проезда по владениям Георга I.

Отправляясь в Голландию, Петр I одновременно готовил и поездку своей жены. Источники свидетельствуют, что царь рассматривал несколько вариантов путешествия: «водным путем» или по суше через владения Ганновера и Пруссии. Беспокоясь за беременную супругу, Петр I в письмах к Екатерине Алексеевне подробно обсуждал план ее поездки и советовал жене не брать с собой в поездку некоторых служителей – «когда поедешь, певчих и протчих, кои в дороге вам не нужны, отправьте в Пейцынбурх». 28 ноября 1716 г. он писал жене:

Понеже починают быть морозы, того для что ранее, то лучше ехать вам. Я хотел к вам из Амстердама писать, но ныне сколь скоро доеду до каналов, тотчас тебе отпишу и маршрут пришлю (а между тем посылаю Семена Нарышкина в Гамбурх, дабы тебя там дождался и дарогу учредил). А о езде твоей кладу на вашу волю: или дождався другога письма поедите из Шверина, или по сему поедите, а другога письма в Гамбурхе будете дожидатца; понеже пока мы доедем до каналов, вам от Гамбурха ехать невозможно, ибо еще сами прямо не знаем – на которыя места поедем от Бремена [Письма русских государей, с. 52].

Через несколько дней Петр I окончательно утвердился в мысли о том, что царица должна отправиться в поездку «сухим путем». 1 декабря 1716 г. царь сообщал Екатерине Алексеевне, что дорогой через Бремен, по которой ранее он добирался в Голландию, ей ехать нельзя,

...понеже грязи и воды около Бремена так велики, что выше ступицы; также впереди в Голландии дам (плотину. – А. М.) от моря прорвола и потопила землю, что и сами не знаем, куды проехать; а ныне починают быть морозы, то и подумать нельзя. Того для лутче вам дорогу (ежели не поехали) не на Амбурх, но прямо на Минден и Везель, которою дорогою я бывал от Миндена до Везеля изрядно... И как изправитесь – поезжайте, не дожидаясь моего письма, понеже время уже зело поздно. Дай Боже, чтоб здрава проехали, в чем опасение имею о вашей несправности [Письма русских государей, с. 53].

В тот же день, 1 декабря, Петр I отдал распоряжение П. А. Толстому готовить подводы для царицы в Ганновере. Дипломат, получив распоряжение «домогатся при здешнем (ганноверском. – А. М.) дворе о поставке лошадей для походу Ея Величества... в Голандию на Минден и Везель», уже вскоре информировал царя о том, что «лошади и все к тому и потребности устроены по предреченной дороге, по которой... до Везеля не будет ничьих иных земель кроме ганноверских и прусских, и в тех... землях... все изготовлено». Ганноверский двор официально уведомил П. А. Толстого, что «для Ея Величества Государыни Царицы подводы по 130 лошадей поставлены» [РГАДА. Ф. 9. Кн. 29. Л. 2–2 об.]. Получив эти известия, Петр I отправил послание жене. В нем он вновь указывал путь на Линден и Везель как самый удобный, на котором «до Везеля дадут дарам подводы, а сею дорогою чрез Галандию мы подвод не нашли, но принуждены нанимать». Видимо, у царя все же были некоторые сомнения по поводу целесообразности поездки жены. 3 декабря Петр I писал Екатерине Алексеевне:

Как я, так и все со мною здесь зело сожалеют о нынешней дороге вашей; и ежели ты можешь снести, лутче б там осталась, понеже не без опасения от худой дороги. Аднако ж будь в сем воля твоя, и для Бога – не по-

думай, чтоб и не желал вашей езды сюды, чево сама знаешь, что желаю; и лутче ехать, нежели печалитца... а ведаю, что не утерпишь... [Письма русских государей, с. 54–55].

Царь оказался прав: Екатерина Алексеевна, несмотря на последние месяцы беременности, приняла решение ехать к мужу в Голландию. Уже 3 декабря царица просила фельдмаршала Б. П. Шереметева о том, что «судов для нас в Беценбурге приготовить не надобно, понеже мы до самага Гамбурга поедем сухим путем» [Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева, с. 448; Баранов, с. 40]. К П. А. Толстому жена Петра I отправила своего служителя В. Монса, который и передал от царицы известие о том, что она 9 декабря «изволит пойтить из Шверина в Бенгенбурх» [РГАДА. Ф. 9. Кн. 29. Л. 4–4 об.]. Однако в путь царица отправилась не 9 декабря, как планировала, а днем позже, о чем она и информировала А. Д. Меншикова [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 295. Л. 11 об.].

Из-за беременности Екатерины Алексеевны ее передвижение было медленным. В день царские экипажи проезжали не более двух-трех миль. Уже в день отъезда, 10 декабря «ввечеру», царица «изволила прибыть в Бейценбурх», где и оставалась до 15 декабря из-за невозможности переправиться через Эльбу по причине «великого льда». Отсюда Екатерина Алексеевна 14 декабря информировала А. Д. Меншикова:

А мы приехали сюда в 10 день и здесь принуждены замедлится для того что чрез Элбу за великим лдом переехать было невозможно, однако ж надеемся что нигде мешкать не будем понеже в Гановерской и в Прусской земле подводы для нас уже готовы [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 295. Л. 12 об.].

Наконец 15 декабря, «когда лед по реке прочистился», эскорт царицы переправился через Эльбу и вечером того же дня прибыл в Линебург, где Екатерина оставалась до 18 декабря «для того что подводы разставлены были на Гамбурх, а не по той дороге» [Походный журнал 1716 года, с. 54]. Этот же факт сообщал Петру I и П. А. Толстой, который писал, что царица

...не изволила итить на Гамбург, где в гановерских землях лошади давно были поставлены, а изволила мне повелеть о поставке лошадей домогаться по вышеписанной дороге, что здешний двор по предложению моему без всякого затруднения учинил» [РГАДА. Ф. 9. Кн. 29. Л. 5 об.].

Получается, что, вовремя не поставив в известность власти Ганновера об изменении маршрута своей поездки, жена Петра I была вынуждена несколько дней ждать транспорта. Все эти факты говорят о том, что поездка царицы была плохо подготовлена.

Выехав утром 18 декабря, кортеж царицы через три мили вновь остановился в Эпздорфе, где Екатерина Алексеевна «изволила кушать». Проехав еще полторы мили, царский поезд встал на ночлег в Германсбурге. На следующий день царица снова проехала три мили и остановилась в Винзене. 20 декабря, отъехав от Винзена две с половиной мили, Екатерина Алексеевна «изволила кушать в деревне Гоппе, а ночевали в Нишштате». Выехав на следующий день, кортеж царицы остановился в деревне Дерен, за две мили от Миндена. Добравшись до этого города, супруга Петра I остановилась здесь на два дня «для починки карет» – тяжелые экипажи постоянно ломались и требовали ремонта. Сообщая светлейшему князю о благополучном прибытии царицы в Минден, ее гофмейстер В. Д. Олсуфьев не преминул заметить, что «путь наш с превеликим трудом, и такой злой дороги не видали, и от Миндена до Амстердама 38 миль. Дай Боже Ея Величеству придти в Голандию» [Братья Олсуфьевы, с. 19]. Из Миндена 23 декабря Екатерина Алексеевна сообщала А. Д. Меншикову, что благополучно прибыла сюда, «и сего дня отсель паки в путь свой отъезжаю до Амстердама» [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 295. Л. 13]. Выехала царица, однако, только на следующий день, 24 декабря, но и тогда ее кортеж проехал только три мили и вновь остановился в Эрфурте. Здесь супруга Петра I встретила Рождество и направилась дальше. 28 декабря кортеж остановился в Линене – остановка объяснялась тем, что «сказал почмейстер, что впереди дорога худа». Здесь же свита царицы обнаружила, что «за деньги нельзя было достать лошадей». На следующий день Екатерина остановилась в местечке Гальтерн и здесь столкнулись с той же проблемой – «переманных лошадей не было и ехали на старых» [Походный журнал 1716 года, с. 55]. В итоге, как сообщал А. Д. Меншикову В. Д. Олсуфьев, «путь наш... был, что такого не видали еще; и людей здешних, на деньги лакомых, не слыхивали и не видали: не токмо за что другое даем деньги, но и за солому платим» [Братья Олсуфьевы, с. 22]. Кроме того, во время путешествия произошел конфликт между подданными ганноверского курфюрста и служителями царицы, в ходе которого был избит кучер Екатерины Алексеевны. Царь между тем 27 декабря отправил в прусские земли встречать жену Егора Сергеева [Сборник выписок, с. 23].

Наконец 30 декабря, измученные тяжелым 21-дневным путешествием, царица и ее свита приехали в принадлежавший в то время прусскому королю город Везель. На следующий день Екатерина Алексеевна, как отметил походный журнал, «в вечеру изволила пойтить на яхту 6 часов пополудни, а в 10-м часу паки изволила прибыть на квартиру в город» [Походный журнал 1716 года, с. 55]. Действия царицы объяснялись тем, что сначала она «изволила было путь свой иметь до Амстердама» к мужу, но «понеже время к разрешению пришло», она «на яхте изволила быть 2 часа» и затем из-за предстоящих скорых родов сошла на берег и вернулась в Везель [Братья Олсуфьевы, с. 22]. В письме к А. Д. Меншикову 5 января 1717 г. Екатерина так объясняла свои действия:

...я в 30 день прошедшаго декабря сюды приехала и на другой день намерена была отсель водою ехать на яхте в Амстердам, однако ж для своей несправности принуждена здесь остановиться... [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 295. Л. 14].

Между тем находившийся в Амстердаме Петр I, который сам в конце декабря 1716 начале – января 1717 г. захворал «жестокой лихораткой с огневицею» и был вынужден оставаться в постели [Письма русских государей, с. 57; История Свейской войны, с. 411; Записки Номена, с. 74; Вагеманс, с. 109], продолжал испытывать беспокойство за жену, при которой находились лейб-медики Г. Поликала и Г. Лесток [Хмыров, с. 101]. 2 января царь писал Екатерине Алексеевне: «и хотя ты меня обнадеживаешь, чему и верю и не верю. Дай милостивой Боже тебе здорово разрешитца от бремене, дабы по милости своей сим наградил мои печали» [Письма русских государей, с. 57]. В тот же день Петр I отправил к жене из Амстердама еще одного врача – голландца Платмана, «который здесь зело славен в сих делах». Голландский медик, видимо, приехать к родам царицы не успел. Несмотря на это, царь 24 января подарил врачу 50 червонцев «за его труды... что он посылан был в Везель к государыне царице во время нужнаго случая, когда ея величество была больна» [Сборник выписок, с. 55].

1 января 1717 г., накануне родов, Екатерина Алексеевна, еще не зная о болезни мужа, отправила к Петру I курьера с просьбой «дабы Его Величество изволил быть немедленно в Везель», но, так и не дождавшись супруга, 2 января «в 12 часов по полуночи» родила сына, которого назвали Павлом [Братья Олсуфьевы, с. 22–23; Походный журнал 1716 года, с. 55]. С радостной вестью к Петру I сразу же был отправлен любимый паж царицы Семен Маврин [Братья Олсуфьевы, с. 23]. Получивший известие о рождении сына 3 января 1717 г. царь «благодарение Богу дав, и собрали всех министров и протчих служителей до одного и веселились изрядно» [Походный журнал 1717 года, с. 1]. Обрадованный Петр I 4 января 1717 г. пожаловал привезшему радостную весть Семену Маврину огромную сумму – тысячу рублей [Сборник выписок, с. 54]. В тот же день царь писал жене:

Зело радостное твое писание вчера чрез Маврина получил, в котором объявляешь, что Господь Бог нас так обрадовал, что и другога рекрута даровал, за что да будет сыну хвала ему и незабвенное благодарение. Сия ведомость вдвое обрадовала, первое, о новорожденном, а паче что вас Господь Бог свободил от чего и мне стало полутче, ибо от самава Рождества Христова стол[ь] долго сидеть не мог... Я сердечно желаю сего нововыезжаго гостя видеть, только еще несколько дней не могу ехать в дорогу, а особливо сухим путем для трясения... только как мочно будет поеду к тебе немедленно. Дай Боже, чтоб вы от всех припадков и натуральной сей болезни свободны были и вас бы застал здоровых.

О радостном известии царь отправил письма в Россию дочерям и сестре Екатерине Алексеевне, в шутовском тоне сообщая, что «мать окотилась и принесла Другова рекрута Павла» [РГАДА. Ф. 9. Кн. 11. Л. 3–4 об.]. Кроме того, о рождении сына царь известил Сенат, ряд российских вельмож и союзных иностранных монархов [ПСЗРИ – 1, № 3059; Голиков, с. 179–180; Архив князя Ф. А. Куракина, кн. 2, с. 124–126; РГАДА. Ф. 157. Оп. 1. № 4. Л. 1–1 об.].

Радость Петра I была вполне объяснимой – приращение царской фамилии еще одним сыном способствовало решению вопроса о престолонаследии. Кроме того, к моменту рождения Павла Петровича царь уже знал о бегстве за границу своего старшего сына Алексея, отношения с которым у него окончательно испортились.

Однако новорожденный царевич, которого успели окрестить, вечером того же дня «между 7 и 8 часами» скончался [Записки Номена, с. 74]. Смерть сына опечалила Петра I, и в послании к жене от 11 января он сообщал, что еще до получения от нее письма «прежде уведомал» «о незапном случае, которой радость в печаль переменял». К печальному известию царь отнесся со смирением. Он писал:

...могу на то ответствовать – токмо со многострадалным Иовом: Господь даде, Господь и взяте... Прошу с вас також о сем разсуждение иметь, а я [с]колко могу разсудил... [РГАДА. Ф. 9. Кн. 11. Л. 12].

Горе царя было не только личным. Смерть новорожденного царевича усложняла вопрос о будущем наследнике Петра I. Не случайно А. Д. Меншиков, соболезнуя царю в послании от 25 января 1717 г., отметил: «надлежит ныне у него творца просить, дабы сохранил здраво его высочество государя царевича Петра Петровича на многие неисчислимые лета» [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 307. Л. 7].

В связи со смертью новорожденного царевича в Везеле, как сообщал голландец Я. Номен, «звонили в колокола». После этого тело Павла Петровича было забальзамировано, и «положили его на парадную постель» [Записки Номена, с. 74]. Примечателен тот факт, что царевича, скончавшегося в Германии, было решено похоронить в России. Екатерина Алексеевна, видимо, надеясь на скорый приезд мужа в Везель и желая разделить с ним общее горе, лишь 25 января решила отправить маленький гробик с телом сына в Петербург, о чем писала А. Д. Меншикову, прося его «когда оное (тело. – А. М.) привезено будет в Санктпитебурх тогда изволте по достоинству оное погресть отправя обыкновенное надгробное пение, понеже здесь не отпевали» [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 295. Л. 16 об.]. В тот же день, 25 января, «куплено зеленой ленты два аршина на персону государя царевича Петра Петровича» [Сборник выписок, с. 55]. В начале марта 1717 г. тело царевича прибыло в Петербург и было выставлено «в летнем дому царского величества», а 12 марта Павел Петрович «с надлежащею церемониею» был похоронен в Петропавловском соборе [Походный

журнал 1717 года, с. 35; Труды и дни князя Меншикова, с. 113; РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. № 38. Л. 1–6 об.].

Екатерина Алексеевна после рождения и смерти ребенка чувствовала себя неважно. Лишь 16 января 1717 года она сообщала А. Д. Меншикову, все еще находясь в Везеле, что «я благодаря Бога починаю приходить в прежнее состояние здоровья своего». 23 января царица писала князю, что «ежели даст Бог мне совершенное облехчение то на сей неделе поеду отсель водою в Амстердам» [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 295. Л. 16]. 18 января Петр I, продолжавший находиться в Амстердаме, отправил к жене курьера капитана А. Румянцева с распоряжением, «ежели к состоянию прежнего своего здоровья пришла, то бы изволила сюда ехать». Наконец, оправившись от тяжелых родов, царица прибыла в Амстердам 2 февраля 1717 г. [Походный журнал 1717 года, с. 1].

Тяжелое путешествие царицы по владениям курфюрста Ганновера и последовавшие затем рождение и смерть царевича способствовали и обострению отношений Петра I с союзниками по антишведской коалиции. Планируемая ранее встреча царя с Георгом I не состоялась. В официальных документах по этому поводу отмечалось, что английский король «поставил себе за особенное удовольствие иметь с Царем свидание во время его путешествия по Голландии, однако ж тогдашнее нездоровье Его Царского Величества не дозволяло сего» [Ответ короля великобританского, с. 15]. В литературе уже высказывалось предположение о том, что отказ от встречи со стороны царя объяснялся получением Петром I известий о неприятностях, сопровождавших его жену в ходе ее поездки по ганноверским владениям Георга I [Братья Олсуфьевы, с. 25]. В начале 1717 г. ганноверский курфюрст продолжал требовать вывода русских войск из Мекленбурга, и именно в это время, по наблюдению историков, отношения России с Ганновером и Великобританией «крайне обострились и были близки к разрыву» [Походная канцелярия Шафирова, с. 75–76; Никифоров, с. 144–145, 148–149].

В ответ на претензии союзников Петр I сформулировал свои рекламации, обозначенные им в «Сообщении об обидах, нанесенных от ганноверцов». Среди пунктов «обид» отдельно выделялось следующее:

Когда жена моя ехала в Галандию через ГанOVER, тогда неслыханным образом ругана была, а еще чревата. А имянно, что мужики, которые везли, збили возницу, также всех людей отбили от кореты и посажали по телегам, как воров. И сами чрез день и всю ночь ступою ехали (то есть ехали медленно, менее трех верст в час. – А. М.), ниже спать, ниже отдохнуть ей не дали, отчего, приехав в Везель, несчастное рождение имела. И тако господа ганOVERцы могут убийцами сыну моему почестся. О чем писано ко двору, и оной комисар простой саржи (видимо, описка, следует читать «стражи». – А. М.) взят был, и хотели его наказать, не розыскав. Чего мы не похотели, ибо когда оному говорено,

для чего так делает, то оной нашим людям сказал, что не ево вина, понеже так ему приказано. Чему верить возможно, понеже прежде той езды писано ко двору королевскому, дабы кто прислан был для провожания чрез их землю по обычаю, чего учинить не хотели, хотя и не однажды о том прошение было...

В записке царь отметил, что не знает причины «недружбы» со стороны Великобритании и Ганновера, но предполагал «то только что выдали племянницу свою за мекленбургского князя», но «в том натурально никто противитца посторонней не может, также сей грех не есть против Духа Святаго, которой бы не мог отпущен быть и такового зломщения достоин» [История Свейской войны, с. 462]. Этот документ любопытен тем, что свидетельствует не только об официальных претензиях Петра I к властям Ганновера в связи с неподобающим отношением подданных Георга I к беременной супруге русского царя, но и приводит новые подробности путешествия царицы по Германии. Из текста также явствует, что в Ганновере устраивалось и расследование этого конфликта, документальные следы которого пока не обнаружены, и его подробности остаются неизвестными. Впрочем, некоторые исследователи отмечали небеспристрастность царя в его претензиях к Ганноверу, объясняя поведение Петра I его расстройством из-за смерти новорожденного сына [Брикнер, с. 199]. Примечательно, что в письмах царицы к А. Д. Меншикову нет ни одного упоминания о конфликтных ситуациях, имевших место в ходе ее поездки по Германии.

На официальном уровне претензии Петра I отвергались министрами Георга I, которые в особом «мемуаре» отметили, что «жалобы московских министров на обиды, будто бы нанесенные Царю королем великобританским, в качестве курфюрста ганноверского, лишены всякого основания» [Записка о сношениях между Францией и Россией, т. 49, с. 4–5]. Кроме того, ганноверские дипломаты уже в начале 1720-х гг. представили список своих жалоб на поступки Петра I в отношении их государя начиная с 1716 г., заявив:

Царь и его министры и теперь продолжают употреблять весьма неприличный способ выражений каждый раз, как ни случается говорить о короле великобританском, из чего можно ясно видеть, какую ненависть и злобу все еще питает Царь против этого государя [Записка о сношениях между Францией и Россией, т. 52, с. VI–VII].

Определенный скепсис в отношении претензий Петра I к «убийцам сына» демонстрировали и французские дипломаты. Сменивший Г. Дюбуа на посту руководителя внешнеполитического ведомства Франции Ш. Ж. Б. Флерио, граф де Морвиль, писал послу в России Ж. Кампредону в конце 1723 г.:

Не стану подробно разбирать жалобу Царя на прием, оказанный Царице, когда она проезжала через курфюршество Ганноверское. Вы и сами понимаете, что король великобританский, глубоко сознающий, каким почтением обязаны все коронованным лицам, не мог принимать никакого участия в действиях противоположного характера; и есть полное основание думать, что если кто-либо позволил себе не воздать должное такой великой Государыне, то король великобританский не замедлит наказать тех, на кого Царь имеет повод жаловаться, и наказать так, что Царица сама убедится, как он желает доставить ей удовлетворение за поступки, коими она справедливо сочла бы себя оскорбленной [Дипломатическая переписка Кампредона, с. 139].

Выразив официальное недовольство подданными Георга I из-за их действий в отношении Екатерины Алексеевны, Петр I сделал выводы. В последовавший вскоре после прибытия царицы в Голландию вояж во Францию жену с собой он уже не взял. По сведениям, имевшимся в распоряжении шведских агентов в Голландии, царь даже «скрыл свое намерение» ехать в Париж от Екатерины Алексеевны [Чумиков, с. 10]. Другой современник, Г. Ф. Бассевич, комментируя в своих воспоминаниях визит Петра I во Францию, отметил:

Говорят, он [Петр I] не хотел подвергать ее [Екатерину Алексеевну] возможности каких-либо оскорблений, которых опасался по причине темного ее происхождения, зная щепетильность французов [Юность державы, с. 364].

В этой связи рискнем предположить, что какие-то действия против царицы, мотивированные ее «подлым» происхождением, могли иметь место во время поездки Екатерины Алексеевны по территории Ганновера, что и вызвало столь негативную реакцию со стороны России. Больше того, свое негативное отношение к Георгу I и его подданным Петр I сохранил до конца жизни. Безуспешные попытки примирить двух монархов предприняли французские дипломаты. Ж. Кампредон сообщал в Париж 19 октября 1722 г.:

Из всего, что я узнаю здесь, для меня очевидно, что Царь не упустит ни одного из случаев, какие только представятся, отомстить королю английскому... [Донесения Лави, с. 245].

В разговоре с министром иностранных дел Людовика XV кардиналом Г. Дюбуа, состоявшемся в декабре того же 1722 г., российский дипломат Б. И. Куракин заметил:

...Предубеждение и вражда его [Петра I] к королю английскому и к ганноверским министрам чрезвычайны, так что ничто не в состоянии уничтожить их, а сам Царь готов пожертвовать всем до последнего гроша, лишь бы отомстить им; что обо всяком другом вопросе министры его

могут говорить с ним, т. к. каждый вопрос может касаться интересов государства, и об этом им говорить не воспрещается, но что ни о чем, касающемся короля английского, они не посмеют и рта открыть, тем более, что это и не произвело бы никакого действия, так как им известно, что это дело его личной вражды и личной чести [Дипломатическая переписка Кампредона, с. 8].

Таким образом, предпринятая Екатериной Алексеевной отдельно от царя поездка по германским землям по пути в Голландию имела важные внешнеполитические последствия. Явно не подготовленное должным образом путешествие царицы, протекавшее на фоне роста разногласий союзников по антишведской коалиции и сопровождавшееся целым рядом бытовых и дорожных неурядиц, внесло свою лепту в ухудшение отношений России и ее союзников на завершающем этапе Северной войны.

Список литературы

- Архив князя Ф. А. Куракина : в 10 кн. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890–1902.
- Архив Правительствующего Сената : Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого. 1704–1725 / сост. П. Баранов. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1872. Т. 1. 169 с.
- Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого : Переписка их с князем А. Д. Меншиковым (1717–1727) // Рус. архив. 1883. № 5. С. 5–40.
- Брикнер А. Г.* Путешествия Петра Великого за границу в 1711 до 1717 г. // Рус. вестн. 1880. № 11. С. 5–49; № 12. С. 567–597; 1881 № 1. С. 156–201; № 2. С. 619–658; № 3. С. 53–101.
- Вагеманс Э.* Царь в республике : Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717). СПб. : Европ. дом, 2013. 256 с.
- Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1 / сост. Т. С. Майкова. М. : Кругъ, 2004. 631 с.
- Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам : в 15 т. 2-е изд. М. : Тип. Н. Степанова, 1837–1841. Т. 6. 1838. 679 с.
- Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе, Кампредона, с французским двором и французским посланником при Оттоманской Порте, маркизом де Бонаком, с 1723 по март месяц 1725 г. // Сб. ИРИО. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1886. Т. 52. 485 с.
- Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 г. / Сб. Императорского русского исторического общества. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1885. Т. 49. 427 с.
- Записка о сношениях между Францией и Россией в царствование Петра I, составленная в 1726 году Ледраном, старшим чиновником департамента иностранных дел // Сб. РИО. СПб. : [Б. и.], 1885. Т. 49. С. 1–LXIX.
- Записка о сношениях между Францией и Россией в царствование Петра I, составленная в 1726 году Ледраном, старшим чиновником департамента иностранных дел // Сб. РИО. СПб. : Б. и., 1886. Т. 52. С. 1–46.
- Записки Я. К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. / пер., введение и прим. В. Кордта. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1904. 93 с.
- Каминская А. Г.* Пребывание Петра Великого в Париже в 1717 году // Санкт-Петербург – Франция : Наука, культура, политика. СПб. : Европ. дом, 2010. 668 с.
- Ковалевский М.* Новые данные о пребывании Петра в Париже, почерпнутые из испанских архивов // Рус. мысль. 1884. № 1. С. 104–114.
- Козлова Ю. А.* Пребывание Петра I в Голландии в 1716–1717 гг. : Экономический, политический и культурный аспекты // Вестн. МГОУ. Сер. История и политические науки. 2015. № 5. С. 107–116.

Кросс Э. Англо-русские отношения в эпоху Петра Великого // Россия – Британия : К 450-летию установления дипломатических отношений. М. : Музеи Моск. Кремля, 2003. С. 18–23.

Курукин И. В. Екатерина I. М. : Молодая гвардия, 2016. 398 с.

Лацинский А. С. Петр Великий, император России, в Голландии и в Заандаме в 1697 и 1717 гг. // Русская старина. 1916. № 1. С. 5–24; № 2. С. 193–223; № 3. С. 387–396; № 4. С. 5–14; № 5. С. 319–345.

Любименко И. И. Россия и Англия в первой половине XVIII в. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 276. Оп. 2. № 133.

Мезин С. А. Петр I во Франции. СПб. : Европ. дом, 2015. 312 с.

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. 3-е изд. М. : Междунар. отношения, 1990. 448 с.

Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1950. 277 с.

Ответ короля Великобританского из его немецкой канцелярии на мемориал секретаря посольства е. ц. в. г. Веселовского // Временник МОИДР. Кн. 19. М. : В университет. тип., 1854. Смес. С. 14–16.

Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева : 1704–1722 гг. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1879. 517 с.

Письма русских государей и других особ царского семейства : Изданы комиссией печатания государственных грамот и договоров, состоящей при Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел : в 5 вып. М. : Тип. Сергея Орлова, 1861. Вып. 1. 182 с.

ПСЗРИ. Т. 5. 1713–1719. СПб. : Тип. II Отд. Собств. его императ. величества канцелярии, 1830. 787 с.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова : в 3 ч. / сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базаровой, Ю. Б. Фоминой. СПб. : Мирь, 2011. Ч. 3. 1715–1723. 415 с.

Походный журнал 1716 года. СПб. : [Б. и.], 1855. 110 с.

Походный журнал 1717 года. СПб. : [Б. и.], 1855. 36 с.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 11, Кн. 29. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2 (1716 г.), Д. 3 (1717 г.); Ф. 156. Оп. 1. Д. 38; Ф. 157. Оп. 1. Д. 4; Ф. 198. Оп. 1. Д. 295, 307.

Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом : в 2 т. М. : Университет. тип., 1872. Т. 2. 411 с.

Сидоренко Л. В. Влияние ганноверского фактора на курс Великобритании в Северной войне // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. : материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 2006. СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2007. С. 213–218.

Стерликова А. А. Русская дипломатия в 1714 – начале 1718 г. : поиск выхода из Северной войны : дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2006. 368 с.

Труды и дни Александра Даниловича Меншикова : Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова, 1716–1720, 1726–1727 гг. М. : Рос. фонд культуры, 2004. 648 с.

Феггерлийн К. К вопросу о происхождении императрицы Екатерины I // Вестн. Европы. 1896. № 9. С. 383–392.

Хмыров М. Д. Граф Лесток // Исторические статьи. СПб. : Изд. В. П. Печаткина, 1873. 473 с.

Хоруженко О. И. О происхождении Екатерины I // Европейские монархии в прошлом и настоящем. М. : Алетей, 2001. С. 142–146.

Цветаев Д. В. Петр Великий во Франции // Рус. обозрение. 1894. № 2. С. 607–648.

Чумиков А. А. Извлечение из донесений шведского Комиссионс-Секретаря Прейса о пребывании Петра Великого в Голландии в 1716 и 1717 г. // ЧОИДР. 1877. Кн. 2. С. 1–12. Юность державы. М. : Фонд Сергея Дубова, 2000. 520 с.

Языков А. П. Пребывание Петра Великого в Сардаме и Амстердаме в 1697 и 1717 годах. Berlin : Behr Buchanlung, 1872. 71 с.

References

Arhiv knyazya F. A. Kurakina [Prince F. A. Kurakin's Archive]. (1891). Vol. 2. St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva, 452 p.; (1892). Vol. 3. St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva, 493 p.

Baranov, P. I. (1872). *Arhiv Pravitel'stvennogo Senata. Opis' imennym vysochajshim ukazam i povelenyam tsarstvovaniya imperatora Petra Velikogo. 1704–1725* [The Archive of the Ministerial Senate. An Inventory of the Imperial Edicts and Rulings of the Reign of Emperor Peter the Great. 1704–1725]. Vol. 1, 169 p. St Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvyushhego Senata.

Belozerskaya, N. A. (1902). Proiskhozhdenie Ekateriny Pervoy [The Descent of Catherine I]. In Shubinskiy S. N. (Ed.), *Istoricheskij Vestnik*. Iss. 1, St Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorova, pp. 56–90.

Brat'ya Olsuf'evy, ober-gofmejstery Petra Velikogo. Perepiska ih s knyazem A. D. Menshikovym (1717–1727) [The Olsufyev Brothers, Chief Masters of the Court of Peter the Great. Their Correspondence with Prince A. D. Menshikov]. (1883). In *Russkij Arhiv*. Iss. 5, pp. 5–40.

Brückner, A. G. Puteshestviya Petra Velikogo za granicu v 1711 do 1717 g [Peter the Great's Tours abroad between 1711 and 1717]. (1880). In *Russkij Vestnik*. Iss. 11, pp. 5–49; Iss. 12, pp. 567–597; (1881). Iss. 1, pp. 156–201; Iss. 2, pp. 619–658; Iss. 3, pp. 53–101.

Waegemans, E. (2013). *Tsar' v respublike. Vtoroe puteshestvie Petra Velikogo v Niderlandy (1716–1717)* [A Tsar in a Republic. Peter the Great's Second Trip to the Netherlands (1716–1717)]. 256 p. St Petersburg, Evropejskij Dom.

Maykova, T. S. (Ed.). (2004). *Gistoriya Svejskoj vojny (Podennaya zapiska Petra Velikogo). Vypusk 1* [The History of the Swedish War (Daily Notes of Peter the Great). Issue 1]. 631 p. Moscow, Krugh.

Golikov, I. I. (1838). *Deyaniya Petra Velikogo, mudrago preobrazitelya Rossii, sobrannyya iz dostovernyh istochnikov i raspolozhennyya po godam* [The Deeds of Peter the Great, Wise Transformer of Russia, Collected from Trustworthy Sources and Arranged by Year]. Vol. 6, 679 p. Moscow, Tipografiya N. Stepanova.

Diplomaticeskaya perepiska francuzskogo polnomochnogo ministra pri russkom dvore, Kampredona, s francuzskim dvorom i francuzskim poslannikom pri Ottomanskoj Porte, markizom de Bonakom, s 1723 po mart mesyac 1725 g. [Diplomatic Correspondence of the French Ambassador Plenipotentiary at the Russia Court Campredon with the French Court and the French Ambassador at the Ottoman Porte Marquis de Bonnac between 1723 and March 1725]. (1886). Vol. 52, 485 p. Sb. IRIO. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha.

Doneseniya francuzskogo konsula v Peterburge Lavi i polnomochnogo ministra pri russkom dvore Kampredona s 1722 po 1724 g. Sb. Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva [Reports of La Vie, French Consul in St Petersburg and Campredon, Minister Plenipotentiary at the Russian Court between 1722 and 1724. A Collection of the Russian Imperial Society]. (1885). Vol. 49, 427 p. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha.

Zapiska o snosheniyah mezhdú Franciej i Rossiej v tsarstvovanie Petra I, sostavlenneya v 1726 godu Ledranom, starshim chinovnikom departamenta inostrannyh del [A Note on the Collaboration between France and Russia during the Reign of Peter I Made by Ledrain, Head Official of the Department of Foreign Affairs]. (1885). Sb. RIO. St Petersburg, Vol. 49, pp. I–LXIX.

Zapiska o snosheniyah mezhdú Franciej i Rossiej v carstvovanie Petra I, sostavlenneya v 1726 godu Ledranom, starshim chinovnikom departamenta inostrannyh del [A Note on the Collaboration between France and Russia during the Reign of Peter I Made by Ledrain, Head Official of the Department of Foreign Affairs]. (1886). Sb. RIO. St Petersburg, Vol. 52, pp. 1–46.

Kordt, V. (Ed.). (1904). *Zapiski Ya. K. Nomena o prebyvanii Petra Velikogo v Niderlandah v 1697/98 i 1716/17 gg.* [Notes of J. C. Noomen on the Stay of Peter the Great in the Netherlands in 1697/98 and 1717/1717]. 93 p. Kiev, Tipografiya S. V. Kul'zhenko.

Kaminskaya, A. G. (2010). *Prebyvanie Petra Velikogo v Parizhe v 1717 godu* [Peter the Great's Stay in Paris in 1717]. 668 p. In *Sankt-Peterburg – Franciya. Nauka, kul'tura, politika*. St Petersburg, Evropejskij Dom.

Kovalevsky, M. M. (1884). *Novye dannye o prebyvanii Petra v Parizhe, pocherpnutye iz ispanskikh arhivov* [New Data about the Stay of Peter the Great's in Paris Taken from Spanish Archives]. In *Russkaya Mysl'*, Moscow, Iss. 1, pp. 104–114.

Kozlova, Yu. A. (2015). *Prebyvanie Petra I v Gollandii v 1716–1717 gg. E'konomicheskij, politicheskij i kul'turnyj aspekty* [Peter I's Stay in Holland between 1716 and 1717. The Economic, Political and Cultural Aspects]. In *Vestnik MGOU. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. Iss. 5, pp. 107–116.

Cross, A. G. (2003). Anglo-russkie otnosheniya v e'pohu Petra Velikogo [England – Russia Relations during Peter the Great's Era]. In *Rossiya–Britaniya. K 450-letiyu ustanovleniya diplomaticheskikh otnoshenij*. Moscow, Muzei moskovskogo Kremlya, pp. 18–23.

Kurukin, I. V. (2016). *Ekaterina I* [Catherine I]. 398 p. Moscow, Molodaya gvardiya.

Latsinsky, A. S. (1916). Petr Velikij, imperator Rossii, v Gollandii i v Zaandame v 1697 i 1717 gg. [Peter the Great, Emperor of Russia in Holland and in Zaandam in 1697 and 1717]. In *Russkaya Starina*. Iss. 1, pp. 5–24; Iss. 2, pp. 193–223; Iss. 3, pp. 387–396; Iss. 4, pp. 5–14; Iss. 5, pp. 319–345.

Lyubimenko, I. I. *Rossiya i Angliya v pervoj polovine XVIII v.* [Russia and England in the 1st Half of the 18th Century]. Arhiv SPb. II RAN. F. 276. Op. 2. № 133.

Mezin, S. A. (2015). *Petr I vo Francii* [Peter in France]. 312 p. St Petersburg, Evropejskij Dom.

Molchanov, N. N. (1990). *Diplomatiya Petra Velikogo. Izd. 3-e* [Peter the Great's Diplomacy. 3rd Edition]. 448 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya.

Nikiforov, L. A. (1950). Russko-anglijskie otnosheniya pri Petre I [Russia – England Relations during the Reign of Peter I]. 277p. Moscow, Gospolitizdat.

Otvet korolya Velikobritanskogo iz ego nemeckoj kancelyarii na memorial sekretarya posol'stva e. c. v. g. Veselovskogo [The Answer of the British King from His German Chancellery to the Memorial of the Secretary of the Embassy Veselovsky]. (1854). In *Vremennik MOIDR*. Vol. 19. Moscow, Smes', pp. 14–16.

Perepiska i bumagi grafa Borisa Petrovicha Sheremeteva. 1704–1722 gg. [Correspondence and Papers of Count Boris Petrovich Sheremetev. 1704–1722]. (1879). 517 p. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha.

Pis'ma russkikh gosudarej i drugih osob carskogo semejstva. Izdany komissieyu pechataniya gosudarstvennyh gramot i dogovorov, sostoyashcheyu pri Moskovskom Glavnom Arhive Ministerstva Inostrannyh Del. Chast' I [Letters of Russian Monarchs and Other Members of the Royal Family. Published by the Commission for Imperial Documents and Agreements Publication at the Chief Moscow Archive of the Ministry of Foreign Affairs. Part 1]. (1861). 182 p. Moscow, Tipografiya Sergeya Orlova.

PSZRI. T. 5. 1713–1719 [Complete Laws of the Russian Empire. 1713–1719]. (1830). 415 p. St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii.

Pohodnaya kancelyariya vice-kanclera Petra Pavlovicha Shafirova. Chast' III. 1715–1723 [Field Chancery of Vice-Chancellor Peter Pavlovich Shafirov. Part 3. 1715–1723]. (2011). 415 p. St Petersburg, Mir.

Pohodnyj zhurnal 1716 goda [Route Journal of 1716]. (1855). 110 p. St Petersburg.

Pohodnyj zhurnal 1717 goda [Route Journal of 1717]. (1855). 36 p. St Petersburg.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock. 9. Sect. 2. Vol. 11, Vol. 29. Stock 47. List 1. Dossier 2 (1716), Dossier 3 (1717); Stock 156. List 1. Dossier 38; Stock 157. List 1. Dossier 4; Stock 198. List 1. Dossier 295, Dossier 307.

Sbornik vypisok iz arhivnyh bumag o Petre Velikom [A Collection of Excerpts of Archival Documents on Peter the Great]. (1872). Vol. 2. 411 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya.

Sidorenko, L. V. (2007). Vliyanie gannoverskogo faktora na kurs Velikobritanii v Severnoj vojne [The Influence of the Hanover Factor on Great Britain's Strategy in the Northern War]. In *Severnaya vojna, Sankt-Peterburg i Evropa v pervoj chetverti XVIIIv.: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. St Petersburg, Izdatelstvo S.-Peterb. un-ta, pp. 213–218.

Sterlikova, A. A. [2006]. *Russkaya diplomatiya v 1714 – nachale 1718 gg.: poisk vyhoda iz Severnoj vojny: Diss. k. i. n* [Russian Diplomacy in 1714 – Early 1718: A Search for a Way out of the Northern War: PhD in History Thesis]. 368 p. St Petersburg.

Trudy i dni Aleksandra Danilovicha Menshikova: Povsednevnye zapiski delam knyazyza A. D. Menshikova, 1716–1720, 1726–1727 gg. [Works and Days of Aleksandr Danilovich Menshikov: The Latest Notes on Prince A. D. Menshikov's Activity, 1716–1720, 1726–1727]. (2004). 648 p. Moscow, Rossijskij fond kul'tury.

Feggerlijn, K. (1896). K voprosu o proiskhozhdenii imperatricy Ekateriny I [On Empress Catherine I's Descent]. In *Vestnik Evropy*, Iss. 9, pp. 383–392.

Khmyrov, M. D. (1873). Graf Lestok [Count Lestoc]. 473 p. In *Istoricheskie stat'i*. St Petersburg, Izdanie V. P. Pechatkina.

Khoruzhenko, O. I. (2001). O proiskhozhdenii Ekateriny I [On Catherine I's Descent]. In *Evropejskie monarhii v proshlom i nastoyashem*. Moscow, Aleteya, pp. 142–146.

Tsvetaev, D. V. (1894). Petr Velikij vo Francii [Peter the Great in France]. In *Russkoe obozrenie*. Iss. 2, pp. 607–648.

Chumikov, A. A. (1877). Izvlechenie iz donesenij shvedskogo Komission-Sekretarya Prejsa o prebyvanii Petra Velikogo v Gollandii v 1716 i 1717 g. [Excerpts from Reports of Swedish Commission Secretary Preuss about Peter the Great's Stay in Holland in 1716 and 1717]. In *CHOIDR*, Vol. 2, pp. 1–12.

Yunost' derzhavy [The Youth of the State]. (2000). 520 p. Moscow, Fond Sergeya Dubova.

Yazykov, A. P. (1872). *Prebyvanie Petra Velikogo v Sardame i Amsterdame v 1697 i 1717 godah* [Peter the Great's Stay in Zaardam and Amsterdam in 1697 and 1717]. 71 p. Berlin, Behr Buchuanolung (E. Bock).

The article was submitted on 24.02.2017

PRACTICES OF EUROPEAN ENLIGHTENMENT IN 18TH-CENTURY RUSSIA

DOI 10.15826/qr.2017.2.232

УДК 94(470)"17"+94(410)"17"+910.4(410:470)

EMPIRE, SPECTACLE AND THE PATRIOT KING: BRITISH RESPONSES TO THE EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIAN EMPIRE*

Matthew Binney

Eastern Washington University,
Washington, USA

The author uses examples of British travellers' responses to Russian tsars' spectacles to argue that the British view of the Russian Empire in the eighteenth century fosters a contradiction. Traditionally Russia was depicted as an imperial Other in which British liberty and its attachment to reason is contrasted with Russian servility within the autocratic state and Russian citizens' irrational attachment to tradition. Yet British writers complicate this depiction with Peter the Great, and later tsars, who are depicted frequently as enlightened reformers. Indeed, British travellers' depictions of tsars' spectacles at once foreground the tsar's enlightened reforms and the tsar's person, but also are characterized as limiting the spectators' capacity to reason and to pursue liberty. The author maintains that this contradiction is accommodated in the British thought by Bolingbroke's notion of a reform-minded patriot king and Russia's often-portrayed middle position between East and West.

Keywords: Peter the Great; Britons in Russia; Bolingbroke; travel literature.

Обращаясь к описаниям представлений, устраиваемых русскими царями, в трудах британских путешественников, автор показывает противоречивый характер британского взгляда на Российскую империю XVIII в. Россия традиционно изображалась как «чужая» империя, а приверженность Британии свободе и разуму противопоставлялась духу несвободы самодержавного государства и иррациональной тяге русского народа к традициям. Однако британские авторы рассказывали в своих отзывах о русских царях, таких как Петр I и его последователи, изображая их как просвещенных монархов. Впечатления британцев о зрелищах, устраиваемых царями, с одной

---

* *Citation:* Binney, M. (2017). Empire, Spectacle and the Patriot King: British Responses to the Eighteenth-Century Russian Empire. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 385–405. DOI 10.15826/qr.2017.2.232.

Цитирование: Binney M. Empire, Spectacle and the Patriot King: British Responses to the Eighteenth-Century Russian Empire // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 385–405. DOI 10.15826/qr.2017.2.232.

стороны, акцентируют внимание на личностях русских монархов и их реформах и, с другой, иллюстрируют ограниченность народа и его неспособность рассуждать здраво и бороться за свободу. Автор утверждает, что это противоречие сформировалось в представлении британцев о России под влиянием идей Болингброка о царе-реформаторе и России как стране, занимающей промежуточное положение между Востоком и Западом.

Ключевые слова: Петр Великий; британцы в России; Болингброк; путевые заметки.

At the beginning of the eighteenth century, the Russian Empire, serving as an imperial Other [Neumann, pp. 65–112; Pagden, p. 46; Wolff, pp. 10–13],¹ was considered by the English as ‘remote, backward, and except as a source of supply for a few raw materials, fundamentally unimportant’ [Anderson, p. 202]. Giles Fletcher molds this notion, for instance, in his Dedication to Queen Elizabeth in *Of the Russe Commonwealth* (1591);² he reports to Queen Elizabeth that his work reveals ‘A true and strange face of a *Tyrannical state* (most unlike to your own)’, adding that whereas the queen rules over ‘subjectes’, the czar rules over ‘slaves’. The perceived generosity of the queen and the contentment of her English subjects are contrasted with the severity of tsardom and servility of Russian citizens. Not only are Russians ‘slaves’ in an autocratic state, but also they fail to sufficiently exercise their reason because they remain excessively attached to outdated customs and traditions.³ In *The Present State of Russia* (1671), Samuel Collins, personal physician to Tsar Aleksey Mikhailovich (r. 1645–76), endorses Fletcher’s conclusion, noting that ‘the Russian Boors [are] perfect Slaves’ and adds: ‘To things improbable they easily give credit, but hardly believe what is rational and probable’ [Collins, p. 68].

This view of the Russian Empire as the Other, a servile and irrational populace in a tyrannical state, contrasts with the British view of their own burgeoning empire and its focus on liberty [Greene, 1998, p. 208]. Before 1760, as David Armitage [Armitage, 1999, p. 92; 2000, p. 8] maintains, the British Empire was conceived as ‘Protestant, commercial, maritime and free’, and ‘British republicans’ formulated this conception from an inherited dichotomy between liberty and greatness, which indicated how the pursuit of greatness would inevitably lead to the loss of ‘liberty both for the republic and for its citizens’ [Armitage, 2002, pp. 30–31]. This loss of liberty could be avoided by focusing on trade and commerce. ‘Republican moderation’ and

¹ For European notions of Russia as the Other, see Pagden: ‘While it remained... stubbornly an oriental despotism, Russia rested firmly within Asia, the backward barbaric empire of the steppes’ [Pagden, p. 46]; for Russia as the Other, see [Neumann].

² A. Cross notes how those who wrote on Russia in the seventeenth century, ‘essentially echoed Fletcher’s... prejudices’ [Cross 2000, p. 3].

³ This attachment to tradition is particularly directed at the Orthodox Church; for example, see Fletcher: ‘Many... false opinions they have in matter of religion... which they holde partly by meanes of their traditions’ [Fletcher, p. 99]; also see Macartney, who comments upon ‘their superstitious and obstinate attachment to ancient customs’ [Macartney, pp. 40–41].

commerce would work together to promote liberty for the citizens and the monarch. Republican moderation originates from 'Old Whig' thought, according to J. G. A. Pocock, and 'Old Whigs' emphasize 'virtue' in the 'speculative man'; that is, a citizen must not be a 'slave of his passions, [and instead] he had to moderate these by converting them into opinion, experience and interest' [Pocock, p. 115]. Pocock's representative of this republican moderation, James Harrington, observes in *The Commonwealth of Oceana* (1656) that interest and reason are intertwined because 'reason be nothing else but interest, and the interest of mankind be the right interest, then the reason of mankind must be right reason' [Harrington, p. 98]. Propelling the British notion of liberty is the notion of republican moderation, which requires that citizens use their reason to realize their interest. Not only would republican moderation encourage citizens to avoid corruption at home by pursuing their interest and avoiding luxury, but also it would encourage the monarch to avoid corruption abroad by pursuing the state's interest by promoting trade rather than occupying lands. The 'most influential assessment' of this arrangement, according to Armitage [Armitage, 2002, p. 41], is expressed by the prominent Tory thinker, Bolingbroke, in his *The Idea of the Patriot King* (1738). Bolingbroke describes the patriot king: 'A king who esteems it his duty to support, or to restore... the free constitution of a limited monarchy; who forms and maintains a wise and good administration; who subdues faction, and promotes the union of his people: and who makes their greatest good the constant object of his government, may be said, no doubt, to be in the true interest of his kingdom' [Bolingbroke, p. 414]. While keeping a limited monarchy, the king should control party conflict as well as unify, govern and reform for the good of his people. Only then does he act in the true interest of his kingdom. Unfortunately, the balance that Bolingbroke sought between greatness and liberty with a patriot king proved 'unstable', according to Armitage [Ibid., p. 42], because 'British thinkers' could not endorse any particular monarch who could sufficiently reconcile empire and liberty.

Even though 'British thinkers' reject Bolingbroke's assessment, British travellers to the Russian Empire frequently endorse the tsar, beginning with Peter the Great,⁴ as a type of patriot king. Although the tsar does not keep a traditionally English 'limited monarchy', he nonetheless subdues faction, promotes union, and most importantly reforms laws and customs for the good of his people in order to propel his subjects to greatness.⁵ In *Peter the Great Through British Eyes* (Cross 2000), Anthony Cross has argued how Peter the Great became a symbol of the 'good monarch' [Ibid., p. 94], which was founded upon the 'Petrine myth' [Ibid., p. 49] that Peter was a 'reform-

---

⁴ British awareness of the Russian Empire and its influence on European affairs increased with Peter the Great's successes during the Great Northern War (1700–1721); see one of the better-known pamphlets of the early eighteenth century (1716) Gyllenborg's *The Northern Crisis, or Impartial Reflections on the Policies of the Czar*; [Gyllenborg], see also [Paine, pp. 492–493; Hartley, p. 55–62; Cross, 2000, p. 55; Neumann, p. 76].

⁵ D. Armitage has discussed how the patriot king served a 'reformative purpose' [Armitage, 1997, p. 403] and how 'The very lack of specificity in Bolingbroke's description of the patriot king made it perennially applicable' [Ibid., p. 406].

ing tsar' [Ibid., p. 48] and as such a 'god of the Enlightenment' [Ibid., p. 66], who is 'bringer of light and the subduer of Nature' [Ibid., p. 69]. This notion of a tsar who reforms with a civilizing, rational spirit for the good of his people, acting in their interest, particularly in Peter the Great and Catherine the Great, obviously contrasts with Russia as Other, in which the autocratic state causes people to submit to servility and irrationally embrace outdated customs and conventions. Cross [Cross 2012, p. 4] states: 'the people as opposed to the potentate were the problem', and by the early eighteenth century, this dual view of barbarism in the people and enlightenment in the tsars creates a 'juxtaposition' that 'was obviously appealing to European, and British, minds' [Ibid., p. 48].

This study posits the incoherence of this British 'juxtaposition', particularly in the context of British debates upon greatness and liberty, by illustrating its contradiction in travellers' responses to the tsar's and imperial state's use of spectacle—that is, fireworks and illuminations – which at once demonstrates the reforming policies of the tsar and the greatness of the empire but also denies the spectators, and symbolically the citizens, of their capacity to reason. This contradiction indicates how the tsar's role as a type of patriot king and the Russian Empire's greatness may serve, instead, as a template for the development of 'enlightened' absolutism that emerges in the British Empire from the 1760s.

Spectacle and the Imperial State

The English were certainly not unfamiliar with spectacle, as Paula Backscheider has demonstrated in Charles II's ascension to the throne in 1660. Charles II used spectacle to 'help secure his throne and establish his interpretation of the monarchy' [Backscheider, p. 2], to give 'the impression of the return of prosperity and happiness' [Ibid., p. 9] and to demonstrate the authoritative and rightful administration of 'Law' [Ibid., p. 11]. Spectacle similarly performed the role of justifying Peter the Great's reign, but in contrast to 'Law', British accounts of Russia indicate how spectacle functions more abstractly as a function of the state and the tsar's person to reform and act for the good of the kingdom.⁶

First appearing in Moscow and then in dazzling performances outside the Winter Palace, on and alongside the Neva in St. Petersburg, Peterhof, and on the estates of nobles,⁷ fireworks frequently appeared with 'illuminations', which involved the placement of wooden models that depicted effigies, representations of gardens, exotic locations, cities, inscriptions, as well

⁶ R. S. Wortman notes that Peter's 'ceremonies prepared the way for reform as the beginning of a new tradition' [Wortman, p. 26].

⁷ Tooke observes that Petr Borisovich Sheremetev (1713–1787) held 'Dramatical representations, fireworks, illuminations, and dancing' at his Kuskovo estate outside Moscow [Swinton, p. 432], and when describing 'summer amusements', Swinton observes that at Alexander Sergeyevich Stroganov's (1733–1811) 'villa', he offered 'a display of various fireworks' [Swinton, p. 349].

as candles lit in the windows of buildings.⁸ That the Russian Empire distinctly focused upon spectacle in its fireworks is a point stressed by Simon Werrett in *Fireworks: Pyrotechnic Arts and Sciences in European History* (2010), Werrett writes that the imperial state appeared to have no interest 'in creating more practical or profitable uses for fireworks outside spectacle' [Werrett, p. 130], and the performances consistently demonstrated that 'Russians emphasized the pleasure, rather than the artifice' [Ibid., p. 106]. British depictions of Russian fireworks and illuminations indicate that tsars and tsarinas used these performances as spectacle to entertain and awe spectators as well as promote the appearance of undisputed eminence and inherent legitimacy of the imperial state.⁹

The illuminations function as spectacle because they are performed before a public, offer an implicit and all-encompassing self-justification for the imperial state and hinder the spectator's critical thought.¹⁰ In the seminal *Society of the Spectacle* (1970, originally in French 1967), Guy Debord argues that 'spectacle presents itself simultaneously as all of society, as part of society, and as instrument of unification' [Debord, Thesis 3], and that 'spectacle's form and content are identically the total justification of the existing system's conditions and goals' [Ibid., Thesis 6]. Not only does spectacle unify society and justify the existing order, but also it 'presents itself as something enormously positive, indisputable and inaccessible' [Ibid., Thesis 12]. Since spectacle's appearance connotes good, then it is 'its own product, and... has made its own rules: it is a pseudo-sacred entity', and as such all 'community and all critical sense are dissolved' [Ibid., Thesis 25]. Spectacle creates the appearance of unity, implicitly justifies the existing system, appears comprehensively good and suspends critical thought. The spectacle of fireworks and illuminations at once represented the unity of the Russian state and justification for its greatness,¹¹ including the reforming tsar's policies,¹² but also it produced pleasure and stimulated emotions, which ultimately lead to the spectator's loss of discriminating faculties.¹³

⁸ Indicating the difference between fireworks and illuminations, Watanabe-O'Kelly states, 'Unlike the firework display, [illuminations] are static presentations' [Watanabe-O'Kelly, p. 346].

⁹ Salatino notes how fireworks serve to 'exalt the principles of monarchy and dynasty, to demonstrate power through expenditure, and to underline the fundamental distinction between court and the rest of society' [Salatino, pp. 1–2]; relating to Russia, Maggs states that with the 'celebration of the victory over the Turks at Azov in 1696, pyrotechnical displays began to be associated with secular events' and even 'monarchy' [Maggs, p. 27].

¹⁰ The research on spectacle emphasizes its performative nature and how it hinders critical thought; see [Spielmann; Backscheider; Schaffer; and Debord, particularly thesis 25].

¹¹ Watanabe-O'Kelly: 'the firework display and the illumination constituted the only sophisticated and technically advanced art forms to be accessible to the people *en masse*' [Watanabe-O'Kelly, p. 346].

¹² Salatino argues that fireworks reflect the sublime, and particularly the 'imperial sublime', in which they 'become a reflection of the grandiosity, the overweening ambition, of the emperor himself' [Salatino, p. 94].

¹³ Bracco and Lebovici state that in response to the performance of fireworks, 'le petit peuple intériorise sans analyse les signes 'artificiels' du pouvoir' [Bracco and Lebovici, p. 17].

General Patrick Gordon (1635–1699)

Demonstrating one of his ‘lifelong enthusiasms’ [Hughes, 2004, p. 29], Peter the Great commands General Patrick Gordon to prepare fireworks for pleasure. Gordon – a Scot, Jacobite, mentor, and favorite general of Peter – recounts in his diary how fireworks initially appeared in military drills and maneuvers, and then they evolved to promote the army’s ambitions, the young czar’s authority and the burgeoning empire.¹⁴ Gordon records fireworks’ use in drills when he recounts, for instance, a tragic accident on January 27th, 1691. His son-in-law, Rudolph Strasburg, ‘by a great misfortune burnt his head, hands, knees & feet’, because fireworks were fired from above, from which he ‘narrowly’ escaped, while three others were ‘burnt to death’ [Gordon, p. 78]. Unfortunately, Strasburg died of his wounds a year later. Apart from drills and maneuvers, in a letter on January 4th 1693, Gordon requested John Babington’s *Pyrotechnia* (1635), which outlines techniques for preparing and presenting displays of fireworks. Three days after his request, he writes: ‘I was by his M[ajesty, Peter the Great], who ordered me to make a *pyrotechnia* or fire-worke for pleasure’ [Gordon, p. 204]. When the young tsar commands Gordon to make fireworks ‘for pleasure’, Peter demonstrates his concern for bolstering his authority and his vision for the state. Not only did Peter formally serve as co-tsar with his incapacitated step-brother, Ivan V,¹⁵ but he also clashed with his mother, Natalia Naryshkina, as he sought to assert his independence.¹⁶ As such, Peter’s injunction highlights how he seeks to court and unify spectators as well as authorize his view of the tsardom, which is expressed through his vision and goals as rightful head of the imperial state. Additionally it underscores how pleasure, rather than a critical sense, functions as the basis of the imperial state’s display of fireworks and illuminations.

Gordon records his success in carrying out Peter’s command. Firstly, reporting on February 21st, he notes how fireworks were performed before Peter and foreigners in Peter’s service: ‘fyreworks fyred, which had pretty good effect, these being his M.[ajesty] & the strangers’. The next day he prepares a display for the general public: ‘The Russe fire-works fired, which had also good effect’ [Ibid., p. 223]. Whether for Peter, foreign members of Peter’s court and army, Peter’s subjects or Gordon’s officers, Gordon’s efforts appear to achieve the tsar’s stipulated purpose: that is, they offer pleasure for spectators.

¹⁴ Salatino acknowledges fireworks’ role as ‘an essential form of early modern statecraft’ in which art becomes ‘an instrument of power’ [Salatino, p. 27]; see also: [Wortman, p. 23].

¹⁵ L. Hughes: ‘from the political-religious perspective of Russia in the 1680s Ivan remained the senior tsar by God’s will’ [Hughes, 2004, p. 19].

¹⁶ L. Hughes, notes that ‘clashes [between Peter and Natalia Naryshkina] seemed inevitable with a son determined to extend the relative freedom and independence which he enjoyed for most of Sophia’s regency’ [Hughes, 1998, p. 390].

John Perry (1669/1670–1733)

The pleasure that fireworks offer the spectator subsequently functions as a reforming instrument in the hands of the tsar. In *The State of Russia, Under the Present Czar* (1716), John Perry, a hydraulic engineer recruited by Peter the Great during his Grand Embassy to England in 1698, indicates how the tsar used illuminations to justify and authorize his own rule and laws over the ostensibly unjustified traditions and customs of his Russian subjects.¹⁷ That is, when attached to the tsar, the fireworks and illuminations represent the tsar's 'conditions and goals' triumphing over irrational Russian traditions, particularly when Peter decides to move Russia to the Julian calendar on January 1st, 1700.¹⁸ Perry remarks that, apart from tradition, the Russians had no clear reasons for adopting their calendar. He adds that they 'also reckon'd the first Day of their Year on the first of September, which they kept with very great Solemnity' [Perry, p. 235]. 'Disputants' maintained that it was on this date 'That God... who was all-wise and good, created the World in the Autumn, when the Corn was in its full Ear, and the Fruits of the Earth were ripe, and fit to take and eat' [Ibid., p. 235]. However, 'the Czar (sensible of their mistaken Notion) desired his Lords to view the Map of the Globe, and in pleasant temper gave them to understand, that Russia was not all the World' [Ibid., p. 235]. By pointing to the globe, Perry clearly depicts Peter as a 'sensible' or wise monarch who corrects the biases and prejudices of his people, preventing them from excessively relying upon custom and tradition. To mark the change in the calendar, Peter 'proclaimed a Jubilee, and commanded the same to be solemnized a whole Week together, with the firing of Guns, and ringing of Bells; and the Streets to be adorn'd with Colours flying in the Day, and Illuminations at Night, which all Houses of any Distinction were to observe' [Ibid., p. 236]. Adding to the function of fireworks as pleasure, Perry indicates how Peter uses them to justify his edicts and reforms. The spectacle creates unity and the appearance of authenticity by marking the fulfillment of his edict, which Peter commanded by rejecting the irrational demands of tradition. That is, much like a patriot king, Perry's description of the tsar's spectacle depicts him as a unifier and reformer.

Not only do fireworks and illuminations mark edicts, but they also distinguish significant imperial events, such as victories, weddings and treaties. Peter even incorporates allegorical figures with abstract values, screens and inscriptions, a model later used by his successors. These abstract values depicted through spectacle reinforce what Simon Dixon has identified as 'the notion of the impersonal state devoted to the common good', which early eighteenth-century Russian political texts fortify by drawing from

---

¹⁷ Cross observes that Perry's account initiates the 'British tradition of Petrine hagiography' [Cross, 2000, p. 48]. However, some signs of praising the tsar exist earlier, like Collins.

¹⁸ L. Hughes observes how 'Peter's prescription for the celebration... provides an early example of enjoyment by decree, which specified the details, right down to the type of festive greenery to be set up in public spaces' [Hughes, 2004, p. 59].

Protestant natural law influences to develop a ‘wider consciousness of “the state”’ that ultimately contributed ‘to a growing reverence for the individual monarch’ [Dixon, p. 193; see also Wortman, p. 31–32]. Spectacle assisted in cultivating this reverence. Lindsey Hughes observes several examples that demonstrate how allegorical figures with abstract values were used to celebrate events in Peter’s reign. After the defeat of Charles XII at the Battle of Poltava (1709), a display showed a ‘Russian eagle shooting an arrow into the Swedish lion’ [Hughes, 2004, p. 86]. In 1710, after the marriage of Peter’s niece, Anna Ivanovna, to Frederick William, duke of Courland, crowns were depicted with two palm trees entwined with the inscription, ‘Love Unites’, and ‘Cupid [was depicted] with his hammer and anvil welded together’ with the inscription, ‘Two joined together as one’ [Hughes, 2002, p. 90]. Oftentimes, the tsar would personally explain the meaning of these illuminations, instructing the spectator how he should view and interpret the performance [Ibid., p. 90].

John Bell (1691–1780) and Peter Henry Bruce (1692–1757)

Perry’s attachment of fireworks and illuminations to the reforming and progressive spirit of a tsar who acts in the interest of the kingdom continues in John Bell’s *Travels from St. Petersburg in Russia, to Diverse Parts of Asia* (1763) and Peter Henry Bruce’s *Memoirs of Peter Henry Bruce, Esq.* (1782). Bell, who served in two Russian embassies to Persia (1715–1718) and China (1718–1722), returned to Moscow in 1722 where he found Peter and his court preparing to celebrate the end of the Great Northern War (1700–1721). Bell describes Peter’s ‘triumphant entry’ into Moscow in a procession, which included a ‘galley’, ‘frigate’, ‘barges’, ‘pilot-boats’ and ‘thirty other vessels’ [Bell, vol. 2, p. 236–237]. Since the celebration ‘was in the month of February, at which time all the ground was covered with snow, and all rivers frozen... all these machines were placed on sledges, and were drawn, by horses’ [Ibid., p. 327]. In addition to this impressive procession, Bell notes that the festivities in Moscow included ‘masquerades, grand fire-works, balls, assemblies, &c.’ [Ibid., p. 325]. Similar to Perry, Bell acknowledges how Peter effectively uses the spectacle of the procession to influence his subjects: ‘The Russians... had a strong aversion to shipping and maritime affairs. In order to apprise them of the great advantages arising from a marine force, in his triumphant entry into Mosco, he represented to his people that the peace... was obtained by means of his naval strength’ [Ibid., p. 326]. That is, the spectacle of his entry into Moscow, a fleet drawn upon ice, demonstrates the indisputable justification of his policies, which includes building a navy, and indicates how it functions as a tool for the tsar to convince his subjects that he acts for their and the state’s good. The diplomat approvingly remarks that Peter ‘always [has] in view, even in his amusements, and times of diversion, all possible means of influencing his people to a liking of whatever

tended to promote the good of his empire' [Ibid., p. 326]. Bell provides a clear connection between the function of spectacle and Peter as a type of patriot king. The emperor uses spectacle as a means to reform; he convinces his recalcitrant subjects of the significance of a navy for prosperity, growth and security of the state. The spectacle influences his subjects to accept his policies and goals, and it depicts how these policies and goals are inherently good for the people and the empire.

Peter Henry Bruce, a military engineer who was trained in the Prussian army and served in Petrine Russia from 1711–1724, offers multiple examples of Peter using fireworks and illuminations to unify the people and state by marking edicts, celebrating victories, and above all providing pleasure. During Peter the Great's official marriage to Catherine, Bruce recounts that the 'entertainment was very splendid; the evening concluded with a ball and fire-works, and the city was illuminated the whole night' [Bruce, p. 71]. On this occasion, Hughes mentions that Peter himself 'was represented by Hymen... with a torch and eagle at his feet' with the inscription above, 'United in our love' [Ibid., p. 103]. On the birth of Peter's son, Peter Petrovich, in 1715, Bruce observes that the 'solemnities on this occasion were attended with most extraordinary pomp; as splendid entertainments, balls, fireworks', and 'in the evening a noble firework was played off... with several curious devices', one bearing the inscription, 'Hope with patience' [Ibid., p. 148]. Finally Bruce offers an account of illuminations during Catherine I's coronation in 1724: 'The whole night was spent in great rejoicings by fire-works, illuminations, bonfires, drums, music, and ringing of bells; the streets were swarmed all night long with crowds of people' [Ibid., p. 363]. On the fourth day of celebrations, 'her majesty gave a very grand entertainment, and in the evening was exhibited a magnificent fire-work, representing the emperor placing the crown on her head, with this motto, "From God and the Emperor;" the city was again completely illuminated, and universal joy displayed itself in every form' [Ibid.]. Bruce reinforces how the tsar's spectacle creates pleasure and joy for his subjects and authorizes the imperial events for the citizens. People of all ranks mind 'nothing but their own pleasures', and 'universal joy' occurs everywhere. Peter's inscriptions indicate abstract, self-justifying values, sometimes through his own person, that not only indicate how the state serves the common good but also how the tsar, the royal family and his dynasty demonstrate their legitimacy. Indeed the fireworks, illuminations and inscriptions demonstrate how spectacle unites the people and represents a comprehensively good experience that justifies the existing order, its goals and objectives, because they occur during and after significant events for the imperial state, such as royal family marriages, military victories and end-of-war treaties. After Peter's reign, fireworks and illuminations continue not only to mark imperial successes that celebrate the empire's expansion but also to awe and provoke passions while displaying allegorical figures that evolve towards representing abstract values of the tsar's person and the imperial state.

Elizabeth Justice (1703–1752)

Elizabeth Justice's *A Voyage to Russia* (1739)¹⁹ recounts a particular performance during Anna Ioannovna's (1730–1740) reign in which fireworks, lighted windows and allegorical effigies, which even represented the tsarina herself, contained inscriptions that point to abstract, state values.²⁰ Justice – a governess for the wealthy merchant Evans, in St Petersburg – writes:

In the Winter, they have very fine Illuminations, such as, I believe, there is not the like in any Place. They are Four Times a Year: Upon her Majesty's Birth-Day, the Day she was named, that of Her Coronation, and New Year's Day; the Yearly Expence of which is Fifty thousand Pounds. There is always before the Palace some particular Figure remarkably fine. I remember one Year there was Her Majesty, with the Figure of *Plenty* by Her; and the *Motto* was, BEYOND PRAISE. Sometimes there are the Figures of *Charity*, and *Justice*. I have seen several curious Representations, *viz.*, A Garden so natural, that you would imagine you might gather Oranges from Trees: The Walls of *Peru*, some of which appeared to be broke down: Their Alphabet...; and their Academy, which is likewise beautifully illuminated. And, on the same Nights, they have very fine Rockets, and Bombs; which are play'd off before the Palace, not to be exceeded, if equaled [Justice, 1739, p. 22–23].

Much like Peter the Great's model of making himself a figure in the allegorical display, Anna Ioannovna commissions a figure for herself with an accompanying inscription. The tsarina stands as an allegorical figure alongside others such as charity, plenty, and justice, and these appear alongside exotic representations of gardens as well as lights in windows. While the inscription, 'Beyond praise', continues Peter the Great's model of inscriptions in illuminations, it goes beyond his reference to dynasty by directing the spectators to the tsarina herself, who has become an abstraction along with the values endorsed by the state. As abstractions, the state's values and tsardom have become at once indisputable and inaccessible, thereby creating the 'pseudo-sacred entity' that is the tsarina's person and the imperial state. Justice demonstrates how the fireworks, inscriptions, exotically manufactured images and community involvement, create spectacle as its 'own product', which is not only heard, seen and pondered but also participated in. As its own product, the illuminations include, according to Justice, their lavish cost: fifty thousand pounds.²¹

¹⁹ Offering the first English account of the Russian Empire since John Perry, according to Patterson, Justice views the tsarina's illuminations from a position, as Cross observes, 'lower down the social scale' [Cross, 1997, p. 339].

²⁰ Maggs indicates how Russia transitioned from using fireworks and illuminations to celebrate 'events of national importance' to 'delivering extravagant panegyrics of the ruling monarch and nation' [Maggs, p. 30].

²¹ Justice changes this number in a letter that is published in the second edition of her *Voyage to Russia*, in which she states that the "Expence is above Sixty thousand Pounds a Year" [Justice, 1746, p. 57].

In a letter dated Oct. 15th 1735, which was published in the second edition, she adds, 'and, in my Opinion, it is well worth it'. In the same letter she observes that the Russian illuminations are 'one Thing that I believe... exceed any Part of the World' [Justice, 1746, p. 57]. Justice's remarks on the illumination's incredible expense, its unsurpassed quality and her subsequent approbation demonstrate the powerful affect that they had upon her as a spectator. That is, even though the expense is enormous, the illumination's existence justifies itself and distinguishes it from all else.

Dr. John Cook (?–1790, dates in Russia: 1736–1750)

Apart from their attachment to the tsar's enlightened reforms, British descriptions of fireworks and illuminations reinforce Peter's injunction to Gordon by demonstrating the emotional response within the discrete spectator. John Cook in *Voyages and Travels Through the Russian Empire, Tartary, and Part of the Kingdom of Persia* (1770) offers a clear account of pleasure in spectacle. Although published in 1770, Cook, a Scottish physician, travelled in Russia in 1736 and departed almost 15 years later. Cook entered Russia with no MD and later received his training as a surgeon at the naval hospital in St. Petersburg. He then transferred to Astrakhan and served as a physician to Prince Mikhail Golitsyn. In volume 1, chapter 25, Cook records the fireworks and illuminations:

Many very entertaining and magnificent fireworks were exhibited on the river Neva, and grand illuminations for the success of the Russian arms against the Turks, so expensive and grand that many people skilled in such works, said that they did not believe the like had ever been seen in any part of Europe: The rockets were terrible. The charge of each large one was said to weigh an extraordinary weight, and when they had risen to an immense height in the air, they burst with an explosion equal to that of a large cannon, and exhibited many fire balls, of various colours, falling down to the earth: a great variety of wheels, and many other things shoes names I am unacquainted with, were played off, so that in midnight, one might have seen as clearly as in mid-day. The grand illuminations were placed on a large timber building of two stories high, and a great length, erected on the north side of the river opposite the winter palace. The lamps exhibited flames of different colours, representing the last city or fortification taken from the Turks, such as Asoph, Perecop, Kinburn, Kinbam, &c. Before the fire works were played off, there was erected upon the river a large tall mast, on which was hung a white sheet of cloath, as broad as the sail of the largest ship of war, but longer, fire was put to this as the signal for beginning: The flame ran up the sheet instantly like a flash of lightning, but left upon it the figure of the city, for the honour of which the works were to be played off, in a deep and glossy fire which continued ten or twelve minutes, before the sheet was destroyed... the regularity and dispatch in performing these wonderful works no doubt surprised me, and they had much the same effect upon people more acquainted with them [Cook, pp. 99–100].

Cook's description demonstrates how the later tsarinas continue Peter's practice of using illuminations and fireworks to celebrate the imperial state's victories alongside the expansion of territory. During the Russo-Turkish Wars, Russian successes over the Turks provided the expanding empire with a foothold onto the Black Sea. These 'wonderful works' are indeed 'grand', symbolizing the empire's greatness, and like Justice, Cook mentions their lavish expense. The pleasure of this 'magnificent' performance awes the spectators, even those who were 'more acquainted' with the illuminations. That is, like Justice, the display represents its 'own product', thereby distinguishing it from all preceding performances. Such spectacle evokes an emotional response within him, exciting his passions. He describes the sounds and colors that affect his senses: the fireworks and illuminations stimulate his hearing and his sight, filling him with awe and impressing him with their power.

William Richardson (1743–1814)

William Richardson, Cook's fellow Scot and traveller to the Russian Empire, [Richardson, p. 426], also reflects the latter's emotional response to fireworks and illuminations. Richardson was a professor of humanity at the University of Glasgow when his *Anecdotes of the Russian Empire* (1784) appeared. He tutored the British ambassador Lord Cathcart's sons when they sailed to Russia in 1768. Letter XLI contains Richardson's description of fireworks and illuminations in the 'feasts, balls, concerts, plays... and masquerades in constant succession' [Ibid., p. 313] that honored Prince Henry of Prussia (1726–1802), as he arrived in St. Petersburg to form an agreement on the First Partition of Poland. Richardson records that:

...We had lately a most magnificent shew of fireworks. They were exhibited in a wide space before the Winter Palace; and, in truth, "beggared description." They displayed, by a variety of emblematical figures, the reduction of Moldavia, Wallachia, Bessarabia, and the various conquests and victories atchieved [sic] since the commencement of the present war. The various colours, the bright green, and the snowy white, exhibited in these fireworks, were truly astonishing. For the space of twenty minutes, a tree adorned with the loveliest and most verdant foliage, seemed to be waving as with a gentle breeze. It was entirely on fire; and during the whole of this stupendous scene, an arch of fire, by the continued throwing of rockets and fireballs in one direction, formed as it were a suitable canopy [Ibid., p. 330].

Similar to Justice and Cook, Richardson points to illuminated allegorical figures that depict recent conquests in the War of the Bar Confederation (1768–1772). Richardson emphasizes the spectacle's influence upon his senses when he recounts the 'various colours' that were 'truly astonishing'. His astonishment not only underscores the pleasure that the fireworks

elicited but also, like Cook, their powerful emotional impact. The fact that Richardson describes how the spectacle affects his sense experience, which confounds him with sudden passion, indicates how the illuminations limit his capacity to think. Indeed he admits that the display ‘beggared description’, quoting Shakespeare’s *Antony and Cleopatra* (1606), when Antony fatefully views the visually stunning Cleopatra [Shakespeare, 2.2.208].²² They ‘beggared description’ because, like Cleopatra, the fireworks and the emblematic illuminations overwhelm the spectator’s capacity to articulate sense experiences when confounded with passion. Cook reinforces the connection between the spectacle, his senses and passion when he remarks that the whole constituted a ‘stupendous scene’, affirming again the connection between the spectacle’s capacity to amaze, astound and overwhelm.

Nathaniel Wraxall (1751–1831)

Nathaniel Wraxall powerfully demonstrates the spectator’s emotional response to spectacle when he describes a night at Peterhof. After serving in the East India Company from 1769 to 1772, Wraxall traveled extensively in Europe and afterward published his popular *Cursory Remarks Made in a Tour* (1775). Wraxall’s brief stay in the imperial capital gave him enough time to witness Catherine’s illuminations at Peterhof:

The illuminations in the gardens far surpass any I ever saw in my life. In these, as also in fire-works of every kind, I am assured the Russians excel any nation of Europe. Two prodigious arcades of fire extended in front of the palace: the canal, which reaches to the gulf of Finland, was illuminated on both sides, and the view terminated by a rock, lighted in the inside, and which had a beautiful effect. From either side of the canal went off long arched walks illuminated; and beyond these, in the woods, were hung festoons of lamps differently coloured. All the jets d’eaux played. Artificial cascades, where the water tumbled from one declivity to another, and under each of which lights were very artfully disposed, amused and surprised the spectator at the same time [Wraxall, p. 213–214].

Wraxall describes the illuminations and fireworks in a spectacular, sensuous manner, similar to Cook and Richardson. They are ‘beautiful’, ‘differently coloured’, ‘brilliant’ and ‘dazzling’ while they ‘amused and surprised the spectator’. Like Richardson, Wraxall focuses on the sense experience of the spectacle and its powerful, pleasurable effect upon the spectator, but he then describes how this sensual experience affected his mind: ‘The senses alone are captivated, and leave neither time nor capacity to reason on the nature of the entertainment they proffer, but whirl us away in an impetuosity which is not to be resisted’ [Ibid., p. 214]. Illuminations overpower his senses

---

²² The original phrase is ‘beggared all description’.

and threaten his 'capacity to reason'. That is, the spectacle powerfully 'whirls' him away in a process that cannot be 'resisted'. He adds: 'It is a kind of short intoxication, the delirium of a few hours, when reason resigns her scepter, and leaves us to the guidance of any sense which happens to predominate' [Wraxall, p. 215]. Sober Reason cedes to capricious senses, which are directed by the spectacular performance. Literally, the spectacle limits his reason and keeps him in thrall to his passions. After experiencing the illuminations for most of the night until morning, Wraxall noted that a torpor fell over his body after he experiences the brief 'magic' or 'enchantment' of the spectacle. He experiences physical exhaustion, which he 'had not felt before'. Wraxall describes the spectacle's effect upon his body and senses as if he were under a spell. When he arrives in town at eight o'clock, he comments: 'I threw myself on the bed, quite spent with the pursuit of pleasure, and glad to retire to silence and requiescence' [Ibid., p. 216].

Wraxall's description underscores how the pleasure of fireworks and illuminations overwhelm the spectator with their magnificence but also overpower the spectator's senses by stimulating his passions and limiting his capacity to reason. Pointedly, the fireworks and illuminations function in the same capacity as British critiques of Russian citizens' attachment to custom and tradition. Just as custom and tradition prevent Russian citizens from sufficiently exercising their capacity to reason, the fireworks and illuminations prevent the British spectator from exercising his. That is, when confronted with the grandeur of spectacle, which symbolically represents the greatness of the reforming tsar's person and the imperial state, the spectators relinquish their capacity to reason.

When examined from British debates upon greatness and liberty, Wraxall's account of fireworks and illuminations demonstrates the contradiction in the British 'juxtaposition'. Even though the British describe Russian spectacle as an instrument for the reforming tsar, who promotes union and reforms for 'the good of his empire', by bringing liberty and enlightenment to the unreasonable masses, British travellers' depictions of the tsar's and the imperial state's spectacle demonstrate how the performances deny the spectator or citizen of his internally driven, deliberative and discriminating capacity to reason. In short, the reform that is propelled and promoted by the tsar's spectacle occurs at the expense of citizens' ability to choose based upon their interest. Greatness occurs at the expense of liberty.

This contradiction indicates why other British thinkers, like David Hume, reject Bolingbroke's patriot king in the balance between greatness and liberty.²³ Hume even uses Peter the Great as an example in 'Of the Rise and Progress of the Arts and Sciences', *Essays, Moral, Political, and Literary*

---

²³ This is not an original claim; see Armitage, who indicates that after Bolingbroke, 'Future appeals to the compatibility of empire and liberty within British political discourse would henceforth seem either doomed or paradoxical' [Armitage, 2004, p. 42]; Hume instead focuses upon the stability of the rule of law and a mixed constitution; see [Haakonssen, p. 358, 371-372].

(1787). Hume states: traditional or absolute monarchies,²⁴ ‘receiving their chief stability from a superstitious reverence to priests and princes, have commonly abridged the liberty of reasoning, with regard to religion, and politics, and consequently metaphysics and morals’ [Hume, I.XIV.30]. A free government possesses security of laws²⁵ that allow people to exercise their curiosity and make choices, which are based upon their ability to reason, so that they may make the right decisions in relation to politics and morals.²⁶ In contrast, absolute monarchies encourage ‘reverence’ for the state,²⁷ which prevents citizens from reasoning and choosing independently. Hume points to Peter the Great:

We are told, that the late Czar, though actuated with a noble genius... yet professed an esteem for the TURKISH policy... where the judges are not restrained by any methods, forms, or laws. He did not perceive, how contrary such a practice would have been to all his other endeavours for refining his people. Arbitrary power, in all cases, is somewhat oppressive and debasing; but it is altogether still worse, when the person, who possesses it, knows that the time of his authority is limited and uncertain... He governs the subjects with full authority, as if they were his own; and with negligence or tyranny, as belonging to another. A people, governed after such a manner, are slaves in the full and proper sense of the word; and it is impossible they can ever aspire to any refinements of taste or reason [Ibid., I.XIV.11].

Despite the fact that Peter was ‘actuated with a noble genius’ and that he endeavored to refine his people, he governs his subjects with ‘full authority’ without the restraint of ‘laws’. That is, even though he may be a reforming tsar, he rules with ‘arbitrary power’, which is ‘oppressive and debasing’. He rules with ‘full authority’ as if his subjects were his own, in essence, turning his subjects into ‘slaves in the full and proper sense of the word’ [Forbes, p. 156–157]. For Hume, the tsar’s subjects are ‘slaves’ because they cannot independently exercise their ‘liberty of reasoning’ to ‘aspire to any refinements of taste’. In short, even though Hume acknowledges Peter the Great’s genius and his policy of reform, the philosopher insists that these reforms fail to sufficiently refine his people because his policies and objectives deny the people’s capacity to choose. For Hume, Peter the Great demonstrates why

²⁴ Haakonssen states that Hume contrasts traditional monarchies with civilized monarchies, such as Louis XV’s France where ‘civil order is maintained by the enforcement of law; and ‘society can be left alone, and this freedom, combined with the need for foreign goods, eventually lead to the growth of commerce’ [Haakonssen, p. 367].

²⁵ Dees states, “Liberty... requires a steady government” [Dees, p. 400]; for “free governments,” see [Forbes, p. 154].

²⁶ Wulf discusses the need to cultivate ‘mitigated skepticism’ in citizens and ‘liberal commercial republics’ [Wulf, p. 93–94]; see [Pocock, ch. 7, especially p. 131]; see also Forbes: “The reconciliation of absolute monarchy and law is... brought about by the progress of reason and civilization” [Forbes, p. 156].

²⁷ Haakonssen observes that in ‘society and politics, the superstitious person is disposed to accept established forms and powers as inherent in the nature of things and to see society as a hierarchical structure with a monarch as the unitary source of authority and sovereignty as a divine right’ [Haakonssen, p. 342].

Bolingbroke's patriot king cannot work. Citizens either revere the monarch or the monarch imposes reforms upon them; either way, citizens are prevented from exercising their reason to refine their taste or perfect their virtue.

Even though British thinkers, like Hume, avoid stressing the monarch's role in greatness and liberty, even pointing to Peter as an example, ironically British descriptions of the Russian Empire continue to use the contradictory 'juxtaposition' and depict the tsar as a type of patriot king who unifies and reforms the irrational populace. For example, in William Coxe's influential *Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark* (1784), the clergyman describes Catherine the Great similar to Perry's description of Peter, as a reforming tsar, who strives to emend Russians' attachment to custom and tradition. Referring to Catherine, Coxe says that 'the sovereign of this empire is absolute in the most unlimited sense of the word' [Coxe, p. 83]; yet, she has 'repealed... oppressive laws' for the peasants and 'has given a stability to their freedom' [Ibid., p. 116]. Ironically, the tsarina, whose rule is 'absolute', gives stability to the peasants' 'freedom'. That is, Coxe continues to use the notion of the reforming tsar who acts for the good of her people by correcting their irrational attachment to custom and tradition. If the Russian Empire functions as the Other in defining Britain's own burgeoning empire, then in light of British thinkers' views on greatness and liberty and their issues with the patriot king, why do British travellers to Russia persist in employing the contradictory 'juxtaposition' of barbaric populace and enlightened monarch, when British travellers' responses to the tsar's and imperial state's spectacle, for example, indicate that it denies spectators and citizens of their critical sense?

A means to investigate this contradiction resides in P. J. Marshall's distinction between the British Empire in the Atlantic before the 1760s, in which liberty would be fostered, versus the British Empire from the 1760s, particularly in India, in which 'enlightened' authoritarianism would be applied. Marshall states that whereas 'representative institutions' existed in the Americas, 'British liberty could not be extended to India'. That is, 'Indians were to be ruled by methods thought to be appropriate to them. Strong government powers would be used for what was considered to be the good of the people. Although there was no place for Indian representation, Indians would be guaranteed security for their lives and property under the law. British rule would thus be "enlightened" if, of necessity, authoritarian', and this 'Indian model of authoritarian government would be exported to Asia and the rest of Africa [excluding the south]' [Marshall, 1998, p. 16]. Whereas liberty works well for the Atlantic empire, 'enlightened' authoritarianism works better for the 'methods thought to be appropriate to (India and Asia)'.

Even though Marshall discusses India, several points intersect with British views of Russia. Particularly, the tsar possesses 'strong government powers', which are used to reform for the 'good of the people'. Additionally Europe and Britain frequently considered Russia as an oriental country –

i. e., Hume's suggestion of 'Turkish policy'.²⁸ Further, regarding religion, although a Christian nation, Russia was not Protestant, contrasting with Armitage's definition of the pre-1760 British Empire of 'Protestant, commercial, maritime and free'. Even still, what distinguishes Russia from India is that after Peter the Great's reign, Europeans saw Russia, according to Iver Neumann, as 'a culture ambiguously poised between Europe and Asia' [Neumann, p. 84; see also: Wolff, p. 13]. That is, Russia is thought to possess Western and Asian elements, such as Western Enlightenment and Asian backwardness. Since, as Marshall argues, forms of governance are distinguished between regions – i. e., liberty in the Atlantic versus 'enlightened' authoritarianism for 'the good of the people' in Asia – then pre-1760 Russia ostensibly serves as a model Other that successfully incorporates contradictory Eastern and Western elements to achieve imperial greatness.

Recognizing Russia's greatness, Anthony Brough, a merchant in the East India Company, states in *A View of the Importance of the Trade between Great Britain and Russia* (1789): 'There is no nation on the records of history, that has so rapidly risen from a state of darkness and barbarism, to that height of splendor and civilization' [Brough, p. 44]. Russia's splendor and greatness is realized and expressed through the tsar's and imperial state's spectacle in British accounts, which depict how the tsar operates as a type of patriot king who unifies and reforms at the expense of liberty. As such, the tsar and Russian Empire function as a model for the development of Britain's own empire after 1760. That is, British responses to the tsar's spectacle demonstrate that the British possessed the political ideology in the patriot king and an example in the tsar as well as the conception of different governance for different regions and an example in the Russian Empire to construct a foundation for an empire that successfully incorporates the greatness-liberty contradiction that subsequently would propel the British Empire's policy of 'enlightened' authoritarianism in India and Asia from 1760.²⁹

Список литературы

Anderson M. S. English Views of Russia in the Age of Peter the Great // Am. Slavic and East Europ. Rev. 1954. Vol. 13, no. 2. Pp. 200–214.

Armitage D. The British Conception of Empire in the Eighteenth Century // Imperium. Empire. Reich : Ein Konzept politischer Herrschaft im deutsch-britischen Vergleich / An Anglo-German Comparison of a Concept of Rule / Eds. F. Bosbach, H. Hiery, C. Kampmann. 227 p. Muenchen : Saur, 1999. Pp. 91–108.

Armitage D. Empire and Liberty: A Republican Dilemma // Republicanism: A Shared Europ. Heritage / Eds. M. Gelderen, Q. Skinner. 2002. Vol. 2. The Values of Republicanism in Early Modern Europe. Cambridge : Cambridge Univ. Press, pp. 29–46. 416 p.

Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000. 239 p.

²⁸ See note 1.

²⁹ Pointing to the connection between Toryism and empire after 1760, P. J. Marshall states: 'Even if there was no new Toryism as a major force in politics in the 1760s, authoritarian Tory ideas still found an outlet and traditional Tories strongly supported the coercion of the colonies' [Marshall, 2003, ch. 2, p. 110].

Armitage D. A Patriot for Whom? The Afterlives of Bolingbroke's Patriot King // *The J. of British Studies*. 1997. Vol. 36, no. 4. Pp. 397–418.

Backscheider P. R. Spectacular Politics: Theatrical Power and Mass Culture in Early Modern England. Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 1993. 335 p.

Bell J. Travels from St. Petersburg in Russia, to Diverse Parts of Asia : in 2 vols. Glasgow : Eighteenth-Century Collections Online (ECCO), 1763. 783 p.

Rude and Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers // Eds. L. E. Berry, R. O. Crummey. Madison : Univ. of Wisconsin Press, 1968. 391 p.

Bolingbroke. The Idea of a Patriot King // *The Works of Lord Bolingbroke*. 1841. Vol. 2. Philadelphia : Carey and Hart. Pp. 372–429.

Bracco P., Lebovici E. Ruggieri: 250 ans de feux d'artifice. Paris : Denoël, 1988. 208 p.

Brough A. A View of the Importance of the Trade between Great Britain and Russia. L. : ECCO, 1789. 51 p.

Bruce P. H. Memoirs of Peter Henry Bruce, Esq. L. : Google Books, 1782. 446 p.

Campbell J. The Present State of Europe. L. : ECCO, 1750. 512 p.

Collins S. The Present State of Russia. L. : Early English Books Online (EEBO), 1671. 141 p.

Cook J. *Voyages and Travels* : in 2 vols. Edinburgh : ECCO, 1770. Vol. 2. 1095 p.

Cross A. By the Banks of the Neva : Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. NY, Cambridge Univ. Press, 1997. 474 p.

By Way of Introduction: British Perception, Reception and Recognition of Russian Culture // *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture* / Ed. A. Cross. Cambridge : Open Book, 1997. Pp. 1–36.

Cross A. Peter the Great Through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. NY : Cambridge Univ. Press, 2000. 172 p.

Debord G. The Society of the Spectacle / transl. by D. Nicholson-Smith. Detroit, Black & Red, [1967] 1983. 132 p.

Dees R. H. "One of the Finest and Most Subtile Inventions": Hume on Government // *A Companion to Hume* / ed. E. S. Radcliffe. Oxford : Blackwell, 2008. Pp. 388–405.

Dixon S. The Modernisation of Russia: 1676–1825. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. 267 p.

Fletcher G. Of the Russe Commonwealth. L. : Google Books, 1591. 232 p.

Forbes D. Hume's Philosophical Politics. NY : Cambridge Univ. Press, 1975. 338 p.

Gordon P. Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries, 1635–1695 / Ed. D. Fedosov. Vol. 5 of 5. Aberdeen : Aberdeen Univ. Press, 2014. 513 p.

Greene J. P. Empire and Identity from the Glorious Revolution to the American Revolution // *The Oxford History of the British Empire* / ed. P. J. Marshall Vol. 2. The Eighteenth Century. Oxford : Oxford Univ. Press, 1998. Pp. 28–230.

Gyllenborg C. The Northern Crisis, or Impartial Reflections on the Policies of the Czar. L. : ECCO, 1716. 28 p.

Haakonssen K. The Structure of Hume's Political Theory // *The Cambridge Companion to Hume* / eds. D. F. Norton, J. Taylor. 2nd ed. NY : Cambridge Univ. Press, 2009. Pp. 341–380.

Harrington J. The Oceana and Other Works of James Harrington, with an Account of His Life by John Toland. L. : Becket and Cadell, [1656] 1711. 757 p. URL: <http://oll.libertyfund.org/titles/916> (mode of access: 28.04.2016).

Hartley J. Changing Perspectives: British Views of Russia from the Grand Embassy to the Peace of Nystad // *Peter the Great and the West: New Perspectives* / Ed. L. Hughes. 280 p. Basingstoke : Palgrave, 2001. Pp. 53–70.

Hughes L. Peter the Great: A Biography. N. Haven : Yale Univ. Press, 2004. 285 p.

Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. N. Haven : Yale Univ. Press, 1998. 602 p.

Hume D. Of the Rise and Progress of the Arts and Sciences // *Essays: Moral, Political and Literary* / Ed. E. F. Miller. Indianapolis : Liberty Fund, [1777] 1985. Pp. 111–137. URL: <http://oll.libertyfund.org/titles/704> (mode of access: 28.04.2016).

Justice E. A Voyage to Russia. York : ECCO, 1739. 59 p.

Justice E. A Voyage to Russia. 2nd ed.. L. : ECCO, 1746. 63 p.

Macartney G. An Account of Russia. L. : ECCO, 1768. 224 p.

Maggs B. W. Firework Art and Literature: Eighteenth-Century Pyrotechnical Tradition in Russia and Western Europe // *The Slavonic and East European Rev.* 1976. Vol. 54, no. 1. Pp. 24–40.

Marshall P. J. 'A Free though Conquering People': Eighteenth-Century Britain and its Empire. Aldershot : Routledge, 2003. 316 p.

Marshall P. J. Introduction // The Oxford History of the British Empire / Ed. P. J. Marshall. Vol. 2. The Eighteenth Century. Oxford : Oxford Univ. Press, 1998. Pp. 1–27.

Neumann I. B. The Russian Other // Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation. Borderlines. 1999. Vol. 9. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press. pp. 65–112.

Pagden A. The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union. NY, Cambridge Univ. Press, 2002. 392 p.

Paine L. The Sea and Civilization: A Maritime History of the World. NY : Vintage Books, 2013. 784 p.

Patterson J. Justice, Elizabeth (1703–1752) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford : Oxford Univ. Press, 2004. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/59243> (mode of access: 28.04.2016).

Perry J. The State of Russia. L. : ECCO, 1716. 280 p.

Pocock J. G. A. Virtue, Commerce, and History: Essays on Political Thought and History, Chiefly in the Eighteenth Century. NY, Cambridge Univ. Press, 1985. 332 p.

Richardson W. Anecdotes of the Russian Empire. L. : ECCO, 1784. 478 p.

Said E. Orientalism. NY : Vintage, 1979. 368 p.

Salatino K. Incendiary Art: The Representation of Fireworks in Early Modern Europe. Los Angeles : Getty Research Inst. for the History of Art and the Humanities, 1997. 120 p.

Shakespeare W. Antony and Cleopatra // The Arden Shakespeare : Complete Works / Eds. R. Proudfoot, A. Thompson, R. Kastan. L. : Thomas Nelson and Sons, [1607] 1998. Pp. 121–160.

Schaffer S. Natural Philosophy and Public Spectacle in the Eighteenth Century // History of Science. 1983. Vol. 21. Pp. 1–43.

Spielmann G. Judicial Spectacle Events as Reality and as Fiction // Law and Humanities. 2011. Vol. 5, no. 1. Pp. 259–270.

Swinton A. Travels into Norway, Denmark, and Russia. L. : ECCO, 1792. 506 p.

Tooke W. History of Russia. Vol. 2. of 2. L. : Google Books, 1800. 528 p.

Watanabe-O'Kelly, H. (1995). Firework Displays, Firework Dramas and Illuminations—Precursors of Cinema? // German Life and Letters. Vol. 48, no. 3. P. 338–352.

Werrett S. Fireworks: Pyrotechnic Arts and Sciences in European History. Chicago : Univ. of Chicago Press, 2010. 359 p.

Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford : Stanford Univ. Press, 1994. 436 p.

Wortman R. S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, NY : Princeton Univ. Press, 2006. 512 p.

Wulf S. J. The Skeptical Life in Hume's Political Thought // Polity. 2000. Vol. 33, no. 1. Pp. 77–99.

Wraxall N. Cursory Remarks Made in a Tour. L. : ECCO, 1775. 412 p.

References

Anderson, M. S. (1954). English Views of Russia in the Age of Peter the Great. In *Am. Slavic and East Europ. Rev.*, vol. 13, no. 2, pp. 200–214.

Armitage, D. (1999). 'The British Conception of Empire in the Eighteenth Century'. In Bosbach, F., Hiery, H., and Kampmann, C. (Eds.). *Imperium / Empire / Reich: Ein Konzept politischer Herrschaft im deutsch-britischen Vergleich / An Anglo-German Comparison of a Concept of Rule*. 227 p. Muenchen, K. G. Saur. pp. 91–108.

Armitage, D. (2002). Empire and Liberty: A Republican Dilemma. In Gelderen, M. and Skinner, Q. (Eds.). *Republicanism: A Shared Europ. Heritage*, vol. 2, The Values of Republicanism in Early Modern Europe. 416 p. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 29–46.

Armitage, D. (2000). *The Ideological Origins of the British Empire*. 239 p. Cambridge, Cambridge Univ. Press.

Armitage, D. (1997). A Patriot for Whom? The Afterlives of Bolingbroke's Patriot King. In *The J. of British Studies*, vol. 36, no. 4, pp. 397–418.

Backscheider, P. R. (1993). *Spectacular Politics: Theatrical Power and Mass Culture in Early Modern England*. 335 p. Baltimore, Johns Hopkins Univ. Press.

- Bell, J. (1763). *Travels from St. Petersburg in Russia, to Diverse Parts of Asia*, 2 vols. 783 p. Glasgow, Eighteenth-Century Collections Online (ECCO).
- Berry, L. E. and Crummey, R. O. (Eds.). (1968). *Rude and Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers*. 391 p. Madison, Univ. of Wisconsin Press.
- Bolingbroke (1841). The Idea of a Patriot King. In *The Works of Lord Bolingbroke*, vol. 2 of 4 pp. 508 p. Philadelphia, Carey and Hart, pp. 372–429.
- Bracco, P. and Lebovici, E. (1988). *Ruggieri: 250 ans de feux d'artifice*. 208 p. Paris, Denoël.
- Brough, A. (1789). *A View of the Importance of the Trade between Great Britain and Russia*. 51 p. L., ECCO.
- Bruce, P. H. (1782). *Memoirs of Peter Henry Bruce, Esq.* 446 p. L., Google Books.
- Campbell, J. (1750). *The Present State of Europe*. L. 512 p. ECCO.
- Collins, S. (1671). *The Present State of Russia*. 141 p. L., Early English Books Online (EBO).
- Cook, J. (1770). *Voyages and Travels*. 2 vols. 1095 p. Edinburgh, ECCO.
- Cross, A. (1997). *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. 474 p. NY, Cambridge Univ. Press.
- Cross, A. (Ed.) (2012). By Way of Introduction: British Perception, Reception and Recognition of Russian Culture. In *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture*. 348 p. Cambridge, Open Book. Pp. 1–36.
- Cross, A. (2000). *Peter the Great Through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698*. 172 p. NY, Cambridge Univ. Press.
- Debord, G. ([1967] 1983). *The Society of the Spectacle*. Nicholson-Smith, D. (Transl.). 132 p. Detroit, Black & Red.
- Dees, R. H. (2008). "One of the Finest and Most Subtile Inventions": Hume on Government. In Radcliffe, E. S. (Ed.). *A Companion to Hume*. 592 p. Oxford, Blackwell. Pp. 388–405.
- Dixon, S. (1999). *The Modernisation of Russia: 1676–1825*. 267 p. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1999.
- Fletcher, G. (1591). *Of the Russe Commonwealth*. 232 p. L., Google Books.
- Forbes, D. (1975). *Hume's Philosophical Politics*. 338 p. NY, Cambridge Univ. Press.
- Gordon, P. (2014). *Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries, 1635–1695*. Dmitry Fedosov (Ed.). Vol. 5 of 5. 513 pp. Aberdeen, Aberdeen Univ. Press.
- Greene, J. P. (1998). Empire and Identity from the Glorious Revolution to the American Revolution. In Marshall, P. J. (Ed.). *The Oxford History of the British Empire*. Vol. 2, The Eighteenth Century. 662 p. Oxford, Oxford Univ. Press. pp. 208–230.
- Gyllenborg, C. (1716). *The Northern Crisis, or Impartial Reflections on the Policies of the Czar*. 28 p. L., ECCO.
- Haakonssen, K. (2009). The Structure of Hume's Political Theory. In *The Cambridge Companion to Hume*. Norton, D. F. and Taylor, J. (Eds.). 2nd ed. 578 p. NY, Cambridge Univ. Press, 2009. pp. 341–380.
- Harrington, J. ([1656] 1711). *The Oceana and Other Works of James Harrington, with an Account of His Life by John Toland*. 757 p. L., Becket and Cadell. URL: <http://oll.libertyfund.org/titles/916> (mode of access: 28.04.2016).
- Hartley, J. (2001). Changing Perspectives: British Views of Russia from the Grand Embassy to the Peace of Nystad. In Hughes, L. (Ed.). *Peter the Great and the West: New Perspectives*. 280 p. Basingstoke, Palgrave. pp. 53–70.
- Hughes, L. (2004). *Peter the Great: A Biography*. 285 p. N. Haven, Yale Univ. Press.
- Hughes, L. (1998). *Russia in the Age of Peter the Great*. 602 p. N. Haven, Yale Univ. Press.
- Hume, D. ([1777] 1985). Of the Rise and Progress of the Arts and Sciences. In Miller, E. F. (Ed.). *Essays: Moral, Political and Literary*. 683 p. Indianapolis, Liberty Fund. Pp. 111–137. URL: <http://oll.libertyfund.org/titles/704> (mode of access: 28.04.2016).
- Justice, E. (1739). *A Voyage to Russia*. 59 p. York. Available in ECCO.
- Justice, E. (1746). *A Voyage to Russia*. 2nd edition. 63 p. L., ECCO.
- Macartney, G. (1768). *An Account of Russia*. 224 p. L., ECCO.
- Mags, B. W. (1976). Firework Art and Literature: Eighteenth-Century Pyrotechnical Tradition in Russia and Western Europe. In *The Slavonic and East European Review*, vol. 54, no. 1, pp. 24–40.
- Marshall, P. J. (2003). 'A Free though Conquering People': Eighteenth-Century Britain and its Empire. 316 p. Aldershot, Routledge.

Marshall, P. J. (1998). Introduction. In Marshall P. J. (Ed.). *The Oxford History of the British Empire*, vol. 2: The Eighteenth Century, vol. 2 of 5. 662 p. Oxford, Oxford Univ. Press, pp. 1–27.

Neumann, I. B. (1999). The Russian Other. In *Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation*, Borderlines, vol. 9. 304 p. Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, pp. 65–112.

Pagden, A. (2002). *The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union*. 392 p. NY, Cambridge Univ. Press.

Paine, L. (2013). *The Sea and Civilization: A Maritime History of the World*. 784 p. NY, Vintage Books.

Patterson, J. (2004). Justice, Elizabeth (1703–1752). In *Oxford Dictionary of National Biography*, Oxford Univ. Press. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/59243> (mode of access: 28.04.2016).

Perry, J. (1716). *The State of Russia*. 280 p. L., ECCO.

Pocock, J. G. A. (1985). *Virtue, Commerce, and History: Essays on Political Thought and History, Chiefly in the Eighteenth Century*. 332 p. New York, Cambridge Univ. Press.

Richardson, W. (1784). *Anecdotes of the Russian Empire*. 478 p. L., ECCO.

Said, E. (1979). *Orientalism*. 368 p. NY, Vintage.

Salatino, K. (1997). *Incendiary Art: The Representation of Fireworks in Early Modern Europe*. 120 p. Los Angeles, Getty Research Institute for the History of Art and the Humanities.

Shakespeare, W. ([1607] 1998). *Antony and Cleopatra*. In Proudfoot, R., Thompson, A., and Kastan, R. S. (Eds.). *The Arden Shakespeare: Complete Works*. 1360 p. L., Thomas Nelson and Sons. pp. 121–160.

Schaffer, S. (1983). Natural Philosophy and Public Spectacle in the Eighteenth Century. In *History of Science*, vol. 21, pp. 1–43.

Spielmann, G. (2011). Judicial Spectacle Events as Reality and as Fiction. *Law and Humanities*, vol. 5, no. 1, pp. 259–270.

Swinton, A. (1792). *Travels into Norway, Denmark, and Russia*. 506 p. L. Available in ECCO.

Tooke, W. (1800). *History of Russia*, vol. 2 of 2. 528 p. L., Google Books.

Watanabe-O’Kelly, H. (1995). Firework Displays, Firework Dramas and Illuminations – Precursors of Cinema? In *German Life and Letters*, vol. 48, no. 3, pp. 338–352.

Werrett, S. (2010). *Fireworks: Pyrotechnic Arts and Sciences in European History*. 359 p. Chicago, Univ. of Chicago Press.

Wolff, L. (1994). *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. 436 p. Stanford, Stanford Univ. Press.

Wortman, R. S. (2006). *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. 512 p. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.

Wulf, S. J. (2000). The Skeptical Life in Hume’s Political Thought. In *Polity*, vol. 33, no. 1, pp. 77–99.

Wraxall, N. (1775). *Cursory Remarks Made in a Tour*. 412 p. L., ECCO.

The article was submitted on 11.05.2016

DOI 10.15826/qr.2017.2.233

УДК 821.161.1–141+94(470)"17"+342.36

ОДИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ «ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА» В РОССИИ XVIII В.*

Татьяна Абрамзон,

Алексей Петров

Магнитогорский государственный технический университет,
Магнитогорск, Россия

ODIC VERSIONS OF THE 'SOCIAL CONTRACT' IN 18TH-CENTURY RUSSIA

Tatiana Abramzon,

Aleksey Petrov

Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia

Social contract theory is one of the basic socio-political doctrines of the European and Russian Enlightenments. Various models of relationships between the authorities and society are reflected in the treatises of European and Russian enlighteners. However, the concept of the social contract is a constantly changing ideological construct, 'a tacit agreement' created, sought for, and pronounced in different cultural texts. The authors of the article mainly focus on the odic poetry of the 18th century, the sphere of Russian culture where the idea of a mutually beneficial agreement between a monarch and their subjects was most vividly, clearly, and comprehensively expressed. The article aims to identify the main stages in the history of development of the relationship between a monarch and their subjects as reflected in poetry.

The 'social contract' paradigm was mostly formed during the reign of Peter the Great, when the 'functions' of a sovereign and his subjects were determined: a monarch took care of the commonweal and his subjects obeyed and served him. Some poets of the Petrine epoch (Karion Istomin, I. V. Paus, V. K. Trediakovsky) endorsed ideas of enlightening the Russ, the monarch's duty to protect the faith and fatherland from foes, and subjects' faithful service to their monarch.

---

* Citation: Abramzon, T., Petrov, A. (2017). Odic Versions of the 'Social Contract' in 18th-century Russia. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 406–424. DOI 10.15826/qr.2017.2.233.

Цитирование: Abramzon T., Petrov, A. Odic Versions of the 'Social Contract' in 18th-century Russia // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. p. 406–424. DOI 10.15826/qr.2017.2.233 / Абрамзон Т., Петров А. Одические версии «общественного договора» в России XVIII в. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 406–424. DOI 10.15826/qr.2017.2.233.

After Peter the Great's death, the situation changed. The figure of the empress as an ideal ruler and an enlightened monarch who did everything possible to attain the 'bliss' of the Russ came to the fore in odes and verse inscriptions for fireworks and illuminations. The emotional motives of the 'social contract' were also modified: love was declared the driving force of the monarch and her subjects. Subjects should be willing to sacrifice themselves for the empress's kindness and generosity. The paternal-filial model of the relationship between the authorities and citizens did not change into a maternal-filial one during Elizabeth's reign. The names used to refer to the empress's in odes names remained 'Peter's blood' and 'Peter's daughter'. In the literary culture of the 1770s–1990s, subjects' bliss was declared a necessary condition of the ruler's bliss. That it was impossible to criticise the monarch provoked criticism from the nobles, who were unfamiliar with the common people's needs and aspirations. By the end of the century, the genre of the solemn ode was in decline: it only returned to popularity during Paul I's and Alexander I's accessions to the throne. The beginning of the 1800s can be considered a borderline, after which illusions about the possibility of an 'amicable agreement' between a monarch and their subjects were destroyed.

Keywords: social contract; Enlightenment; 18th-century poetry; ode; autocracy.

Теория общественного договора является одним из базовых социально-политических учений эпохи Просвещения в Европе и в России. Различные модели взаимоотношений власти и общества суть постоянно меняющийся идейный конструкт, негласное соглашение, создаваемое и проговариваемое в различных текстах культуры. Основное внимание в статье уделяется одической поэзии XVIII в., то есть той области литературной и политической культуры, где идеи взаимовыгодного соглашения сторон – монарха и подданных – получили образное общедоступное воплощение. Задача – выявить основные этапы и художественную специфику взаимоотношений между монархом и подданными, образно представленные в одической поэзии. Парадигма «общественного договора» в основных чертах сложилась уже в петровское время, когда были определены «должности» государя и подданных: монарх радует о добре общем, а подданные повинуются и служат. Поэты Петровской эпохи (Карион Истомина, И. В. Паус, В. К. Третьяковский) утверждают идеи просвещения «россов», вменяя в обязанности монарха защищать веру и отечество от врагов и долг верной службы народа царю. После смерти Петра ситуация меняется. На первый план в одах и надписях к иллюминациям и фейерверкам выдвигается фигура императрицы, идеальной правительницы и просвещенной государыни, деятельность которой направлена на достижение «блаженства» россов. Изменяются и эмоциональные мотивы «договора»: любовь объявляется движущей силой действий и монархи, и подданных; «за доброты и щедроты» императрицы подданные готовы жертвовать собой. Отечески-сыновья модель отношений власти и граждан во время правления Елизаветы Петровны не превратилась в материнско-сыновнюю, и главными одическими «именами» императрицы остались «кровь

Петрова» и «дщерь Петрова». В литературе конца 1770-х – 1790-х гг. блаженство подданных объявляется необходимым условием блаженства правителя, а невозможность критики монарха инициирует критику вельмож, далеких от народных нужд и чаяний. К концу века торжественная ода становится нисходящим жанром, востребованным лишь в моменты восшествия на престол Павла I и Александра I. Начало 1800-х гг. можно считать условной границей, после которой в русском образованном обществе происходит крушение иллюзий в отношении «полюбовного соглашения» между монархом и подданными, что отразилось в литературных текстах.

Ключевые слова: общественный договор; Просвещение; поэзия XVIII в.; жанр оды; самодержавие.

Формирование теории «общественного договора» в Европе относится к XVII в., когда в картине мира просветители выдвигают на первый план Человека, а пределом его исканий и устремлений объявляют счастье – личное и общественное. При своем возникновении концепция общественного договора понималась как условный договор между подданными, в силу которого возникает государство, и власть выполняет свои функции. В современном понимании данная концепция предстает соглашением двух других сторон: власти, которая берет на себя заботу о гражданах, и самих граждан, радеющих о пользе государства и выполняющих свои «обязанности» [Волгин; Деборин; Момджян]. Однако при создании и развитии логически стройных теорий просветители столкнулись с целым рядом трудноразрешимых вопросов, к примеру: в какой момент происходит отказ от естественного права в пользу государства, на каких основаниях заключается это соглашение, возможно ли расторжение подобного договора и др.

Ответы на эти вопросы предложили европейские просветители, в частности, Т. Гоббс, выступавший за авторитарную монархию, Дж. Локк, защищавший либеральную монархию, Ж.-Ж. Руссо, проповедовавший либеральный республиканизм [Atger; Gough]. Когда речь заходит о теории общественного договора в России, в первую очередь звучат имена А. Радищева с его революционной книгой, в которой он допускает идею «расторжения договора» между народом и монархом, если последний не выполняет взятых на себя обязательств, книгой, попавшей под официальный запрет и осужденной на сожжение, как и трактат Руссо «Рассуждение об общественном договоре»¹; князя М. Щербатова,

---

¹ Эта мысль, созвучная просветительским формулировкам Руссо, уже появляется в одном из первых литературных трудов Радищева. В переводе книги Мабли «Размышления о греческой истории» он высказывает мысли, критические по отношению к самодержавию: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние... Если мы живем под властью законов, то сие не для того, что мы оно делать должны неотменно, но для того, что мы находим в оном выгоды». Радищев также ставит вопрос об ответственности государя перед народом: «Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками» [Радищев, с. 282].

аристократа и рационалиста, «во всем противоположного Радищеву» [Лотман, с. 383], но также уверенного в необходимости «договора» между «избранными правителями» и уступившими им свою «естественную вольность» народами [Щербатов, с. 23]; Д. Фонвизина и Н. Панина, работавших над созданием проекта «фундаментальных прав, не применяемых на все времена никакой властью», для великого князя Павла Петровича, подававшего все надежды стать просвещенным государем. Труды вышеназванных авторов по праву попадают в фокус внимания ученых-гуманитариев, исследующих проблемное поле «общественного договора».

То, что теория общественного договора является политической основой российского Просвещения, факт общепризнанный и в доказательстве не нуждается. Однако общественный договор не есть реальный исторический документ или ряд документов. Его следует понимать как некий логический конструкт, негласное соглашение сторон, «постоянный процесс поиска и нахождения новых форм согласия между гражданами, в котором определяются границы и нормы общежития» [Доманов, с. 173]. Кроме того, в России, государстве, проходившем стадию не собственно Просвещения, но «мифологии Просвещения» [Живов; Приказчикова], концепция общественного договора разрабатывалась в таких жанрах словесности, которые получали более широкое распространение, нежели политически острые и логически строгие трактаты.

На наш взгляд, одним из важнейших литературных проводников общественной конвенции является главный поэтический жанр эпохи Просвещения – торжественная ода, к середине столетия воплотившая в себе парадный, идеальный вариант «общественного договора». Отметим, что «восторг» оды нисколько не умаляет значения и не отменяет важности самих идей «договора». В комплиментарной поэзии сформулирован желанный Абсолют взаимного согласия, недостижимый по сути, но не уступающий по силе и глубине логическим построениям в философских трудах. Именно жанр оды позволял расписать «роли» и слова правящего монарха, небесных заступников и народа. Ойический текст во многом и представляет собой словесное поле «общественного договора», где стихотворец от имени народа (и себя лично) возлагает на монарха надежды (а по сути, обязанности) и от лица монарха заверяет подданных в своем непреходящем желании им блага. Однако, как уже было сказано выше, общественный договор означает постоянный поиск новых оснований для соглашения, поэтому и парадигма «праздничного» его варианта также находится в непрерывном движении.

Обратимся к Петровской эпохе, времени формирования светской модели взаимоотношений власти и общества.

Долг монарха и верность подданных в законодательстве, публицистике и одах петровского времени

Несмотря на то, что концепция общественного договора предполагает взаимодействие двух сторон, в исследовательских работах чаще всего речь идет о философских трактатах или, как в нашем случае, об одических текстах, то есть слово, за редким исключением, предоставляется лишь одной стороне (подданным/гражданам), что, безусловно, обедняет понимание самого процесса поиска взаимного согласия власти и общества. Однако принципы их взаимоотношений декларировались и «сверху», в законах и манифестах Петра I, где царь объявлял о своей «должности» монарха. Законодательные документы, доступные широкой публике, создавали образ монарха, пекущегося о добре и о благе своего народа. Так, идея всеобщего блага пропагандируется в царском манифесте от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранных мастеров в Россию, с обещанием им свободного вероисповедания»:

Довольно известно во всех землях, которья Всевышний Нашему управлению подчинил, что со вступления Нашего на сей престол все старания и намерения Наши клонились к тому, как бы сим Государством управлять таким образом, чтобы все Наши подданные попечением Нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние; на сей конец Мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствие, защитить Государство от внешнего нападения и всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей же цели Мы побуждены были в самом правлении учинить некоторыя нужныя и ко благу земли Нашей служащия перемены, дабы Наши подданные могли тем более и удобнее научиться по ныне им неизвестным познаниям... [ПСЗРИ, т. 4, с. 192–193].

Перед нами образец просветительской речи – программы действий просвещенного государя. Идея «власти от Бога», заявляемая в начале манифеста, уступает место тем понятиям, которые сохранят свою актуальность на протяжении всего XVIII в. («всеобщее благо», «благополучнейшее состояние» подданных, «внутреннее спокойствие», защита границ и торговля). Это та часть «общественного договора», декларируемая монархом, которая редко встречается в правовых документах петровского и последующих времен, в отличие от прописанных в них «должностей» подданных, которые «всякими мерами искали» бы «Великому Государю прибыли со всяким радением безо всякой лености» [Там же, т. 4, с. 236].

В речи, произнесенной Петром во время празднования в честь заключения Ништадтского мира в 1721 г., также говорится «о пользе и прибытке общем, который нам Бог перед очьми кладет как внутрь, так и вне, отчего облегчен будет народ» (цит. по: [Шубинский, с. 48]).

Но не только в царских указах и манифестах присутствуют идеи о «должности» монаршей и об условиях «договора». Так, 17 апреля 1722 г. Сенат издал указ «О крепком хранении законов, о вершении дел по Уставам и Регламентам». Как показал В. М. Живов, правовые отношения того времени были «культурной фикцией», не связанной непосредственно с юридической практикой, почему и потребовался закон о соблюдении законов [Живов, с. 256]. Для нас важно то, что в «законе о законах» заключены и идеи общего блага, обещанного властью.

В первой трети XVIII в. система взаимоотношений монарха (власти) и народа наиболее ярко была отражена в словах и проповедях идеолога петровских преобразований Феофана Прокоповича. Соответствующие его произведения («Правда воли монаршей», «Слово о власти и чести царской» и др.) хорошо изучены [Буранок, с. 161–294; Винтер; Cracraft; Stupperich; Tetzner]. Напомним здесь, что «российский Златоуст» апеллирует к чувствам подданных – *совести, любви* (сыновей к Отцу) и *страху* (гнева Властителя и Бога), на которых и зиждется авторитет власти. Что касается «должностей» монарха, то они, по Прокоповичу, прописаны в Библии и сводятся к заботе о «добре общем народа» и к нахождению «доброго» наследника. В целом библейская модель «власти от Бога» и безграничного послушания дополняется в публицистике и юридических документах петровского времени обоснованием ее с точки зрения логики, пользы и народных «чувствований».

В «государственной» поэзии конца XVII – начала XVIII в. идея «общественного договора» отразилась косвенно и весьма своеобразно. Полагаем, что окказиональный ее (поэзии) характер, приуроченность поэтических текстов к вполне конкретным «случаям» (как правило, праздникам – религиозным, государственным, частно-семейным), да и крайне небольшое количество самих стихотворцев – все это определило весьма узкий репертуар тем, востребованных в рассматриваемую эпоху. Мы можем назвать всего лишь трех поэтов этого времени, которые по роду своей деятельности могли бы порассуждать в стихах об отношениях власти и «граждан». Это Феофан Прокопович, Карион Истомина и Иоганн Вернер Паус (Paus) (примечательно, что о знакомстве их друг с другом достоверных сведений нет, а следовательно, нельзя говорить и о какой-либо устойчивой и непрерывной литературно-поэтической традиции осмысления «властно-договорной» темы в петровское царствование).

Казалось бы, именно Феофан Прокопович, подробно разрабатывавший в своей ораторской прозе властную проблематику, должен был уделить ей место и в стихах. Однако основная лирическая «продукция» была создана им уже после смерти Петра I, а при жизни Отца Отечества поэт откликнулся лишь на Полтавскую битву («Епиникион...», 1709) и на сражение русских и турецких войск на реке Прут («За Могилою Рябою», 1711). Как отмечает современный исследователь творчества Феофана Прокоповича О. М. Буранок, в «Епиникионе...» присутствуют мотивы «любви к отечеству и государю», «преданности» и «рев-

ности» (то есть ревностного исполнения воинского долга) [Буранок, с. 316–317]. В целом это своеобразный батальный панегирик, предтеча эпической поэмы и торжественной оды, в котором тема «договора» оказалась не востребована. Еще менее она вписывалась в военную песню о поражении русских войск в 1711 г. В позднейших стихах Феофана Прокоповича 1727–1736 гг., написанных на разные случаи придворной жизни, также на нашлось места идеям «общественного договора».

Поэт старшего поколения, один из первых русских силлабиков Карион Истомина посвятил русским монархам, тогда еще московским царям Иоанну и Петру Алексеевичам, а также царицам, царевнам и наследнику престола Алексею Петровичу немало торжественных стихов в период с 1682 по 1700 г. Идеология этих придворных панегириков подробно исследована их публикатором А. П. Богдановым; сам он предпочитает использовать жанровое определение «ода» [Богданов, с. 379–380]. Для нашей темы важно следующее: в барочных придворных одах с 1676 г. (начало правления Федора Алексеевича) и до 1700-х гг. закрепляется и прославляется идея Российского православного самодержавного царства, являющегося «зародышем земного Царства Божия, которое будет построено, когда Россия просветит своим светом весь мир»; Москва воспринимается как центр «не только православного мира, но всей Вселенной»; утверждается, что «без развития национальной науки Россия не сможет иметь эффективную экономику и торговлю», разумно управлять подданными, сохранять правую веру и т. д. [Там же, с. 374–377]. Во властном поведении и нравственном облике русского царя Карион Истомина во всех своих одах подчеркивает *благочестие* и «в мудрость охоту», не уставая повторять, что главная задача власти – «вкоренять» в России *мудрость*, вводить «учительны вещи», *просвещать* «россов»:

Мудростию бо	все цари царствуют.
И вси велможи	добре началствуют.
Мудростию же	вся управляются,
И о том люди	все утешаются. <...>
Тем же, о царю	Петре князь великий,
В разуме острый	юноше толикий.
На престол российский	помазанный Богом
В любви велицей	всенародным слогом,
Потщися ради	всемогуща Бога,
У него же есть	премудрости многа.
О учении	промысл сотворити,
Мудрость в России	святу вкоренити.
Да учатся той	юны отрочата
И навикают	зело дела свята

(«Приветство царю Петру...», 1682)

(цит. по: [Там же, с. 387–390]).

В «Оде царю Петру к дню ангела с просьбой о заведении науки в России» (1690) Карион Истомина вновь напоминает царю, что Бог прославит его «на земли и в небе», если он утвердит в государстве «мудростну науку / Да прострет хотяй всяк к ней свою руку» (цит. по: [Там же, с. 512]). В «Похвальной орации царю Петру...» (1695) в форме похвал монарху, в сущности, говорится о его обязанностях: он должен хранить «веру христианску», способствовать «славе гражданской», защищать страну от врагов («проклятых турок»). В ответ же благочестивые «люди» (подданные) будут «верою крепить в службе своя груди» (цит. по: [Там же, с. 590]). Итак, тот «договор», который заключается между Богом, властью и народом в «Царстве Российском», состоит в том, что Бог хранит царя «в своей благодати, / Даде в гражданстве люди управляти» (цит. по: [Там же, с. 512]), что царь, умножая Божью славу, правит мудро, а народ в радости учится, просвещается и верно служит ему.

И. В. Паус, выходец из Саксонии, приезжает в Россию в 1702 г. и начинает писать стихи на русском языке в то же приблизительно время, около 1706 г., когда Карион Истомина свою поэтическую деятельность прекращает². Среди его стихотворений светской тематики есть несколько поздравительных одических текстов, адресованных Петру I, с которым Паус, бывший учителем царевича Алексея Петровича, был знаком лично. В этих косноязычных еще одах, в которых поэт поздравляет монарха с победой под Полтавой (1709), с сухопутными и морскими победами над шведами в 1714 г. и с праздником Нового года (между 1708 и 1713 г.), мы находим важную для нас и новую для русской поэзии формулу – «верные подданные». У Кариона Истомина «верными» были *люди, народ(ы), слуги, рабы* и чаще всего *цари*. Это последнее словоупотребление – *верные цари* – особенно примечательно: оно манифестирует благочестивость, правоверие и христолюбие московских царей, а также их зависимость от Божественной воли. Формула Пауса, являясь прямым продолжением формул барочных панегириков, акцентирует именно социальный и секулярный аспекты властных отношений, их «договорной» характер:

Царь Петр Великой! да буди долголетен,
Верным подданным же всегда благоприятен
(«На победу под Полтавою»)
(цит. по: [Перетц, с. 130 второй пагинации]).

В новогодней оде – жанровой форме, Кариону Истомину, по видимому, не известной³, Паус декларирует идею общенационального праздничного единения:

² См. о нем и его творчестве: [Перетц; Петров, 2009, с. 30–33].

³ А. П. Богданов опубликовал одно новогоднее поздравление в прозе, адресованное Карионом Истоминным царевичу Алексею Петровичу и царевне Нагалии Алексеевне от имени патриарха Адриана, и, конечно, это поздравление приурочено не к 1 января, а к 1 сентября 1700 г.

Великий Монарх, Оуста твоих избранных,
 И сердца без числа верных твоих подданных,
 Сегодня Господу молятся радосны,
 Монархским о твоём благополучии
 (цит. по: [Перетц, с. 132 второй пагинации]).

В следующей строфе автор репрезентирует себя как одного из «верных подданных», вместе со всеми возносящего новогодние молитвы, и желает получить от «Его царского величества» ответный дар – частичку света и тепла («И в ясности твоей хочу огреться»).

И наконец, в победной оде 1714 г. Паус развивает актуальный политический миф Петровской эпохи – миф о монархе-труженике, выполняющем свой долг. Петр один выносит все тяготы войны, сам «учится» и «учит», благодаря его личному мужеству русские войска одерживают победы и т. д.:

Сам неприятель же ево и похваляет,
 что государь един вся терпит тяготы.
 <...>
 В болших потребах он сам наперед явится,
 ни самоугодия, ни на покой смотря.
 Но видит вся перод, потом и поучится,
 учит, командует, велит и правит вся
 (цит. по: [Перетц, с. 145 второй пагинации]).

В рамках лирической поэзии была дана и общая оценка исторического значения Петровских реформ, причем именно с просветительской точки зрения. Имеем в виду наиболее раннее из дошедших до нас стихотворений В. К. Третьяковского – «Елегию о смерти Петра Великого» (1725). Как подчеркивает И. З. Серман, «сравнение «Елегии» со «Словами» Феофана Прокоповича о смерти Петра показывает полную общность мыслей и чувств ближайшего сподвижника царя и безвестного студента Славяно-греко-латинской академии» [Серман, с. 207–208]. Эта общность связана с идеей развития просвещения в России и, что особенно важно для нас, с пониманием прогрессивности законодательной деятельности Петра I. В «Елегии» эту мысль выражает аллегорический персонаж Политика, утверждающая, что Петр «пременил» и «укрепил нравы».

В послепетровскую эпоху концепция общественного договора перемещается в иные жанровые контексты, получает иную эмоциональную окраску, иные содержательные нюансы.

Одическая поэзия 1740–1770-х гг.: от «гнева» и «страха» к полюбовному соглашению

В культуре России 1740-х гг. изящная словесность заняла вполне определенное место: торжественные оды вошли в придворный ритуал, стали неотъемлемой частью праздничных мероприятий, знаком признательности монарху [Абрамзон, 2006; Абрамзон, 2010, с. 132–142; Приказчикова; Уортман]. Одическое слово позволяло непосредственно обращаться к монарху/монархине, выражать верно-подданнические чувства, одновременно формулируя чаяния нации и определяя горизонт общественных ожиданий [Зайцева, Петров]. Ломоносовские и сумароковские оды, разные по духу и стилю, образуют единое поле комплиментарного дискурса, который и проводил в культуру России представление о конвенциональных отношениях правителя и народа. И здесь вновь следует отметить, что поиск оснований для взаимного согласия был двусторонним и непрерывным.

При восшествии на престол Елизавета Петровна в манифестах и указах 1741–1742 гг. последовательно обосновывает свои претензии на российскую корону кровным родством с Петром Великим («яко по крови ближняя»), завещанием Екатерины I, Божественным милосердием («дар Царя Царствующих»), восстановлением «общаго внутренняго покоя и благополучия, и Богу приятнаго между народом согласия и любви», наконец, желанием подданных видеть ее на троне: «...по их всеподданнейшему Наших верных единогласному прошению, тот Наш Отеческий Всероссийский Престол Всемилоостивейше воспринять соизволили...» [ПСЗРИ, т. 11, с. 537–538, 557, 568; Петров, 2011].

Следуя прежде всего за текстом манифеста 25 ноября 1741 г., одописцы будут повторять и тиражировать топос «Елизавета – наследница дел Петра», творца общественного блага, идеального государя и божества. Отсюда главное условие «общественного договора» в торжественных одах елизаветинского времени – следование курсу Петра Великого. И манифест Елизаветы Петровны, и ожидания подданных во многом определили тот факт, что самым распространенным одическим именем Елизаветы стало «Петрова дочь» [Ломоносов, с. 82, 96, 102, 139, 142, 143, 144, 395, 395, 503, 503, 637, 656, 742, 744, 750, 774, 789]. Ломоносовское предпочтение, казалось бы, имеющее отношение только к поэтике и стилю оды, внесло коррективы и в представление об отношениях монархини и подданных как материнско-сыновних: именовать «дочь Петрову» одновременно «матерью Отечества» было неловко, поэтому мотив материнской заботы о россиянах в одической версии елизаветинского договора должного развития не получает.

Однако в торжественных одах Екатерине II этот мотив будет вновь востребован: поднесение ей депутатами, участвовавшими в обсуждении проекта нового Уложения (1767), титулов *Великая, Премудрая*

и *Мать Отечества* и в еще большей степени отказ императрицы принять их спровоцировали поток похвал в ее адрес. Политический маневр государыни задал новую тенденцию в осмыслении и разработке смысла этих «титолов-определений». Среди ранних опытов Державина есть показательная надпись «На поднесение депутатами Ея Величеству титла Екатерины Великой», где о Петре говорится, что

...Не тем он стал велик, умел что побеждать;
 Но что блаженство знал подвластным созидать.
 Монархиня! И ты в следы его ступаешь;
 Зовись великою: он начал, ты кончаешь
 [Державин, т. 3, с. 188].

Русские поэты были нацелены на поиск общественного «блаженства» и условий его достижения [Рудакова]. *Благо* и *блаженство* вплоть до конца века остаются словами, «заряженными» религиозными смыслами. Показательны здесь статьи в «Словаре Академии российской». Все примеры к словам «благо», «благий», «благая» взяты из Библии: «Да уклонится от зла и да сотворит благо» (I Петр. 3 : 2); «Благо есть уповати на Господа» (Пс. 68) и др. [Словарь академии российской, т. 1, с. 212–215]. Единственным примером светской словесности являются ломоносовские строки о Петре, который даровал России «блаженство». Светским дублетом «блаженства» отчасти выступает слово «счастье» («щастие»). В иллюстрациях к нему нет ни одной библейской цитаты, а само «счастье» связано с личным благополучием человека: «Он худое имеет в игре щастие. <...> Принимать участие в щастии друзей. <...> Щастие его начинает колебаться» [Словарь Академии российской, т. 6, с. 940–942].

Между «блаженством» и «счастьем» устанавливаются иерархические семантические отношения. Блаженство – это высшая степень счастья, блаженство претендует на то, чтобы быть вечным, тогда как счастье связано с земным миром и потому непрочно и преходяще. Рифма «блаженство – совершенство» прочно вошла в русскую поэзию, образовав смысловое единство. «Совершенство» связано с монархиней, а «блаженство», созидаемое ею, с обществом. Избранничество монархини состоит в том, чтобы поставить «суд правдивый», стереть «сердца кичливы», «злость казнить» и «заслугам мзду дарить» (ода Ломоносова 1742 г.). Собственно, в словах Всевышнего в ломоносовской оде отражены основные положения общественно-го договора со стороны власти: справедливые суд и законы – главная добродетель монарха. Ломоносов говорит также и о второй стороне соглашения – о подданных, готовых отдать жизнь за государыню:

Всяк кровь свою пролить готов
 За многие твои доброты
 И к подданным твоим щедроты
 [Ломоносов, с. 94].

Как видим, здесь отсутствует абсолютное повиновение, к которому призывал Феофан в «Правде воли монаршей». Несмотря на комплиментарность жанра, Ломоносов четко проговаривает новую идеальную модель отношений – добровольное согласие, символический обмен: императрица обладает добротами (достоинствами души, добродетелями) – подданные жертвуют собой во имя нее.

В одах неустанно поют «Её к Отечеству заслуги». Это комплимент, но такой, который подразумевает похвалу истинных заслуг Елизаветы перед подданными. Здесь и появляется новая формула взаимоотношений: счастье подданных есть счастье монарха («Я Россов счастьем услаждаюсь»).

В «Оде на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийский, 1746 года» день коронации объявлен «днем блаженным, днем, избранным / Для счастья полных стран!», «Что ради нашего блаженства / На верьх поставитъ совершенства / Входящий в небо Петр велел».

Отношения, которые устанавливают комплиментарные поэтические жанры, суть полюбовное соглашение власти и общества, взаимовыгодное и дарящее счастье/блаженство обеим сторонам:

Блажен такой народ, к которому *приянь*
Соделать может то, что сделать может казнь,
И *счастлив* будешь ты, когда тебя породе
Возвысит на престол для *счастия* народа,

– читаем в сумароковской «Эпистоле Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Павлу Петровичу в день Рождения Его 1761 года сентября 20 числа».

Приветствуя стихами возвращение Екатерины из Казани в Москву (1767), В. Майков прославляет счастливый союз монархини и подданных:

Тот счастлив, кто, как ты, народом обладает:
Ты милосердие являешь нам и суд.
Тобой возведены на верх мы совершенства,
Тобой мы счастливы, тобой вознесены;
Причина нашего ты самого блаженства,
Которым мы от всех сторон ограждены
[Майков].

В одических произведениях задана модель общего блага и особого «наслаждения» монарха, который, выполняя свой долг, обретая счастье в справедливом и милостивом правлении, достигает его в своей личной жизни.

Постскрипtum: о крушении просветительских иллюзий и особых случаях для одического «договора»

В 1780–1790-е гг., когда на закате екатерининского правления, уже не обещавшего ни нового Уложения, ни прогрессивных реформ, на первый план выходили не добродетели и достоинства «росской Минервы», но пороки и произвол стареющей императрицы, когда просветительская вера в идеального монарха, «источник» общего блага, долгие годы не находила поддержки в реальности – в это время «диалог» общества с властью переходит в критическое русло. Правда, основной критический посыл оказывается направлен не на фигуру императрицы (или монарха вообще), но на тех, кто находится рядом с тронem и также обладает властью, – на сибаритствующее дворянство. Если ранее в одическом «договоре» присутствовали две стороны – монарх и народ, то теперь между ними появляется «посредник» – наделенная властью аристократия. Именно на нее поэты конца века возлагают ответственность за то, что блаженство России достигнуто не вполне, а монарху вменяется еще одна «обязанность» – смотреть за действиями вельмож.

Ярким примером нового образца «договора», в котором присутствуют теперь уже три стороны – монарх, народ и вельможи, является стихотворение Г. Р. Державина «Вельможа» (1794), где поэт постулирует условия общего блага. «Должности» народа вполне традиционны: «блажен народ, который» верит в Бога, «хранит царев всегда закон», «чтит нравы, добродетель строго». Монаршая должность – быть главой государства, править единолично и самостоятельно, а не по наущению фаворитов:

Блажен народ! – где царь главой,
Вельможи – здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает,
Повелевает же сама

[Державин, т. 1, с. 622].

Очевидно, что имя императрицы Екатерины Великой здесь появиться не могло. Державин играет намеками, используя слова мужского и женского рода применительно к обобщенному образу правителя («царь», «глава»). Однако наибольшее внимание уделено вельможам, главные обязанности которых состоят в том, чтобы «пред тронem не сгибаться», «правду говорить», и главное – «блюсть народ, царя любить», «о благе общем их стараться». Острым поэтическим словом Державин целит в фаворитов и льстецов, находящихся у трона, оди-

ческие же песнопения почти исчезают из репертуара поэтов, а с ними и идеальный «общественный договор».

Количество од на рождение и тезоименитство монарха неуклонно сокращается, однако восшествие на престол и коронация продолжают сохранять важность в глазах подданных, и жанр оды, к концу столетия почти сошедший с литературной авансцены, вновь оказывается востребован именно для диалога с властью, для выражения надежд и верноподданнических чувств дворянства, для «перезаключения» общественного договора.

Так, Н. М. Карамзин приветствовал восшествие на престол Павла I «Одой на случай присяги московских жителей Его императорскому величеству Павлу Первому, самодержцу всероссийскому» (1796), с надеждой уповая «на счастье миллионов, / Полезных обществу законов» и обещая «любить российского царя» [Карамзин, с. 185]. Казалось бы, одические топосы и формулы уже стерлись от долгого употребления, однако монарх вновь объявлен «блаженством подданных блаженным» [Там же, с. 189], а россы, в свою очередь, обещают «идти стезею дел» его и усердно чтить царя.

Особого внимания в этой связи заслуживает восшествие на престол Александра I, вызвавшее настоящую волну одических «договоров». М. Н. Лонгинов насчитал около 57 стихотворных панегириков, сочиненных по случаю восшествия на престол и коронации Александра I [Лонгинов, с. 288–289]. В его манифесте от 12 марта 1801 г. подданным вновь было обещано «блаженство» и мудрое правление вслед Екатерине II, «августейшей бабке»:

Мы, восприемля наследственно Императорский Всероссийский Престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом Нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки Нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великой, коея память Нам и всему Отечеству вечно пребудет любезна, да по Ее премудрым намерениям шествуя, достигнем вознести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным Нашим, которых через сие призываем запечатлеть верность их к Нам присягой перед лицом [ПСЗРИ, т. 26, с. 583–584].

Карамзин в оде «На торжественное коронование Его императорского величества Александра I, самодержца всероссийского» декларирует, и вновь с искренней надеждой, что «монарх и подданный его / В душе желают одного!» [Карамзин, с. 265]. Другие одические поэты Карамзина поддерживают:

Екатерина воскресится
Знать Александра в временах:
Так, так! Она во Внуке будет
Над нами царствовать вовек.

<...>

Блаженством напоятся селы,
 Богатством – городов берега...
 [Державин, ч. 2, с. 357].

Теперь под сению оливы
 Мы будем славны и щастливы!
 [Поспелова, с. 8].

Тогда предрек нам день сей, мнится,
 Что свет тобой распространится
 Во всей Империи твоей
 [Херасков, стб. 289].

В этом же 1801 г. Ан. И. Тургенев в речи «О поэзии и о злоупотреблениях оною» (1801), подготовленной для выступления в Дружеском литературном обществе, гневно обрушился и на комплиментарные жанры, и на их сочинителей:

Херасковы! Державины! Вы хотите прославлять его [Александра I], вы говорите в слабых стихах то, что давно миллионы сердец красноречивее вас выразили немым восхищением, но вы то же говорите о тиранах, вы показали те же восторги! Мы вам не верим!⁴ Молчите и не посрамляйте себя своими похвалами. Нет! Его достоин прославлять только тот, кому добродетель священна и в венце, и в рубище, кто приносит жертву свою не венценосцу в порфире, мощному обладателю миллионов, владыке полсвета, в чьих руках наказания и награды, но человеку, получившему от небес святое право благотворить миллионам – человеку, который в этом одном видит различие между им и его собратьями. С преданностью признательного народа, с повествованием истории соединим глас восхищенного песнопевца: он передаст векам и потомству имя богоподобного, и слава Его, слиясь с славою героя, новым блеском озарит священную память их [Тургенев, с. 174–175].

Деятнадцатилетний юноша-поэт бросает резкие упреки в адрес старшего поколения стихотворцев, воспевавших, якобы не делая различий, что «тиранов», что «отцов Отечества». В то же время он признает: именно поэты обладают голосом, выражают «немое восхищение» народа и пытаются заключить желанный «общественный договор». Более того, сам Ан. Тургенев пользуется одическими топами и формулами, выработанными в похвальных жанрах упрекаемых им в сервильизме поэтов («в венце и рубище», «обладатель миллионов», «владыка полсвета», «имя богоподобного» и др.), и возлагает

⁴ Согласно преданию, Александр I, получив приветственную оду «На восшествие на престол...» Державина, также не поверил в искренность поэта и резко сказал: «Пусть он вспомнит, что писал при восшествии на престол моего отца».

на юного Александра I надежды, повторяя те самые ожидания, которыми было исполнено и старшее поколение при восшествии на престол Елизаветы Петровны, Екатерины II и Павла I.

Уже через год после восшествия на престол Александра I подданные разочаруются в «белокуром» монархе, а просветительские мечты канут в Лету. Карамзин же напишет «Гимн глупцам» (1802), в котором с грустью признает, что «блажен не тот, кто всех умнее», но «счастливый глупец», ведь для него «здесь всегда Астрея, / И век золотой не проходил». Расцвет эры «общественного договора» в одической поэзии подойдет к концу.

* * *

Парадигма «общественного договора» в России во многом наследует европейским теориям, ее основные концепты – общественного блага, естественного права, взаимного долга монарха и подданных – сохраняют свою актуальность на протяжении всего XVIII в. Однако каждая эпоха формулирует свой вариант конвенции, причем на ее формирование влияют не только социально-политические обстоятельства, но и поэтологические факторы, не связанные напрямую с идеологией. В Петровскую эпоху отношения великого императора и российского народа мыслятся союзом добровольным, но подконтрольным «страху и совести», апеллирующим к верности; в елизаветинское двадцатилетие и в первой половине екатерининского правления царит согласие, основанное на взаимной любви монархини и народа. В конце века Просвещения парадный вариант «общественного договора», столетия хранимый верой в идеального монарха и доверием к правящим российским особам, обретает актуальность лишь в момент смены императора – в дни восшествия на престол Павла I и Александра I.

Список литературы

Абрамзон Т. Е. «Письмо о пользе Стекла» М. В. Ломоносова : Опыт комментария просветительской энциклопедии : репринт. изд. 1752 [1753] г. к 300-летию М. В. Ломоносова. М. : ОГИ, 2010. 192 с.

Абрамзон Т. Е. Поэтические мифологии XVIII века : (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин). Магнитогорск : МаГУ, 2006. 480 с.

Богданов А. П. Стих торжества : рождение русской оды, последняя четверть XVII – начало XVIII века : [в 2 ч.]. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2012. 676 с.

Буранок О. М. Русская литература XVIII века : Петровская эпоха. Феофан Прокопович : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2005. 464 с.

Винтер Е. Феофан Прокопович и начало русского просвещения // XVIII век. Вып. 7. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 43–46.

Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 202 с.

Деборин А. М. Социально-политические учения нового и новейшего времени : в 3 т. М. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 628 с.

Державин Г. Р. Сочинения Державина: в 9 т. / объясн., прим. [и предисл.] Я. Грота. СПб. : Изд-во Императ. акад. наук : в тип. Императ. акад. наук, 1864–1883. Т. 1. 872 с. Т. 2. 752 с. Т. 3. 808 с.

Доманов В. Г. Политология : словарь. М. : Изд-во РГУ, 2010. 375 с.

Живов В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М. : Языки славян. культуры, 2002. С. 187–306.

Зайцева Т. Б., Петров А. В. Гендерная и мифополитическая символика образа императрицы в одописи XVIII века // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 4 (6). С. 193–194.

Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. Л. : Совет. писатель, 1966. 419 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 10 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8. 1280 с.

Лонгинов М. Н. Ода Александру I на вступление царствовать // Библиографические записки. 1858. Т. 1. С. 288–289.

Лотман Ю. М. Семіосфера. СПб. : Искусство-СПб., 2004. С. 371–385.

Майков В. Стихи на возвратное прибытие Ее Величества из Казани в престольный град Москву июня 14 дня 1767 года // Майков В. Сочинения. СПб. : Печатано при I кадет. корпусе, 1809. С. 254–257.

Момдзян Х. Н. Французское Просвещение XVIII века : очерки. М. : Мысль, 1983. 447 с.

Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы : в 3 т. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1900–1902. Т. 3. Из истории развития русской поэзии XVIII в. 633 с.

Петров А. В. Мифополитические формулы в манифестах и одах 1741–1742 гг. («мифология власти» в политической и литературной культурах в России XVIII века) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1. С. 152–161.

Петров А. В. Новогодняя поэзия в России : от Третьяковского до Бенедиктова : монография. Магнитогорск : МаГУ, 2009. 267 с.

ПСЗРИ. СПб. : Печатано в тип. II отд. собственной Его Императ. Величества канцелярии, 1830. Т. 4. 892 с.; Т. 11. 991 с.; Т. 26. 882 с.

Поспелова М. Ода на всерадостный день коронавания Его Императорского Величества, Государя Императора Александра Павловича. М. : [Б. и.], 1801. 9 с.

Приказчикова Е. Е. Культурные мифы в русской литературе XVIII – начала XIX века Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2009. 526 с.

Радищев А. Н. Полное собрание сочинений : в 3 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 429 с.

Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Изв. Урал. федерального ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. Т. 108. № 4. С. 103–114.

Серман И. З. Третьяковский и просветительство (1730-е годы) // XVIII век. Сб. 5. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 205–222.

Словарь Академии российской : в 6 т. СПб. : при Императ. Акад. наук, 1789–1794. Т. 1. 636 с. Т. 6. 600 с.

Тургенев Ан. Речи Андрея Тургенева / публ. Китидзиро Ямада. 1992. Acta Slavica Iaponica. № 10. P. 167–181. URL: <http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/8047/1/KJ00000034000.pdf> (дата обращения: 28.04.2017).

Уортман Р. С. Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М. : ОГИ, 2002. 597 с.

Херасков М. М. Ода Государю Александру Павловичу Самодержцу всероссийскому на всерадостное Его на престол вступление // Библиогр. зап. 1858. № 9. Стб. 288–289.

Шубинский С. Н. Празднование Ништадтского мира в Петербурге : 22 октября 1721 // Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. 6-е изд. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 43–51.

Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М. : Соцэкгиз, 1935. 213 с.

Atger F. Essai sur l'histoire des doctrines du contrat social. Paris : [S. n.], 1906. 100 p.

Cracraft J. Feofan Prokopovich // The Eighteenth Century in Russia / ed. by L. G. Garrard. Oxford : [S. n.], 1973. P. 75–105.

Gough J. W. The social contract : A critical study of its development. Oxford : [S. n.], 1936.

Stupperich R. Feofan Procopovic in der neueren Literatur // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag / Hrsg. P. Brang, H. Brauer. Heidelberg : [S. n.], 1967. S. 284–293.

Tetzner J. Thepphan Prokopovic und die russische Fruhaufklärung // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 3. 1958. S. 351–368.

References

Abramzon, T. E. (2010). “*Pismo o polze Stekla*” M. V. Lomonosova. *Opyit komentariya prosvetitel'skoy entsiklopedii*. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1752 [1753] goda: k 300-letiyu M. V. Lomonosova [A Letter about the Usefulness of Glass by M. V. Lomonosov. The Experience of Commenting an Enlightening Encyclopaedia. Reprint of the Original Copy of 1752 [1753]: Dedicated to M. V. Lomonosov's 300th Birthday]. 192 p. Moscow, OGI.

Abramzon, T. E. (2006). *Poeticheskie mifologii XVIII veka (Lomonosov. Sumarokov. Heraskov. Derzhavin)* [Poetic Mythologies of the 18th Century (Lomonosov. Sumarokov. Kheraskov. Derzhavin)]. 480 p. Magnitogorsk, MaSU.

Atger, F. (1906). *Essai sur l'histoire des doctrines du contrat social*. 100 p. Paris.

Bogdanov, A. P. (2012). *Stih torzhestva : rozhdenie russkoj ody, poslednjaja chetvert' XVII – nachalo XVIII veka : [v 2 ch.]* [A Poem of Celebration : The Birth of the Russian Ode, the Last Quarter of the 17th – Early 18th Centuries, 2 Vols.]. 676 p. Moscow, Inst. of Russian History Russian Academy of Sciences.

Buranok, O. M. (2005). *Russkaja literatura XVIII veka. Petrovskaja jepoha. Feofan Prokopovich : ucheb. posobie* [Russian Literature of the 18th Century. The Reign of Peter the Great. Theophan Prokopovich : Teaching Aid]. 464 p. Moscow, Flinta, Science.

Cracraft, J. (1973). Feofan Prokopovich. In Garrard, L. G. (Ed.) *The Eighteenth Century in Russia*. Oxford, Oxford University Press, pp. 75–105.

Deborin, A. M. (1958). *Sotsialno-politicheskie ucheniya novogo i novejshego vremeni. V 3-h t.* [Socio-political Doctrines of the New and Newest Times. 3 Vols.]. Vol. 1. 628 p. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR.

Derzhavin, G. R. (1864–1883). *Sochineniya Derzhavina: v 9 t. / s ob'yasn. primech. [i predisl.]* Ya. Grot [Works of Derzhavin: 9 Vols. / with Explanations and Comments [and a Preface] by J. Grot.]. Vol. 1. 872 p. Vol. 2. Vol. 3. 808p. St Petersburg, Izdatel'stvo Imperat. akad. Nauk, v tip. Imperat. akad. nauk.

Domanov, V. G. (2010). *Politologiya. Slovar* [Political Science. A Dictionary]. 375 p. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi universitet.

Gough, J. W. (1936). *The Social Contract. A Critical Study of Its Development*. 172 p. Oxford, Oxford Univ. Press.

Heraskov, M. M. (1858). Oda Gosudaryu Aleksandru Pavlovichu Samoderzhitsu vserossiyskomu na vseradostnoe Ego na prestol vstuplenie [An Ode to Monarch Alexander Pavlovich All-Russian Sovereign for His Joyful Accession to the Throne]. In *Bibliograficheskie zapiski*. Iss. 9, pp. 288–289.

Karamzin, N. M. (1966). *Polnoye sobraniye stihotvorenij* [Complete Poems]. 419 p. Leningrad, Sovetskii pisatel'.

Lomonosov, M. V. (1959). *Polnoye sobraniye sochinenij v 10 t.* [Complete Works, 10 vols.]. Vol. VIII. 1280 p. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Longinov, M. N. (1858). Oda Aleksandru I na vstuplenie tsarstvovat [An Ode to Alexander I for His Accession to the Throne]. In *Bibliograficheskie zapiski* Vol. 1, pp. 288–289.

Lotman, Yu. M. (2004). O roli tipologicheskikh simvolov v istorii kultury [On the Role of Typological Symbols in the History of Culture]. In Lotman J. M. *Semiosphere*. St Petersburg, Iskusstvo – SPB, pp. 371–385.

Maykov, V. (1809). Stihi na vozvratnoe pribytie Ee Velichestva iz Kazani v prestolnyiy grad Moskvu iyunya 14 dnya 1767 goda [Verses for Her Majesty's Coming Back from Kazan to the Capital City of Moscow on the 14th of June in 1767]. In Maykov V. *Works*. St Petersburg, Pechatano pri I kadet. korpuse, 1809, pp. 254–257.

Momdzhyan, H. N. (1983). *Frantsuzskoe Prosveschenie XVIII veka; Ocherki*. [The 18th Century French Enlightenment; Sketches]. 447 p. Moscow, Myisl.

Perets, V. N. (1902). *Istoriko-literaturnye issledovaniya i materialy. Tom III. Iz istorii razvitiya russkoj poezii XVIII v.* [Historical and Literary Research and Materials. Vol. III.

From the History of Development of 18th Century Russian Poetry]. 633 p. St Petersburg, Tipografija F. Vajsberga i P. Gershunina.

Petrov, A. V. (2011). Mifopoliticheskie formuly v manifestah i odah 1741–1742 gg. (“mifologija vlasti” v politicheskoy i literaturnoy kul’turah v Rossii XVIII veka) [Mythical and Political Formulae in Manifestos and Odes in 1741–1742 (“Mythology of Power” in Political and Literary Cultures in 18th Century Russia)]. In *Problemy istorii, filologii, kul’tury*. Vol. 1, pp. 152–161.

Petrov, A. V. (2009). *Novogodnjaja poezija v Rossii : ot Trediakovskogo do Benediktova Monografija* [New Year Poetry in Russia: From Trediakovsky to Benediktov. A Monograph]. 267 p. Magnitogorsk, MaSU.

PSZRI (1830). [A Complete Set of Laws of the Russian Empire]. Vol. 4. 892 p.; Vol. 11. 991 p.; Vol. 26. 882 p. St Petersburg, pechatano v Tipografii II otdeleniya sobstvennoy ego Imperatorskogo Velichestva.

Pospelova, M. (1801). *Oda na vseradostnyiy den koronovaniya Ego Imperatorskogo Velichestva, Gosudarya Imperatora Aleksandra Pavlovicha* [An Ode for a Joyful Day of Crowning His Royal Majesty, Monarch Emperor Alexander Pavlovich]. 9 p. Moscow.

Prikazchikova, E. E. (2009). *Kulturnyye mify v russkoy literature XVIII – nachala XIX veka* [Cultural Myths in Russian Literature in the 18th – Early 19th Centuries]. 526 p. Yekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo Universiteta, 2009.

Radishchev, A. N. (1941). *Polnoe sobranie sochineniy v 3 t.* [Complete Works, 3 Vols.]. Vol. 2. 429 p. Moscow, Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR.

Rudakova, S. V. (2012). Filosofiya schastyia v lirike E. A. Boratynskogo [The Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky Lyrics]. In *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki*. 2012. Vol. 108, Iss. 4, pp. 103–114.

Shcherbatov, M. M. (1935). *Neizdannyye sochineniya* [Unpublished Works]. 213 p. Moscow, Sotcegiz.

Serman, I. Ž. (1962). Trediakovskij i prosvetitel’stvo (1730-e gody) [Trediakovsky and the Enlightenment (in the 1730s)]. In *XVIII vek*. Sbornik 5. Moscow, Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, pp. 205–222.

Shubinskiy, S. N. (1911). Prazdnovanie Nishtadtskogo mira v Peterburge. 22 oktyabrya 1721 [The Celebration of the Peace Treaty of Nystad in Petersburg on October 22, 1721]. In Shubinskiy S. N. (Ed.). *Istoricheskie ocherki i rasskazy*, 6-e izd. St Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina, pp. 43–51.

Slovar akademii rossiysskoy v 6 ch. (1789–1794). [The Dictionary of the Russian Academy, 6 parts]. Vol. 1. 636 p. Vol. 6. 600 p. St Petersburg, pri Imperatorskoy Akademii nauk.

Stupperich, R. (1967). Feofan Procopovic in der neueren Literatur. In Brang, P., Brauer, H. (Eds.) *Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag*, Heidelberg, pp. 284–293.

Tetzner, J. (1958). Thepphan Prokopovic und die russische Fruhaufklärung. In *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. 3, pp. 351–368.

Turgenev, An. (1992). Rechi Andreyi Turgeneva [Speeches of Andrei Turgenev]. In Kitidziro Yamada (Ed.). *Acta Slavica Iaponica*, 10, pp. 167–181. URL: <http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/8047/1/KJ00000034000.pdf> (mode of access: 28.04.2017).

Wortman, R. S. (2002). Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarhii ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I. [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Death of Nicholas I]. 597 p. Moscow, OGI.

Vinter, E. (1966). Feofan Prokopovich i nachalo russkogo prosvescheniya [Feofan Prokopovich and the Beginning of Russian Enlightenment]. In *XVIII vek*. Vol. 7. Moscow, Nauka, pp. 43–46.

Volgin, V. P. (1958). *Razvitie obschestvennoy mysli vo Frantsii v XVIII v.* [The Development of Public Thought in France in the 18th Century]. 202 p. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR.

Zaytseva, T. B., Petrov A. V. (2015). Gendernaya i mifopoliticheskaya simbolika obraza imperatritsy v odopisi XVIII veka [Gender Mythical and Political Symbolism of the Empress’s Image in 18th Century Odes]. In *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya*. Iss. 4 (6), pp. 193–194.

Zhivov, V. M. (2002). Istoriya russkogo prava kak ligvosemioteskaya problema [The History of the Russian Law as a Linguo-semiotic Issue]. In Zhivov V. M. *Razyiskaniya v oblasti istorii i predyistorii russkoy kul’tury*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul’tury, pp. 187–306.

DOI 10.15826/qr.2017.2.234

УДК 929Екатерина(470)*2+821.161.1-94

«ГАЛАНТНЫЙ ДИАЛОГ» С САМОЙ СОБОЙ В МЕМУАРАХ ЕКАТЕРИНЫ II*

Татьяна Акимова

Мордовский государственный университет,
Саранск, Россия

‘GALLANT DIALOGUE’ IN CATHERINE’S II MEMOIRS

Tatiana Akimova

Mordovia State University,
Saransk, Russia

This article analyses ‘gallant dialogue’ in the memoirs of Catherine II as a special narrative strategy employed by the empress to represent herself as an enlightened monarch and make an impact on the reader. In the French literature and art of the 17th and 18th centuries, the notion of ‘gallant dialogue’ was developed by scholars like A. Viala, D. Denis, and C. Cazanave. It was not only understood as a special type of aesthetics, poetics, or stylistics, but also as a means to construct images of the writer and reader. Due to the fact that Catherine II’s memoirs are different from all her other works (as she was writing them for herself), it is mostly herself that she addresses in the ‘gallant dialogue’. Consequently, the memoirs’ narrative acquires a dual character, having features of both the theatrical and novel chronotope. The theatrical chronotope is characterised by a three-part vertical arrangement of the images in the narrative. The reason for such a hierarchy is the norms of gallantry and ethics of behaviour at the court, the so-called ‘science of love’. In its turn, the novel chronotope is represented by a gradual personal development of the heroine as she learns how to live

---

* *Citation:* Akimova, T. (2017). ‘Gallant Dialogue’ in Catherine’s II Memoirs. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 425–435. DOI 10.15826/qr.2017.2.234.

Цитирование: Akimova T. ‘Gallant Dialogue’ in Catherine’s II Memoirs // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 425–435. DOI 10.15826/qr.2017.2.234 / Akimova T. «Галантный диалог» с самой собой в мемуарах Екатерины II // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 425–435. DOI 10.15826/qr.2017.2.234

peacefully with her palace family and laugh merrily at the absurdities of life and rise above them.

Keywords: Catherine II; memoirs; gallant dialogue; author's strategy.

Дан анализ мемуаров Екатерины II и «галантного диалога» как авторской стратегии императрицы, провозглашающей себя просвещенной государыней и выбирающей для этого особые способы воздействия на читателей. Под «галантным диалогом» во французской литературе и французском искусстве преимущественно XVII–XVIII вв., разрабатываемым французскими исследователями категории галантности (А. Виала, Д. Дени, К. Казанав), понимается не только особый тип эстетики, поэтики или стилистики писателя, но способ конструирования образов автора и читателя и авторская стратегия реализации просветительской доктрины Екатерины II. Поскольку мемуары Екатерины II отличаются от остальных ее произведений тем, что писались для себя, то и «галантный диалог» автор ведет прежде всего с самим собой. Следствием этого становится двойственное повествование мемуаров, в которых одновременно воссоздаются театральный и романский хронотоп. Театральный хронотоп выражается в трехчастном вертикальном расположении образов повествования – великой княгини Екатерины Алексеевны, императрицы Елизаветы Петровны, великого князя Петра Федоровича, в смеховых приемах их изображения, в моральном выводе, присущем жанру драматической пословицы, в смене масок героем-повествователем. Причиной подобного расположения персонажей становятся галантная норма и правила поведения при дворе, ею создаваемые, – так называемая «наука любви». Романский хронотоп представлен поэтапным личностным становлением героини, обучающейся через общение со своим окружением мирно жить в семье-дворце; умением через жизнерадостный смех возвышаться над нелепостями жизни; остраненным и незаинтересованным рассказом о важных жизненных обстоятельствах, таких как рождение наследника престола и путь к власти; акцентированием внимания на личных взаимоотношениях как наиболее ценных в галантном повествовании; стремлением героини к счастью, заключающемуся в любви близких.

Ключевые слова: Екатерина II; мемуары; «галантный диалог»; авторская стратегия.

Мемуары Екатерины II остаются среди литературоведов по-прежнему самым дискуссионным произведением российской государыни [Вачева, 2008; Гречаная]. Став объектом пристального внимания ученых в связи с общим интересом к автобиографической и мемуарной литературе [Вьолле, Гречаная], они не получали однозначной оценки вследствие разности подходов к мемуарному наследию императрицы: гендерного [Савкина], мифопоэтического [Приказчикова],

сравнительно-исторического [Гречаная], а также продолжающихся споров по поводу целей и задач создания автором данного произведения [Фатеева; Крючкова; Иванов].

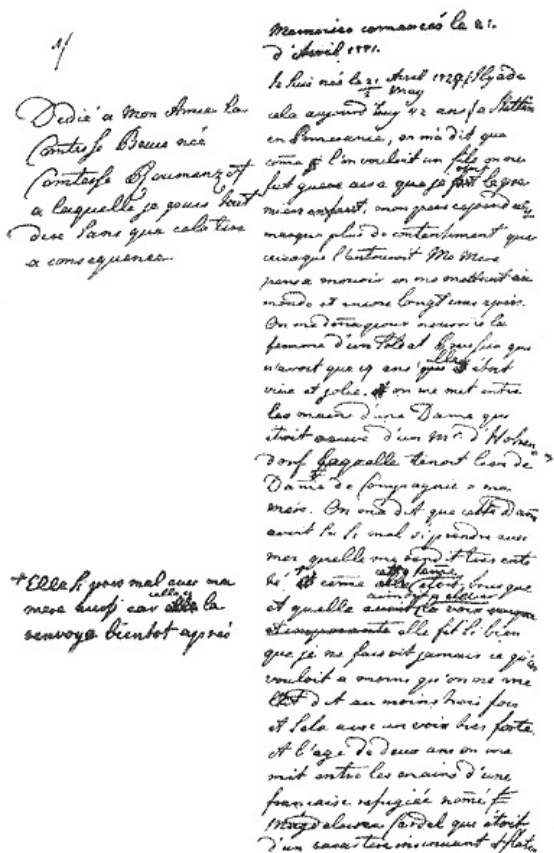
Обращение к понятию «галантный диалог», позволяющее проанализировать мемуары Екатерины в контексте культурно-исторического метода и коммуникативного подхода, раскрывает важный аспект понимания сути сочинения Екатерины II.

Понятие «галантный диалог» разработано зарубежными исследователями, изучающими категорию галантности во французской литературе и культуре [Viala; Denis; Cazanave].

По мнению Д. Дени, манера галантного автора складывается из таких стилистических компонентов, как игривость, сладость, услужливость, легкость. При этом авторская литературная игра строится на двух началах – эстетике сдержанности и риторике обольщения.

В стилистике мемуаров Екатерины II заметны оба эти качества, представленные искренностью автора, живостью его слога и в то же время постоянным ощущением умалчивания чего-то важного и интересного. Повествование, строящееся на недосказанности и недомолвках, – вот итог читательского восприятия мемуаров галантной императрицы, понимающей важность социальной функции писательства. На социальную функцию галантности указывает значительный

Кз страниц. 1.

Первый лист рукописи «Записок» Екатерины II, начатых 21 апреля 1771 г. (в первой редакции). Фрагмент [Записки императрицы Екатерины Второй]

The first page of Catherine II's *Notes* started on April 21, 1771 (first edition). Fragment [Notes of Empress Catherine II]

исследователь этой категории во французском искусстве и литературе А. Виала, который подчеркивает, что ею обозначается идеал порядочного человека, то есть одновременно и человека чести, и человека, приятного в общении. Эта же двойственность галантности реализуется в произведении на жанровом уровне: галантный жанр не укладывается в классицистическую эстетику по причине смешения разных жанров, в том числе внимания писателей к роману, в котором возникает новый способ изображения нормы галантного поведения и галантного общения¹. Продолжая эти исследования, К. Казанав выделяет «галантный диалог» как особую модель диалога, отличающуюся от догматического и сатирического диалогов тем, что вбирает в себя элементы и первого, и второго, объединяя назидательность и жизнерадостность. Образцовым произведением в этом отношении предстают «Разговоры о множестве миров» Б. Фонтенеля. Книга впервые появляется в русской литературе в переводе А. Кантемира в 1730 г., публикуется в 1740 г., а получает широкую известность только в эпоху Екатерины II, когда прозвучавший в ней мотив любования просвещенными читательницами обретает дополнительные смыслы в период правления императрицы, позиционировавшей себя просвещенной государыней².

Следует отметить, что «галантный диалог» под пером венценосной писательницы претерпевает изменения, измеряясь масштабом государственных задач правительницы-просветительницы. Она имеет дело не только с дружеским кругом читателей, которому, как правило, авторы адресовали свои галантные послания. Ее читатели – все образованное российское общество, которое к тому времени было представлено преимущественно дворянским слоем, а также будущие читатели, только встающие на путь просвещения. Поэтому «галантный диалог» в нашем понимании – и способ конструирования образов автора и читателя в создании художественного целого произведения, и модель екатерининского просвещения, адресованного дворянскому сословию.

Преобразования, которые занимали мысли российской государыни так же, как и французского автора «Разговоров» о гелиоцентрической картине мира, касались прежде всего мировоззрения читателей, однако векторы устремлений писателей были направлены на раз-

---

¹ «В последнем томе романа “Артамен, или Великий Кир” Мадлен де Скюдери» дается определение галантной атмосфере, которая «состоит преимущественно в том, чтобы размышлять о вещах деликатно, легко и естественно, склоняться скорее к милоту и забавному, чем к серьезному и грубому» [Пахарьян, с. 317].

² Несмотря на то, что книга была запрещена Синодом в 1756 г., «обращение Синода осталось, вероятно, без последствий, поскольку весь тираж к тому времени уже разошелся» [Разумовская, с. 233]. Более того, в 1781 г. переводы из Фонтенеля помещаются в сборник «Разкащик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или когда кому делать нечего», задав тем самым определенный тон в восприятии светских произведений Фонтенеля. Эта книга значится в реестре дорожной библиотеки Екатерины II, которую она завещала своему сыну и внукам [Императрица Екатерина II, с. 84].

ные пространства: научно-космические в произведении Фонтенеля (в переводе А. Кантемира) и внутрисемейные, бытовые (имплицитно нравственно-этические) в случае Екатерины II. В то же время переустройство быта в творчестве императрицы не исключало пересоздание бытия, и на этом постулате строилось все ее «галантное просветительство», основанное на легком и непринужденном поучении высокородных господ.

Жанровая природа мемуаров отличается от облеченного в галантную рамку разговоров между мужчиной и женщиной философского трактата французского просветителя. Неизвестно, с каким галантным кавалером вела беседу Екатерина II, приступая несколько раз к написанию автобиографических записок (по всей видимости, их имена могли меняться в разные моменты ее жизни). В конечном итоге «галантный диалог» оборачивался для венценосной писательницы диалогом с самой собой. Особый шарм диалогу придает нераздельность ее самоироничного писательского образа «галантной дамы» с образом государыни. Двойственность авторской позиции Екатерины раскрывается через наложение друг на друга театрального и романного хронотопов³.

Театральный хронотоп в мемуарном повествовании императрицы способствует фокусированию читательского внимания на главной героине, которой отводится центральное место на сцене с дворцовыми декорациями, по классицистическому образцу устроенными иерархично. Здесь есть низовой мир, в котором существует антигерой – тот, кто не смог в силу своего непонимания мирового устройства и своего места в нем стать героем. И есть мир высшего существования, так называемый Абсолют, с позиции которого получают оценку все действующие в произведении персонажи. Средний мир – мир светских отношений во дворце, он становится образцом галантного поведения для российских придворных.

Основным приемом театрализации мемуарного повествования Екатерины II становится создание резкого контраста между непросвещенными правителями, не ставшими образцами для своего окружения, и галантной героиней, сумевшей завоевать всеобщую любовь. Опираясь на «Параллельные жизнеописания» Плутарха и произведения о властителях Вольтера («Людовик XIV»; «Людовик XV»; «Карл XII»; «Петр I»), она тем самым утверждала норму галантного поведения галантным же способом – указанием на античный образец, переданный через вкус современного французского автора.

Поскольку в любом жизнеописании важна «родительская» тема, то и здесь Екатерина II пользуется типичными театральными приемами. Мизансцена разговора матери великой княгини с Петром Федоровичем также направлена на демонстрацию снижения действующими лицами галантной нормы: «Матушка говорила, что

---

³ Подобная двойственность – следствие галантного способа изображения [Павлова, с. 40-46].

он нарочно уронил ее шкатулку; он отвечал, что она говорит неправду, и оба они ссылались на меня и требовали моего подтверждения» [Императрица Екатерина II, с. 13]. Их ссоры из-за пустяков указывают на обоюдную личностную мелочность, что призвано усиливать выдержанный, сильный характер главной героини и ее умение скреплять семью, получающую в галантном повествовании императрицы смысл искомой модели просвещенного государственного устройства.

Следующей особенностью галантного повествования мемуаристики является появление в театральном хронотопе сатирических, а порой даже памфлетных способов высмеивания персонажа. В шутовском облике предстает здесь великий князь Петр Федорович. Низовое, балаганное пространство его существования описывается через такие черты, как игра в солдатики или куклы, пьянство, несамостоятельность в принятии решений, плохое знание русского языка. Сравнение великого князя с балаганным Петрушкой уничтожило важнейшее для просветителей свойство личности – разумность: «Он устроил у себя в комнате кукольный театр, на который приглашал гостей и даже дам. Эти представления были величайшей глупостью» [Там же, с. 38].

И далее Екатерина лишь наращивала сатирическое изображение Петра Федоровича:

В это время, и долго после, главною городскою забавою В. Князя было чрезвычайное множество маленьких куколок или солдатиков, деревянных, свинцовых, восковых и из труту. Он расставлял их на узеньких столах, которыми загромождал целую комнату, так что между столами едва можно было пройти. Вдоль столов прибиты были узкие медные решетки, а к ним привязаны шнуры, и если дернуть за шнурок, то медная решетка издавала звук, который, по его мнению, походил на беглый ружейный огонь. Он с чрезвычайной точностью, в каждый придворный праздник, заставлял войска свои стрелять ружейным огнем [Там же, с. 175].

Автор мемуаров не скупится на театральные приемы сатирического изображения выбранного Елизаветой наследника российского престола, намеренно делая его образ анекдотичным, карикатурным. В то же время важнейшим показателем героической несостоятельности великого князя оказывается отсутствие галантного чувства по отношению к придворным, ибо он «не любил никого из своих придворных, потому что они его тяготили» [Там же, с. 3].

Роль недалекой и подозрительной родственницы выпадает императрице Елизавете Петровне, чей духовный мир формируется слухами и досужими сплетнями придворных, предпочитавшей чтению книг рассказы сказительниц, не ценившей завоеваний медицины, жившей по старинке и боявшейся передовых научных достижений.

Елизавета Петровна в мемуарах становится олицетворением непрогрессивной России, поскольку лишает свободы и личной инициативы великого князя и великую княгиню, не замечает, что творится у нее перед носом, хотя устраивает за всеми слежку и лишает личного пространства наследника престола и его жену. В мемуарах Екатерины говорится: «Я и великий князь могли быть свободны только друг с другом; это было своего рода заточение, которого ни я, ни он не заслуживали» [Там же, с. 59].

Непоследовательные действия императрицы Елизаветы, кроме того, еще и грубы, ее монаршая милость зависит не от законов и доброго нрава, а от капризов и мимолетных желаний, которые, не ограничиваясь никакими нормами галантного поведения, доходят порой до тирании – самого бичуемого просветителями качества. В этом отношении образ Елизаветы Петровны сопоставим с высмеиваемыми в комедиях образами «матушек», чересчур любящих и тем губящих молодое поколение. Не случайно героиня вынуждена просить прощения за не совершенные ею поступки, подчеркивая воздействие извинительных слов на императрицу Елизавету: «„Виновата, матушка“, после чего она утихла» [Там же, с. 44]. Мотив покорности и смирения становится здесь маркером старой допетровской Руси, в которой положение молодой женщины в обществе было лишено, в понимании просветителей, личностной свободы.

Следует заметить, что из комедийного жанра в мемуары Екатерины II привносится прием формулировки морального вывода – поговорки, изрекаемой, как правило, героями-резонерами классицистических комедий после каждой поучительной сцены. Точно так же организует автор свое повествование в мемуарах, концентрируясь именно на галантных правилах поведения при дворе как наиболее подходящих для миролюбивого светского существования. Екатерина стремится продемонстрировать заботу героини об общем благе, компенсирuemую ответным чувством:

Больше, чем когда-либо, я старалась снискать расположение всех, вообще больших и малых. Никто не был забыт мною, и я поставила себе правилом думать, что я нуждаюсь во всех, и всячески приобретать общую любовь, в чем я и преуспела [Там же, с. 31].

И в то же время автор представляет на суд читателей образ мыслей великой княгини, выбравшей в качестве ориентира при дворе Елизаветы Петровны науку галантного обхождения:

... вот рассуждение или, вернее, заключение, которое я сделала, как только увидела, что твердо основалась в России, и которое я никогда не теряла из виду ни на минуту: 1) нравиться великому князю, 2) нравиться императрице; 3) нравиться народу [Там же, с. 58].

Наконец, театральный хронотоп обеспечивает постоянную смену масок героем-повествователем, выступающим то болезненной женщиной, то решительной героиней, то расчетливым политиком, то обычным наблюдателем или моралистом-ученым, пишущим кодекс светского поведения, то тонким дипломатом, не желающим обидеть никого из современников.

Каждый из фрагментов повествования Екатерины о своей жизни демонстрирует ступенчатое развитие романного хронотопа, обусловленное не хронологически организованным материалом, а логикой поступательного движения судьбы главной героини, которая познает окружающий ее мир и учится вместе с читателями его законам. Указание на романное развертывание повествования в мемуарах Екатерины II присутствует в работах болгарской исследовательницы А. Вачевой, которая акцентирует внимание на соединении классицистического и просветительского дискурсов в произведении императрицы⁴. В то же время сохраняется дневниковое раскрытие мыслей и чувств главной героини, которая предельно откровенна со своим читателем-другом, чей образ она также примеривает на себя [Вьолле, Гречаная].

Открытая для общения со всеми, кто попадает к ней на пути, героиня обучается на протяжении всего повествования искусству завоевания симпатий у своего окружения: от служанок до генералов и первых лиц двора. Например, Екатерина говорит о Владиславовой, подчеркивая ее любовь к анекдотам: «она была общительна, любила говорить, говорила и рассказывала умно, знала все анекдоты прошедшего и настоящего времени» [Императрица Екатерина II, с. 70], а также обращает внимание на генерала Репнина, ставшего крупной фигурой в екатерининскую эпоху: «Открытый нрав князя Репнина, который как военный человек чужд был всяких козней, внушал мне доверие» [Там же, с. 3]. Умение завязывать личные контакты и приближать к себе людей оказывается важным личностным талантом героини, раскрывающимся по мере развертывания мемуарного произведения. Высшим проявлением этого умения становится талант превращения врагов в друзей только благодаря выдержке, такту и хорошим манерам.

Не менее важной особенностью поведения галантной героини, которое также изображается автором в развитии, является умение смеяться над нелепостями жизни, лишь подчеркивающее манеру аристократического превосходства над всеми другими «низкими» персонажами дворцового мира. Автор обостряет такие качества ее личности, как жизнерадостность и веселость, раскрывающиеся в сложные моменты возникающих дворцовых перипетий.

Наиболее акцентированное галантное повествование обнаруживается в моментах острого незаинтересованного авторского повествования о важных страницах своей жизни – рождении наследника, возможности получения российской короны. Уведенное в подтекст изображаемых событий, это становится ключом к чтению

⁴ См.: [Вачева, 2001, с. 114-120; Вачева, 2005, с. 336-341; Вачева, 2010, с. 198-212].

мемуаров. В то же время мелочи жизни – личные привязанности, тонкости отношений с окружающими лицами – вдруг предстают максимально преувеличенными в намеренно суженном дворцовом мире героини, выполняют функцию сюжетных украшений, подчеркивающих авторское и читательское удовольствие об упоминаемых личностных контактах.

В итоге перед читателем является героиня, способная пересоздать личностное пространство, демонстрирующая пример героического личностного становления и развития вопреки обстоятельствам, окружению и возможностям, дающимся при рождении. И если мотивом, определяющим театральный хронотоп, становится стремление героини занять высшую социальную нишу – надеть корону, то мотивом, способствующим развитию романного хронотопа, предстает поиск героиней человеческого счастья («счастье не так слепо, как обыкновенно думают» [Там же, с. 1]), одинакового для всех и состоящего в любви близких. Именно этот аспект обеспечивает развертывание галантного сюжета, обусловленного авторской стратегией подробного упоминания обо всех сердечных привязанностях героини.

Таким образом, «галантный диалог» с самой собой выражается в мемуарах Екатерины II в двойственной позиции автора⁵, которая представляется в одновременном смещении двух хронотопов – театрального, классицистического и романного, просветительского. Героиня мемуаров – одновременно и обычная аристократка, попавшая в императорский дворец по счастливой случайности, и будущая российская императрица, которая формирует правила поведения для своих придворных, просвещая их. В первом случае героиня проходит этапы становления, взросления и женского расцвета на глазах у читателей, во втором она высмеивает непросвещенных правителей – Елизавету Петровну и Петра III, остановившихся в своем личностном совершенствовании.

Список литературы

Вачева А. «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Л. Стерна и «Записки» Екатерины II // Художественный перевод и сравнительное изучение культур : Памяти Ю. Д. Левина. СПб. : Наука, 2010. С. 198–212.

Вачева А. Классицистический дискурс в мемуарах Екатерины Второй // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе : Проблемы теоретической и исторической поэтики. Гродно : Гроднен. ун-т, 2001. С. 114–120.

Вачева А. Романские пространства в мемуарах Екатерины II // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе : Проблемы теоретической и исторической поэтики. Гродно : Гроднен. ун-т, 2005. С. 336–341.

Вачева А. Романът на императрицата : Романовият дискурс в автобиографичните записки на Екатерина II. Ракурси на четене през XIX век. София, Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2008. 364 с.

⁵ Екатерина II так же, как и Маргарита де Валуа, по словам французского исследователя Лорана Ангара, «становится первой женщиной – одновременно автором, рассказчицей и героиней своей книги и тем самым выполняет одно из условий автобиографического соглашения» [Лоран, с. 232–272].

Вьолле К., Гречаная Е. П. Дневник в России в конце XVIII – первой половине XIX в. как автобиографическая практика // Автобиографическая практика в России и во Франции. М. : ИМЛИ РАН, 2006. С. 57–111.

Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). М. : ИМЛИ РАН, 2010. 383 с.

Иванов О. А. Екатерина II и Петр III : История трагического конфликта. М. : ЗАО Центрполиграф, 2007. 735 с.

Императрица Екатерина II : Записки императрицы Екатерины II [репринт. изд.]. М. : Наука, 1990. 288 с.

Императрица Екатерина II, Цесаревич Павел Петрович и Великая княгиня Мария Федоровна : Письма, заметки и выписки. 1782–1796. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1894. 214 с.

Крючкова М. А. Мемуары Екатерины II и их время. М. : [Б. и.], 2009. 464 с.

Лоран А. Маргарита де Валуа и ее «Мемуары» // Маргарита де Валуа : Мемуары. Избранные письма. Документы. СПб. : Евразия, 2010. С. 232–272.

Павлова С. Ю. Две модели галантности в «Мемуарах» Бюсси-Работена // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. Т. 12. 2012. Вып. 4. С. 40–46.

Пахсарьян Н. Т. Галантность // Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения. М. : Изд-во Кулагиной, 2010. 317 с.

Приказчикова Е. Е. Культурные мифы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. 528 с.

Разумовская М. В. Фонтенель // Русско-европейские литературные связи. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 233–234.

Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркальем : Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М. : НЛЮ, 2007. 440 с.

Фатеева А. В. «Memoires» Екатерины II в контексте эпохи Просвещения (концепт «Философ на троне») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : МПГУ, 2007. 17 с.

Cazanave C. Le dialogue à l'âge classique. Étude de la littérature dialogique en France au XVIIe siècle. Paris : Champion, 2007. 632 p.

Denis D. Le Parnasse Galant : Institution d'une catégorie littéraire au XVIIe siècle. Paris : Honoré Champion, 2001. 400 p.

Viala A. La France galante. Paris : PUF, 2008. 540 p.

References

Cazanave, C. (2007). *Le dialogue à l'âge classique. Étude de la littérature dialogique en France au XVIIe siècle* [Dialogue in the Classical Age. A Study of Dialogic Literature in 17th Century France]. 632 p. Paris, Champion.

Denis, D. (2001). *Le Parnasse Galant. Institution d'une catégorie littéraire au XVIIe siècle* [The Parnasse Galant. The Establishment of a Literary Category in the 17th Century]. 400 p. Paris, Honoré Champion.

Fateeva, A. V. (2007). "Memoires" Ekaterinyi II v kontekste epohi Prosveshcheniya (kontsept "Filosof na trone"), avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Catherine II's Memoires in the Context of the Age of Enlightenment (The 'Philosopher on the Throne' Concept), PhD Thesis Abstract]. 17 p. Moscow, MPGU.

Grechanaya, E. P. (2010). *Kogda Rossiya govorila po-frantsuzski: russkaya literatura na frantsuzskom yazyike (XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [When Russia Spoke French: Russian Literature in French (18th – First Half of the 19th Century)]. 383 p. Moscow, IMLI RAN.

Imperatrice Ekaterina II, Césarevich Pavel Petrovich i Velikaya knyaginya Mariya Fedorovna. Pis'ma, zametki i vypiski 1782–1796 [Empress Catherine II, Crown Prince Pavel Petrovich and Grand duchess Maria Fiodorovna. Letters, notes and extracts. 1782–1796]. (1894). 214 p. St Petersburg, Tipografija V. S. Balasheva.

Ekaterina II. Zapiski imperatritsyi Ekaterinyi II. Reprintnoe vosproizvedenie [Notes of Empress Catherine II. Reprint]. (1990). 288 p. Moscow, Nauka.

Ivanov, O. A. (2007). *Ekaterina II i Petr III. Istoriya tragicheskogo konflikta* [Catherine II and Peter III. The Story of the Tragic Conflict]. 735 p. Moscow, Tsentrpoligraf.

Kryuchkova, M. A. (2009). *Memuaryi Ekaterinyi II i ih vremya* [Catherine II's Memoirs and Their Times]. 464 p. Moscow, [S. n.].

Loran, A. (2010). Margarita de Valua i ee "Memuariy" [Margarita de Valois and Her *Memoirs*]. In *Margarita de Valua. Memuariy. Dokumenty*. St Petersburg, Izbrannyye pisma, Evraziya, pp. 232–272.

Pahsaryan, N. T. (2010). Galantnost [Gallantry]. In *Evropeyskaya poetika ot antichnosti do epohi Prosveshcheniya*. 317 p. Moscow, Izdatelstvo Kulaginoy.

Pavlova, S. Yu. (2012). Dve modeli galantnosti v "Memuarah" Byussi-Rabotena [Two Models of Gallantry in Bussy-Rabutin's *Memoirs*]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*. Vol. 12, Iss. 4, pp. 40–46.

Prikazchikova, E. E. (2009). Kulturnyye mify v russkoy literature vtoroy poloviny XVIII–nachala XIX veka [Cultural Myths in the Russian Literature of the Second Half of the 18th – Early 19th Centuries]. 528 p. Yekaterinburg, Izdatelstvo Ural. un-ta.

Razumovskaya, M. V. (2008). Fontenel' [Fontenel]. In *Russko-evropejskie literaturnyye svyazi*. St Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, pp. 233–234.

Savkina, I. (2007) Razgovory s zerkalom i zazerkaem : Avtodokumental'nyye zhenskyye tekstyy v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka [Talks with a Mirror and the World behind the Looking-glass: Auto-documentary Female Texts in the Russian Literature of the First Half of the 19th Century]. 440 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Vacheva, A. (2001). Klassitsicheskyy diskurs v memuarah Ekateriny Vtoroy [Classical Discourse in Catherine II's *Memoirs*]. In *Vzaimodeystvie literatur v mirovom literaturnom protsesse. Problemy teoreticheskoy i istoricheskoy poetiki*. Grodno, Izdatelstvo Grodnenskogo universiteta, pp. 114–120.

Vacheva, A. (2005). Romannyye prostranstva v memuarah Ekateriny II [Novel Spaces in Catherine II's *Memoirs*]. In *Vzaimodeystvie literatur v mirovom literaturnom protsesse. Problemy teoreticheskoy i istoricheskoy poetiki*. Grodno, Izdatelstvo Grodnenskogo universiteta, pp. 336–341.

Vacheva, A. (2010). "Zhizn i mneniya Tristrama Shendi, dzhentlmena" L. Sterna i "Zapiski" Ekateriny II [The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman by L. Sterne and Catherine II's *Notes*]. In *Hudozhestvennyy perevod i sravnitel'noe izuchenie kultur : Pamyati Yu. D. Levina*. St Petersburg, Nauka, pp. 198–212.

Vatcheva, A. (2002). Les Memoires de Catherine la Grande: entre feminine et masculine narratives. In S. van Dijk en M. van Strien-Chardonneau (Eds.). *Feminites et masculinites dans le texte narratif avant 1800. La question du 'gender'* Louvain/Paris, Peeters, pp. 73–86.

Vacheva, A. (2008). *Roman't na imperatritsata. Romanoviyat diskurs v avtobiografichnite zapiski na Ekaterina II. Rakursi na chetene prez XIX vek* [The Empress's novel. The Romanov Discourse in the Autobiographical Notes of Catherine II. Reading Councils in the 19th Century]. 364 p. Sofia, Universitetsko izdatelstvo "Sv. Kliment Ohridski".

Volle, K., Grechanaya, E. P. (2006). Dnevnik v Rossii v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. kak avtobiograficheskaya praktika [The Diary in Russia in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries as Autobiographical Practice]. In *Avtobiograficheskaya praktika v Rossii i vo Frantsii*. Moscow, IMLI RAN, pp. 57–111.

Viala, A. (2008). *La France galante*. 540 p. Paris, PUF.

The article was submitted on 17.05.2016

DOI 10.15826/qr.2017.2.235

УДК 929Екатерина(470)*2+929.731Романовы+821.161.1-94

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ЕКАТЕРИНЫ II АВТОЦЕНзуРА*

Ангелина Вачева
Софийский университет,
София, Болгария

HER MAJESTY CATHERINE II'S SELF-CENSORSHIP

Angelina Vacheva
Sofia University,
Sofia, Bulgaria

This paper discusses the manifestations of self-censorship in the autobiography of the Russian Empress Catherine the Great. The article focuses on the changes made in the last edition of the text, known as *Sobstvennoruchnye zapiski*, compared to an earlier version dedicated to Baron Alexander Ivanovich Cherkasov. In the text under consideration, the empress avoids or moderates all uncomfortable issues, such as serfdom, negative attitudes to Moscow and the life of the Moscow nobility, and criticism of the court. Self-censorship is most consistent in the character of Empress Elizabeth. Catherine the Great abates the episodes of her predecessor's dishonorable behaviour and softens her features. The Russian empress turns back to the 'scenarios of power' of the beginning of her rule, where the idea of compliance with Elizabeth's policy played a central role. Thus, Catherine the Great tries to legitimate her own government by emphasising its strong connection to the dynasty and spiritual heritage of Peter the Great.

Keywords: Catherine the Great; autobiography; self-censorship; enlightened monarch; Romanov dynasty.

Рассматривается проблема автоцензуры в автобиографии императрицы Екатерины II. В фокусе внимания автора – изменения, внесенные в текст

---

* *Citation:* Vacheva, A. (2017). Her Majesty Catherine II's Self-Censorship. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 436–452. DOI 10.15826/qr.2017.2.235.

Цитирование: Vacheva A. Her Majesty Catherine II's Self-Censorship // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 436–452. DOI 10.15826/qr.2017.2.235 / Вачева А. Ее императорского величества Екатерины II автоцензура // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 436–452. DOI 10.15826/qr.2017.2.235.

позднейшей редакции, известной под названием «Собственноручные записки», по сравнению с более ранней редакцией, посвященной барону А. И. Черкасову. По наблюдениям автора, императрица устраняет или сильно смягчает все болезненные темы – крепостного права, негативного отношения к Москве и жизни московских дворян, критики придворной жизни. Наиболее последовательно автоцензура влияет на концепцию амбивалентного образа императрицы Елизаветы Петровны. Екатерина II сильно редуцирует эпизоды недостойных проявлений предшественницы и смягчает ее характеристики. Русская императрица возвращается к «сценариям власти» начала своего правления, центральную роль в которых занимала идея преемственности с Елизаветой Петровной. Таким образом Екатерина II ищет способа легитимировать свое правление, подчеркивая его связь с династией и духовным наследием Петра Великого.

Ключевые слова: Екатерина II; автобиография; автоцензура; просвещенный монарх; династия Романовых.

Предмет этой статьи – автоцензура в автобиографии императрицы Екатерины II. Проблема едва намечена в теоретических работах по поэтике автобиографического письма, хотя ряд исследователей мемуарного жанра говорят о подборе материала, который совершает мемуарист, руководимый не только своей забывчивостью, пробелами в памяти, но и соображениями иного характера. Сознательное опущение определенных подробностей автобиографом может быть продиктовано многими причинами: застенчивостью, желанием не уязвить близких, намерением поддержать свой положительный образ в глазах будущих читателей, придать определенный ракурс упоминаемым событиям и образам людей. На практике автоцензура имеет место во всех мемуарных текстах. Однако особенно ощутимо она проявляется в текстах известных деятелей истории, политиков, представителей искусства, предназначенных для публикации – прижизненной или посмертной. Именно таким текстом, рассчитанным на публикацию и являющимся главным доказательством претензий императрицы на бессмертие, и была автобиография Екатерины II¹ [Вачева, 2015]. Автоцензура, однако, касается не только каких-либо обстоятельств личного свойства мемуариста и нежелания раскрывать «всю правду» о себе. От нее зависит интерпретация событий (в том числе и умолчание о них) и концепция образов других персонажей.

Казалось бы, вопрос о наличии автоцензуры в автобиографических записках императрицы Екатерины II парадоксален, учитывая распространенное представление о всевластии русского государя и о его уникальной харизме в имперский период. Однако взаимная зависимость государя и подданных ни в коем случае не была простой

---

¹ Аргументацию особенностей жанра именно как автобиографии см.: [Вачева, 2015]. В настоящей статье термины «автобиография», «мемуары», «записки», «воспоминания» используются как синонимы исключительно в стилистических целях.

и однозначной. Осознание этого существенно влияет на саморепрезентацию Екатерины II в таком интимном жанре, каким, казалось бы, являлась автобиография.

В какой-то мере, хотя и под другим ракурсом рассматриваемая проблема уже комментировалась в работах, посвященных мемуарам императрицы. Общим местом стал тот факт, что в разных редакциях текста автор старательно убирает моменты привязанности и сочувствия к своему жениху, а впоследствии супругу. Отмечаются также некоторые случаи, когда мемуаристка тщательно редактирует повествование и выставляет себя в более благоприятном свете. Однако нельзя сказать, что вопрос об автоцензуре в екатерининской автобиографии был когда-нибудь последовательно изучен. Одна из причин кроется в том, что большинство исследователей и издателей мемуарного текста преимущественно работают с позднейшей редакцией записок и редко обращаются к их более ранним вариантам². Следует иметь в виду, что не все изменения (сокращения эпизодов, добавления, уточнения или же вставки более обширных фрагментов) являются проявлениями автоцензуры. Они могут быть результатом изменения повествовательной стратегии. Например, характерный для мемуарного жанра рассказ о детстве и семье (в том числе о престижных родственных связях), который присутствует в ранней редакции, посвященной графине Брюс (1771), опущен в поздней редакции из-за изменения намерений автора. В последней редакции мемуаристка кардинально меняет концепцию автобиографического рассказа и, по всей видимости, придает своей автобиографии, хотя бы во вступительной части, форму философского трактата о государе, поместив в начале известный силлогизм на тему счастья человека (точнее, судьбы – *fortune*, если обратиться к оригиналу) как следствия его сознательных поступков и выбора. Вследствие изменения концепции Екатерина II старается переставить акценты с воспоминания о том или ином персонаже, сыгравшем значительную роль в ее воспитании и развитии, на собственные усилия, личностные качества и заслуги. Некоторые сравнительно развернутые эпизоды ранних редакций весьма лаконично изложены в поздней. Красноречивым примером в этом отношении является эпизод с ее наставником графом Гюлленборгом, рекомендовавшим ей «полезное» чтение и позаботившемся о развитии ее ума. В «Собственноручных записках» эпизод с ним совсем небольшой, по сравнению с аналогичным в редакции, посвященной графине Брюс, и роль графа упоминается едва ли не вскользь, а акцент сделан на интересе к себе и самоанализе [Вачева, 2007].

² Автобиография императрицы Екатерины II известна в трех основных редакциях: первая, посвященная графине П. А. Брюс (1771) – «брюсовская» редакция (Б); вторая, посвященная барону А. И. Черкасову (начало 90-х гг. XVIII в.), – «черкасовская» редакция (Ч); третья, поздняя, написанная в середине 90-х гг. XVIII в. и опубликованная в 1858 А. И. Герценом под названием «Собственноручные записки», – СРЗ. В дальнейшем цитаты из текста приводятся по репринтному изданию русского перевода: [Записки императрицы Екатерины Второй] (РТ – русский текст).

Особенно интересны с точки зрения проблемы автоцензуры изменения, внесенные в мемуарный текст в двух последних редакциях – начала и середины 90-х гг. XVIII столетия. Вариант, посвященный барону Черкасову, – «черкасовская» редакция – наиболее «мемуарная» часть автобиографических записок Екатерины. В этой части изобилуют эпизоды, содержащие острые характеристики не только Петра Федоровича, Елизаветы Петровны, но и придворных и двора в целом. В этой редакции получили выражение также категорические личные позиции императрицы по некоторым животрепещущим проблемам русской национальной жизни – относительно крепостного права, оппозиции Москвы и Петербурга и ретроградности московских дворян и пр. В «Собственноручных записках» эти эпизоды или вовсе отсутствуют, или же неудобные характеристики сильно смягчены, а соответствующие фрагменты текста гораздо лаконичнее. На концепцию позднейшей редакции, возможно, оказывал воздействие комплекс причин, главными из которых стали воспоминания о страшных годах пугачевщины (особенно на фоне французских событий), а также появление на Западе всевозможных «историй» о последнем русском перевороте, порочащих императрицу, ее семейные обстоятельства и отношения с Павлом.

Екатерина-мемуаристка использовала своеобразные интертекстуальные маски для создания текста. Наиболее ярким примером является пространный эпизод о любовной истории с Салтыковым, рассказанный по модели популярного в то время французского романа (см. подробнее: [Вачева, 2006])³. Автоцензура заставляла императрицу тщательно убирать щекотливые подробности своей личной жизни, которые могли бы повредить ее публичному образу или же усугубить его негативные аспекты. К таким эпизодам, например, можно отнести рассказ о о любовном «квартете» Петр Федорович – Воронцова, Екатерина Алексеевна – Понятовский из черногого фрагмента, не вошедшего в основные редакции ее автобиографии (РТ, с. 466).

Можно задаться вопросом, как определить случаи автоцензуры в тексте екатерининской автобиографии и выделить их на фоне «обыкновенных» умолчаний, сокращений и прочих трансформаций в связи с изменением цели повествования. Критерии, по всей видимости, кроются в значимости содержания отдельного эпизода для публичного имиджа мемуаристки и в обеспокоенности возможными его последствиями для восприятия образа будущими читателями. Сильнее всего в тексте выражена забота сиятельного автора о вписанности эпизода в официальные «сценарии власти» русской монархии, принятые не только во время ее царствования, но также при предшественниках и последователях. Желание Екатерины быть со-

³ М. Крючкова, детально исследовавшая документальную основу екатерининских мемуаров, подвергает сомнению достоверность эпизода с Салтыковым и выдвигает на роль «первого любовника» будущей императрицы графа З. Г. Чернышева. Исследовательница говорит об инерции в прочтении эпизода, а также предполагает, что Салтыков был удобной «ширмой», за которой в мемуарах императрица скрывала настоящего героя своего романа [Крючкова, с. 160].

звучной воспринятым стратегиям и не противоречить общепринятому порядку следует искать в сложной ситуации, в которой создавался последний вариант записок.

Решающее значение для характера автоцензуры в произведении Екатерины II имел историко-культурный контекст эпохи. В концепции «Собственноручных записок» слышны отзвуки напряженных дискуссий эпохи Просвещения, в первую очередь теория «просвещенного монарха», разрабатывавшаяся европейскими философами. Однако на особенности повествования и характер образов главных действующих лиц повлияли не только теоретические дискуссии, но также более широкая читательская рецепция. Важнейшая проблема, которую ставит императрица в автобиографии, это легитимность правления и легитимность династии. Для нее важнее всего доказать свою законную претензию на наследие Петра Великого. Екатерина II отлично сознавала, что она может претендовать исключительно на духовную связь с первым российским императором и династией Романовых. Квинтэссенция ее автобиографии – идея того, что место на троне ею заслужено безоговорочно, она занимает его, будучи образцом «просвещенного правителя». Учитывая конкретные задачи статьи, позволю себе остановиться на проявлении автоцензуры в создании образа императрицы Елизаветы Петровны, что оказалось исключительно важно для вышеуказанной цели.

В различных редакциях автобиографии Екатерина II несколько меняет аксиологическую окраску персонажей. Общеизвестно двойственное отношение мемуаристки к своей предшественнице Елизавете Петровне. На страницах всех редакций автобиографии проводится последовательное сопоставление образа великой княгини Екатерины не только с ее супругом, но также с Елизаветой Петровной. В «Собственноручных записках» она делает антитезу своего образа и образа великого князя категорически непримиримой, тогда как образ Елизаветы Петровны сильно смягчается по сравнению с «черкасовской» редакцией.

Как было доказано исследователями, Екатерина II продолжила и в реальной политике, и в символическом плане многие тенденции, начавшиеся в правление ее предшественницы [Уортман; Проскураина; Ваehr]. В автобиографии же образ Елизаветы противоречив, как были противоречивы чувства Екатерины к свекрови, пробившиеся сквозь ровный тон повествования. Интерпретация образа предшественницы в автобиографии Екатерины II во многом передает характерную для писательницы противоречивость и метание из крайности в крайность. Однако, как и во многих других случаях, эпизоды с участием «любимой тетки» перетерпевают метаморфозы сообразно меняющемуся замыслу повествовательницы.

Амбивалентное отношение Екатерины II к предшественнице было продиктовано двумя главными причинами. Первая состояла в продолжении многих политических тенденций и заимствовании ряда символических кодов (метафоры Астреи, Северной Минервы), играв-

ших важнейшую роль в имидже русской монархии не только в России, но и в общеевропейском контексте. Это была важная часть легитимизации екатерининского правления. Елизавета Петровна была важна для Екатерины II как дочь Петра Великого, и публичный образ предшественницы ассоциировался с продолжением дела великого преобразователя России⁴.

Помимо этого, образ Елизаветы в екатерининских мемуарах был удобным поводом для раскрытия идеи о «философе на троне». При этом соотнесенность негативных (впрочем, и позитивных) черт поведения Елизаветы Петровны с поведением мемуаристки выгодно оттеняла ее собственный образ, представленный в исключительно идеальном, по-классицистически положительном плане. Не только тема преемственности, но и сопоставление императриц, выявляющее (явно или нет) превосходство последней, красной нитью проходит сквозь официальные документы и «сценарии власти» первых лет екатерининского правления и также является одной из ведущих повествовательных линий в автобиографии Екатерины II.

Бытовые эпизоды с описаниями реакций Елизаветы Петровны по разным поводам, основательным или нет, встречаются чаще в ранних редакциях. В поздней они редки, а Екатерина II выбирает такие моменты, которые могут прочитываться прежде всего в «государственном» плане как достоинства или недостатки правителя. Мемуаристка подчеркивает положительные качества предшественницы – патриотизм и реалистичность государственного деятеля. В редакции 1771 г. это показано на примере истории с Шетарди (РТ-Б, с. 47; РТ-СРЗ, с. 214–215). В пользу реалистичности политического поведения императрицы Елизаветы и ее озабоченности будущим империи можно привести описание тревоги о том, какого наследника она оставит своему государству. Высоко ценит Екатерина пронизательность Елизаветы Петровны, ее стремление быть справедливой в тяжелые моменты, когда речь идет о будущем страны. Показателен один из финальных эпизодов екатерининской автобиографии – момент решительного объяснения Елизаветы Петровны, Петра Федоровича и великой княгини, когда решается дальнейшая судьба последней. Справедливость, государственная мудрость Елизаветы, умение предвидеть риски и угадывать возможное развитие отношений между ее приближенными, ее чувствительность и верная оценка людей и обстоятельств подчеркнуты в мемуарном тексте. В автобиографии благоприятное отношение дочери Петра к великой княгине, бывшее знаком «задушевного доброжелательства» (РТ-СРЗ, с. 454), особенно на фоне их сложных и неоднозначных взаимоотношений на протяжении 17 лет, свидетельствовало о готовности героини мемуаров к ее миссии и упрочивало легитимность правления Екатерины II.

---

⁴ Эта тема явно присутствует в русской литературе елизаветинского времени, особенно в жанре похвальной оды, получившей свой классически законченный вариант под пером М. В. Ломоносова.

Гораздо больше эпизодов посвящено недостаткам Елизаветы Петровны, что имеет как бытовую, так и знаковую природу в контексте идеи «просвещенного монарха». Описание даже заурядных женских слабостей привносит свою долю негатива в создание образа идеального правителя. Многие из прихотей и недостатков Елизаветы Петровны благодаря запискам стали нарицательными (любовь к нарядам, ревность к другим дамам). Колоритные эпизоды такого рода изобилуют прежде всего в «черкасовской» редакции. Многие из этих проявлений натуры не только недостойны для монархини великой державы, но и не красят обыкновенного человека (грубость, подозрительность, суеверие, мелочность в бытовых делах, женская зависть и пр.), что входит в виде общих мест в елизаветинский дискурс. «В удовлетворении своих прихотей Елизавета, казалось, не знала границ, самодурствуя, как богатая барыня», – констатирует на основании екатерининских записок современный историк Е. В. Анисимов [Анисимов, с. 158]. В центре внимания мемуаров – преимущественно настроения царицы, неожиданные и противоречивые. Красноречивой иллюстрацией является эпизод на охоте, когда на глазах великого князя и великой княгини императрица гневно распекает провинившегося, по ее мнению, егеря (РТ-СРЗ, с. 285–286). Сильный гнев из-за пустяка, недостойное для высокого сана поведение, придирки, наконец, комический финал сцены – все это должно подчеркнуть для читателя непредсказуемость поступков Елизаветы, в то время как героиня мемуаров, вынося даже из этой мелочной ситуации очередной жизненный урок, обретает способность учитывать собственную оплошность.

Все эти эпизоды должны были показать дурные последствия неограниченной власти, находящейся в руках непросвещенного монарха. Из всесильного и действенного инструмента власть превращается в самоволие, «самовластие». В понятиях конца XVIII – XIX в. самовластие было синонимом тирании и деспотизма. Эпизоды с самодурствующей Елизаветой, поддающейся своим импульсивным настроениям по мелочным поводам, не только не умеющей, но и даже не стремящейся подавить свои страсти, несмотря на весь их «бытовизм», имеют прямое отношение к проблеме отношений монарха и закона. «Непременные фундаментальные государственные законы, и власть, и фрондирующая элита, следуя за догматами века Просвещения, наделяли особой силой, способной установить разумный порядок и привести к всеобщему благоденствию. Но если престол видел в них залог устойчивости самодержавного правления, то оппозиционно настроенная аристократия – определенную страховку от самовластия... В общественно-политической лексике XVIII века понятия *самовластие* и *самодержавие* имели разное, иногда даже противоположное значение. *Самовластие* отождествлялось с *беззаконием*, *деспотизмом* и очень часто с *фаворитизмом*, ненавистным для правящей элиты и дворянской родовой аристократии», – отмечает

Е. Н. Марасинова [Марасинова, с. 371–372] (курсив автора. – А. В.). Бытовые проявления несоблюдения права подданных на выражение своей индивидуальности, неспособность отсеять пустячные провинности и даже nepозволительное рукоприкладство – доказательство компрометированности предшественницы как «русской Астреи», гаранта законности и справедливости. Вот что пишет Екатерина II по поводу ссылки Лестока, одного из приближенных Елизаветы, попавшего в опалу несмотря на то, что его вина не была доказана:

...На ухо друг другу сообщали даже, что, несмотря на все розыски, ничего против него найдено не было; тем не менее, его сослали, и все имущество его было конфисковано. Императрица не имела достаточно мужества, чтобы оправдать невинного; она боялась бы мести со стороны подобного лица, и вот почему с ее воцарения, виновный или невинный, никто не вышел из крепости, не будучи по крайней мере осланным (РТ-Ч, с. 141).

В поздней редакции острые обвинения в адрес Елизаветы Петровны уже отсутствуют, а о деле Лестока рассказано лаконично и бесстрастно, хотя некоторые подробности обвинения остаются:

...Граф Лесток, будучи заключен в крепость, в течение первых одиннадцати дней своего заключения хотел уморить себя голодом, но его заставили принять пищу. Его обвиняли в том, что он взял десять тысяч рублей от прусского короля, чтобы поддерживать его интересы, и в том, что он отравил некоего Этингера, который мог свидетельствовать против него. Его пытали, после чего сослали в Сибирь (РТ-СРЗ, с. 275).

В «Собственноручных записках» такие колоритные эпизоды, запечатлевшие незаурядную натуру Елизаветы Петровны и отдающие сплетней, уже отсутствуют, может быть, к великому неудовольствию читателей. Однако осмеяние самодурства дочери Петра, перенявшей у отца и своих предшественниц «варварскую» идею безграничного своеволия правителя, не совсем укладывалось в задачи мемуаристики. Искушение свести счеты за пережитые горести и обиды, осмеяв выходки предшественницы, уступило философскому осмыслению ее поведения – человеческого и царствующей особы. Слишком большое количество подобных эпизодов о «непросвещенном» поведении предшественницы ставило под вопрос преемственность, на которую Северная Минерва ставила акцент в своем правлении и о которой не преминула напоминать даже в поздний период своего царствования. Это было особенно важно в начале 90-х годов XVIII в., когда на фоне событий во Франции легитимность власти не должна была подвергаться сомнениям.

Характерным лейтмотивом во всех вариантах автобиографии, особенно сильно проявившимся в поздней редакции, стала неупорядоченность дня Елизаветы Петровны. Сравним самую раннюю «брюсовскую» и другие редакции:

Мы очень мало видели императрицу, хотя каждый вечер около шести часов мы отправлялись так же, как в Москве, в галерею ее покоев; но, кроме воскресений и праздников, она не выходила из своих внутренних апартаментов и большею частью спала в эти часы, или считалось, что спит; ночь она проводила без сна с теми, кто был допущен в ее интимный круг, она ужинала иногда в два часа пополуночи, ложилась после восхода солнца, обедала около пяти или шести вечера и отдыхала после обеда час или два, между тем как нас с великим князем заставляли вести самый правильный образ жизни: мы обедали ровно в полдень и ужинали в восемь часов, и все было кончено в десять (РТ-Б, с. 66).

...Императрица... меняла постоянно внутреннее расположение всего дворца (кстати сказать, она не выходила никогда из своих покоев на прогулку или в спектакль без того, чтобы в них не произвести какой-нибудь перемены, хотя бы только перенести ее кровать с одного места на другое или из одной комнаты в другую, ибо она редко спала два дня на том же месте; или же снимали перегородку либо ставили новую; двери точно так же постоянно меняли места... (РТ-Ч, с. 144–145).

...Кроме того, так как у императрицы не было никакого определенно-го часа ни для еды, ни для отдыха, то все мы были измучены, как господа, так и слуги (РТ-СРЗ, с. 250).

Несмотря на заметную редукцию, описание подобных привычек Елизаветы Петровны фигурирует во всех редакциях текста. Эта важная концептуальная деталь необходима для противопоставления рационального стиля жизни Екатерины «азиатскому», «варварскому» стилю ее предшественницы. Эти подробности были не только следствием личной неприязни, а важнейшим компонентом образа государя и даже страны [Элиас; Johnson].

Неупорядоченность жизни дочери Петра, постоянно упоминающаяся в автобиографии, была связана также с другой проблемой поведения «просвещенного монарха», которую Екатерина II ставит на примере предшественницы. Мемуаристка рассказывает о таком недостатке в стиле правления Елизаветы, как ее непоследовательность в ежедневных обязанностях по управлению государством. Надо отметить, что воспоминания Екатерины не только находят параллели, но порой почти буквально совпадают с отчаянными донесениями иностранных послов при елизаветинском дворе своим правительствам [Финкенштейн; Фавье].

Часто упоминаются отказ Елизаветы заниматься государственными делами в последние годы ее жизни, медлительность и хаотичность в управлении страной. Это сочетается с редким участием императрицы в заседаниях «конференции» с канцлером и министрами и с практической невозможностью подготовить к власти своего преемника,

несмотря на ее принципиальное беспокойство по этому вопросу. Особенно шокирующими являются случаи не прочитанных до конца документов, касавшихся важнейших событий в жизни государства. Отказ Елизаветы вникнуть в суть державных бумаг и разобраться в них, даже когда речь идет о действительных или мнимых заговорах против ее власти, поразителен. В «черкасовской» редакции Екатерина II рассказывает об исходе дела Батурина:

Несколько лет спустя после моего восшествия на престол это дело попало мне в руки; я его нашла среди бумаг императрицы Елисаветы; оно было ей передано для того, чтобы Ее Величество постановила о нем свое решение. Оно было очень объемисто, и вследствие этого до своей смерти императрица не имела о нем правильного представления; она, наверно, его не прочла. Дело это было, может быть, одним из самых серьезных в ее царствование, хотя оно было затеяно безрассудно и неосторожно, и, говоря без обиняков, это был заговор по всей форме; Батурин убедил сотню солдат своего полка присягнуть великому князю; он уверял, что получил на охоте согласие этого князя на возведение его на престол. <...> Граф Александр Шувалов велел заключить Батурина в Шлиссельбургскую крепость в ожидании решения императрицы, которого, однако... не последовало; отсюда я его сослала в 1770 г. в Камчатку за глупости, которые он писал и хотел распространять при помощи карауливших его солдат... (РТ-Ч, с. 170–171).

Подобным образом развивалась политическая интрига вокруг дела бывшего канцлера Бестужева, которого беспечность императрицы Елизаветы, вполне вероятно, спасла от более тяжелой участи:

Говорили, что он [Бестужев] писал только то, что хотел, и вещи, противоречащие приказаниям и воле императрицы. Но так как Ее Императорское Величество ничего не писала и не подписывала, то трудно было поступать против ее приказаний; что же касается устных повелений, то Ее Императорское Величество совсем не была в состоянии давать их великому канцлеру, который годами не имел случая ее видеть; а устные повеления через третье лицо, строго говоря, могли быть плохо поняты и подвергнуться тому, что их так же плохо передадут, как плохо примут и поймут. Но из всего этого ничего не вышло... потому что... никто из чиновников не дал себе труда просмотреть свой архив за двадцать лет и переписать его, чтобы выискать преступления того, инструкциям и указаниям коего эти самые чиновники следовали и таким образом могли оказаться замешанными, при всем их усердии, в том, что могли бы найти в них предосудительного (РТ-СРЗ, с. 436–437).

В поздней редакции обвинения в адрес предшественницы большей частью сняты. Мемуаристка предпочитает не вдаваться в подробности или же использует якобы сказанные другими правдивые суждения,

даже не относя их напрямую к Елизавете. Таков случай со смелым ответом великому князю голштинского министра Пехлина, заявившего, что «от государя зависит, вмешиваться или не вмешиваться в дела его страны; если он не вмешивается, страна управляется сама собою, но управляется плохо» (РТ-СРЗ, с. 302). Екатерина больше не комментирует отношение предшественницы к вышеназванным важным делам, даже отрицает свое знакомство с батуриным делом:

Что же касается Асафа Батурина, то его нашли очень виновным. Я не читала и не видела этого дела; но узнала с тех пор, что он замыслил ни более ни менее, как убить императрицу, поджечь дворец и этим ужасным способом благодаря сумятице возвести великого князя на престол. Он был осужден после пытки к заключению на всю жизнь в Шлиссельбурге и во время моего царствования за то, что сделал попытку бежать из тюрьмы, был сослан в Камчатку, откуда убежал с Бениовским и был убит в пути во время грабежа на острове Формозе в Тихом океане (РТ-СРЗ, с. 291–292).

История ареста Бестужева и нежелание или невозможность Елизаветы разобраться в его сложном деле в последней редакции автобиографии изложены безлично, хотя и ею и подчеркнут безраздельный патриотизм опального канцлера («Граф Бестужев думал как патриот, и им нелегко было вертеть» – РТ-СРЗ, с. 429). Бестужев представлен как невинная жертва интриги иностранных послов, воспользовавшихся услугами продажных вельмож Михаила Воронцова и Ивана Шувалова, сумевших, в свою очередь, манипулировать государыней (РТ-СРЗ, с. 429–430).

Осторожность мемуаристки в поздней редакции заставляет ее больше не упрекать предшественницу в нехватке мужества, чтобы оправдать невинного. О порочной практике управления государством в последние годы царствования Елизаветы она предпочитает открыто не говорить, затушевывая личную ответственность сиятельной тетушки, предпочитая перевести в бытовой план и тем самым сильно смягчить эту негативную черту предшественницы, довольствуясь лишь краткими упоминаниями, граничащими с намеками. Повествовательница отмечает, например, что ждала первого своего решительного объяснения с Елизаветой Петровной восемь месяцев (РТ-СРЗ, с. 408), а второй разговор, обещанный императрицей, также состоялся после длительного ожидания и лишь после ее демонстративного отказа отмечать торжественно день своего «несчастливого рождения» (РТ-СРЗ, с. 459). Непоследовательность в государственных делах все чаще предстает как следствие тяжелой болезни, что невольно наводит на параллель с рациональным порядком в практике государственного правления самой Екатерины II.

Немаловажными для концепции представляются многочисленные эпизоды, рассказывающие о суеверии и глубокой религиозности

Елизаветы Петровны. Борьба с суевериями была одной из главных битв, которую вели философы Просвещения. Бейль, Вольтер, энциклопедисты отдали этой задаче лучшие годы своей жизни, свято веря в силу науки и знаний. Они видели в коронованных особах своего главного союзника в этой неравной и сложной борьбе. Правление Екатерины II было символом религиозной толерантности и мирного сожительства народов разных вероисповеданий на территории громадной империи. Особую роль в пропаганде этого аспекта внутренней политики императрицы сыграло ее знаменитое путешествие по Волге, во время которого она встречалась с представителями всех народностей и всех вероисповеданий, проживавших в этнически пестром и мультиконфессиональном районе Поволжья [Ибнеева, 2006; Ибнеева, 2009]. Следует вспомнить, что во время путешествия Екатерина и ее придворные перевели роман «Велизарий» Мармонтеля, осужденного богословами Сорбонны за проповедь толерантности.

Екатерина II как «глава греческой церкви» подает пример рационального отношения к религии. Русская государыня соблюдала, не впадая в крайности, религиозные ритуалы. Ей, бесспорно, импонировало рациональное отношение Петра Великого к религии и суевериям. Поэтому описание в автобиографии исключительной набожности и суеверности Елизаветы Петровны, во время правления которой наступили подчеркнутый «либерализм» [Живов, с. 346] и ослабление заданных ее отцом строгих норм религиозной политики, производит впечатление чего-то отсталого. Естественно, что значение любопытных эпизодов «черкасовской» редакции и «Собственноручных записок» на эту тему выходит далеко за этнографические рамки.

Многочисленные эпизоды мемуарного текста описывают как чрезмерную набожность Елизаветы, так и ее суеверность. В ранней редакции речь идет о посещении Киева и Киево-Печерской лавры вскоре после приезда невесты великого князя в Россию, когда «все дни уходили на посещение церквей и монастырей» (РТ-Б, с. 54). В «черкасовской» редакции это рассказ о поклонении императрицы в Троице-Сергиевой лавре, куда она отправляется пешком. Это богомолье становится мучением для всего двора, «так как она не делала более пяти верст в день, и часто по несколько дней проходило без того, чтобы она отправилась в путь, это путешествие продолжалось более месяца» (РТ-Ч, с. 156). Тем не менее, противоречивость, неуравновешенность, «неправильность» характера Елизаветы проявляются даже в ее набожности. Она, к возмущению глубоко верующей Владиславовой, пошла в баню («нечистое» место, связывающееся в русском культурном сознании с магией и властью нечистой силы) между заутреней и обедней в такой большой праздник как Благовещение (Там же, с. 153). Даже в храме поведение набожной Елизаветы небезупречно: «во время богослужения она обыкновенно подолгу не стояла на одном и том же месте, а переходила по церкви с одного места на другое» (Там же, с. 187).

В «черкасовской» редакции изобилуют эпизоды, повествующие о суеверности Елизаветы. Суеверие может даже лишить милосердную Елизавету человеческого сочувствия к верному слуге и члену семьи, каким был Чоглоков, умерший в нечеловеческих муках. Дочь Петра «приказала, по своему обыкновению, перевезти больного в его собственный дом, чтоб он не умер при дворе, потому что она боялась покойников» (РТ-СРЗ, с. 355). Эта жестокость контрастирует с реакцией самой мемуаристки, которая была «поистине огорчена и очень плакала», проникнувшись сочувствием к бывшему врагу (Там же). Один из наиболее известных эпизодов екатерининских записок, доказывающий суеверность Елизаветы, – обвинение против одной из любимых придворных Анны Домашневой (эпизод с пучком волос) (Там же, с. 361–362). Он интересен в связи с тем, что в поздней редакции Екатерина II почти не осуждает религиозность предшественницы и лишь мимоулетно упоминает о соблюдении ею определенных практик (поста, говения), а также о посещении ею богослужений, делая их фоном серьезных событий, в основном в связи со слабым здоровьем Елизаветы (например, эпизод с обмороком на публике) (Там же, с. 420). Также из текста старательно удалены предыдущие упоминания о суевериях Елизаветы, за исключением вышеприведенного случая. Эпизод с Домашневой играет очень важную роль для понимания посланий автобиографического текста, тем более, что он остался практически единственным из всех подобных, ранее включавшихся мемуаристкой в автобиографию. В нем Екатерина II демонстрирует фактическое отступление предшественницы от заветов ее великого отца, начавшего упорную и последовательную борьбу с суевериями и всесилием церкви [Живов; Райан; Лавров].

Вместо того, чтобы рационально разобраться в шитой белыми нитками придворной интриге, Елизавета поддается суеверному страху, принося в жертву свою приближенную. Иррациональное поведение государыни влечет за собой несчастье и разрушение всей семьи, становится причиной смерти мужа придворной, выбравшего добровольный уход перед пытками и жестоким наказанием. В очередной раз Екатерина демонстрирует последствия непросвещенности и слабости Елизаветы, не посмеявшейся оправдать невинного и ставшей легкой жертвой недоброжелателей. Елизавета Петровна показана как непоследовательная наследница своего великого отца, тогда как мемуаристка, в силу своей просвещенности и реальных политических шагов, предпринятых на протяжении ее правления, претендует быть настоящей продолжательницей дела Петра Великого. Ее толерантная религиозная политика, распространение просвещения, проповедь верховенства закона, уничтожение тайного политического сыска и минимальное применение пыток и телесных наказаний рассматривались Северной Минервой не только как продолжение дела великого Петра, но даже как успехи, намного превосходящие его свершения.

Подозрительность Елизаветы Петровны, страх за свою власть, боязнь того, чтобы не испытать ту же участь, что и сверженная ею Анна

Леопольдовна, грозят превратиться в тиранию. Екатерина II убедительно показывает это как на примере собственного житейского опыта, так и на множестве бытовых эпизодов. Самодурство царственной тетки проявляется в отношении к личной жизни подданных, которой она распоряжается беспрекословно, следуя прихоти и не считаясь с последствиями. Красноречивым является эпизод с насильным замужеством сестры Льва Нарышкина, в которой Елизавета видит возможную соперницу в борьбе за сердце фаворита Шувалова (РТ–СРЗ, с. 320). Как и в случае с Петром Федоровичем, мемуаристку занимает проблема превращения государя в тирана, даже когда он в принципе, как Елизавета Петровна, человеколюбив и милосерден. Владение собой, умение проигрывать – залог справедливости и добродетельности монарха. Самые печальные последствия – влияние на поведение зависимых людей, искажение их понятий о месте в обществе, примирение с самовластием государя, которое некоторые склонны считать безграничным. Все это парализирует не только волю, но и способность людей мыслить самостоятельно и трезво.

В выведенном ряду сопоставлений личного и государственного характера мемуаристка ставила вопрос как о преемственности в области положительных практик, так и об отказе от отрицательных сторон характера предшественницы. В более отдаленной перспективе и в контексте философской дискуссии о памяти и бессмертии, которую Екатерина II вела с энциклопедистами, соотнесение с «Петровой дочерью» означало также соотнесение с Петром Великим, воплощением идеи об «идеальном» монархе в русской культуре XVIII в. Описание отношения Екатерины II к Петру I было ориентировано на взгляды европейских просветителей с целью утверждения ее образа как в умах современников, так и в представлениях потомства. Здравый смысл диктовал императрице необходимость считаться со сформировавшимся петровским мифом в национальной традиции. Только опираясь на сакральность императора Петра Великого, она могла выгодно оттенить собственные успехи и легитимировать свое пребывание на троне. Автобиография императрицы является своего рода литературной аналогией знаменитой надписи на «Медном всаднике», которая лапидарно выражала сокровенную идею Екатерины о духовной и идеологической прямой связи с великим реформатором. Надпись напоминала современникам и потомкам о том, что императрица была «дочерью Асканиевой»⁵ (Вольтер), обретшей новую родину на востоке континента, и своей мудрой политикой не только усовершенствовала достигнутое Петром Великим, но также объединяла надежды и усилия европейских мыслителей, направленные на достижение идеального государственного порядка во главе с «просвещенным монархом».

⁵ Аскании (*нем.* Askanier) – княжеский род в Германии. Название происходит от латинизированной формы их владения в Ашерслебене (*лат.* Aschania). От ветви Ангальт-Цербст (1603–1793) происходил род Софии Августы Фридерики (1729–1796), которая была выдана замуж за наследника русского императорского престола, а в 1762 г. под именем Екатерина II стала императрицей Российской империи (прим. ред.).

Такой же многослойностью и сложностью семантики, как творение Фальконе, отличается автобиография государыни, в различных вариантах которой вырабатывалась концепция собственного образа как успешного примера просвещенного монарха. Екатерина адресовала свои записки сыну и внукам, сочетая политическое завещание с поучением, следуя своему любимцу последних лет жизни киевскому князю Владимиру Мономаху. Как и памятник Петру I, автобиография императрицы предназначалась не только и не столько современникам и ближайшим наследникам, сколь потомству, на справедливость оценки которого она рассчитывала. Особенно актуально это стало для нее на склоне лет после тридцатилетнего царствования. В начале 90-х гг. XVIII в. стареющая государыня пережила «интеллектуальный прорыв» в связи с событиями Французской революции [Гриффитс, с. 133]. Исследователи комментируют своеобразное одиночество императрицы, потерявшей, за исключением Гримма, своих партнеров в философском диалоге, а также плеяду ближайших людей из своего окружения, в том числе обоих адресатов ранних вариантов автобиографии – графиню Брюс и барона Черкасова [Мадариага, с. 569–570; Крючкова, с. 312]. Вероятно, в эпоху личного и исторического кризиса Екатерина снова взялась за перо, чтобы не только рассказать о своей жизни в духе светской беседы, но и создать на основе прожитого философский трактат о государе. Лаконичную надпись на памятнике Петру Великому, который оказался также памятником ей самой [Илчева, с. 180], она постаралась дополнить своей автобиографией, доказывая, что она единственная достойная преемница Петра Великого, развившая и упрочившая завещанную им страну. Прямые наследники легендарного реформатора под ее пером оказываются либо недостойными своего предка (Петр III), либо не до конца последовательными его продолжателями (Елизавета Петровна). В этом парадоксе в своеобразной форме сохранялась верность основной идее Петровской эпохи, требовавшей оценки личности по ее заслугам перед обществом.

Императрица писала свою автобиографию с оглядкой на потомство, однако она не могла вполне абстрагироваться от актуальных проблем и дискуссий современности и создавала текст, предназначенный не для отдаленной, а для близкой публикации. Автоцензура была тем средством, которое помогло бы ей избежать лишних сложностей, а также испытанным способом внушить аудитории идею о легитимности и величии своего правления.

Список литературы

Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века : Борьба за наследие Петра. М. : Мысль, 1986. 239 с.

Вачева А. Потомству Екатерина II : Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София : Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2015. 714 с.

Вачева А. Ментор и принцесса : (Образ воспитателя в автобиографии Екатерины II // Реката на времето : сборник в памет на проф. Людмила Боева. София : Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2007. С. 199–207.

Вачева А. «Не судите обо мне как о других женщинах...» : Мемуары Екатерины II и «Письма мисс Фанни Батлер» г-жи Риккобони // Новое лит. обозрение. 2006. № 80. С. 111–130.

Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир : ст. разных лет. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 530 с.

Живов В. М. Дисциплинарная революция и борьба с суевением в России XVIII века: «провалы» и их последствия // Антропология революции. М. : Новое лит. обозрение, 2009. С. 327–360.

Записки императрицы Екатерины Второй [репринт. изд. 1907 г.]. М. : Орбита, 1989. 748 с.

Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. Казань : Казан. гос. ун-т, 2006. 252 с.

Ибнеева Г. В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М. : Памятники ист. мысли, 2009. 468 с.

Илчева Р. Лапидарность российского XVIII века (к разгадке одной надписи) // Реката на времето : сборник в памет на проф. Людмила Боева. София : Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2007. С. 174–182.

Крючкова М. А. Мемуары Екатерины II и их время. М. : Летний сад, 2009. 461 с.

Лауров А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М. : Древлехранилище, 2000. 574 с.

Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М. : Новое лит. обозрение, 2002. 976 с.

Марасинова Е. Н. «Непременные государственные законы» в России второй половины XVIII в. (Опыт Begriffsgeschichte) // Russian Literature. Vol. 75. 2014. P. 363–389.

Проскурина В. Мифы империи : Литература и власть в эпоху Екатерины II. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 323 с.

Райан В. Баня в полночь : Исторический обзор магии и гаданий в России. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 718 с.

Уортман Р. С. Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2002. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. 607 с.

Фавье Ж.-Л. Русский двор в 1761 году // Екатерина II : Путь к власти. М. : Фонд С. Дубова, 2003. С. 193–206.

Финкентштейн К.-В. фон. Общий отчет о русском дворе // Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу : Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. 1740–1750. М. : ОГИ, 2000. С. 289–326.

Элиас Н. Придворное общество : Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М. : Языки славян. культуры, 2002. 367 с.

Baehr St. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia : Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford : Stanford Univ. Press, 1991. 308 p.

Johnson N. R. Louis XIV and the Age of Enlightenment: the Myth of the Sun King from 1715 to 1789. Oxford : Voltaire Foundation, 1978 (SVEC CLXXII). 350 p.

References

Anisimov, E. V. (1986). *Rossiya v seredine XVIII veka. Bor'ba za nasledie Petra* [Russia in the Russia in the middle of the XVIII century. The struggle for the heritage of Peter the Great]. 239 p. Moscow, Mysl'.

Baehr, St. L. (1991). *The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*. 308 p. Stanford, Stanford Univ. Press.

Ekaterina II (1989). *Zapiski imperatritsy Ekateriny Vtoroy. Reprintnoye vosproizvedeniye izdaniya 1907 goda* [Memoirs of Empress Catherine II. Reprint of the Edition of 1907]. 748 p. Moscow, Orbita.

Elias, N. (2002). *Pridvornoye obshchestvo. Issledovaniya po sotsiologii korolya i pridvornoy aristokratii* [The Court Society. Essays on Royal Sociology and Court Aristocracy]. 367 p. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury.

Favier, J.-L. (2003). *Russkiy dvor v 1761 godu* [Russian court in 1761]. In *Ekaterina II. Put' k vlasti*. Moscow, Fond S. Dubova, pp. 193–206.

Finckenstein, K.-W. von (2000) *Obshchiiy otchet o russkom dvore* [General Report on the Russian Court]. In Liechtenhan, F. D. *Rossia vkhodit v Evropu. Imperatritsa Elizaveta Petrovna i vojna za Avstriyskoye nasledstvo. 1740–1750*. Moscow, OGI, pp. 289–326.

Griffiths, D. (2013). *Ekaterina II i eye mir: stat'i raznykh let* [Catherine II and Her World: Articles from Different Years]. 530 p. Moscow, Novoye Literaturnoye obozreniye.

Ibneyeva, G. V. (2006). *Puteshestviya Ekateriny II: opyt «osvoyeniya» imperskogo prostranstva* [The Journeys of Catherine II: The Experience of the ‘appropriation’ of Imperial Space]. 252 p. Kazan, Kazanskiy GU.

Ibneyeva, G. V. (2009). *Imperskaya politika Ekateriny II v zerkale ventsenosnykh puteshestviy* [The Imperial Policies of Catherine II in the Mirror of Crowned Travels]. 468 p. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli.

Ilcheva, R. (2007). Lapidarnost rossiyskogo XVIII veka (k razgadke odnoy nadpisi) [The Lapidarity of the Russian 18th Century (to the Solution of an Inscription)]. In Vacheva, A., Chekova, I (Ed.). *Rekata na vremeto. Sbornik v pamet na prof. Lyudmila Boyeva*. Sofia, Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Okhridski”, pp. 174–182.

Johnson, N. R. (1978). *Louis XIV and the Age of Enlightenment: the Myth of the Sun King from 1715 to 1789*. 350 p. Oxford, Voltaire Foundation, 1978 (Studies on Voltaire and Eighteenth Century CLXXII).

Kryuchkova, M. A. (2009). *Memuary Ekateriny II i ih vremena* [Memoirs of Catherine II and Their Time]. 461 p. Moscow, Letniy sad.

Lavrov, A. S. (2000). *Koldovstvo i religiya v Rossii 1700–1740 gg.* [Witchcraft and Religion in Russia, 1700–1740 gg.]. 574 p. Moscow, Drevlekhranilishche.

Madariaga, I. de. (2002). *Rossiya v epohu Ekateriny Velikoi* [Russia in the Age of Catherine the Great]. 976 p. Moscow, Novoye Literaturnoye obozreniye.

Marasinova, E. N. (2014). “*Nepremennyye gosudarstvennyye zakony*” v Rossii vtoroy poloviny XVIII v. (*Opyt Begriffsgeschichte*) [The Indispensable State Laws in Russia in the Second Half of the 18th Century (The Experience of the Begriffsgeschichte)]. In *Russian Literature LXXV*, pp. 363–389.

Proskurina, V. (2006). *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The Myths of the Empire. Literature and Power in the Age of Catherine II]. 323 p. Moscow, Novoye Literaturnoye obozreniye.

Ryan, W. (2006). *Banya v polnoch'. Istoricheskiy obzor magii i gadaniy v Rossii* [Going to the Bathhouse at Midnight: Magic in Russia]. 718 p. Moscow, Novoye Literaturnoye obozreniye.

Vacheva, A. (2015). *Potomstvu Ekaterina II. Idei i narrativnyye strategii v avtobiografii imperatritsy* [From Catherine the Great to Posterity. Ideas and Narrative Strategies in the Empress's Memoirs]. 714 p. Sofia, Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Okhridski”.

Vacheva, A. (2007). Mentor i printsessa. Obraz vospitatelya v avtobiografii Ekateriny II [The Mentor and the Princess (The Image of the tutor in the Autobiography of Catherine II)]. In Vacheva, A., Chekova, I (Ed.). *Rekata na vremeto. Sbornik v pamet na prof. L. Boeva*. Sofia, Universitetsko izdatelstvo “St Kliment Ohridsky”, pp. 199 – 207.

Vatcheva, A. (2006). “*Ne sudite obo mne kak o drugikh zhenshchinakh...*”: Memuary Ekateriny II i “*Pisma miss Fanny Batler*” g-zhi Riccoboni [“*Ne me jugez point sur le commun des femmes...*”/“*Don't judge me as other women...*”: Memoirs of Catherine II and Madame Riccoboni's Novel *Letters of Miss Fanny Butler*]. In *Novoye Literaturnoye obozreniye*, Iss. 80, pp. 111–130.

Wortman, R. (2002). *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii. T. 1. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Death of Nicholas I]. 607 p. Moscow, OGI.

Zhivov, V. M. (2009). Zhivov, V. M. Distsiplinarnaya revolyutsiya i bor'ba s suveyeriyem v Rossii XVIII veka: “*provaly*” i ikh posledstviya [The Disciplinary Revolution and the Struggle against Superstition in Russia of the 18th Century: The ‘Failures’ and Their Consequences]. In *Antropologiya revolyutsii*. Moscow, Novoye Literaturnoye obozreniye, pp. 327–360.

The article was submitted on 07.06.2016

DOI 10.15826/qr.2017.2.236

УДК 821.161.1–311.7+81'255.2

«УЧИЛИЩЕ ЛЮБВИ» ПАНКРАТИЯ СУМАРОКОВА КАК ПРОСТРАНСТВО ВСТРЕЧИ РОССИИ И ЕВРОПЫ*

Наталья Дворцова

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

PANKRATY SUMAROKOV'S *UCHILISHCHE LYUBVI* (*SCHOOL OF LOVE*) AS A MEETING PLACE FOR RUSSIA AND EUROPE

Natalya Dvortsova

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

The author reconstructs the literary and historical context of the first printed Siberian translation, Pankraty Sumarokov's *Uchilishche lyubvi* (*School of Love*) (1789), in order to reveal its place and status in Russian prose of the late 18th century. The article polemicalises against traditional interpretations of the book (V. Pavlov, V. Rak, and others). This article is the first attempt to consider the novel within the framework of contextual and structural-typological analysis against the background of the peculiarities and functions of translated literature. The author shows that both original and translated Russian texts existing in 'the force field' of the European novel (P. Tallemant, S. Richardson, J.-J. Rousseau, J. G. B. Pfeil, L.-S. Mercier) tend to distance themselves from it. This is revealed in a variety of ways, ranging from liberal translations and intertextual re-interpretations to creative polemics and rejection. However, this does not deprive them of characteristic features like the uniformity of genre poetics (the system of motifs, typology of the characters, literary space, and plot structure). The meeting place of European and Russian cultural traditions

---

* Citation: Dvortsova, N. (2017). Pankraty Sumarokov's *Uchilishche lyubvi* (*School of Love*) as a Meeting Place for Russia and Europe. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 453–468. DOI 10.15826/qr.2017.2.236.

Цитирование: Dvortsova N. Pankraty Sumarokov's *Uchilishche lyubvi* (*School of Love*) as a Meeting Place for Russia and Europe // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 453–468. DOI 10.15826/qr.2017.2.236 / Дворцова Н. «Училище любви» Панкратия Сумарокова как пространство встречи России и Европы // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 453–468. DOI 10.15826/qr.2017.2.236.

in *School of Love* is treated on the level of micropoetics: geographic images (England, France, and Spain), the plot of Circe and Odysseus, the biographical context of Sumarokov's creative work, etc. Additionally, *School of Love* is analysed in the context of Sumarokov's poetic works resulting from his reading experience of French literature (La Fontaine, Voltaire). The article characterises *School of Love* as a quaint phenomenon of the Russian literature of the late 18th century: an 'English novel' which is a Russian translation of a French version of a German story. Simultaneously, it is a case study of P. Sumarokov's individual creative strategy as shaped in the *Irtysh, prevrashchayushchisya v Ipkrenu*, with the underlying idea of interaction between the Russian and European traditions, the meeting of 'friend' and 'foe'. The article is based on unique texts of 18th-century Russian literature kept in the Library of the Russian Academy of Science (St Petersburg).

Keywords: P. Sumarokov; translated literature of 18th century; late 18th-century Russian prose; genre poetics.

Реконструируется историко-литературный контекст первой переводной печатной сибирской книги «Училище любви» Панкратия Сумарокова (1789) с целью выявления ее места и статуса в русской прозе конца XVIII в. Статья полемична по отношению к традиционным интерпретациям книги (В. Павлов, В. Рак и др.). Произведение впервые рассматривается на фоне особенностей и функций переводной литературы и «высокой линии развития русского романа» XVIII в. Оригинальные и переводные русские тексты, существуя в силовом поле европейского романа (П. Тальман, С. Ричардсон, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Б. Пфейль, Л.-С. Мерсье), стремятся от него дистанцироваться, что проявляется в различных формах: от вольного перевода, интертекстуального переосмысления до творческой полемики и отталкивания. Это не мешает характерному для них единству жанровой поэтики (система мотивов, типология героев, художественное пространство, композиция сюжета). Встреча европейской и русской культурных традиций в «Училище любви» рассматривается на уровне микропоэтики – географических образов (Англия, Франция, Испания), сюжета Цирцеи и Одиссея, биографического контекста творчества П. Сумарокова и др. Учитываются стихотворные произведения П. Сумарокова, возникшие из его опыта освоения французской литературы (Лафонтен, Вольтер) и свидетельствующие о свободном обращении поэта с источниками. «Училище любви» показано в статье как причудливое явление русской литературы конца XVIII в. – «англинская повесть», представляющая собой русский перевод с французского повести немецкой, и вместе с тем как частный случай творческой стратегии П. Сумарокова, сформировавшейся в журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», в основе которой – идея взаимодействия русской и европейской традиций, встречи «своего» и «чужого». Статья создана на основе уникальных текстов русской литературы XVIII в., хранящихся в Библиотеке Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Ключевые слова: П. Сумароков; переводная литература XVIII в.; русская проза конца XVIII в.; жанровая поэтика.

Историографические заметки

История «Училища любви» Панкратия Сумарокова¹ начинается с Указа Тобольского наместнического правления № 6476 от 5 апреля 1789 г., ставшего первым оттиском сибирского печатного станка [Дмитриев-Мамонов, с. 3]. Указ был разослан во все присутственные места наместничества и извещал о том, что тобольский купец 1-й гильдии и «бумажной фабрики фабрикант» В. Корнильев «своим коштом» завел типографию для печатания книг «на российском диалекте гражданскими литерерами, а впредь стараться будет и на разных иностранных» [Там же]. Кроме того, указ содержал разрешение купцу Корнильеву «выпустить в публику» «переведенную с французского языка английскую повесть под заглавием “Училище любви”». Из этого документа ясно, что первыми читателями книги стали цензоры:

...Оная повесть через сношение от управы благочиния с духовною консисториею и по приказанию его преосвященства присутствующим духовной консистории отцом архимандритом и ректором Геннадием свидетельствована, но никакого в ней до Божества противоречия не оказалось; также и оною управою разсматривана, но ничего же в противность относящегося государственным узаконениям не найдено [Там же].

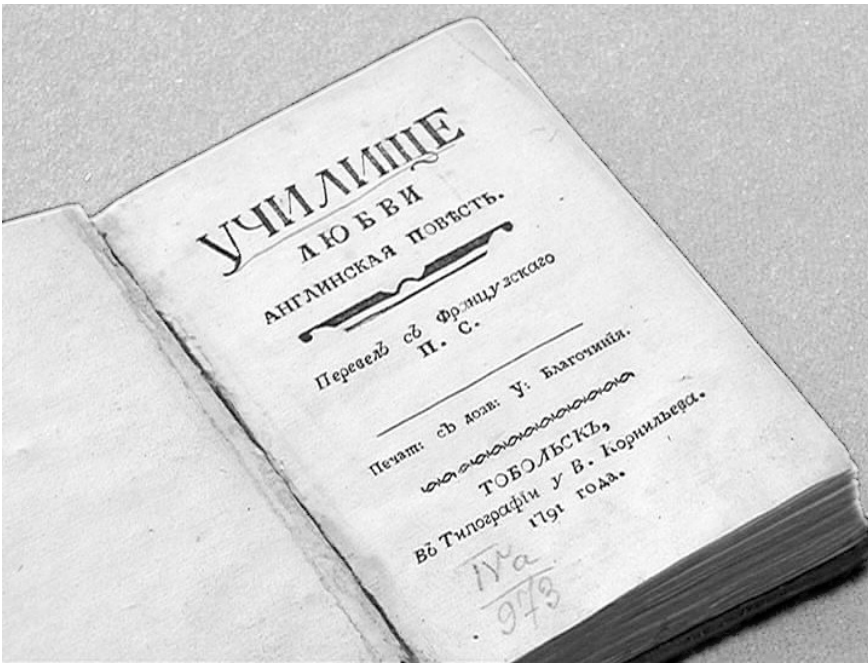
Некоторые расхождения в датировке выхода повести, существующие в истории ее изучения, не выходят за рамки 1791 г. [Мамеев, с. 16; Дмитриев-Мамонов, с. 4–5; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800, т. 6, с. 7, 90; Очерки истории, т. 1, с. 31]. В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800» приводятся сведения о двух изданиях «Училища любви» – 1790 и 1791 г. Эта точка зрения представлена в целом ряде последующих изданий [Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги, т. 1, с. 12]².

Признавая важную роль «Училища любви» в становлении сибирской печатной книги, современные исследователи невысоко оценивают художественные достоинства «англинской повести». Так, В. Павлов, автор «Повести о Панкратии Сумарокове», пишет об «Училище любви»: «Повесть – дитя своего времени. Дитя неудачное, с изъянами. ...Риторика и слезливость, надуманные ситуации, сентиментализм с “обрывками” классицизма, маловыразительный язык хранит

¹ Панкратий Платонович Сумароков (1765–1814) – писатель, основатель сибирской журналистики, внучатый племянник знаменитого русского писателя А. П. Сумарокова. В 1787 г. по обвинению в подделке ассигнаций был сослан на 20 лет в Тобольск, где развернулась его литературная деятельность.

² Вопрос о том, сколько раз и когда издавалось «Училище любви», остается открытым и нуждается в дополнительном изучении. Издание 1791 г., напечатанное на 142 страницах в 8-ю долю листа, известное на сегодняшний день в одном экземпляре, находится в БАН (Санкт-Петербург) и имеет статус библиографической редкости.

Издание повести П. Сумарокова «Училище любви». Титульный лист

Edition of P. Sumarokov's short story *The School of Love*. Front page

в себе эта маленькая в сто сорок две страницы книжица» [Павлов]. Весьма критичен в оценке «редкого сибирского издания» В. Рак, много сделавший для изучения немецкого и французского источников «Училища любви»: «Если книжечка выпускалась, как можно полагать, для того, чтобы приохотить к чтению малообразованных косных сибирских чиновников и купцов, то выбор был сделан удачно: она отвечала неразвитым, примитивным интересам и вкусам, приобщая в то же время к “настоящей” изящной словесности» [Рак, с. 470–471]. В «Истории литературы Урала. Конец XIV – XVIII в.» (автор статьи О. В. Зырянов), к сожалению, почти дословно повторяется оценка, данная В. Раком «Училищу любви»: «Популярность этой повести в провинции может быть объяснена относительной примитивностью сюжета и мелодраматичностью интриги, что роднило ее с произведениями низовой литературы. Однако, делая ставку на неразвитые литературные вкусы и интересы провинциального читателя, Сумароков в то же время приобщал его к настоящей “изящной словесности”» [История литературы Урала, с. 450]. Позиции исследователей объединяют не только негативизм оценок, противоречивость суждений, но и отсутствие аргументов. За два с лишним века существования «Училища любви» в истории русской книги и русской литературы не появилось ее системного, имманентного и контекстного анализа.

С нашей точки зрения, место П. Сумарокова в русской литературе сегодня достаточно однобоко определяется только его художественными открытиями в поэзии – «разработкой крупной жанровой разновидности стихотворной сказки, эпиграмматическим форматворчеством, опытом реформирования одического канона» [История литературы Урала, с. 461]. Сам этот факт вполне объясним тем, что XVIII в. вошел в историю русской литературы как век поэзии, когда проза занимает маргинальное положение, в полном смысле существует «на краю» литературного процесса, что, как отмечает В. Топоров, продлилось до 1790-х гг. «На рубеже 90-х годов XVIII и начала XIX века... русская художественная проза обновилась в самих своих основаниях», – пишет он, отмечая при этом, что точкой отсчета в этом процессе стала «Бедная Лиза» Н. Карамзина [Топоров, с. 42]. «Училище любви» принадлежит времени рубежа 1790-х гг., границы «старой» (XVIII в.) и новой русской прозы.

Литературный контекст

В судьбе П. Сумарокова 1789 г., когда тобольские цензоры читали «Училище любви», был особенным. В этом году ему исполнилось 24 года, два из которых он провел в сибирской ссылке. В этом году он женился на С. Казабе, с которой прожил всю жизнь. В сентябре этого года был напечатан первый выпуск литературного журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (первого в Сибири), редактором и душой которого, по всеобщему признанию, он был.

В этом же году выйдет в свет роман П. Львова «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки», ставший своего рода откликом на появление двумя годами ранее, в 1787 г., русского перевода романа С. Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740). Н. Эмин в 1789 г. опубликует эпистолярный роман «Игра судьбы», обращенный к читателям «Юлии, или Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо (1761), написанного, как известно, под влиянием С. Ричардсона. И только Н. Карамзин, с которым П. Сумароков был знаком со времени службы в лейб-гвардии Преображенском полку (1781–1782), в 1789 г. печатает небольшое прозаическое произведение «Евгений и Юлия» с подзаголовком «Русская истинная повесть». «Англинская повесть» «Училище любви», таким образом, органично вписывается в контекст русской прозы конца XVIII в., существующей в силовом поле западноевропейского романа и вместе с тем стремящейся от него дистанцироваться. С произведениями Н. Эмина, П. Львова и Н. Карамзина, представляющими «высокую линию развития русского романа XVIII в.» [Топоров, с. 42], «Училище любви» объединяет не только и не столько год рождения (1789), сколько так называемый «любовный комплекс» – система мотивов и мотивных ситуаций: «зарождение

любви, ее апогей, угасание любви, расставание, измена, преждевременная смерть, раскаяние и т. п.» [Топоров, с. 39].

Отметим, что если П. Сумарокову в 1789 г. было 24 года, то автору «Российской Памелы» – всего лишь 19, Н. Эмину – 22, Н. Карамзину – 23 года. Все они, в сущности, принадлежат к одному литературному поколению, и их поиски собственной писательской идентичности являются выражением тех процессов, которые характеризуют русскую литературу конца XVIII в. и которые связаны с ролью переводной книги в становлении отечественной литературы, и романа в частности. В фундаментальной «Истории русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век» эта ситуация характеризуется следующим образом: «Переводная литература до самого конца века оказывается неотъемлемой частью отечественной словесности и языковой культуры. Эта литература деятельно участвует в процессе выработки “нового слога”, противоборствуя тенденции к архаизации языка, и одновременно несет новые идеи, созвучные тем, которые волнуют в это время русскую интеллигенцию» [История русской переводной художественной литературы, т. 1, с. 228].

Специфическим признаком культуры XVIII в. в России считал наличие большого количества переводных произведений Д. Лихачев. Для обозначения ситуации, когда «не только тексты, но целые культурные пласты пересаживались на русскую почву и здесь начинали новый цикл развития в условиях новой исторической действительности», он, как известно, ввел особое понятие литературной трансплантации [Лихачев, с. 15–23]. Механизмам изменения культурных функций европейского романа на русской почве посвящена статья Ю. Лотмана [Лотман, с. 168–175].

О значимости переводной книги в XVIII в. свидетельствует, в частности, тот факт, что 1768 г. в России возникло «Общество, старающееся о переводе иностранных книг», за годы существования которого были изданы книги 120 наименований, преимущественно в переводе с французского языка [История книги, с. 168]. В 1773 г. Н. Новиковым было создано «Общество, старающееся о печатании книг», две трети изданных им литературно-художественных произведений были переводными [История русской переводной художественной литературы, т. 1, с. 154], включая Свифта, Гольдони и первый прозаический перевод Гомера [Немировский, с. 539].

Большинство переводов произведений, особенно в журнальных публикациях, были анонимными, а имя (чаще инициалы) переводчика нередко указывалось после посвящения издания важному лицу, имя которого было важнее имени переводчика, что, в частности, мы наблюдаем в случае с «Училищем любви» [Там же, с. 218–219].

Традиция связывать начало литературной деятельности с переводами как своеобразной школой писательского мастерства была широко распространена в XVIII в. Так начинали В. Тредиаковский («Езда в остров Любви», 1730), А. Радищев («Размышления о грече-

ской истории, или О причинах благоденствия и несчастья греков; сочинение г. аббата де Мабли», 1773), Д. Фонвизин (переводы Вольтера, Руссо и др.), Н. Карамзин («Эмилия Галотти» Лессинга). Не менее важную роль сыграли переводы и в творчестве Панкратия Сумарокова.

Важно подчеркнуть, что в прозе XVIII в. «трудно, а порой и невозможно разграничить роман и повесть, повесть и анекдот [История русской переводной художественной литературы, т. 1, с. 229]. Значим также тот факт, что маргинальность положения прозы в литературе XVIII в. никак не отражалась на ее популярности и востребованности у читателя.

Бытование романа века Просвещения, как известно, существенным образом определяется противостоянием и взаимодействием двух культурных мифов: библиофилического, с которым связаны апология книги и чтения, а также феномен «читающего» романного героя, и мифа о романе-развратителе, во многом спровоцированного запретом на печатание романов во Франции в 1730-е гг. и трансплантированного в Россию [Кочеткова, с. 156–189; Приказчикова, с. 74–86; Разумовская, с. 3–37, 125–135]. «Запрет на роман», основанный на обвинении его в аморальности и антиэстетизме как во Франции, так и в России, не мог помешать его развитию. К 1792 г., когда появилась «Бедная Лиза», было опубликовано около 1400 романов, повестей, рассказов [Топоров, с. 40], за последние 40 лет XVIII в. вышло в свет 800 романов [История русской переводной художественной литературы, т. 1, с. 178].

Исследователи не раз отмечали, что на протяжении XVIII в. «роман пользовался у читателей все возрастающим интересом. Чтение романов стало новым способом заполнения досуга». При этом переводной роман «не только открывал окно в мир иной культуры, но и выступал в функции учебника поведения, шире – учебника жизни», что осознавалось самими читателями [Сазонова, с. 130]. Так, Н. Карамзин пишет о роли романов в судьбе Леона, героя повести «Рыцарь нашего времени» (1803):

Леону открылся новый свет в романах; он увидел, как в магическом фонаре, множество разнообразных людей на сцене, множество чудных действий, приключений – игру судьбы, дотоле ему совсем не известную... Перед глазами его беспрестанно поднимался новый занавес: ландшафт за ландшафтом, группа за группой являлись взору. Душа Леонова плавала в книжном свете, как Христофор Колумб на Атлантическом море, для открытия... сокрытого [Карамзин, с. 247].

Л. Сазонова справедливо называет переводной роман XVIII в. *ars amandi* – наукой любви для русского читателя, который впервые, как известно, стал открывать для себя и «науку любви», и «лекарство от любви» благодаря роману В. Тредиаковского «Езда в остров Любви» (1730) [Сазонова, с. 127–139]. 27-летний писатель, возвратившись

на родину из-за границы, издал перевод романа П. Тальмана «Путешествие на остров Любви» («Le voyage a l'île d'Amour»), к которому прилагались его собственные стихи на русском, французском и латыни. В. Третьяковский создал и жанровую модель, и своего рода художественную парадигму отечественной истории любви, основные элементы которой можно представить следующим образом:

- в основе романа – сюжет пути (включающий мотив испытания героя) как путешествие героя к самому себе;
- самоценность темы «сладкая любовь», полнота изображения душевной жизни человека в любви;
- особый любовный локус как своего рода иное пространство; любовная топография, карта любви;
- акцентирование хронотопа природы в руссоистском ключе, антитеза города и природы (усады, деревни и т. п.);
- новые языковые стратегии, связанные с поиском «самого простого русского слова» (В. Третьяковский) для изображения любовного чувства;
- трансплантация на русскую почву мифологических и историко-культурных тем, образов, смыслов европейской литературы;
- роман как учебник жизни;
- многообразие форм и способов различения нарративных стратегий автора текста и автора-переводчика [Алпатов, с. 189–207].

«Училище любви», как установлено В. Раком, является переводом повести немецкого писателя И. Г. Б. Пфейля «Торжество добродетельной любви» («Der Triumph der tugendhaften Liebe»), дошедшей до Тобольска благодаря переводу с французского повести Л.-С. Мерсье «Школа любовников» («L'école des amants») [Рак, с. 415–472]³. В этом контексте обращение П. Сумарокова к роману (повести?) Пфейля/Мерсье является свидетельством того, что за два года сибирской ссылки ему не изменило чутье переводчика, редактора, издателя.

«Училище любви» – не первое, но не единственное переводное произведение П. Сумарокова. Так, стихотворение «Плач и смех» (1788) является вольным переводом первых двух строф сатиры Вольтера «Смеющийся и плачущий Жан» («Jean, qui pleure et qui rit»). Сюжет поэмы «Лишенный зрения Купидон» (1791) заимствован из басни Лафонтена «L'amour et la folie» [Поэты 1790–1810-х годов]. В обоих произведениях есть автобиографические мотивы, связанные с условиями жизни П. Сумарокова в Сибири. Свобода обращения

³ Переводы обоих авторов были хорошо известны в России XVIII в. Н. И. Новиков дважды (в 1773 и 1779 г.) издавал роман Пфейля «Положения дикого американца», были известны переводы еще двух его произведений: «Ацем, или Мечтающий о благополучии человек» и «Осман, или Гонимая добродетель» [История русской переводной художественной литературы, т. 1, с. 196–197]. Хорошо были известны в России XVIII в. сочинения Л.-С. Мерсье «Философ, живущий у хлебного рынка» (перевод И. И. Дмитриева), «Картины Парижа» и утопический роман «Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, которого, возможно, и не было», считавшиеся образцами сатирических жанров [Там же, с. 239].

с источником характерна для него и в «Училище любви», где автор-переводчик пишет, например, комментируя поступок главной героини Фанни: «Назвав повесть сию Училище любви, я не предпринимаю попытку оправдывать сей, может быть, слишком неосторожный поступок Фанни...» [Училище любви, с. 67].

«Училище любви» и «высокая линия» развития русского романа

В предисловии к «Российской Памеле» П. Львов пишет о своей героине:

Я для того ее назвал Российской Памелою, что есть и у нас столь нежные сердца, высокие души в низком состоянии и благородная чувствительность, есть Памелы, новые Элоизы и им подобные, как в Англии, во Франции, Германии и прочих государствах [Львов, предисл.].

«Российская Памела», по сути, повторяет основные сюжетные мотивы и образы своего английского источника. Главный герой дворянин Виктор («хорош, богат, нежная душа»), который под влиянием своего «губительного друга» Плуталова «совсем переменяется и походил на совершенное исчадие природы», заблудился во время охоты и набрел на «обветшалую хижину» (!), где и встретил Марию, крестьянку, которая «была подобна небесному существу, низшедшему на землю» [Там же, ч. 1, с. 4, 5, 12]. Сюжет основан на бесконечных метаниях Виктора (и Плуталова) между добродетелью и испорченностью, которые, безусловно, завершаются победой добродетели. На этом пути Виктор проходит через испытание многочисленными кознями Плуталова и собственной матери, болезнью «без надежды» на жизнь и на ответное чувство Марии, браком с крестьянкой, разлукой с женой и сыном, разворотом, разорением, раскаянием и возвращением на путь добродетели.

Помимо героев, плутающих между добром и злом (коннотативные смыслы фамилии Плуталов определяют сюжет пути героев), в романе есть персонажи, твердо стоящие на пути добродетели: Мария, Честон, Филилл (он же Филипп), Милон. Их жизнь – деятельная помощь и служение ближнему: героини П. Львова активны и в зле, и в добре. С добродетельными героями в романе связана тема апологии дружбы и чтения. Благодаря им автор имеет возможность заявить: «Россия полна чувствительными сердцами, добродетельными и высокими душами» [Там же, ч. 2, с. 98]. Центральной фигурой в ряду добродетельных героев является отец Марии Филипп, «чувствительный поселянин», мудрец, философ, деревенский Сократ, которому автор доверил следующую сентенцию: «чтение для понятливого есть второе

воспитание» [Львов, ч. 1, с. 13, 21, 30]. Своего рода знаком эпохи Просвещения в романе является, помимо мотива чтения книг, некоторое недоверие героев и автора к чувству любви с его непредсказуемостью и абсолютная апология дружества.

Старайтесь быть более друзьями, нежели любовниками, первые суть тверже, а последние переменчивы... Любовь имеет одно лишь стремление к насыщению, а дружба – к тысяче приятств,

– учит деревенский Сократ Виктора и Марию [Там же, с. 142, 144]. Панегириком дружбе звучат следующие его слова:

Дружество... такое дерево, которое хотя не скоро растет, но чем стареется, тем становится тверже, плодовитее, и тень его для жизни усладительнее и прохладнее. Оно такой цвет, в коем хотя и не блещут розы, но краска не линяет никогда [Там же, с. 143].

В романе Н. Эмина «Игра судьбы» образцами поведения для главного героя Всемила являются Тирсис («Езда в остров Любви») и Сен-Пре («Новая Элоиза»). Действие происходит на фоне «простосердечной сельской природы» и деревенской жизни, противопоставленной жизни городской [Эмин, с. 60]. Мотив любви незаконной, запретной связан не с социальным неравенством героев, а с тем, что «сиятельнаяшшая поселянка» Пленира замужем.

В роли «истинного философа» выступает в романе граф Слабосил, который как настоящий мудрец различает любовь и дружество и предлагает Всемилу жениться на Пленире после его смерти, заявляя ему: «Будь супруг сердца супруги моей, будь друг ее супруга, будь сын Слабосила» [Там же, с. 165, 170]. Вместе с тем в «Игре судьбы», в отличие от «Российской Памелы», акцент сделан не на теме апологии дружества, а, вслед за Руссо, на мотиве непостижимой тайны любви. «Любовь есть жизнь и смерть вселенной. Ненавижу и поклоняюсь скипетру ее», – говорит, например, Пленира [Там же, с. 167]. Не случайно, видимо, вторая часть романа не была написана. Автор, очевидно, не видел возможности разрешить противоречия мучительного благополучия Всемила, Пленеры и Слабосила. Финал «Игры судьбы» драматичен и не предполагает счастливой развязки: «О просвещение! Ты развязало дерзкие руки, но заключило в оковы души и сердца» [Там же, с. 175].

Важно подчеркнуть, что в «Игре судьбы» одна из ключевых тем – тема чтения и, в частности, чтения романов, напрямую связанная с темой Просвещения. «Любовных повестей на святой Руси благодаря просвещению довольно. Можно ими протопить круглый год клуб и театр», – не без иронии заявляет Милена, подруга Пленеры [Там же, с. 57]. Апология чтения в романе («Читаю книги, отвергающие мне познание веры, читаю книги, нужные для домоводства... читаю

часто и романы, плачу и не стыжусь... они пища чувствительности... кто сострадает вымышленным бедствиям, тот первый изливает на скорбь ближнего отрады») вполне органично соединяется с призывом «Брось романы свои в печь» [Там же, с. 4, 31].

Принципиальное отличие повести Карамзина «Евгений и Юлия» (1789) от произведений Эмина и Львова, интертекстуально ориентированных на европейские литературные источники, задано уже в подзаголовке «Русская истинная повесть». Ее действие происходит в деревне, куда из Москвы «удалилась» госпожа Л*; хронотоп природы играет в ней важнейшую роль, тема книг и чтения также подана в традиционном ключе: «Евгений подарил Юлии множество нот, множество французских, итальянских, немецких книг» [Карамзин, с. 17]. На этом сходство «печальной повести» Карамзина с произведениями Львова и Эмина заканчивается. Принципиальное ее отличие от них в том, что в центре «русской истинной повести» – не перипетии любовной истории, а тема любви и смерти, мотивы присутствия в мире «непостижимой тайны», благоговения и христианского смирения перед лицом смерти. «Чувствительные» герои Карамзина в своей истории любви оказываются, с одной стороны, во власти «матери-натуры», а с другой – перед лицом «Всемогущего» и постижением того, что дух и «бесчисленные радости вечности» составляют истинное существо человека [Там же, с. 19, 21]. Тема «А счастье было так возможно, / Так близко!», важнейшая в литературе XIX в., в повести Карамзина получает трансцендентное измерение.

«Училище любви», являясь переводным произведением, тем не менее, представляет собой ту же жанровую модель, что и русские оригинальные романы (повести) 1789 г. Действие в «англинской повести» происходит в ситуации противопоставления городской жизни, где человека захватывает вихрь страстей и искушений, и сельской природы, где торжествуют естественные человеческие «чувствования».

В центре «Училища любви» – история трех героев (Фанни, графа Рочельфильда, лорда Дамби), «трех чувствительных сердец» [Училище любви, с. 22]. Сюжет пути графа Рочельфильда (как и отца Фанни) – сюжет испытаний человека, плутающего между добродетелью и заблуждениями, между «любовью беззаконной» и той, которой «покровительствует небо». История графа – история о том, что «сердце человеческое подвержено непостоянству» [Там же, с. 38].

Фанни и лорд Дамби – герои, чья добродетель безупречна, жизнь – благородное служение ближним во имя их спасения. Кроме того, это «философствующие» герои, знающие «истину» и подтверждающие ее реальность на протяжении всей истории. Важной особенностью «Училища любви» является то, что роль мудреца-философа, важнейшая в жанровой модели, здесь принадлежит повествователю (автору-переводчику?): он дает главные комментарии поступкам героев и выносит окончательные суждения. Так, история лорда Дамби, жерт-

вующего своим чувством к Фанни, семейным счастьем и благополучием во имя дружеских чувств к графу Рочельфильду, комментируется следующим образом: «сия блистательная жертва, сия высокая добродетель» [Училище любви, с. 140].

В речи повествователя – важнейшие для «Училища любви» сентенции о «молчании как выразительнейшем языке души», о спокойствии и тишине душевной как абсолютных ценностях жизни. В его речи звучат главные вопросы «англинской повести»:

Но что есть сердце человеческое? Каким именем назвать мечту человеческого блаженства? Кто может истолковать сие непостоянство, часть и удел нашей слабости?

Повествователь формулирует главные итоги повести: «...постоянство торжествует над сердцем заблуждающимся! Оно возвращает его на прямой путь...» Благодаря комментариям повествователя произведение насыщается нравственно-философской проблематикой, в нем последовательно выстраивается ценностная вертикаль, связанная с представлением о том, что небо покровительствует добродетели и защищает ее [Там же, с. 29, 58, 92, 128, 142].

В «Училище любви», в отличие от произведений Эмина, Львова и Карамзина, отсутствует тема книги и чтения. Однако факт этот компенсируется творческим поведением и издательской стратегией П. Сумарокова, выступающего не только в роли переводчика, но и, в содружестве с В. Корнильевым, редактора и создателя первых сибирских печатных книг и журналов⁴.

С ближайшим контекстом «в границах высокой линии развития русского романа XVIII в.» (произведения Н. Эмина, П. Львова, Н. Карамзина 1789 г.) «Училище любви» объединяют тематика и поэтика (композиция сюжета, типология героев, художественное пространство), а также жанровая конструкция и повествовательные стратегии. В сущности, «Училище любви», «Игра судьбы», «Российская Памела», «Евгений и Юлия» – версии единой инвариантной истории любви. В диапазоне различий – разные типы отношений русских текстов с европейскими источниками: от вольного перевода, интертекстуального переосмысления до творческой полемики и отталкивания.

В «Училище любви» как «англинской повести», действие в которой происходит в Англии, Франции и Испании, возникает условный этически окрашенный образ Европы. Каждая из трех европейских стран предстает как условное, но, тем не менее, своеобразное культурное и, что особенно важно, этическое пространство, некий культурно-этический код. Так, главная отрицательная героиня повести

⁴ В. Я. Корнильев (1707–1795) создал первую в Сибири частную типографию, печатавшую художественную и научную литературу, журналы, в том числе первый сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (1789–1791). Его правником был Д. И. Менделеев, праправнучкой – Любовь Менделеева (жена А. Блока).

Леди Сориленд едва ли не большую часть жизни проводит во Франции, «роскошной стране, где порок столь спокойно торжествует» [Там же, с. 40]. Испания изображена как страна, где царит добродетель, а вместе с ней мудрость, покой и мир: именно сюда бежит Джемс Дорлингтон от междоусобной войны в родной ему Англии, представляющей в повести как арена борьбы двух систем ценностей. Очевидно, что в основе этой условной географии – те же этические принципы, в соответствии с которыми герои «Училища любви» делятся на положительные, отрицательных и соединяющих в себе то и другое.

Важным представляется тот факт, что в художественном пространстве «англинской повести» в равной степени значимы европейская, русская культурные традиции и реалии сибирской жизни П. Сумарокова. Заглавие «англинской повести», например, отсылает не только к традиции европейской литературы, восходящей к «Науке любви» («*Ars amatoria*») Овидия, но и к реальному историческому факту – открытию в Тобольске в марте 1789 г. Главного народного училища, с преподавателями которого П. Сумароков сотрудничал в процессе работы над «Иртышом, превращающимся в Ипокрену». Не менее значим для понимания заглавия и биографический контекст – история женитьбы П. Сумарокова на С. Казабе.

Сюжет главного отрицательного героя «Училища любви» графа Рочельфильда также может быть интерпретирован благодаря двум контекстам: во-первых, сюжету Цирцеи и Улисса, во-вторых – биографическому контексту, связанному с судьбой П. Сумарокова, оказавшегося в Тобольске после истории с подделкой ассигнаций и на собственном опыте испытавшего, что такое отказ от «добродетели» и каково возвращение к ней.

Леди Сориленд названа в повести «новой Цирцеей» [Там же, с. 41]. Как и гомеровская Цирцея, леди Сориленд – воплощение коварства и ревности, ее чары – чары злой волшебницы. Сюжет «граф – леди Сориленд», таким образом, существует в контексте сюжета Цирцеи и Одиссея, проведенного год в ее счастливом плену. В повести сказано: «Граф попал в сети одной прелестницы» [Там же, с. 35]. С этой точки зрения история Графа с его «слабостями», как и история П. Сумарокова, это история освобождения из плена, внутреннего и внешнего.

Заглавие журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» как формула его концепции представляет собой пространство встречи европейской и отечественной культурных традиций: античные мифы о превращениях (только в «Метаморфозах» Овидия их более 200) и источнике вдохновения были для ссыльного поэта П. Сумарокова способом освоения новой для него сибирской жизни и вместе с тем этапом в создании авторского мифа о Сибирской Иппокрене как особой разновидности библиофильского культурного мифа [Дворцова, с. 121–189]. «Училище любви» также является отражением этого процесса. Очевидная заслуга П. Сумарокова не только в том, что на пути к Сибирской Иппокрене тобольские книжники XVIII в.

должны были пройти через опыт обучения в «Училище любви», но и в том, что благодаря ему Сибирская Иппокрена вот уже более 225 лет служит «торжеству добродетели, любви и дружбы».

Список литературы

- Алпатова Т. А.* Утопия «острова любви» в историко-культурной перспективе (к анализу романа П. Таллемана – В. Трелиакковского «Езда в остров любви») // XVII век: между трагедией и утопией : сб. науч. тр. Вып. 1. М. : МГОУ им. М. А. Шолохова, 2004. С. 189–207.
- Дворцова Н. П.* Сибирская Иппокрена в век Просвещения // Русская книжная традиция в Сибири: «тобольские инкунабулы». Екатеринбург : Баско, 2014. С. 121–188.
- Дмитриев-Мамонов А. И.* Начало печати в Сибири. СПб. : Тов-во худож. печати, 1900. 72 с.
- История книги / под ред. А. А. Говорова, Т. Г. Куприяновой. М. : Светотон, 2001. 400 с.
- История литературы Урала : Конец XIV – XVIII в. М. : Языки славян. культуры, 2012. 608 с.
- История русской переводной художественной литературы : Древняя Русь. XVIII век : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. 316 с.
- Карамзин Н. М.* Бедная Лиза : повести. СПб. : Лениздат, 2012. 288 с.
- Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма : (Эстетические и художественные искания). СПб. : Наука, 1994. 282 с.
- Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков : Эпохи и стили. Л. : Наука, 1973. 254 с.
- Лотман Ю. М.* «Езда в остров любви» Трелиакковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Лотман Ю. М. О русской литературе : Статьи и исследования: 1958–1993. СПб. : Искусство – СПб., 1997. С. 168–175.
- Львов П.* Российская Памела, или История Марии, добродетельной Поселянки : в 2 ч. СПб. : Императ. тип., 1789. Ч. 1. 156 с. Ч. 2. 142 с.
- Мамеев С. Н.* Тобольские фабриканты Корнильевы // Русская книжная традиция в Сибири: «тобольские инкунабулы». Екатеринбург : Баско, 2014. С. 7–20.
- Немировский Е. Л.* Большая книга о книге. М. : Время, 2010. 1088 с.
- Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2000. Т. 1. 316 с.
- Павлов В. А.* Повесть о Панкратии Сумарокове // Урал. 2004. № 4–5. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/7/pav11.html> (дата обращения: 15.01.2016).
- Поэты 1790–1810-х годов. Л. : Совет. писатель, 1971. 911 с.
- Приказчикова Е. Е.* Культурный миф о романе-развратителе и способы его преодоления в русской литературе эпохи Просвещения // Филологические науки. 2009. № 4. С. 74–86.
- Разумовская М. В.* Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. 140 с.
- Рак В. Д.* Русские переводы из «Опыта нравоучительных повестей» Пфейля // Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII века. СПб. : Пушк. Дом, 2008. С. 415–472.
- Сазонова Л. И.* Переводной роман в России XVIII века как *ars amandi* // XVIII век. Сб. 21. СПб. : Наука, 1999. С. 127–139.
- Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. : 1725–1800 : в 6 т. М. : Книга, 1975. Т. 6. 192 с.
- Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги : 1790–1917 гг. : в 3 т. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2004. Т. 1. 507 с.
- Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Карамзина : Опыт прочтения. М. : Изд. центр РГГУ, 1995. 512 с.
- Училище любви : английская повесть. Тобольск : Тип. В. Корнильева, 1791. 142 с.
- Эмин Н.* Игра судьбы. СПб. : Императ. тип., 1789. 176 с.

References

- Alpatova, T. A. (2004). Utopiya “ostrova lyubvi” v istoriko-kulturnoy perspective (k analizu romana P. Tallemanta – V. Trediakovskogo “Ezda v ostrov lyubvi”) [Utopia *The Islands of Love* in the Historical and Cultural Perspective (to the Analysis of the Novel by P. Tallemant – V. Trediakovskiy *Traveling to Love Island*)]. In *XVII vek: mezhdru tragediey i utopiey*. Moscow, Collection of sc. art. Iss. 1. Moscow, MSRU, pp. 189–207.
- Dvortsova, N. P. (2014). Sibirskaya Ippokrena v vek prosveshcheniya [Siberian Ippokrena in the Age of Enlightenment]. In *Russkaya knizhnaya traditsiya v Sibiri: “tobolskiye inkunabuly”*. Yekaterinburg, Basko, pp. 121–188.
- Dmitriev-Mamonov, A. I. (1900). *Nachalo pechati v Sibiri* [The Beginning of Printing in Siberia]. 72 p. St Petersburg, Tovarishchestvo khudozhestvennoy pechati.
- Emin, N. (1789). *Igra Sud’by* [The Game of Fate]. 176 p. St Petersburg, Imperatorskaya Tipografiya.
- Govorova, A. A. Kupriyanova, T. G. (Eds.) *Istoriya knigi* [The History of the Book]. (2001). 400 p. Moscow, Svetoton.
- Istoriya literatury Urala. Konets XIV–XVIII v.* [The History of Ural Literature. The Late 14th – 18th Centuries]. (2012). 608 p. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury.
- Istoriya russkoy pervodnoy khudozhestvennoy literatury. Drevnyaya Rus’. XVIII vek, v 2 t.* [The History of Russian Translated Fiction. Ancient Russia. 18th Century, 2 Vols.]. (1995). Vol. 1. 316 p. St Petersburg, Dmitriy Bulanin.
- Karamzin, N. M. (2012). *Bednaya Liza. Povesti* [Poor Liza. Stories]. 288 p. St Petersburg, Lenizdat.
- Kochetkova, N. D. (1994). Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i khudozhestvennye iskanija) [The Literature of the Russian Sentimentalism (Aesthetic and Artistic Pursuit)]. 282 p. St Petersburg, Nauka.
- Likhachev, D. S. (1973). *Razvitiye russkoy literatury X–XVII vekov: Epokhi i stili* [The Development of the Russian Literature in the 10th – 17th Centuries: Epochs and Styles]. 254 p. Leningrad, Nauka.
- Lotman, Yu. M. (1997). “Ezda v ostrov Lyubvi” Trediakovskogo i funktsiya perevodnoy literatury v russkoy kulture pervoy poloviny XVII veka [Traveling to the Island of Love by Trediakovskiy and the Function of Translated Literature in the Russian Culture of the First Half of the 17th Century]. In Lotman, Yu. M. *O russkoy literature. Statii i issledovaniya: 1958–1993*. St Petersburg, Iskusstvo-SPB, pp. 168–175.
- Lvov, P. (1789). *Rossiyskaya Pamela, ili Istoriya Marii, dobrodetelnoy poselyanki* [The Russian Pamela or the Story of Maria, a Virtuous Countrywoman]. Vol. 1, 156 p.; Vol. 2, 142 p. St Petersburg, Imperatorskaya Tipografiya.
- Mameev, S. N. (2014). *Tobolskiye fabrikanty Kornilieviy* [Tobolsk Factory Owners Kornilyev]. In *Russkaya knizhnaya traditsiya v Sibiri: “tobolskiye inkunabuly”*. Yekaterinburg, Basko, pp. 7–20.
- Nemirovskiy, E. L. (2010). *Bolshaya kniga o knige* [The Big Book about a Book]. 1088 p. Moscow, Vremya.
- Ocherki istorii knizhnoy kultury Sibiri i Dalnego Vostoka* [Essays on the History of Book Culture in Siberia and Far East]. (2000) Vol. 1, 316 p. Novosibirsk, GPNTB SO RAN.
- Pavlov, V. A. (2004). *Povest’ o Pankratii Sumarokove* [A Story about Pankraty Sumarokov]. In *Ural*, Iss. 5. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/7/pav11.html> (mode of access: 15.01.2016).
- Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of 1790–1810s]. (1971). 911 p. Leningrad, Sovetskiy pisatel.
- Prikazchikova, E. E. (2009). Kulturnyi mif o romane-razvratitele i sposoby ego preodoleniya v russkoy literature epokhi Prosveshcheniya [The Cultural Myth about the Corrupting Novel and Ways of to Overcome it in the Russian Literature of the Enlightenment]. In *Filologicheskie nauki*. Iss. 4, pp. 74–86.
- Razumovskaya, M. V. (1981). *Stanovlenie novogo romana vo Frantsii i zapret na roman 1730-kh godov* [The Formation of a New Novel in France and the Ban on the Novel of the 1730s]. 140 p. Leningrad, Izdatelstvo leningradskogo universiteta.
- Rak, V. D. (2008). Russkie perevody iz opyta nravouchitel’nykh povestei Pfeilya [Russian translations of Pfeil’s “Versuch in moralistischen Erzählungen”]. In *Statii o literature XVIII veka*. St Petersburg, Pushkinskiy Dom, pp. 415–472.

Sazonova, L. I. (1999). *Perevodnoy roman v Rossii XVIII veka kak ars amandi* [The Translated Novel in 18th Century Russia as *Ars Amandi*]. In *XVIII vek*. St Petersburg, Nauka. Col. 21, pp. 127–139.

Svodnyi catalog russkoy knigi grazhdanskoy pechati XVIII v. 1725–1800 v 6 t. [The Central Catalogue of Russian Secular Books of the 18th c. 1725–1800, 6 Vols.]. (1975). Vol. 6, 192 p. Moscow, Kniga.

Svodnyi catalog sibirskoy i dalnevostochnoy knigi. 1790–1917 v 3 t. [The Central Catalog of Siberian and Far Eastern Books 1790–1917, 3 Vols.]. (2004). Vol. 1, 507 p. Novosibirsk, GPNTB SO RAN.

Toporov, V. N. (1995). *“Bednya Liza” Karamzina. Opyt prochteniya* [Karamzin’s *Poor Liza*. A Reading Experience]. 512 p. Moscow, Publ. Center RGGU.

Uchilishche Lyubvi. Anglinskaya povest [School of Love. An English Novel]. (1791). 142 p. Tobolsk, V. Korniliev’s Tipografiya.

The article was submitted on 26.02.2017

Origines

Origines

DOI 10.15826/qr.2017.2.229

УДК 929Петр(470)*1+930.23

**ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТРА ПЕРВОГО
В ЕВРОПУ В ПИСЬМАХ БАРОНА П. П. ШАФИРОВА
КНЯЗЮ А. Д. МЕНШИКОВУ (1716–1717)***

Дмитрий Редин

Институт истории и археологии УрО РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Дмитрий Серов

Новосибирский государственный университет
экономики и управления,
Новосибирск, Россия

**PETER THE GREAT'S SECOND VOYAGE
TO EUROPE IN THE LETTERS OF BARON P. P. SHAFIROV
TO PRINCE A. D. MENSHIKOV (1716–1717)****

Dmitry Redin

Institute of History and Archaeology, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Dmitry Serov

Novosibirsk State University for Economics and Management,
Novosibirsk, Russia

This article examines correspondence between Baron P. P. Shafirov and Prince A. D. Menshikov from the spring of 1716 to the summer of 1717. These letters reveal the details of Peter I's stay in Copenhagen, different German cities, and

---

* Исследование подготовлено в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственной академии наук и государственные научные центры Российской Федерации (лаборатория эдичионной археологии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

** *Citation:* Redin, D., Serov, D. (2017). Peter the Great's Second Voyage to Europe in the Letters of Baron P. P. Shafirov to Prince A. D. Menshikov (1716–1717). In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 471–502. DOI 10.15826/qr.2017.2.229.

Цитирование: Redin D., Serov D. Peter the Great's Second Voyage to Europe in the Letters of Baron P. P. Shafirov to Prince A. D. Menshikov (1716–1717) // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 471–502. DOI 10.15826/qr.2017.2.229 / Редин Д., Серов Д. Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П. П. Шафирова князю А. Д. Меншикову (1716–1717) // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 471–502. DOI 10.15826/qr.2017.2.229.

the Netherlands during his second European voyage. As one of the leaders of the Russian foreign ministry and a close companion of the tsar, Shafirov was at the centre of many of the political and domestic events that occurred during this tour. Like the majority of those surrounding the tsar, the baron unofficially informed A. D. Menshikov of all business requiring attention, since Menshikov was in charge of managing the Russian state during Peter's absence. Published here for the first time, Shafirov's letters come down to us in the form of copies made in Menshikov's chancellery in February 1723: these are kept in fond 198 (A. D. Menshikov) of RGADA (Russian State Archive of Ancient Acts). The information in these letters is multisided. Firstly, one finds important military and political reports. While these historical narratives are rather well-known, Shafirov provides additional interesting details. Secondly, these letters are of interest because they provide news about the movement of Peter I and his wife, Tsarina Yekaterina Alekseevna, around Europe. Of particular note are the baron's reports about the tsar's serious illness in Amsterdam during the winter of 1716-17. The epistles also clarify the dates and routes that the tsar took, allow us to look at the climate in the countries where he stayed, and provide details about transport and communication links. Thirdly, and rather indirectly, the correspondence helps us to reconstruct the nature of the relationship between Shafirov and Menshikov and their families. All of these reasons make Shafirov's letters a valuable historical source. Their significance is fully revealed when analysed alongside analogous documentation connected with Peter the Great's second tour of Europe and the Great Northern War in general.

Keywords: Peter I; P. P. Shafirov; A. D. Menshikov; Peter the Great's second European tour.

Предлагаемая корреспонденция барона П. П. Шафирова светлейшему князю А. Д. Меншикову относится к осени 1716 – лету 1717 г. и освещает подробности пребывания Петра I в Копенгагене, различных германских городах и в Нидерландах во время второго европейского путешествия. Будучи одним из руководителей российского внешнеполитического ведомства и входя в круг ближайших соратников царя, П. П. Шафиров оказался в центре многих политических и домашних событий, произошедших в этой поездке. Как большинство лиц, окружавших государя, барон неофициально извещал А. Д. Меншикова, остававшегося во время отъезда монарха во главе государственного управления, обо всех заслуживающих внимания делах. Публикуемые впервые, письма П. П. Шафирова дошли до наших дней в виде копий, сделанных в канцелярии князя в феврале 1723 г., и ныне хранятся в фонде 198 (А. Д. Меншиков) РГАДА. Информация, отразившаяся в письмах, имеет многоплановый характер. Ее основу составляют донесения важного политического и военного значения: будучи достаточно известными, исторические сюжеты дополняются благодаря донесениям П. П. Шафирова многими интересными деталями. Второй пласт информации связан с известиями о перемещении Петра I и его жены царицы Екатерины Алексеевны по Европе. Особенный интерес

представляют уникальные известия барона о тяжелом заболевании царя в Амстердаме зимой 1716–1717 гг. Третий, косвенный пласт информации позволяет реконструировать характер взаимоотношений между П. П. Шафировым и А. Д. Меншиковым и их семьями, уточняет датировки и маршрут царского поезда, дает богатый материал по истории климата в странах пребывания в описываемый период и о деталях состояния транспортных коммуникаций, способах передвижения, почтовой и курьерской службе, скорости доставки правительственной корреспонденции. Все это делает письма П. П. Шафирова ценным историческим источником, чье значение полностью раскрывается при их контекстном источниковедческом анализе в корпусе аналогичной документации, связанной со вторым европейским турне Петра Великого и в целом с событиями Великой Северной войны.

Ключевые слова: Петр I; П. П. Шафиров; А. Д. Меншиков; второе европейское путешествие Петра I.

Публикуемая подборка писем барона П. П. Шафирова (1669–1739) светлейшему князю А. Д. Меншикову (1673–1729) от ноября 1716 – августа 1717 г. заслуживает внимания читателя по меньшей мере по двум обстоятельствам. Во-первых, в этих письмах содержится ряд уникальных подробностей зарубежной поездки Петра I 1716–1717 гг. Во-вторых, они дошли до наших дней благодаря неординарной бюрократической аккуратности Александра Меншикова.

Дело в том, что 1 февраля 1723 г. был обнародован именной указ, согласно которому все письма и документы П. П. Шафирова, начиная с 1716 г. хранившиеся у частных лиц, подлежали изъятию и немедленной доставке на Генеральный двор в подмосковное село Преображенское [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 81]. В свою очередь, на Генеральном дворе письма передавались в распоряжение новоучрежденного Вышнего суда, в числе подсудимых которого к тому моменту оказался Петр Шафиров. Во исполнение означенного указа А. Д. Меншиков исправно передал в Вышний суд все адресованные ему письма Петра Павловича за 1716–1722 гг.

Письма эти ожидала печальная судьба: почти весь архив Вышнего суда (хранившийся в сенатском здании в Московском Кремле) был истреблен опустошительным пожаром 29 мая 1737 г. [Донесение о московском большом пожаре, с. 19]. В отличие от документов Вышнего суда, обширный личный архив А. Д. Меншикова по большей части уцелел, рассредоточенно отложившись к настоящему времени, как известно, в фонде 83 Архива Санкт-Петербургского института истории РАН и в фонде 198 РГАДА, где сохранились копии писем П. П. Шафирова А. Д. Меншикову за 1716–1722 гг., изготовленные по указанию Александра Даниловича в его личной канцелярии перед упомянутой передачей подлинников в Вышний суд [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 82–152].

Прежде чем обратиться к вопросу об источниковедческой значимости публикуемых ныне писем Петра Шафирова, видится уместным вкратце напомнить о его положении в правительственной среде первой четверти XVIII в. Столь же необходимо привести данные об эволюции взаимных отношений Петра Павловича с его корреспондентом.

П. П. Шафиров неоспоримо явился одним из наиболее выдающихся сподвижников царя и императора Петра I¹. Родившийся в семье П. Ф. Шафирова, холопа боярина Б. М. Хитрово, Петр Шафиров начал государственную службу в августе 1691 г. с вполне скромной должности переводчика Посольского приказа. Благодаря незаурядной работоспособности, неординарным интеллектуальным качествам и коммуникабельности Петр Павлович сумел уже в начале 1700-х гг. обратить на себя внимание царя, став одним из его консультантов по вопросам внешней политики. В июле 1709 г. Петр I произвел П. П. Шафирова в чин подканцлера (вероятно, придуманный самим Петром Павловичем), а 30 мая 1710 г. пожаловал его – первым в России – титулом барона.

Подлинным венцом дипломатической деятельности Петра Шафирова стало его решающее участие в подготовке заключения Прутского мирного договора с Турцией от 12 июля 1711 г. Учитывая, что оказавшаяся к тому времени в полном окружении группировка российских войск во главе с царем находилась в совершенно безнадежном военно-тактическом положении, на переговорах с великим визирем Балтаджи Мехмед-пашой П. П. Шафирову довелось выполнить почти невозможную задачу – уберечь армию от капитуляции, а страну – от значительных территориальных потерь.

Проведя затем свыше трех лет в Турции в номинальном статусе чрезвычайного и полномочного посла (а фактически заложника), Петр Павлович по возвращении в Россию удостоился особого доверия Петра I, войдя отныне в его ближайшее окружение. Не случайно, что П. П. Шафиров оказался включен в узкую группу дипломатов, военных и придворных, которым было доверено сопровождать царя в зарубежной поездке 1716–1717 гг.

Последующие годы привели к еще большему возвышению барона. Он стал вице-президентом Коллегии иностранных дел, сенатором, действительным тайным советником, кавалером ордена Св. Андрея Первозванного. Рожденный холопом, Петр Шафиров породнился (выдав замуж пятерых дочерей и женив сына) с аристократическими родами князей Долгоруковых, Хованских и Гагариных, графов Головиных, Салтыковых и Измайловых.

Взаимоотношения Шафирова с «полудержавным властелином» А. Д. Меншиковым на протяжении длительного времени складывались вполне благоприятно, чему способствовала и схожесть социального происхождения (хотя сын дворцового конюха Александр

¹ Наиболее современное обозрение биографии П. П. Шафирова см.: [Серов, 2008, с. 87–134].

Меншиков был, несомненно, более «высокородным», нежели Петр Павлович). Так, ежедневно ведшаяся канцелярией светлейшего князя «юرنалы» зафиксировали множество эпизодов личного общения А. Д. Меншикова с Петром Шафировым в 1716–1720 гг. [Повседневные записки, с. 17–18, 21–22, 61, 167 и др.].

Перелом в отношениях двух сановников наступил в 1722 г. К этому времени П. П. Шафиров, явно преувеличив уровень своей приближенности к главе государства, начал вести себя с другими «птенцами гнезда Петрова» все более конфликтно и эмоционально неуравновешенно. Он вконец обострил взаимоотношения со своим непосредственным начальником

могущественным канцлером Г. И. Головкиным, рассорился с обер-прокурором Сената Г. Г. Скорняковым-Писаревым, сенатором графом А. А. Матвеевым и, наконец, со вчерашним «особливым благодетелем» светлейшим князем Александром Меншиковым. Дошло до того, что на заседании Сената 31 октября 1722 г. Шафиров позволил себе в отношении Меншикова вовсе дерзкую выходку, прилюдно заявив, что «я де за тебя как Волконской и князь Матвей Гагарин петли на голову не положу» [РГАДА. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 599 об.]². В контексте иных высказываний П. П. Шафирова того времени приведенные слова означали его намерение разоблачить махинации Александра Меншикова при межевании пожалованных ему земель близ г. Почепа [Гуржий, с. 224–228].

Итог разразившегося в 1722 г. внутривластного конфликта сложился отнюдь не в пользу барона П. П. Шафирова. Вскоре после возвращения из Персидского похода Петр I взялся разбирать взаимные обвинения своих соратников. Для этой цели 9 января 1723 г. было учреждено специальное судебное присутствие, вскоре преобразованное в упоминавшийся уже Вышний суд, и из громогласного обвинителя Петр Шафиров превратился в подсудимого³.

Изобличенный Вышним судом в ряде преступлений против интересов службы, П. П. Шафиров был 13 февраля 1723 г. приговорен

П. П. Шафиров. Портрет. Гравюра на меди. Неизвестный художник. 1821–1824

P. P. Shafirov. Portrait. Engraving on copper. Unknown artist. 1821–1824

² Об этом инциденте А. Д. Меншиков пространно известил царя в особой «цыдулке», приложенной к письму от того же 31 октября 1722 г. [РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 318^а].

³ Публикацию материалов процесса над П. П. Шафировым (в форме детального пересказа) см.: [Судное дело, с. 3–62].

к лишению титула, чинов, конфискации имущества и смертной казни. При утверждении приговора император заменил смертную казнь на ссылку в Якутск. Таковым оказался финал карьеры «холопья сына» Петра Шафирова, письмо которому, собственноручно начертанное на берегах Прута 11 июля 1711 г., Петр I начал со слов: «Мой господин...» [Письма и бумаги, т. 11, вып. 1, с. 317].

* * *

Письма, копии с которых публикуются ниже, относятся к тому времени, когда Петр Шафиров еще пользовался доверием царя, входя в его ближайшее окружение, и оставался близок А. Д. Меншикову. В попытке определить характер взаимоотношений барона с «самой могущественной некоронованной особой Европы» [Уитворт, с. 75] на ум настойчиво приходит словосочетание «патрон-клиентские». Даже если абстрагироваться от историографического фона и ориентироваться только на содержание и тональность шафировских писем, можно заметить и налет сервильности, не списываемый на этикетные формы учтивости, и очевидную личную материальную заинтересованность адресанта в покровительстве светлейшего. Впрочем, П. П. Шафиров, несомненно, был привилегированным клиентом: А. Д. Меншиков нуждался в его услугах и, если угодно, в расположении по целому ряду причин, одна из которых раскрывается самим фактом появления публикуемых писем.

Будучи первым конфиденнтом Петра, в известном смысле его *alter ego*, часто оставаясь во время царских отъездов во главе государственного управления, Александр Данилович старался быть в курсе всех событий, происходивших с государем и в его окружении. При этом князь не довольствовался официальными известиями или личной перепиской с царем. Его информаторами были, по сути, все петровские сподвижники, какой бы статус они не имели при дворе, в армии или в системе государственного аппарата; подканцлер был одним из них. Можно представить, что, обладая сведениями из многочисленных независимых друг от друга источников, А. Д. Меншиков оказывался прекрасно осведомленным обо всех событиях, участником которых не был лично.

В публикуемой подборке вниманию читателей представлены 18 писем, относящихся к европейскому путешествию царя в 1716–1717 гг. Все они касаются немецкого и голландских этапов путешествия, причем одно (№ 1 настоящей публикации) прислано из Любека, сразу или очень вскоре после прибытия царского поезда из Копенгагена, одно (№ 2) – из Альтены, а все остальные (№ 3–18) – из Амстердама. Крайние даты документов: 3 ноября 1716 г. – 16 августа 1717 г.⁴; при этом письмо № 16 относится к кануну отъезда царя

⁴ Все даты даны по старому стилю.

в Австрийские Нидерланды (4 апреля 1717 г.), а письма № 17–18 датированы августом того же года (6-го и 16-го числа) и написаны в атмосфере сборов царя, царицы и их свиты в обратный путь на родину.

Письма П. П. Шафирова отличаются высокой степенью подробности, что выгодно отличает их, например, от опубликованных писем братьев М. Д. и В. Д. Олсуфьевых, созданных при тех же обстоятельствах [Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого, с. 5–40], или, тем более, от «Походного журнала» Петра [Журналы и походные журналы Петра Великого]⁵. Барон детально знакомил своего адресата с наиболее важными политическими событиями, вокруг которых фокусировалась вся деятельность Петра и его приближенных. Среди них ожидаемо доминируют обстоятельства срыва высадки союзного десанта в Сконе, связанное с этим «мекленбургское дело» и «шведский заговор» 1717 г.

Пагубные для планов русского монарха действия британско-ганноверской дипломатии, несоюзническое поведение датского короля Фредерика IV и его советников из мекленбургской оппозиции, приведшие не только к краху высадки войск в Южной Швеции, но и к выводу русского корпуса из Мекленбурга, обнадеживающая встреча с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I в Хафельберге, обнаружение тайной переписки шведских агентов в Лондоне, свидетельствовавшей о намерении Карла XII оказать военную поддержку якобитам, и ложные слухи о причастности к этому Роберта Эрскина, лейб-медика Петра, обмен по этому поводу мемориалами между русским и британским дворами – все эти сюжеты хорошо знакомы по другим источникам и давно стали достоянием историографии⁶. Впрочем, благодаря тому, что П. П. Шафиров находился в гуще событий, его информация насыщена рядом деталей, которые добавляют колорит в известную картину событий и делают его письма примечательными в общей совокупности аналогичных по содержанию источников. Так, например, мы узнаем, что Петр, несмотря на очевидный провал кампании в Сконе, до самого отъезда из Копенгагена 27 октября 1716 г. старался убедить датского короля поддержать эту операцию и имел с ним секретную встречу «наодине», переводчиком на которой был Петр Шафиров (№ 1). Из донесений барона становится известно, что при крайне напряженных отношениях с Георгом I (как известно, всячески уклонявшимся от встречи с русским царем и его эмиссарами), он, тем не менее, прислал в Альтену в бытность там Петра своего посланника в Гааге Горацио Уолпола «с комплементом» (№ 2). Официально Уолпол должен был обеспечить проезд государя через ганноверские

⁵ Примечательно, что неотступно сопровождавший царя в той же поездке генерал-лейтенант кн. В. В. Долгоруков, как явствует из записной книги его исходящей корреспонденции, в период с ноября 1716 по июль 1717 г. не отправил никому вообще ни единого письма [РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Кн. 24. Л. 98].

⁶ Укажем лишь некоторые из обширного списка, изданные во второй половине XX – начале XXI в.: [Никифоров; Фейгина; Молчанов, 1991; Черняк; Бобылев; История Северной войны; Конигсбрюгге; Plumb; Black; Oakley и др.].

владения в Соединенные провинции, но из письма можно предположить, что он вел какие-то переговоры с русскими, впрочем, не изменившие позиции сторон. В контексте напряженной дипломатической борьбы, составлявшей основную интригу петровского путешествия, несомненный интерес представляет малоизвестный эпизод, описанный вице-канцлером в письмах № 13 и 14 (от 5 и 29 марта). Речь идет об аресте в Санкт-Петербурге не названного по имени брата секретаря ганноверского посольства в России Ф. Вебера, обвинявшегося ни много ни мало в краже серебра из дома графа А. А. Матвеева, известного к тому времени дипломата и одного из ближних доверенных Петра I. В атмосфере едва намеченного смягчения конфликта между российским и британским дворами (в связи со «шведским заговором») этот инцидент был использован многочисленными противниками нормализации двусторонних отношений в Лондоне и Ганновере как повод для обострения ситуации. Будучи одним из руководителей внешнеполитического ведомства, П. П. Шафиров от себя и по указанию царя просил Меншикова освободить обвиняемого Ф. Вебера под обязательство и передать его королевскому суду. Одновременно светлейшему князю вменялось в обязанность издать распоряжение, гарантирующее иммунитет всем иностранным дипломатам и их людям на территории России. Примечательно, что это был едва ли не первый в России случай, обусловивший законодательное обеспечение практики дипломатической неприкосновенности. По иронии судьбы первый аналогичный акт, зафиксировавший понятие дипломатического иммунитета, был принят британским парламентом в 1710 г. в связи с избиением и арестом самого А. А. Матвеева в бытность его послом в Англии в 1708 г. [Никифоров, с. 57–61; Кросс, с. 18; Cracraft, p. 73].

Второй пласт информации, содержащейся в письмах Петра Шафирова, связан с известиями о перемещениях за границей жены Петра I царицы Екатерины Алексеевны, о ее беременности, неудачных родах, закончившихся трагической смертью царевича Павла Петровича, «которой толко четыре часа был жив» (№ 9), о тяжелом состоянии ее здоровья после родов и о соединении с царем в Амстердаме⁷.

Особое значение письмам П. П. Шафирова придают, на наш взгляд, сведения о болезни Петра I, приступ которой он пережил в Амстердаме зимой 1716–1717 гг. (№ 9, 10). Сам факт заболевания царя не остался незамеченным современниками, породив различные и зачастую злорадные, на грани скабрзности, комментарии (об этом в новейшей литературе см.: [Вагеманс, 2013, с. 109–110]). Отмечали эту историю и позднейшие авторы, начиная с С. М. Соловьева [Соловьев, т. 17, с. 64], вероятно, за отсутствием подробностей писавшие об этом крайне лаконично. Между тем, сообщения барона сжато, но ярко передают весь трагизм случившегося с царем обострения.

⁷ Этим сюжетам посвящена обстоятельная статья А. В. Морохина, опубликованная в настоящем номере. Она основана на новых материалах и снабжена подробной историографией вопроса [Морохин].

Известно, что русский монарх страдал целой совокупностью хронических заболеваний, среди которых серьезную угрозу представляли сердечно-сосудистые, заболевания нервной системы и желудочно-кишечного тракта, воспалительные процессы мочеполовой системы сложной этиологии⁸. Порожденные как природными предрасположенностями, так и образом жизни, они стали проявляться комплексно, вероятно, к 1711 г.; во всяком случае, именно с осени 1711 г. Петр впервые выехал на двухнедельное лечение в Карлсбад и с тех пор неоднократно посещал целебные источники в разных странах Европы и в России, испытывая, очевидно, определенное облегчение после принятых курсов. С. М. Соловьев совершенно справедливо обращал внимание на то, что толчками к обострениям служили, говоря современным языком, физические и моральные стрессовые ситуации, переживаемые государем. Его первое лечение на водах последовало после тяжелейшего напряжения сил, перенесенного в Прутском походе. Аналогичной поездке в Карлсбад и Торгау (октябрь 1712 г.) предшествовали неудачи кампании в Померании и злонамеренно не согласованные действия союзников при осаде Штральзунда [Соловьев, т. 17, с. 7, 12]. В преддверии большого турне по Европе в начале 1716 г. и в процессе самого путешествия летом 1717 г. он лечился на водах в Бад-Пюрмонте и Спа [Вагеманс, 2007, с. 18–19]. К своим 44–45 годам на момент второго зарубежного путешествия монарх серьезно подорвал здоровье и сам ощущал себя стариком, именно так, пусть и с известной долей кокетства, аттестуя себя в переписке с женой [Письма русских государей, т. 1, с. 46–47, 69, 71].

По сведениям П. П. Шафирова, царь слег «с Рождества», несомненно, после бурного празднования, которое спровоцировало (на общем фоне удручающей и напряженной в моральном плане поездки) обострение запущенного геморроя. Спустя чуть более двух недель к этому добавилась некая «лихорадка», приступы которой нарастали и в пиковой фазе продолжались «с превеликим жаром» по 12 часов в течение нескольких дней. Еще 18 января Петр, по сообщению барона, от лихорадки «и по се число не свободился», хотя уже имел силы сам держать перо и того же дня написал жене, явно бодрясь, что болезнь его вовсе покинула [Письма русских государей, т. 1, с. 59]. Однако более или менее сносным его состояние стало, видимо, лишь неделю спустя. Это позволило барону, не допуская доселе впадать в панику, признаться в письме от 25 января, что все это время он и остальные спутники царя пребывали «в великом сумнении» относительно исхода болезни и находились «в смертной печали». Только 8 февраля государь начал вставать с постели и ходить по дому, но «еще от чечуйной болезни не свободился» и не мог выходить наружу.

---

⁸ Среди литературы, посвященной ретроспективной диагностике Петра I, представляет интерес одна новейшая работа, отличающаяся комплексным подходом к раскрытию проблемы и основанная на медицинском анализе сведений о симптомах заболеваний царя, разбросанных по разным источникам [Пайков].

Это тяжелейшее обострение, длившееся в общей сложности свыше 40 дней (!), вероятно, едва не стоило Петру жизни, особенно в пик кризиса между 11 и 16 января⁹. Если к этому добавить то, что и его жена, перенесшая беременной трудную дорогу и неудачные роды, с 13 января в течение нескольких дней была едва ли не при смерти (№ 8, 9), и то, что с декабря 1716 г. стало известно о бегстве наследника престола царевича Алексея Петровича [Устрялов, т. 6, с. 58–59 и далее], то можно себе представить, какой ужас пережили сановники, окружавшие в эти зимние дни ложе находившегося в беспомощности монарха. Иное развитие ситуации – и история России, да и Европы могла пойти совсем другим путем...

Кроме этой открытой информации, письма безусловно интересны с точки зрения содержащихся в них косвенных сведений. Описание погодных условий, характера и скорости передвижения царского поезда (по суше или по речным путям), пометы о сроках и способах доставки корреспонденции – все это в контексте аналогичных источников дает материал о состоянии почтовой и транспортной системы в Центральной и Восточной Европе первых десятилетий XVIII в. и может служить темой отдельного исследования.

* * *

Тексты писем публикуются в соответствии с правилами критической передачи текста XVII–XVIII вв. [Правила издания исторических документов в СССР]. Титла раскрыты, выносные буквы внесены в строку, к выносным согласным в необходимых случаях добавлен мягкий знак. Устаревшие буквы заменены современными. Орфография текстов сохранена, пунктуация приближена к современной; восстановленные по смыслу слова и части слов заключены в квадратные скобки. Текстуальные примечания даны литерами и помещены в подстрочник. Примечания по содержанию даны арабскими цифрами и помещены после публикации текстов вместе с комментариями в порядке сплошной валовой нумерации.

⁹ Поразительно, но бывший все это время при Петре обер-камергер М. Д. Олсуфьев в своей декабрьской и январской корреспонденции А. Д. Меншикову ни слова не говорит о тяжелом состоянии царя, отписывая стандартными фразами, что с ним все благополучно. Лишь 5 февраля он вдруг уведомил князя, что его царское величество «имеет ныне, слава Богу, от болезни своей облегчение». Как сообщил издатель олсуфьевских писем, то же молчание обнаруживалось и в письмах кабинет-секретаря государя А. В. Макарова. При этом записи в походном журнале царя красноречиво обрываются «в первых числах января 1717 г. и возобновляются только в феврале» [Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого, с. 25–26]. Нам пришлось на ум только одно объяснение этому молчанию: ситуация со здоровьем монарха была в самом деле настолько критической, что находившиеся при нем старшие сановники приняли решение не распространяться на сей счет до окончательного исхода дела во избежание нежелательных слухов. Не исключено, что если бы Петр I умер, то его сподвижники сумели бы некоторое время скрывать факт его кончины для выработки выгодного для себя решения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1. 1716 г., ноября 3

Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову о содержании переговоров Петра I с королем Дании Фредериком IV о совместных военных действиях против шведов, о позиции в этом вопросе короля Великобритании Георга I и о планах встречи с королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом I

(Л. 96 об.) Светлейший князь, мой милостивый государь и особливою благодетель!

При отъезде моем из Копенгагена имел я честь Вашей светлости доносить чрез посланного Вашего Нестерова, тако ж и через почту о всем, что у нас тамо чинилось и с чем мы розъехались з дацким королем. Потом же, будучи с лишком две недели в пути, оттуда до сего места не имел ни времени, ни материи к Вашей светлости писать. А меж тем получил Ваши милостивые писанин от 28 сентября и от 5 октября, за которое благодарствую. И ныне иного доносить не имею, кроме того, что^а перед самым отъездом из Копенгагена Его царское величество довольно еще изволил чрез меня наодине говорить с королем (Л. 97) дацким и склонять его к действиям предбудущей кампании в Шонах, к чему король и не несклонен явился, толко предложил, что за скудостью денежною того ему учинить невозможно, а особливо ежели аглинской король ему флотом не въспоможет, которой тому весьма противен являетца, что войска наши стоять будут на квартирах в Мекленбурге. И не хочет по тех мест никакое вспоможение позволить, пока не обещает царское величество войск своих из Ымперии на уреченной срок вывезть^б. И тако положено, чтоб с обеих сторон^б к тому королю^в послать, и склонять его ко вспоможению и к прекращению своей к нам злобы. А меж тем царское величество изволил отсюды иттить чрез Шверин для свидания с королем прусским, которое назначено в городке Гавельсберке^в близ Эльбы реки. И тамо что положено будет, о том не оставлю (Л. 97 об.) Вашей светлости доносить. А оттуда изволил Его величество иттить до Гамбурха водою, а потом для гулянья в Галандию на почтовых и подставных подводдах^г.

При сем Вашей светлости покорнейший раб, б[арон] Петр Шафиров, кланяюсь.

Из Лирика, ноября 3 1716 [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 96 об. – 97 об.].

Под текстом помета: Получено чрез подъячего Докукина ноября 20-го дня.

Копия

^а После слова «что» – знак открывающейся квадратной скобки.

^б После слова «сторон» в квадратных скобках написано слово «взять».

^в Слово «королю» написано на левом поле перед словом «послать».

^г После слова «подводдах» – знак закрывающейся квадратной скобки и помета копииста в тексте: «что за скобками – писано по ключу б: при том о том перевод».

№ 2. 1716 г., ноября 23

Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову о встрече Петра I с королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом I в Хафельберге; о получении в подарок от прусского короля яхты и янтарного кабинета и о намерении встретиться с уполномоченным короля Англии Георга I Уолполом в г. Альтене

(Л. 97 об.) Светлейший князь, мой милостивый государь и патрон!

Вашей светлости высокосклонное писание от 1 октября из Санкт-Питербурха получил я в пути от Шверина в Гавельзберке. И понеже был тамо за Его величеством при свидании с королем пруским, и паки водою сюда путь шествовали, того ради не имел времени на оное ответствовать. Что изволил Ваша светлость уведомлять меня (Л. 98) о распечатывании писем из нашей канцелярии³ х Петру Курбатову⁴ для вынятия Ваших, и в том я никакой противности не имею. И ныне уже определили мы для лутчей удобности те письма, которые по адресам, надлежит Вашей светлости посылать особливо и адресовать на имя Ваше, дабы оные не были нигде задержаны, но прямо вручены могли быть Вашей светлости.

О здешнем доношу, что Его царское величество изволил, оставя царицу государыню в Шверине, ехать для свидания с королем пруским в Гавельзберх, и тут были вместе пять дней. И зело ласково оба их величества между собою обходились и розъехались в преизрядной любви, и друг друга уверили во всяких случаях помощью против всяких нападателей. И никогда так оной король ласкав не явился, как ныне. И подарил Его царскому величеству яхту пребогатую, которая при отце его делана и в великую цену стала и обретається в Подстдаме, тако ж кабинет янтарной⁵. И оттуду поехали мы ноября 17; сюда приехали водою того ж в 20 де[нь] и стали в Альтнау⁶. Сюда прислан от короля аглинского первого его министра зять господин Верпульп⁷ с комплементом. (Л. 98 об.) И велено приготовить ему чрез земли его королевские подводы и конвой по пути в Галандию. И поедем мы отсюда, позавтрее встав, водою, а оттуду сухим путем.

О иных делах хотя со стороны того короля аглинского и предлагается, но ничего о предбудующих действиях с ним еще не положено, ибо они требуют скорого вывода войск наших из Мекленбургии, чего Его царское величество еще позволить для некоторых радиций не может. Более того ныне Вашей светлости не имею, но вручаясь в защищение Вышняго, пребываю Вашей светлости покорной раб,

б[арон] Петр Шафиров.

Из Альтени

Ноября в 23 де[нь].

P.S. Поздравляю Вашу светлость сегодняшним днем тезоименитства Вашего и желаю Вам от Вышняго всякого благополучия и многолетнего здравия со всею Вашею фамилиею, и пьем ныне за Ваше здравие, будучи на обеде у государева попа. А завтра будем праздновать тезоименитства государыни царицы [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 97 об. – 98 об.].

Под текстом помета: Отдано к сноске декабря 29 дня.

Копия

№ 3. 1716 г., декабря 11

Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову о прибытии и пребывании Петра I и его свиты в Амстердаме; об ожидании родов царицы Екатерины Алексеевны и об отправке П. А. Толстого на переговоры в Англию

(Л. 99) Светлейший князь, мой милостивой государь и патрон!

Вашей светлости милостивое писание от 2 ноября я получил по приезде сюда в Амстердам, за которое Вашей светлости всепокорно благодарствую и о здешнем доношу, что Его величество изволил притти сюда инкогнито на Треншут в 6 де[нь] декабря ввечеру прямо на двор к господину Бранту⁸, а мы приехали на завтрее со всем экипажем. И того дня были у Его величества депутаты статское с поздравлением, а имянно: милорд Альбеморле⁹, фаворит умершаго аглинского короля Вильгелма¹⁰, бургомистр Иопт¹¹ и иных три человека, которых Его величество унял обедать с собою. Потом были бургомистры правительствующие здешние и пензионари бус с поздравлением у Его величества. И были на обед званы с Его величеством в 9 де[нь] декабря у посла господина князя Куракина¹², и zelo явились милостию царского величества контейты. А вчера был Его величество в комедии, где были как статские депутаты, так и бургомистры, и трактовали Его величество и всю швиту. Были мы также на Ост-Анском дворе и осматривали старой квартиры вашей, тако ж и протчего, и сего дня были на Ост-Инском дворе, и Его величество обретается в добром здравии. Иного Вашей светлости (Л. 99 об.) отсюда к доношению не имею.

А з Альтонию при отъезде писал к Вашей светлости о всем. Государыня царица, чаю, изволит уже обретаться в пути сюда, но, мню, не без трудности, ибо и мы от грязи и воды и от руды (или: и груды) труда претерпели. А морозы здесь ныне не малые, и каналы стали. Долго ль здесь пробудем, о том мы неизвестны, однако ж, чаю, до весны, ибо Ее величество упоует себе разрешение от бремени в феврале месяце.

О делех ничего донести не могу, ибо ожидаем писем от Петра Андреевича¹³, которой послан из Альтана к королю аглинскому с некоторыми пропозициями, но сомневаюсь, будут ли оные приняты, ибо он деклировал уже чрез Шлейница¹⁴ (Л. 100) царскому величеству, что пока войск не доведет из Мекленбургии, до тех мест ни в какой концерт вступить не изволит. Но Его величество до учиненного концерту войск своих вывести не намерен. А от дацкого короля по се число никакого предложения нет о будущих действиях, хотя сказывают, что шведские войски приближаются паки ко владению их в Норвегию. И тако Бог весть, что впредь будет.

(Л. 100 об.) И при сем Вашей светлости покорный слуга барон Петр Шафиров челом бью.

Из Амстердама декабря в 11 де[нь] 1716 [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 99–100 об.].

Под текстом помета: Получено чрез почту декабря 13 дня^а.

Копия.

№ 4. 1716 г., декабря 21

Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову о возможном скором прибытии в Амстердам царицы Екатерины Алексеевны и об ожидании известий о переговорах П. А. Толстого с королем Великобритании Георгом I в Ганновере

(Л. 100 об.) Светлейший князь, мой милостивой государь и патрон!

Вашей высококняжей светлости милостивое писание от 19 ноября получил я в сих числах, ис которого (Л. 101) со особливым удовольствием уразумел, что Ваша светлость моими малыми услугами и корреспонденциею изволите быть довольны. И могу Вашу светлость обнадежить, что в чем сила моя есть всегда готов Вашей светлости в приключаящихся случаях служить.

О здешнем поведении не имею ничего Вашей светлости достойного донести, ибо только здешних куриезитеров смотрим и ожидаем государыни царицы Ея величества в неделю времени сюда. Однако ж подлинной о Ее величестве где изволит обретатся, и, чаю, что за здешним распутием не без великой трудности путь Ее величества будет, ибо великие здесь непогоды, дожди, слота, (Л. 101 об.) а иное и морозы.

От Петра Андреевича Толстого ожидаем мы известия, что он в Ганаворе с королем аглинским возможет учинить о предбудущих действиях. По тому мы и поступки свои предвосприимать будем.

О случившемся несчастьи в Ревеле от сердца соболезную¹⁵. И о том сего дня Его величеству исподволь донесено, в чем не без печали, однако ж умеренно и изволит о строении вновь попорченного писать сам к Вашей светлости.

Иного к доношению не имею и пребываю

Вашей светлости покорный слуга,

б[арон] Бетр^е Шафиров.

Из Амстердама декабря в 21 де[нь] 1716 [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 100 об. – 101 об.].

Под текстом помета: Получено генваря в 6 де[нь] 1716.

Копия

№ 5. 1716 г., декабря 25

Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову с поздравлениями с Рождеством, наступающим Новым годом и с помолвкой племянниц А. Д. Меншикова с А. И. Леонтьевым и кн. А. А. Черкасским

(Л. 102) Светлейший князь, мой милостивый государь!

Я получил Вашей светлости высокосклонное от 30-го числа ноября из Санкт-Питербурка писанное, за которое всепокорно благодарствую. И понеже нового ничего не имею донести, того ради токмо поздравляю Вашу светлость сегодняшним торжественным праздником Рождества Спасителя нашего Исус Христа

^е Так в тексте.

и предстоящим Новым летом, и желаю Вашей светлости со всею высокою фамилиею Вашего многолетнего здравия и всяких благополучных поведений.

При сем же благодарствую Вашу светлость за сообщение о постановленных новых алианциях з господами Александром Ивановичем Леонтьевым¹⁶ и князь Александром Андреевичем Черкасским¹⁷ с племянницами Вашими, и желаю тому счастливого совершения и доброго им сожития, пребывая в протчем з должным почтениям

Вашей светлости моего государя и патрона

Покорный слуга,

б[арон] Петр Шафиров.

Из Амстердама декабря в 25 де[нь] 1716 [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 102].

Под текстом помета: Получено чрез почту генваря в 11 де[нь] 1717 года и ответствовано.

Копия

№ 6. 1717 г., января 1

**Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову
с поздравлениями с наступившим Новым годом и сообщением
об отсутствии известий о приезде царицы Екатерины Алексеевны**

(Л. 102 об.) Светлейший князь, мой милостивой государь!

За высокосклонныя Вашей светлости писания по премного благодарствую и на оные служить буду ответом впредь. А ныне токмо сим моим нижайше поздравляю Вашу светлость наставшим Новым годом, желая от Вышняго дабы Вашу светлость и всю Вашу высокую фамилию новыми и саможеланными благоповедением одарить! И как сей год счастливо и во здравии препроводить, так и впред идущее время Вашу светлость долгодетствити всемилостиво изволил.

Нового Вашей светлости ничего не имею донести. О царице государыне еще не имеем известия, когда сюда будут и, чаю, в пути не без трудности ей будет, понеже зело великая распутица.

При сем Вашей светлости покорный слуга,

б[арон] Петр Шафиров челом бью.

Из Амстерда[ма] генваря в 1 де[нь] 1717 [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 102 об.].

Копия

№ 7. 1717 г., января 4

**Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову с сообщением
о рождении царевича Павла Петровича**

(Л. 102 об.) Светлейший князь, мой милостивый государь!

Вашей светлости высокосклоннейшее писание от 7 декабря я сего часу исправно получил и за оное всепокорно благодарствую, и впредь прошу не оставить меня безызвестна о Вашем здравии, чего от сердца моего желаю.

И при сем объявляя Вашей светлости радостную новину: понеже (Л. 103) государыню нашу царицу, едучи в пути до Голландии в местечке Везеле Бог разрешил от ее бремени и даровал нам Господь государя царевича Павла Петровича, и оною радостию Вашу светлость поздравляю!

О сем мы получили известие вчерашняго дня чрез пажа господина Маврина от Ея величества присланного. Но буде сия ведомость Вашей светлости дойдет прежд, нежели от их величеств, то прошу содержать про себя, чтоб мне не навесь себе слова¹⁸.

Иного к доношению не имею, а се с похмелья голова болит.

Вашей светлости покорный слуга,

б[арон] Петр Шафиров челом бью.

Из Амстердама 4 генваря 1717 год [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 102 об. – 103].

Под текстом помета: Отдано 19 дня генваря.

Копия

№ 8. 1717 г., января 8

**Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову
с повторным известием о рождении царевича Павла Петровича
и с просьбой освободить его прибалтийские имения
от содержания драгунских лошадей**

(Л. 103) На последнее от 3-го декабря ответственвал я Вашей светлости и доносил при том, что Бог нам даровал в Везеле государя царевича Павла Петровича, и уповаю, что ныне уже изволили Ваша светлость получить и от их величеств о том известие.

При том прошу Вашу светлость, дабы повелели свесть с моей мызы и деревень лошадей шквадрона своего, которых семь поставлено ко мне, которых, поистинне за скудостью содержать вдаль не могу. И я уповаю толь наипаче по милости Вашей от того освобожден быть, понеже есть многие, которые сами в домех своих сидя, могут свои деревни призирать и таких лошадей по квартирам удобнее довольствоваться, (Л. 103 об.) нежели мы, у которых за отлучением и старые разорились, а не то что новые построены.

И при сем Вашей светлости покорный слуга,

б[арон] Петр Шафиров челом бью.

Из Амстердама 8-го генваря 1717 [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 103–103 об.].

Под текстом помета: Получено генваря в 27 де[нь].

Копия

№ 9. 1717 г., января 18

**Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову
о болезни Петра I, о смерти новорожденного царевича Павла Петровича
и о тяжелом состоянии здоровья царицы Екатерины Алексеевны**

(Л. 103 об.) Светлейший [князь], мой милостивый государь!

Вашей светлости высокосклонное писание от 28 декабря минувшего 1716 г. я исправно получил и за оное по премногу благодарствую и впредь прошу не оставить меня безвесна о Вашем здравии, чего от сердца моего слышать желаю.

О здешнем ничего не имею донести, кроме того, что живем здесь в печалях, ибо в делах никакого успеху с союзниками нашими быть не чаем. К тому ж пуще всего, что Его царское величество с Рождества Христова все недомогает; сперва чечуюною болезнию¹⁹, а потом с неделю как припала лихорадка, от которой еще и по се число не свободился.

А государыня царица по рождении царевича, которой толко четыре часа был жив, и по се число все зело недомогает, однако ж (Л. 104) сказывают, что милостию Вышняго имеет обলেখение.

Изволил Его величество ныне послать к ней Румянцова²⁰, чтоб изволила ехать сюда, когда изволит обмочся, что дай Вышний, дабы уже их величества обоих вместе видеть.

При сем Вашей светлости покорный раб,

б[арон] Петр Шафиров.

Из Амстердама 18 генваря 1717 года [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 103 об. – 104].

Под тестом помета: Получено февраля 6 дня

Копия

№ 10. 1717 г., января 25

**Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову
об улучшении состояния здоровья Петра I и царицы Екатерины
Алексеевны с описанием происходивших с царем тяжелых припадков,
и о начале отвода части русской армии из Мекленбурга в Польшу
из-за разногласий с союзниками**

(Л. 104) Светлейший князь, мой милостивый государь!

Ныне особых нового Вашей светлости донести не имею, токмо что Его царское величество, всемилостивейший наш государь за помощь Вышняго от болезней своих в прежнее здравие свое приходит, однако ж за слабостию из дому еще выходить не может. Ее же величество государыня царица по освобождении от бремени милостию Вышняго в добром здравии обретатись изволит, и 25 дня сего месяца ее величество намерена из Везеля сюда (Л. 104 об.) поход свой воспрять водою, и чаем, на предбудущей неделе прибыть сюда изволит, от котором Ея величества прибытии, тако ж и о другом не оставлю впредь Вашу светлость без уведомления.

А по се число истинно, милостивой государь, были мы о обоих их величеств здравии в великом сумнении и смертной печали, ибо Его величеству припала была к чечуйной болезни прежестокая терциннадопия, которая два дни сряду с превеликим жаром продолжала свой параксисмус часов по двенадцать, так что опасались контитуи²¹. А и о царице государыне зело худые были ведомости, но, слава буди Вышнему, что тот страх миновался, и уповаем вскоре их величеств вместе в добром здравии видеть.

Господину генералу-фелтмаршалу графу Шереметеву велено итить з десятию баталионы пехоты и з генералом Репниным, да з генералом-лейтенантом Шлебенбахом²² и генералом-маеором Боном²³ из Мекленбургии в Польшу, и тамо постоять, пока увидим, куда дела обратятся. А потом имеет итить и дале к своим границам, а Астраханскому полку велено итить прямо на Ригу из Ревеля, чтоб стать мог тамо в месяце апреле. А и достальным нашим войскам едва ль не итить ли вскоре назад будет, ибо з дацким королем мало есть надежде к согласию, а с аглинским негоциация вся розарвалась.

При сем прошу Вашу светлость рассмотреть милостиво при сем приложенное и взять то в добрую рефлекцию.

Пребываю Вашей светлости покорный слуга,
б[арон] Петр Шафиров.

Из Амстердама генваря в 25 де[нь] 1717 году [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 104 об. – 105].

Под текстом помета: (Л. 105) Получено февраля в 11 де[нь], а цыдуля отдана обер-камисару господину Соловьеву.

Ниже вторая помета: Ответствовано 15 дня февраля

Копия

№ 11. 1717 г., февраля 1

Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову с благодарностью за освобождение своих остзейских имений от содержания драгунских лошадей; с известием о том, что поезд царицы Екатерины Алексеевны остановился на ночевку в шести милях от Амстердама и с просьбой посылать письма, адресованные лично ему в отдельных конвертах для скорости доставки

(Л. 105) Светлейший князь, мой милостивой государь!

Вашей светлости склонное писание, отправленное из Санкт-Петербурха от 7 дня генваря, я получил, за которое, тако ж и что изволили приказать из мызы моей вывести ротных лошадей, попремногу Вашей светлости благодарствую и прошу, дабы и впредь она в своем охранении и защищении по своей к нам милости иметь соизволили.

О здешнем состоянии ныне (Л. 105 об.) иного для известия Вашей светлости донести не имею, токмо что прибытия сюда Ея величества государыни царицы сего часу ожидаем, ибо вчерась имели ведомость, что во шти милях отсюды начевать изволила.

На прошлой почте Вашей светлости писал о компанейском деле. Прошу на то ответу и при сем пребываю Вашей светлости покорный слуга,

б[арон] Петр Шафиров.

Из Амстердама февраля в 1 де[нь] 1717.

Р. С. Сего часу получил я Вашей светлости высокосклонное от 11 генваря [письмо], за которое благодарствую и прошу покорно впредь ежели изволи-те ко мне о чем важном писать, то их прямо под моим ковертом адресовать, а не в других пакетах, ибо иногда несколько времени оные удержаны бы-вают, а почтмейстер питербурхской может прямо оные ко мне присылать [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 105–105 об.].

Под текстом помета: Получено февраля в 17 де[нь]

Копия

№ 12. 1717 г., февраля 8

**Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову о приезде
в Амстердам царицы Екатерины Алексеевны; о состоянии здоровья
Петра I; о получении известий о намерении шведского короля
Карла XII высадить десант в Шотландии в поддержку якобитам,
аресте в Лондоне шведского посланника и возможности
возобновления англо-русского союза**

(Л. 106) Светлейший князь, мой милостивый государь!

Вашей светлости высокосклонное писание от 18-го генваря исправно получил, и за оное Вашей светлости попремногу благодарствую и впредь прошу содержать меня в неотменной своей склонности.

О здешнем доношу: государыня царица изволила сюда притить сего февраля в 2 де[нь] благополучно и милостию Вышнего в добром здравии. А Его царское величество еще от чечуйной болезни не свободился и по се число из двора не выходит, однако ж, слава Богу, в дому изволит ходить.

Из Англии получили мы ведомость^н, что открылся там великой ком-плет^к от шведцкаго короля на короля аглинского, ибо намерен был оной в пользу претендента учинить транспорт в Шкоцию в 10 или 12 тысячах состоящей, и для того взят незапно шведцкой, в Лондоне обретающе[й]ся по-сланник за арест²⁴, и обраны у него все писма; тако заарестованы многие ево единомышленники, агличане и шведы. И потусьжают (?) в Англии против того короля сильной эшквадре, и говорят, что объявлена (Л. 106 об.) будет конечно война. И тако иногда принуждены будут с нами агличане войтить паки в согласие, что дай Вышний! О чем какое известие имеем от секретаря Веселовского²⁵, послал я к господину адмиралу Апраксину²⁶ экстракт и про-сил, дабы и Вашей светлости оной сообщил, ибо, чаю вас вместе быть в Реве-ле, а вдругореть писать не успел.

И при сем Вашей светлости покорный слуга,
б[арон] Петр Шафиров челом бью.

Из Амстердама 8-го февраля 1717 году [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 106–106 об.].

Под текстом помета: Ответствовано февраля 24 дня.

Копия

^н Слова «мы ведомость» написаны дважды.

^к Так в тексте, правильно – «комплот».

Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову о беспокойстве английского двора по поводу возможной поддержки якобитов со стороны Швеции; о готовности Великобритании возобновить союз с Россией после вывода русских войск из Мекленбурга; с просьбой освободить его и его брата от выполнения строительных работ в Санкт-Петербурге и с просьбой о содействии в освобождении из-под стражи брата ганноверского резидента Ф. Вебера

(Л. 106 об.) Светлейший князь, мой милостивый государь!

Вашей светлости высокосклонныя [писания] от 1-го и 8-го февраля я получил, за которые Вашей светлости благодарствую. И на онии ответствовать материи никакой не имею, только доношу, что в Англии великие тревоги чинятся от намеренного короля шведского в пользу претендента в ту землю впадения, и каковы выдали тамо в печать письма ис кореспонденции шведских министров, посылаю к Вашей светлости французской экземпляр, где касается и нашему двору, будто чрез господина доктора Арешкина²⁷ была кореспонденция чинена. Против чего от нас послан указ к секретору Веселовскому, велено подать мемориал, (Л. 107) протестуя против тех калумний²⁸, с которого в предбудущей почты сообщена будет Вашей светлости от меня копия. Однако ж министры того двора говорят нашему секретарю, что сколь скоро войска наши из Мекленбургии выдут, то будут вступать с нами в концерт о предбудущих действиях. И понеже уже фельтмаршал з господином генералом Репниным в походе обретаются з 12 баталионы, и еще велено 8 баталионам итить, а 12 достальным з генералом Вейдом в десять дней к походу готовым быть, и тако одне гвардии останутся, то вскоре явится, како от них поступок будет.

О иных ведомостей не имею донести, толко благодарим Вышнего, что их величества всемилостивейший наш государь и государыня царица в добром здравии и намерены на сей неделе итить в Гагу, а оттуда куды путь восприимут, о том еще неизвестно.

Получил я известие, что объявлен указ всем петербургским жителем, дабы им всем сваи побить от берегов и засыпать землею и фашинами, и сравнять з берегом марта к первому числу под опасением штрафа яко преступников указу и конфискованием дворов. Но понеже, мой государь, в небытии моего того учинить у меня некем, того ради уповаю, что на мне того не будет взыскано. И понеже о том и в разговорех от Его (Л. 107 об.) царского величества мы слышали, что Его величество только велел к сваям понемногу присыпать, что б оных не выломило водою, прочее ж де исподволь надлежит делать, того ради прошу Вашу светлость в том не понудить мой домишко до приезде моего.

Писано тако ж ко мне, будто подано в росписи от Вашей светлости между иными и имя брата моего в Сенат к строению на Васильевском острове дому. А понеже Вашей светлости самому известно, что по имянному указу Его царское величество определить изволил быть брату моему²⁹ на Москве, о чем еще до турецкой моей посылки чрез Вашу светлость то мне объявлено, того ради прошу его им ис того числа вычернить повелеть. А хотя б и не та причина была, то б ему, яко нашей канцелярии секретарю, надлежало иметь дом близ наших, где и другие наши секретари обретаются, а не на Васильевском острове.

В прочем ожидаю я с желанием милостивой Вашей светлости резолюции на прежнее мое, от 25-го генваря, о компанейском деле.

При сем же по должности своей не мог оставить в престоругу и сего донести: получили мы из Англии ныне в писмах, что выговаривано от министров секретарю нашему за арестование брата секретаря их, резидующаго Вебера³⁰, по челобитью (Л. 108) графа господина Матвеева³¹. И понеже о таких чужестранных министрах и их служителях из канцелярии нашей давно именные указы опубликованы, чтобы оных не арестовать ни ис какой канцелярии и ничего с ними не делать, не справясь и не объявляя о том в Посольской канцелярии, того ради советую Вашей светлости, дабы его как-нибудь освободить и то дело примирить, ибо то дело может ссоры наши с тем двором еще умножить. А и Андрею Артемоновичю в том может слово быть, тако ж и Вашей светлости преодсуждение.

Что з доброго сердца объявля,
пробываю Вашей светлости покорный слуга,
б[арон] Петр Шафиров.

Из Амстердама 5-го марта 1717 году [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 106 об. – 108].

Под текстом помета: Получено в 22 де[нь] марта.

Копия

№ 14. 1717 г., марта 29

**Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову
о деле брата ганноверского резидента Ф. Вебера**

(Л. 108) Светлейший князь, милостивой государь!

Доносил из Англии в реляции своей тамо резидующей Его царского величества секретарь посольства Федор Веселовской, что ему тамо ганноверския министры (Л. 108 об.) выговаривали о взятии за арест в Санкт-Петербурге брата секретаря Вебера, которой при дворе Его царского величества резидует, причитая то за обиду чести королевской и в нарушение всенародных прав, и желая, дабы оной немедленно свободен был, и в том им сатисфакция была учинена.

И хотя мы о том, как то учинилась, известия ис канцелярии, ни от Вашей светлости не имели, однакож господин граф Матвеев писал ко мне, и прислал список з дела того, и с челобитья своего, и с извету серебряника, которое в губернской канцелярии Вашей светлости о том обретається, ис которого я усмотрел, что тот брат секретаря Вебера приличился некоторым образом в краже и обдирке его, господина графа Матвеева, дому на Москве с святых икон и с креста серебра. И потому я Его царскому величеству о том доносил при чтении той секретаря Веселовского реляции с такими обстоятельствы, что Его величество того не изволил принять за противно, только повелел к Вашей светлости о том писать указом своим, дабы Ваша светлость приказали то дело подлинно и сколько мочно освидетельствовать, и учиня допросы доносителя в том сколько мочно явно. И списав со оных, тако ж и с челобитья копии (Л. 109) на немецком

языке, и учиня от себя письменную декларацию, отдать при том те списки секретарю Веберу, требуя, дабы он, Вебер, дал в том письмо с таким обнадеживанием подлинным, что он брата своего представит на суд королевской в Ганovere или в Англии купно с тем делом. И такая же списки послать к тайному советнику барону Шлейницу в Брауншвиц, и писать к нему, чтоб он при ганOVERском дворе о том объявил и требовал в том сатисфакции, о чем к нему и от нас указ послан будет. А к нам с того всего^а дела извольте, Ваша светлость, прислать список же, хотя [бы] русской. И потому повелел Его царское величество его, веберова брата, немедленно из аресту освободить и позволить ему з братом ездить куда хочет. И впредь извольте, Ваша светлость, приказать в канцеляриях губернии Вашей, дабы у чужестранных резидующих при дворе Его царского величества, характером снабденных или хотя и без характеру, с кредитифом от государей своих резидующих, и их свиты людей никого под арест не брали по выданному наперед сего Его царского величества имянному указу, но содержали б и чинили с ними во всем против того указу, которой велено секретарю Курбатову (*Л. 109 об.*) в Сенате, тако ж и Вашей светлости и в других канцеляриях паки сообщить с прежнего. Ибо как сами, Ваша светлость, известны, что ис того великие ссоры и повреждение интересу царского величества чинится, и причитается то всюды к нарушению всенародных прав. И может за то при других дворах и Его царского величества министрам и служителям взаимное отмщение и афронт учинен быть.

Что пишу к Вашей светлости по указу Его царского величества, которой пред отъездом его в Гаге определен, но за скоростию ис канцелярии нашей тогда не отправлен. И для того, чтоб то не было пренебрежено, принужден я Вашей светлости сообщить, пребывая при Вашей светлости покорнейший слуга,

бо[рон] Петр Шафиров.

Из Амстердама 29-го марта 1717-го году [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 108–109 об.].

Под тестом помета: Отдал светлейший князь апреля 19 дня.

Копия

№ 15. 1717 г., марта 27

Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову с сообщением о получении ответного мемориала короля Великобритании Георга I на мемориал секретаря русского посольства в Лондоне Ф. П. Веселовского с приложением копии мемориала в переводе с французского на русский язык

(*Л. 109 об.*) Светлейший князь, мой милостивой государь!

На прошлой почте писал я Вашей светлости о всем пространно. Ныне же по обещанию своему при сем посылаю экземпляр мемориала на французском языке, каков подан ко двору королевского (*Л. 110*) величества аглинского

^а Слово вписано над строкой.

через нашего секретаря посольства Веселовского, и ответу на оной учиненного от двора аглинского список³², которой пачи чаяния написан слабо и учтиво, посему знатно, что признали оные свою неправду к стороне царского величества показанную. Иного ж к доношению не имею, ибо неизвестен еще где Его царское величество обретается. И в протчем ссылаюсь на прежние свои, и в ожидани[и] милостиваго ответа пребываю Вашей светлости покорный слуга,

б[арон] Петр Шафиров.

Из Амстердама марта в 27 де[нь] 1717 [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 109 об. – 110].

Под тестом помета: Получено чрез почту апреля в 17 де[нь] 1717

Копия

№ 16. 1717 г., апреля 4

Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову с просьбой о приеме нанятых в русскую службу матросов и с приложением копии с письма к генералу-адмиралу гр. Ф. М. Апраксину о том же

(Л. 112) Светлейший князь, мой милостивой государь!

При сем включаю к Вашей светлости список с писма, каково я писал о найме морских людей в службу царского величества о приеме (Л. 112 об.) их и определении к Его сиятельству к господину генералу-адмиралу графу Апраксину, которое Вашей светлости сообщаю, понеж неизвестен, застанет ли то мое письмо Его сиятельство в Питербурхе или в Ревеле. И прошу, дабы Ваша светлость, яко генерал-губернатор и контра-адмирал, оных людей и корабельщиков приказал кому принять благоприятно, и в случае отсутствия господина генерала-адмирала оных определить во всем, в чем надлежит, ибо я о том к Вашей светлости писать указ Его царского величества имею и пребываю Вашей светлости,

Вашей высококняжой светлости покорный слуга,

б[арон] Петр Шафиров.

Из Амстердама, 4 апреля 1717 [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 112–112 об.].

Копия

(Л. 112 об.) Государь мой Федор Матвеевич!

Доношу Вашему графскому сиятельству, что по указу царского величества приезжал я сюды для учинения договору о найму в службу Его царского величества на флот матросов, которой договор здесь учинил с некоторыми подрядчики, которых перенял на себя до 1 500 человек. Буде возможно будет нанять и на кораблях отослать в Ревель, а на каких кондициях оныя будут приняты, о том будет (Л. 113) к Вашему сиятельству писать агент Фандербурк³³. А мы положили здесь оным давать по 12 гульдин на месяц, и велели им выдать при отпуске их в зачет на два месяца. А в Российском государстве давать им вместо того числа гульдиков нашу

манетою по вексельному курсу, о чем изволите тамо определение учинить, о чем для известия Вашему сиятельству донести за благо разсудил, понеже оное надлежит до Вашей диспозиции.

И тако изволите, Ваше сиятельство, определить кого в Ревель, чтоб по приезде тех матрозов принимал, и по приеме где их бы определил и залованье^Р надлежащее давал. И тако ж, чтоб сколь скоро те корабли придут, чтоб люди с них сняты и тем шипорам доброй прием иметь показана была. И ежели в тех кораблях какие товары на продажу привезены будут, дабы в продаже оных им свобода и протекция показана была с платежом достойной пошлины, однако ж хотя б какая-нибудь перед другими обмена для переду и заохочивание была. И уповаю, что Ваше сиятельство о том изволите определение учинить.

Да при том же указал Его царское величество нанять Фондербургу в службу свою от 5 до 8 старых и искусных порутчиков в капитаны, тако ж несколько штурманов и боцманов, о которых приеме и отправлении и о кондициях он потом писать к Вашему сиятельству будет. А я сего дня отъезжаю за Его величеством по указу в Брабандию [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 112 об. – 113].

Копия с копии

№ 17. 1717 г., августа 6

**Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову
с оправданиями за долгую задержку с письмами и сообщением
о намерении царской четы отправиться с Успеньева дня
из Амстердама в Санкт-Петербург через Берлин**

(Л. 113 об.) Светлейший князь, мой милостивой государь и особливый благодетель!

Вашей светлости высокосклонное писание от 15 июля я исправно получил, за которое попремногу благодарствую. Что ж я несколько времени умедлил служить Вашей светлости моими покорными писмами, и то учинилось за оскудением материи и за нашими частыми переездами. Тако ж, понеже я на многие свои писма, о делех писанные, никакой резолюции и по се число не получил от Вашей светлости, и того ради возмнил, что моя корреспонденция Вашей светлости приносит труд.

О здешнем доношу, что Его царское величество и государыня царица в добром здравии милостию Вышняго обретаются и намерены иттить отсюда в Петербург с Успеньева дни через Берлин.

При сем Вашей светлости покорнейший раб,
б[арон] Петр Шафиров челом бью.

Из Амстердама 6-го августа 1717 [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 113 об.].

Под текстом помета: Получено августа в 22 де[нь] 1717 году.

Копия

^Р Так в тексте.

№ 18. 1717 г., августа 16

Письмо бар. П. П. Шафирова свтл. кн. А. Д. Меншикову о поездках царской четы и свиты в Утрехт и Апелдорн (дворец Лоо) и о намерении в скором времени покинуть Амстердам

(Л. 113 об.) Светлейший князь, мой милостивый государь и падрон!

Вашей светлости доношу, что их царское величества великие государь и государыня царица изволили ездить гулять в утрехтской и в другие (Л. 114) каналы смотреть домов и огородов; тако ж и были в Лоо³⁴. Всего же гуляли девять дней, при них же и мы обретались, и вчеразь возвратились благополучно суда. А чаю здесь по крайней мере более и дале неделе^с не будем медлить, поедем^т через Берлин в Питербурх, что дай Вышний, дабы очи Ваши могли в радости видеть. Дела наши здесь благополучно управляются, о чем изустно буду иметь честь доносить Вашей светлости.

И при сем всепокорней Ваш слуга,

б[арон] Петр Шафиров, челом бью.

Из Амстердама, августа в 16 де[нь] 1717 [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 113 об. – 114].

Под текстом помета: Получено октября 1, ответствовано 2.

Копия

КОММЕНТАРИИ

¹ Петр I как глава Северного союза – коалиции европейских стран, воювавших против Швеции, планировал весной-летом 1716 г. при поддержке датского и британского флотов осуществить военный десант в Сконе (Шконию, Шонию) – область на юге королевства, открыв, таким образом, новый фронт против войск Карла XII непосредственно на его территории. Противоречия в стане союзников, вызванные сложной системой взаимных территориальных претензий между германскими княжествами, Швецией и Данией, и позиция Великобритании, чей король Георг I являлся одновременно курфюрстом Ганновера, привели к противодействию намерениям русского царя. Опасаясь потенциального усиления русского влияния на севере Германии и не одобряя военно-политического и династического союза России и герцогства Мекленбург, Великобритания (формально не входившая в антишведскую коалицию) стала добиваться вывода русского корпуса из Мекленбурга, ставя это условием дальнейшей поддержки России. Отчасти под влиянием Англии, отчасти исходя из собственных соображений датский король Фредерик IV

^с Написано над строкой.

^т Так в тексте.

также фактически отказался от совместных действий в Сконе. Ситуация осложнялась недружественным вмешательством в развитие событий представителей дворянской мекленбургской оппозиции, сильной при датском дворе, и двусмысленной позицией Голштинии и Нидерландов. Разрешению так называемого «мекленбургского дела» и были посвящены многие усилия русской дипломатии, о которых идет речь в письмах П. П. Шафирова.

² Речь идет о прусском городе Хафельберге (*Havelberg*), ныне расположенном в федеральной земле Саксония-Анхальт в Германии. Это уточнение необходимо сделать потому, что в русскоязычной литературе название этого города часто передается как Гавельсберг, что приводит к путанице, неверно указывая на город Гавельсберг (Гефельсберг, *Gevelsberg*), находящийся ныне в федеральной земле Северный Рейн – Вестфалия.

³ Имеется в виду Посольская канцелярия – в описываемое время центральный орган управления внешней политикой России. С 1714 г. располагалась в Санкт-Петербурге.

⁴ Курбатов Петр Васильевич (1673–1747) – один из руководителей аппарата Посольской канцелярии, а затем Коллегии иностранных дел. Прошел путь от молодого подьячего Новгородского приказа до статского советника. В мае 1708 г. вторым в России был удостоен чина секретаря (миновав при этом производство в дьяки). С февраля 1716 по октябрь 1717 г. в период пребывания канцлера Г. И. Головкина и подканцлера П. П. Шафирова за рубежом исполнял обязанности руководителя Посольской канцелярии и Посольского приказа.

⁵ Фридрих-Вильгельм I (*Friedrich Wilhelm I*) (1688–1740), король Пруссии, оказался в ситуации кризиса антишведской коалиции второй половины 1716 г. едва ли не единственным монархом Северной Европы, на поддержку которого (хотя бы дипломатическую) мог уповать Петр I. Встреча двух монархов в Хафельберге явилась яркой демонстрацией близости их позиций и взаимных симпатий. В рамках этой встречи прусский король сделал русскому царю знаменательные подарки: яхту «Либуруника» и янтарный кабинет – известную впоследствии «янтарную комнату», украшавшую с середины XVIII в. до Великой Отечественной войны интерьеры Екатерининского дворца в Царском селе.

⁶ Считаем нужным указать, что в данном случае имеется в виду город Альтена (*Altena*), ныне один из пригородов Гамбурга, в описываемое время принадлежавший Дании. В русскоязычных (оригинальных и переводных) текстах название города зачастую неверно передают как Альтенау. В действительности во время своего путешествия 1716–1717 гг. Петр I не посещал Альтенау (*Altenau*), ныне относящегося к федеральной земле Нижняя Саксония.

⁷ Вероятно, имеется в виду барон Горацио (Хорос) Уолпол (*Horace Walpole*; в российской историографии часто *Вальполь*), бывший в 1716 г. секретарем Казначейства и британским посланником в Гааге. Если это так, то Шафиров ошибается: Г. Уолпол был не зятем, а младшим братом Роберта Уолпола (*Robert Walpole*) (1676–1745), будущего премьер-министра, занимавшего в то время пост министра финансов и первого лорда Казначейства и по влиянию при дворе Георга I могшего считаться первым министром (официально такой должности в эти годы не существовало).

⁸ Брантс Кристоффель (Христофор Брандт; *Christoffel van Brants*) (1664–1732) – голландский предприниматель и российский дипломат. Долгое вре-

мя проживал в Немецкой слободе в Москве, неоднократно выполнял поручения Петра I. 17 августа 1717 г. перед отъездом из Голландии Петр I пожаловал К. Брантсу российское дворянское достоинство, а 21 августа произвел его в надворные советники и назначил торговым резидентом в Амстердаме. Прибыв в Амстердам 6 декабря 1716 г., царь провел в доме К. Брантса (расположенном на канале Кейзерсграхт) несколько дней, после чего переехал в дом российского обер-комиссара в Нидерландах О. А. Соловьева.

⁹ Кеппел Арнольд Йост ван, граф Албемарл (*Arnold Joost van Keppel, Earl of Albemarle*) (1670–1718) – датский, английский и голландский государственный и военный деятель. В описываемое время депутат Генеральных штатов Соединенных Нидерландских провинций.

¹⁰ Вильгельм III (*Виллем ван Оранье-Нассау, Willem Hendrik, Prins van Oranje*) (1650–1702), король Великобритании (1689–1702).

¹¹ Вероятно, бургомистр Амстердама Геррит Хендрикзон Хофт (*Gerrit Hooft Hendrikzon*) (1649–1717).

¹² Куракин Борис Иванович, князь (1676–1727) – российский военный деятель и дипломат. Участник Азовских походов и основных кампаний Великой Северной войны 1700-х гг. В январе 1707 г. был произведен в подполковники лейб-гвардии Семеновского полка. С 1712 г. генерал-майор, с 1713 г. тайный советник. В октябре 1711 – августе 1725 г. полномочный министр (посол) в Голландии. Сопровождал Петра I в зарубежной поездке 1716–1717 гг. В марте 1717 г. был пожалован в кавалеры ордена Св. Андрея Первозванного.

¹³ Толстой Петр Андреевич (1653–1729) – российский государственный деятель и дипломат. Службу начал при дворе царицы Натальи Кирилловны, был комнатным стольником царя Ивана Алексеевича. В 1701–1714 гг. – посол в Турции. В июне 1710 г. был произведен в тайные советники. Сопровождал Петра I в зарубежной поездке 1716–1717 гг. 1 июля 1717 г. был назначен руководителем операции по возвращению в Россию царевича Алексея Петровича. Впоследствии граф, руководитель Тайной канцелярии, президент Коммерц-коллегии, сенатор, член Верховного тайного совета.

¹⁴ Шлейниц Ханс-Христофор (*Hans-Christoph Schleinitz*) – российский дипломат, перешел на русскую службу в 1711 г. по рекомендации герцога брауншвейгского. Был посланником в Мекленбург-Шверине (с сентября 1712 г.), Брауншвейг-Люнебурге (с ноября 1716 г.). 29 июня 1716 г. был произведен в тайные советники. 20 августа 1717 г. был назначен первым полномочным послом («министром») России во Франции.

¹⁵ 9–10 ноября 1716 г. в результате сильного шторма была разрушена гавань в Ревеле. При этом серьезные повреждения получили семь кораблей, а два – «Антоний» и «Фортуна» – оказались отброшены на мели и пришли в полную негодность [Материалы для истории русского флота, ч. 2, с. 153–155]. Разорение ревельской эскадры, спешно готовившейся к отправке для военных действий в Западной Балтике, стало тяжелым ударом для ответственных за это лиц – генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, капитан-командора П. И. Сиверса и, конечно, А. Д. Меншикова. Последний известил об этом несчастье Петра I письмом от 19 ноября 1716 г., которое попало в Амстердам только 19 декабря (!). Ввиду плохого состояния здоровья государя кабинет-секретарь А. В. Макаров решил доложить ему неприятную новость только 21 декабря. Последняя была воспринята царем «не без печали», но со смирением, поскольку «от воли Божией сие учинилось» [Материалы для истории русского флота, ч. 2, с. 157–158, 168–169].

¹⁶ Леонтьев Александр Иванович, муж одной из племянниц А. Д. Меншикова. В 1708–1715 гг. обучался морскому делу в Англии. С января 1716 г. – поручик флота. Умер в 1719 г.

¹⁷ Черкасский Александр Андреевич, князь, муж одной из племянниц А. Д. Меншикова. В 1709–1716 гг. обучался морскому делу в Голландии. В сентябре 1716 г. был произведен в подпоручики флота, в январе 1719 г. – в поручики. В мае 1725 г. был пожалован камергером двора царевны Анны Петровны. Впоследствии смоленский губернатор, действительный статский советник. В 1733 г. попал под суд Тайной канцелярии, с ноября 1734 г. по февраль 1740 г. находился в ссылке в Жиганске (ныне с. Жиганск, административный центр одноименного района (улуса) Республики Саха – Якутии). В 1742–1747 гг. состоял при дворе великого князя Петра Федоровича. Умер в 1749 г.

¹⁸ О рождении царевича Павла Петровича А. Д. Меншиков оказался извещен еще утром 18 января 1717 г. из неких «курантов», полученных с «заморской почты». По этому поводу в тот же день в Санкт-Петербурге он устроил небольшое торжество [Повседневные записки, с. 102].

¹⁹ Старинное название геморроя.

²⁰ Румянцев Александр Иванович (1677–1749) – российский государственный и военный деятель, дипломат. На военной службе с 1700 г. С 1704 г. служил рядовым в гренадерской роте лейб-гвардии Преображенского полка. Участник Прутского похода и основных кампаний Великой Северной войны 1700-х гг. С 24 марта 1715 г. капитан, командир 3-й роты Преображенского полка. Сопровождал Петра I в зарубежной поездке 1716–1717 гг. В марте 1717 г. был направлен на поиски царевича Алексея Петровича, сумел в короткий срок установить его местонахождение. За участие в возвращении царевича в Россию 9 декабря 1718 г. был произведен в гвардии майоры и генерал-адъютанты. Впоследствии граф, подполковник Преображенского полка, сенатор.

²¹ Какое именно тяжелое заболевание перенес Петр I зимой 1716–1717 гг., к настоящему времени установить не удалось. Но вот относительно состояния здоровья царя в июне 1717 г. сохранилось авторитетное свидетельство лейб-медика Р. Арескина. Согласно этому документу, на тот момент Петр I утратил аппетит «из-за расслабления волокон желудка, с распуханием ног, перемежающимся желчными коликами» (цит. по: [Вагеманс, 2007, с. 183]).

²² Шлиппенбах Вольмар (*Wolmar Anton von Schlippenbach*) (1653–1721) – шведский и российский военный деятель. В начале 1700-х гг. командовал группировкой шведских войск в Эстляндии. В сентябре 1701 г. был произведен в генерал-майоры, в 1704 г. назначен вице-губернатором Эстляндии. Попал в плен в Полтавской битве. В 1713 г. поступил на русскую службу. Был назначен командиром Рязанского пехотного полка, с которым принял участие в Гангутском сражении. В 1714 г. был произведен в генерал-лейтенанты. С 1718 г. – член присутствия Военной коллегии.

²³ Бон Герман (*Herman Jensen Bohn*) (1672–1743) – датский и российский военный деятель. В 1697 г. поступил в датскую армию, в которой дослужился до генерал-квартирмейстер-лейтенанта. В 1708 г. был принят на русскую службу с чином полковника. Участник Полтавской битвы и Прутского похода. С 1711 г. генерал-майор. 30 мая 1718 г. произведен в генерал-лейтенанты. Впоследствии член Военной коллегии, глава комиссии по пересмотру воинских артикулов, генерал-аншеф, один из первых кавалеров ордена Св. Александра Невского. В 1731 г. вышел в отставку.

²⁴ Речь идет об аресте в 29 января 1717 г. в Лондоне шведского посла («министра») в Англии Карла Юлленборга (Гилленборга; *Carl Gyllenborg*). Проведя под стражей свыше полугода, он был в августе 1717 г. выслан в Швецию. В английской историографии этому сюжету посвящено специальное исследование [Simpson, p. 32–37].

²⁵ Веселовский Федор Павлович – российский дипломат. В 1707 г. поступил в Посольский приказ на должность переводчика с немецкого и латинского языков. С 1709 г. работал в российских посольствах в Австрии, Ганновере и Голландии, был произведен в чин секретаря посольства. В апреле 1716 г. направлен в посольство в Англию, 9 июня 1717 г. назначен резидентом при английском дворе. 16 марта 1720 г. смещен с должности резидента и направлен секретарем посольства в Данию. Отказался покидать Англию, став одним из первых отечественных дипломатов-«невозвращенцев». Неоднократно ходатайствовал затем о возвращении в Россию, позволение на что получил в ноябре 1742 г. Впоследствии тайный советник, куратор Московского университета, кавалер ордена Св. Александра Невского.

²⁶ Апраксин Федор Матвеевич (1661–1728) – российский государственный и военный деятель. Военную карьеру начал в 1686 г. поручиком в Семёновской потешной роте. Участник основных кампаний Великой Северной войны. С февраля 1700 г. руководил новоучрежденным Адмиралтейским приказом. В феврале 1707 г. произведен в адмиралы и назначен главой объединенных Адмиралтейского и Военно-морского приказов. С 1708 г. генерал-адмирал. 29 февраля 1709 г. возведен в графское достоинство и пожалован чином действительного тайного советника. С февраля 1710 г. азовский генерал-губернатор. Впоследствии президент Адмиралтейской коллегии, сенатор, генерал-губернатор Ревеля, член Верховного тайного совета.

²⁷ Арескин (Эрскин) Роберт (*Robert Erskine*) (1674–1718) – английский и российский врач и государственный деятель. Обучался медицине в университетах Эдинбурга, Парижа и Утрехта. В 1700 г. получил в Оксфордском университете степень доктора медицины и философии, с 1703 г. член Британского Королевского общества. С 1704 г. проживал в России, являлся личным врачом А. Д. Меншикова. С 1707 г. руководил Аптекарским приказом. С 1713 г. лейб-медик. Сопровождал Петра I в зарубежной поездке 1716–1717 гг. В апреле 1716 г. был назначен архиатром («архиатером»), «президентом всего медицинского факультета России», то есть главой медицинской и военно-медицинской службы государства.

²⁸ Названный мемориал был представлен Ф. П. Веселовским английской стороне 20 марта 1717 г.

²⁹ Имеется в виду Михаил Павлович Шафиров – младший брат П. П. Шафирова (род. в 1682 г.). В 1706 г. был зачислен в Посольский приказ переводчиком с латинского, немецкого и французского языков. В июне 1710 г. произведен в секретари. Работал в Посольском приказе, ставшем с начала 1710-х гг. фактически московским отделением Посольской канцелярии. С 1718 г. ассессор Приказной экспедиции Коллегии иностранных дел, с сентября 1720 г. советник Ревизион-коллегии. Впоследствии переводчик канцелярии Святейшего Синода и советник Коммерц-коллегии. В 1737 г. вышел в отставку.

³⁰ Вебер Фридрих (*Friedrich Christian Weber*) – секретарь ганноверского посольства при российском дворе в 1714–1719 гг., исполнявший обязанности резидента.

31. Матвеев Андрей Артамонович (1666–1728) – российский государственный деятель и дипломат. В 1676–1682 гг. вместе с отцом А. С. Матвеевым находился в ссылке в Пустозерске и на Мезени. В 1692–1694 гг. двинской воевода. В апреле 1692 г. произведен в окольные. С апреля 1699 по сентябрь 1712 г. – посол в Голландии (одновременно в 1707–1708 гг. представлял интересы России в Лондоне), с ноября 1712 по февраль 1715 г. – в Австрии. 13 ноября 1712 г. произведен в тайные советники. 20 февраля 1715 г. возведен в графы Римской империи (аналогичного российского титула не удостоивался). С января 1716 по январь 1719 г. – начальник Морской академии в Санкт-Петербурге. В декабре 1717 г. был назначен президентом новоучрежденной Юстиц-коллегии. Впоследствии сенатор, судья Вышнего суда, глава Московской конторы Сената, действительный тайный советник.

32. Упомянутая копия, помещенная в качестве приложения к письму под заглавием «Перевод с ответу, данного Его царского величества секретарю посольства Федору Веселовскому от двора королевского величества аглинского на поданной мемориал его», в данной публикации не приводится, поскольку публиковалась ранее [Ответ короля Великобританского, с. 14–16].

33. Бюрг Йоханнес ван ден (Яган Фанденбурх; *Johannes van den Burgh*) (1663–1731). С 1704 г. состоял на российской службе в статусе агента, выполнял разнообразные высочайшие поручения в Голландии, в первую очередь по найму военных и гражданских специалистов.

34. Дворец Хет Лоо в Апелдорне, загородная резиденция штатгальтеров (стадхаудеров) и королей Нидерландов, известный своим парком и огородами.

Список литературы

- Бобылев В. С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 1990. 168 с.
- Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого : Переписка их с кн. А. Д. Меншиковым (1717–1727) // Рус. архив. 1883. № 5. С. 5–40.
- Вагеманс Э.* Петр Великий в Бельгии / пер. с нидерланд. СПб. : Гиперион, 2007. 231 с.
- Вагеманс Э.* Царь в Республике : Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. с нидерланд. В. К. Ронина. СПб. : Европ. дом, 2013. 256 с., ил.
- Гуржий О. И.* Иван Скоропадский. Київ : Альтернативи, 2004. 312 с.
- Донесение о московском большом пожаре мая 29 1737 года / публ. П. И. Иванова // ЧОИДР. М. : [Б. и.], 1858. Кн. 3. Смесь. С. 19.
- Конигсбрюгге Х. ван.* История потерянной дружбы : Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. / пер. с нидерланд. В. К. Ронина. СПб. : Европ. дом, 2014. 255 с., ил.
- Кросс Э.* У темзских берегов : Россияне в Британии в XVIII в. СПб. : Академ. проект, 1996. 387 с.
- Материалы для истории русского флота : [в 17 т.]. СПб., 1865. Т. 2. 724 с.
- Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. 4-е изд. М. : Междунар. отношения, 1991. 446 с.
- Морохин А. В.* «И такой злой дороги не видали» : Из истории путешествия царицы Екатерины Алексеевны по Германии в конце 1716 г. // *Quaestio Rossica*. 2017. № 2. С. 367–384.
- Никифоров Л. А.* Русско-английские отношения при Петре I. М. : Госполитиздат, 1950. 279 с.
- Пайков В.* Жить, мучаясь, – не так уж плохо : (О жизни и кончине Петра Алексеевича Романова, великого императора России) // Сетевая словесность. 2015. URL: www.netslova.ru/paikov/petr1.html (дата обращения: 03.05.2017).
- Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. М. : Изд-во Акад. наук, 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 317.

Письма русских государей и других особ царского семейства : в 5 т. М. : Тип. Сергея Орлова, 1862–1896. Т. 1. Переписка Императора Петра I с Государыней Екатериной Алексеевной. 194 с.

Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / публ. С. Р. Долговой, Т. А. Лаптевой. М. : Рос. фонд культуры ; Студия «ТРИТЭ» ; Рос. Архив, 2000. 582 с.

Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Глав. архив. упр. при СМ СССР, 1990. 83 с.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 318; Ф. 248. Кн. 1888. Л. 599 об.; Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035. Л. 81; Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035.

РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Кн. 24. Л. 98.

Серов Д. О. Администрация Петра I. 2-е изд., испр. и доп. М. : ОГИ, 2008. 291 с.
Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. М. : Голос ; Колокол-Пресс, 1997. Кн. 9. Т. 17–18. История России с древнейших времен. 720 с.

Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым / публ. П. И. Иванова // ЖМЮ. 1859. Т. 1. Кн. 3. С. 3–62.

Уитворт Ч. Россия в начале XVIII века: сочинение Ч. Уитворта «An Account of Russia as it was in the Year 1710» / отв. ред. М. П. Ирошников ; ред. пер. с англ., ст. и коммент. Ю. Н. Беспятых. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1988. 222 с.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб. : В тип. Второго Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1858–1863. Т. 6. 628 с., прил., ил.

Фейгина С. А. Аландский конгресс : Внешняя политика России в конце Северной войны. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 548 с.

Черняк Е. Б. Изменения в системе Европейских государств во второй половине XVII – начале XVIII в. // История Европы. М. : Наука, 1995. Т. 4. 509 с.

Юрнaлы и походные журналы Петра Великого с 1695 по 1725 г. : [в 24 т.]. СПб. : Изд. Афанасия Бычкова, 1853–1855.

Black J. A. Eighteenth Century Europe : 1700–1789. L. : Macmillan, 1990. 458 с.

Cracraft J. Diplomatic and Bureaucratic Revolutions // The Revolution of Peter the Great. Harvard Univ. Press, 2003. 192 p.

Oakley S. P. War and peace in the Baltic 1560–1790. L. ; N.-Y. : Routledge, 1992. 216 p., maps.

Plumb J. H. England in the Eighteenth Century. Harmondsworth : Penguin Books, 1950. 224 p.

Simpson J. Arresting a Diplomat, 1717 // History Today. 1985. Vol. 35. P. 32–37.

References

Bobylev, V. S. (1990). *Vneshnjaja politika Rossii jepohi Petra I*. [Russia's Foreign Policy of Peter I's Epoch]. 168 p. Moscow, Ros. un-t družby narodov.

Black, J. A. (1990). *Eighteenth Century Europe. 1700–1789*. 458 p. L., Macmillan.

Brat'ja Olsuf'evy, ober-gofmejestery Petra Velikogo. *Perepiska ih s kn. A. D. Menshikovym (1717–1727)* [The Olsufyev Brothers, Peter the Great's Chief Masters of the Court. Their Correspondence with Prince A. D. Menshikov (1717–1727)]. In *Russkij arhiv*, Iss. 5, pp. 5–40.

Waegemans, E. (2007). *Petr Velikij v Bel'gii* [Peter the Great in Belgium]. 231 p. St Petersburg, Giperion.

Chernjak, E. B. (1995). *Izmenenija v sisteme Evropejskih gosudarstv vo vtoroj polovine XVII - nachale XVIII v. T. 4* [Changes in the System of European States in the 2nd Half of the 17th – Early 18th Century. Vol. 4]. 509 p. In *Istorija Evropy*. Moscow, Nauka.

Cracraft, J. (2003). *Diplomatic and Bureaucratic Revolutions*. In *The Revolution of Peter the Great*. 192 p. Harvard Univ. Press.

Cross, A. (1996). *U temzskih beregov. Rossijane v Britanii v XVIII v. Ch. II*. [By the Banks of the Thames. Russians in Eighteenth Century Britain. Part II]. 387 p. St Petersburg, Akademicheskij proekt.

Dolgorova, S. R., Lapteva T. A. (Ed.). (2000). *Povsednevnye zapiski delam knjazja A. D. Menshikova 1716–1720, 1726–1727 gg.* [Daily Notes of Prince A. D. Menshikov's Activity 1716–1720, 1726–1727]. 582 p. Moscow, Ros. fond kul'tury; Studija "TRITJe"; Ros. Arhiv.

Fejgina, S. A. (1959). *Alandskij kongress. Vneshnjaja politika Rossii v konce Severnoj vojny* [Congress of Aland. Russia's Foreign Policy at the End of the Northern War]. 548 p. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR.

- Gurzhiy, O. I. (2004). *Ivan Skoropads'kij* [Ivan Skoropadsky]. 312 p. Kiřv, Al'ternativi.
- Ivanova, P. I. (Comp.) (1858). Donesenie o moskovskom bol'shom pozhare maja 29 1737 goda [Report about the Great Fire of Moscow of 29 May 1737]. In *ChOIDR*. Moscow, Book 3, p. 19.
- Konigsbrugge, H. van. (2014). *Istorija poterjannoj družby: Otnoshenija Gollandii so Shveciej i Rossiej v 1714–1725 gg.* [The Story of a Lost Friendship. Holland's Relations with Sweden and Russia between 1714 and 1717]. 255 p. St Petersburg, Evropejskij dom.
- Ivanova, P. I. (Ed.). (1859). Sudnoe delo nad dejstvitel'nym tajnym sovetnikom baronom Shafirovym i ober-prokurorom Senata Skornjakovym-Pisarevym [The Case of Acting Privy Councilor Baron Shafirov and Attorney General of the Senate Skornaykov-Pisarev]. In *ZhMJu*, Vol. 1, Book 3, pp. 3–62.
- Jurnaly i pohodnye zhurnaly Petra Velikogo s 1695 po 1725 gg. [Journals and Route Journals of Peter the Great from 1695 to 1725]. (1853–1855). St Petersburg.
- Materialy dlja istorii ruskogo flota* [Materials for the History of the Russian Navy]. (1865). 724 p. St Petersburg.
- Molchanov, N. N. (1991). *Diplomatija Petra Velikogo* [Peter the Great's Diplomacy]. 446 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija.
- Morokhin, A. V. (2017). “*I takoj zloj dorogi ne vidali*”: *Iz istorii puteshestvija caricy Ekateriny Alekseevny po Germanii v konce 1716 g.* [‘Such an Evil Road I Have Never Seen’: Tsarina Ekaterina Alekseevna's Trip through Germany at the End of 1716]. In *Quaestio Rossica*, Iss. 2, pp. 367–384.
- Nikiforov, L. A. (1950). *Russko-anglijskie otnoshenija pri Petre I* [Russia – England Relations during the Reign of Peter I]. 279 p. Moscow, Gospolitizdat.
- Oakley, S. P. (1992). *War and peace in the Baltic 1560–1790*. 216 p. L., NY, Routledge.
- Plumb, J. H. (1950). *England in the Eighteenth Century*. 224 p. Harmondsworth, Penguin Books.
- Simpson, J. (1985). Arresting a Diplomat, 1717. In *History Today*, Vol. 35, pp. 32–37.
- Pajkov, V. L. (2015). *Zhit', muchajas', – ne tak uzh ploho.* (*O zhizni i konchine Petra Alekseevicha Romanova, velikogo imperatora Rossii*) [Living in Suffering Is Not Entirely Bad (On the Life and Death of Peter Alekseevich Romanov, the Great Emperor of Russia)]. URL: www.netslova.ru/paikov/petr1.html (mode of access: 03.05.2017).
- Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and Papers of Peter the Great]. (1962). Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. Vol. 11, Iss. 1, p. 317.
- Pis'ma russkih gosudarej i drugih osob carskogo semejstva. Perepiska Imperatora Petra I s Gosudarynej Ekaterinoj Alekseevnoj T. I* [Letters of Russian Monarchs and Other Members of the Royal Family. Peter I's Correspondence with Tsarina Ekaterina Alekseevna. Vol. I]. (1862). 186 p. Moscow, Tipografija Sergeja Orolova.
- Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov v SSSR. 2-e izd., pererab. i dop.* [Publication Rules for Historical Documents in the USSR. 2nd Edition, Update]. (1990). 83 p. Moscow, Glavnoe arkhivnoe upravlenie pri SM SSSR.
- RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 9, Sect. 1. Vol. 58. List 318a; Stock 248. Vol. 1888. List 599 ob.; Stock 198. Sect. 1. Dossier 1035. List 81; Stock 198. Sect. 1. Dossier 1035. List 82–152; Stock 2583, Sect. 1. Vol. 24. List 98.
- Serov, D. O. (2008). *Administracija Petra I* [Peter I's Administration]. 291 p. Moscow, OGI.
- Solov'ev, S. M. (1997). *Sochinenija. V 18 kn. Kn. IX.T. 17–18. Istorija Rossii s drevnejshih vremen* [Works. In 18 Books. Book IX, Vols. 17–18]. 720 p. Moscow, Golos; Kolokol-Press.
- Whitworth, Ch. (1988). *Rossija v nachale XVIII veka: sochinenie Ch. Uitvorta “An Account of Russia as it was in the Year 1710”* [Russia in the Early 18th Century: The Work by Ch. Whitworth *An Account of Russia as It Was in the Year 1710*]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR.
- Ustrjalov, N. G. (1859). *Istorija carstvovanija Petra Velikogo*, T.6 [The History of Peter the Great's Reign, Vol. 6]. 628 p. St Petersburg, Tip. ii-go otdeleniya sobstv. ego imp. vel. kancelyarii.
- Waegemans, E. (2013). *Car' v Respublike: Vtoroe puteshestvie Petra Velikogo v Niderlandy (1716–1717)* [A Tsar in a Republic. Peter the Great's Second Trip to the Netherlands]. 256 p. St Petersburg, Evropejskij dom.

The article was submitted on 16.03.2017

DOI 10.15826/qr.2017.2.230

УДК 94(470)"17"+94(4)"17"+94(4)"1700/21"(093)

**«WIDRIGE WINDE»: DER ABBRUCH DER SCHONISCHEN
EXPEDITION AUS DER SICHT DES PREUSSISCHEN
GESANDTEN, DES FREIHERRN FRIEDRICH ERNST
VON CNYPHAUSEN***

Lorenz Erren

Johannes Gutenberg-Universität Mainz,
Mainz, Germany

**'DIFFICULT WINDS': THE CANCELLATION
OF THE SCHONEN EXPEDITION FROM THE PERSPECTIVE
OF THE PRUSSIAN AMBASSADOR FRIEDRICH ERNST
VON CNYPHAUSEN**

Lorenz Erren

Johannes Gutenberg-Universität Mainz,
Mainz, Germany

There are two interpretations of Peter the Great's motives for refusing to land on the Swedish island of Schonen in historiography: that the tsar feared unforeseen military risks and that he did not trust his allies, Denmark and Great Britain. In this article, the author attempts to analyse in a more detailed way the reasons and consequences for the mistrust in the Northern Alliance by looking at communications by Baron Friedrich Ernst von Cnyphausen, the Prussian ambassador in Copenhagen. It is shown that the Russophobic hysteria which grasped the Danish royal court in September 1716 looks completely irrational when we consider parallel attitudes in the Prussian court. Cnyphausen does not give the slightest hint that the hysteria had any factual basis. King Friedrich Wilhelm agreed with the arguments of the tsar and P. P. Shafirov presented on 18 October because of Hanoverian diplomatic intrigues at the Danish court. Russia had sufficient military strength to win the war against Sweden by itself: whatever happened, Prussia stood to gain.

Keywords: Europe and Russia in the 18th century; the Northern War; F. Cnyphausen; landing on Schonen; Tsar Peter I; Russophobic hysteria.

---

* *Citation:* Erren, L. (2017). «Widrige Winde»: der Abbruch der Schonischen Expedition aus der Sicht des Preußischen Gesandten, des Freiherrn Friedrich Ernst von Cnyphausen. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 503–517. DOI 10.15826/qr.2017.2.230.

Цитирование: Erren L. «Widrige Winde»: der Abbruch der Schonischen Expedition aus der Sicht des Preußischen Gesandten, des Freiherrn Friedrich Ernst von Cnyphausen // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 503–517. DOI 10.15826/qr.2017.2.230.

В историографической традиции по поводу мотивов отказа Петра I от высадки на шведском острове Шонен 17 сентября 1716 г. существует два варианта интерпретации: царь опасался непредвиденных военных рисков, а также не доверял своим союзникам – Дании и Великобритании. В статье представлена попытка проанализировать более подробно повод, предмет и последствия данного недоверия внутри Северного альянса на примере сообщений прусского посланника в Копенгагене барона Фридриха Эрнста фон Кньюнгаузена, хранящихся в Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия в Берлине. Новацией является подробный анализ его реляций, оригинальный текст одной из которых публикуется ниже. Показано, что русофобская истерия, охватившая королевский датский двор в сентябре 1716 г., имела совершенно иррациональный характер, если провести параллели с прусским двором. Кньюнгаузен не дает ни малейшего намека на то, чтобы эта истерия имела под собой хоть какие-то реальные основания. Король Фридрих Вильгельм соглашался с аргументами царя и П. П. Шафинова, изложенными ему 18 октября. Согласно им, причиной данного решения послужили интриги ганноверской дипломатии при датском дворе. В прочем же Россия обладала достаточной военной силой, чтобы самостоятельно победить в войне против Швеции, отчего Пруссия только выигрывала.

Ключевые слова: история России и Европы XVIII в.; Северная война; Ф. Кньюнгаузен; Шонский десант; Петр I; антирусская истерия.

Die Frage, woran im Sommer 1716 die schonische Expedition scheiterte, ist schon oft erörtert worden [Holm; Lindgren; Murray; Nikiforov, p. 183–203; Fejgina, S. 96–105; Wittram, S. 289–293; Mediger, S. 307–332]. Die Historiker begründen die am 17. September mitgeteilte Entscheidung des Zaren, im laufenden Jahr auf die Landung in Schonen zu verzichten, regelmäßig mit seiner Angst vor den unkalkulierbaren militärischen Risiken wie auch dem Misstrauen, das er gegenüber seinen Verbündeten Dänemark und Großbritannien gefasst hatte (Vgl.: [Fejgina; Wittram; Mediger, S. 315–320]). Beide Argumente waren schon von Peter I. und seinen Ministern selbst vorgebracht worden¹. In diesem Beitrag soll versucht werden, anhand der Berichte des preußischen Gesandten in Kopenhagen, des Freiherrn Friedrich Ernst von Snyphausen, den Anlass, den Gegenstand und die Wirkung dieses Misstrauens innerhalb der „Nordischen Allianz“² genauer zu beleuchten³.

Die Initiative zum gemeinsamen Angriff auf das schwedische Mutterland war vom dänischen Hof ausgegangen, wo im Winter 1715–1716

¹ Vgl. etwa das zeitgenössische Pamphlet „Lettre d’un Gentilhomme...“ und die hier veröffentlichte Quelle.

² Außer Russland und Dänemark konnten 1716 auch Sachsen-Polen, Preußen und Großbritannien zur „nordischen Allianz“ gezählt werden.

³ Zur Mission Snyphausens siehe [Krusche, 1932, S. 164–168]. Seine Relationen befinden sich im Berliner Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. Hauptabteilung I, Rep. 11, Nr. 9523 (Juli bis September 1716) und Nr. 9524 (Oktober bis Dezember 1716). Im weiteren steht nur die Faszikelnummer.

auch die ersten Operationspläne erstellt wurden [Murray, p. 83]⁴. Der im April zwischen beiden Mächten ausgebrochene Konflikt um die Besetzung von Wismar konnte zumindest äußerlich bald wieder beigelegt werden [Vgl. Mediger, S. 292–297]. Am 3. Juni verpflichteten sich der Zar und König Friedrich IV. in der „Convention von Altona“, den Angriff im laufenden Jahr durchzuführen. Russland sollte von Finnland aus bei Stockholm mit 20.000 Mann einfallen, zugleich beide Mächte von Seeland nach Schonen übersetzen; Dänemark mit 10.000 Mann Kavallerie und 20 Bataillonen Infanterie, Russland entsprechend mit 2.000 Pferden und 40 Bataillonen Infanterie⁵. Sie erklärten ihre Absicht, sich um preußische und großbritannische Unterstützung zu bemühen. Insbesondere fühlten sie sich auf die englische Kriegsflotte angewiesen, ohne deren Schutz der Transport der russischen Truppen von Mecklenburg nach Seeland zu riskant gewesen wäre. Nur ein Kriegsziel wurde in der Convention ausdrücklich erwähnt: Die Annexion Schonens und anderer „von der Crohn Dennemarck injuria temporum abgerissene Provintzien“⁶. Russland, das die größte militärische Anstrengung zu leisten hatte, konnte von einem Friedensschluss nicht viel mehr erhoffen als die formelle Anerkennung des Besitzes einiger der in früheren Feldzügen eroberten Gebiete. Das offiziell nicht Krieg führende Großbritannien hatte ein Interesse an der Wiederherstellung des allgemeinen Friedens, damit seine Kaufleute endlich wieder ungefährdet Ostseehandel treiben konnten. Eine weitere Machtverschiebung zugunsten Russlands oder Dänemarks hingegen wäre kaum im englischen Sinn gewesen. Im Fazit dieser Kurzanalyse erscheint also Dänemark nicht nur als Initiator des Feldzugs, sondern auch als sein größter potentieller Profiteur – im Erfolgsfall hätte es den gefährlichen Krieg mit einem schnellen Sieg beenden, eine verlorene Provinz sowie die vollständige militärische Kontrolle über den Sund zurückerhalten können.

Es wäre also nur natürlich gewesen, wenn die dänische Regierung das Vorhaben am eifrigsten vorangetrieben hätte – genau dies aber scheint nicht der Fall gewesen zu sein. Stattdessen erweckte sie durch Halbherzigkeit und Langsamkeit beim Zaren den Eindruck, alle Risiken und Lasten auf ihn abwälzen zu wollen [Vgl. Lettre d'un gentilhomme; Mediger, Bd. 1, p. 321].

Dennoch zweifelte Cnyphausen zu keinem Zeitpunkt an der Entschlossenheit der Dänen, die Landung um jeden Preis durchzuführen⁷. Noch am 12.9. berichtete er vom Optimismus der dänischen Offiziere, die davon überzeugt waren, dass die Invasion am 21. stattfinden und der Feldzug erfolgreich verlaufen werde⁸. Peters Absage konsternierte König Friedrich, da dieser bis zu diesem Moment fest daran geglaubt hatte, der Zar brenne eben so heiß auf den Angriff wie er selbst⁹. Noch mehrere Tage lang versuchte er, Peter davon zu überzeugen, dass ein Angriff auch zu

⁴ Einzelheiten bei [Krusche, S. 164–168].

⁵ Vgl. den 2. Artikel der Convention [Holm, S. 152–153].

⁶ Vgl. den 9. Artikel [Holm, S. 156].

⁷ Vgl. Relationen vom 14.7. und 5.9. [9523 Bl. 47, 237–239].

⁸ Relation vom 12.9 [9523, Bl. 250].

⁹ Relation vom 19.9 [9532, Bl. 286v].

dieser fortgeschrittenen Jahreszeit immer noch Erfolg verheiße¹⁰. Einen Grund für die dänische Entschlossenheit sah Cnyphausen in den hohen finanziellen Belastungen. Der Angriff auf Schweden musste schon darum gewagt werden, weil Dänemark die Mittel ausgingen, zehntausende von Soldaten auf Dauer in der bisherigen Höhe zu bezahlen und zu ernähren¹¹.

Im Gegensatz zu vielen modernen Historikern glaubte Cnyphausen nicht daran, dass militärische Erwägungen für Peters Entschluss eine große Rolle gespielt hatten. Den ausschlaggebenden Grund sah er in einer diplomatischen Verstimmung, die von einer dänischen Hofpartei herbeigeführt worden war, die ihrerseits unter englisch-hannoveranischem Einfluss stand [Vgl. z. B. Wittram, S. 290–291]¹². Der Zar selbst stellte es Cnyphausen gegenüber so dar und dieser fand keinen Anlass, diese Sicht zu bezweifeln.

Um die Logik der Situation zu begreifen, muss man im Auge behalten, dass die Diplomatie England-Hannovers mehrgleisig arbeitete. Die eifrigsten Gegner Peters gehörten der König Georg direkt unterstellten kurhannoveranischen Regierung an, und fanden ihre Mittel in der verdeckten Einflussnahme auf die dänische Politik. Die von Admiral John Norris kommandierte englische Flotte hingegen empfing ihre Befehle von der Londoner Regierung, die auch dem Parlament Rechenschaft schuldete. Norris scheint sich auch den ganzen Sommer über im russischen Sinne untadelig verhalten zu haben – zumindest trieb er kein heimtückisches Doppelspiel.

Als Cnyphausen in Kopenhagen eintraf, lag die englische Flotte bereits dort vor Anker. Allerdings hatte Norris noch keine Erlaubnis erhalten, die Angriffsvorbereitungen zu unterstützen. Stattdessen suchte er mit König Karl XII. von Schweden in Friedensverhandlungen einzutreten¹³. Diese Politik missfiel Russen wie Dänen gleichermaßen. Nicht nur, weil sie in ihr Zeitverschwendung erblickten, sondern auch weil sie deutlich die britische Absicht spürten, Schweden vor weiteren Verlusten zu verschonen. Am 18.7. beschrieb Cnyphausen den Inhalt des britischen Friedensvorschlags folgendermaßen: Dänemark sollte an Schweden Norwegen abtreten und zum Ausgleich das Herzogtum Schleswig erhalten, dessen Herzog Karl Friedrich wiederum mit Livland entschädigt werden sollte¹⁴. Es ist leicht verständlich, dass sowohl der Zar wie König Friedrich über diesen Plan hellauf empört waren. Über viele Wochen hinweg erwähnte Cnyphausen regelmäßig den festen Wunsch beider Höfe, Großbritannien von künftigen Friedensverhandlungen so weit wie möglich auszuschließen. Nichtsdestoweniger bemühte man sich weiterhin um die operative Zusammenarbeit mit der englischen Flotte. Nachdem Großbritannien von Karl XII. endlich die Ablehnung seiner Vermittlungsvorschläge erhalten hatte, wurde Norris aus London instruiert, von nun an den „nordischen Alliierten“ zu helfen. Zwar sollte die englische Flotte schwedische Schiffe nicht angreifen, aber doch die russisch-dänische Trup-

¹⁰ Relation vom 22.9 [9524, Bl. 1–8].

¹¹ So schon am 14.7 [9523, Bl. 47].

¹² Vgl. die hier veröffentlichte Relation.

¹³ Relation vom 30.06.1716 [9523, Bl. 2]. Vgl. auch [Murray, p. 88].

¹⁴ Relation vom 18.07.1716 [9523, Bl. 66–67].

pentransport von Mecklenburg nach Seeland vor etwaigen schwedischen Angriffen schützen¹⁵. Diesen Auftrag hat sie dann, wie es scheint, auch loyal erfüllt. Von nun an trat Großbritannien immer deutlicher Unterstützer des russisch-dänischen Vorhabens hervor. Es war der Admiral Norris, der Ende September als letzter seine Versuche aufgab, Peter doch noch zur Invasion zu überreden [Vgl. Lindgren, p. 237–240].

Dennoch schob der Zar, wie bereits erwähnt, später der englisch-hannoveranischen Diplomatie hinterher die eigentliche Schuld am Scheitern des Unternehmens zu. Ihre Minister hätten den dänischen Hof während der Sommermonate allmählich dazu verleitet, die russischen Truppen in eine schlechte militärische Position zu manövrieren – mit dem Hintergedanken, die Landung dann so durchführen zu können, dass im Erfolgsfall nicht Russland, sondern ein mit Großbritannien konformgehendes Dänemark den maßgeblichen Einfluss auf den Friedensschluss erhalten werde¹⁶.

Schon zuvor hatte Cnyphausen hin und wieder über russisch-dänische Meinungsverschiedenheiten berichtet. Zwar benahmen sich die russischen Truppen in Dänemark gut¹⁷, und die Freundschaft der Mächte beruhte scheinbar „auf einem festen Fundament“¹⁸. Nichtsdestoweniger machte die starke russische Präsenz die Dänen nervös. Ein zentraler Streitgegenstand war die Anzahl der russischen Dragoner. Peter drängte darauf, weitaus mehr als die im Vertrag vorgesehenen 1.000 Mann mit nach Schweden zu nehmen. Der dänische König legte sich quer, und zwar nach Cnyphausens Einschätzung nicht nur aufgrund von Versorgungsengpässen: „Man kan überdem genug spüren, daß ... der König ... sich ungerne so tieff in der Russen Hände gibt, und dass Ihro May:t wan es möglich und ihr Zustand es ertragen könnte, eine den Russen überlegene Macht nach Schonen mit sich führen würde“¹⁹. Auch der Umfang der russischen Flotte erweckte ein Erstaunen, das von Angst kaum noch zu unterscheiden war. Cnyphausen erwähnte eigens, dass die Dänen sich ihre „Jalousie“ nur darum nicht anmerken ließen, da sie sich auf die russischen Schiffe nun einmal dringend angewiesen fühlten²⁰. Zum heftigen Streit kam es auf hoher See, als Peter I. darauf drängte, dass beide Flotten der jeweils anderen ein Kontingent besonders erfahrener Seeleute zur Verfügung stellen sollten. Offenbar fühlte er sich auf die Ortskenntnis der Dänen angewiesen, um den Angriff auf Stockholm ausführen zu können, das bekanntlich hinter einem schwer zu befahrenden Gürtel zahlloser kleiner Inseln („Schären“) und Untiefen gelegen ist. Doch der dänische Admiral verweigerte sich einem solchen Ansinnen hartnäckig, wodurch er Peter höchst verärgerte²¹. Vermutlich gehörte

---

¹⁵ Relation vom 28.07.1716 [9523, Bl. 99–102].

¹⁶ Vgl. die russische Propaganda: ... daß wir ... entweder gänzlich verloren wären, oder doch so viel verlieren würden, daß wir nach ihrer Musik tanzen müßten“ [Bacmeister Bd. 2, S. 57].

¹⁷ Vgl. die Relationen vom 21.7. und 22.8 [9523, Bl. 69–74, 188–189].

¹⁸ Vgl. Relationen vom 4. und 11.8. [9523, Bl. 124; 181–182].

¹⁹ Relation vom 18.7 [9523, Bl. 53–54].

²⁰ Relationen vom 11. und 22.8. [9523, Bl. 187–191].

²¹ Relation vom 1.9 [9523, Bl. 212–213].

auch der Zar zu den „Raisonneurs“, von denen Cnyphausen schrieb, dass sie hinter Dänemarks starrer Haltung den Wunsch erkannten, die russische Diversion nach Stockholm ganz zu unterbinden, um das militärische Übergewicht der Russen in Schweden nicht gar zu groß werden zu lassen²².

Nach Cnyphausens Berichten zu urteilen, scheint niemand in Kopenhagen an der militärischen Durchführbarkeit der schonischen Landung gezweifelt zu haben. Vielmehr hatte man sie gedanklich bereits vollzogen und zerbrach sich den Kopf nur noch über die Aufteilung der Beute. Auch Cnyphausen erkundigte sich vorsorglich in Berlin, ob er selbst auch mit nach Schonen gehen und wie viel er im Fall eines Friedensschlusses für Preußen fordern sollte²³. Dem Vorschlag, sich schon vor der Invasion auf Präliminarien zu einigen, erteilten die russischen Minister aber eine Absage, da solche Verhandlungen „Jalousien“ erregen und dem Vorhaben schaden würden. Dänische Anfragen beantwortete der Zar mit der stereotypen Formel, er werde Dänemark „alles zugestehen, was es nur wünschen konnte“, während er sich über seine eigenen Wünsche bedeckt hielt²⁴. Es ist möglich, dass er mit derartigen Beschwichtigungen genau den gegenteiligen Effekt erreichte.

Dennoch war sich Cnyphausen sicher, dass Dänemark es auf schwedische Provinzen und Russland auf Livland abgesehen hatten, weswegen Preußen zumindest auf den Erwerb ganz Vorpommerns hoffen durfte²⁵.

Bei Zar Peter jedoch scheint sich bis Mitte September der Eindruck weiter verfestigt zu haben, dass Dänemark bei den anstehenden Verhandlungen nicht mit Russland, sondern mit Großbritannien an einem Strang ziehen würde. Als entsprechendes Signal wertete er Dänemarks Positionierung in der Mecklenburger Frage auf dem Regensburger Reichstag²⁶. Da er Zweifel daran hegte, ob eine in Schweden befindliche russische Armee fähig sein würde, im Fall eines offen ausbrechenden Konflikts mit Dänemark der russischen Position noch hinreichenden Nachdruck zu verleihen, entschied er sich zu Verzicht auf das ganze Unternehmen²⁷. So jedenfalls stellten Šafirov und Peter selbst die Dinge gegenüber Cnyphausen dar²⁸.

Daneben hatte der Zar ein womöglich ein weiteres, eher psychologisches Motiv: Er war gekränkt. Cnyphausen jedenfalls klammerte sich noch am 22. September an die Hoffnung, dass Peters Weigerung, die Landung in Schonen durchzuführen, nur ein psychologisches Druckmittel war, um den dänischen König zu zwingen, endlich Farbe zu bekennen. Wenn dieser „statt mißtrauen rechte confiance“ bezeugen, sich zur Unterstützung der „finnischen Expedition“ bereithalten und den englischen König nicht länger dem Zaren vorziehen würde, so könnte der Angriff auf Schonen womöglich doch noch in diesem Herbst erfolgen²⁹.

²² Relation vom 8.9 [9523, Bl. 255].

²³ Relation vom 21.7 [9523, Bl. 82–83].

²⁴ Relation vom 1. und 8.9 [9523 Bl. 218–220, Bl. 251–254].

²⁵ Relation vom 29.8 [9523, Bl. 200–202].

²⁶ Relation vom 19.9 [9523, Bl. 285].

²⁷ Relationen vom 19, 22 und 26.9 [9523, Bl. 285–6; 9524, Bl. 1–8; 19–20].

²⁸ Relationen vom 26.9 und 19.10 [9524, Bl. 18–25; Bl. 148–158].

²⁹ Relation vom 22.09.1716 [9524, Bl. 6].

Doch die Gründe, warum Friedrich IV. zu all dem nicht bereit war, gehen deutlich aus der zeitgenössischen Darstellung Andreas Hojers hervor, die der persönlichen Sicht des Königs sehr nahe gekommen sein muss³⁰. Das in ihr zutage tretende Gefühl ist schon kein Misstrauen mehr, sondern nackte Angst – ausgelöst durch die plötzliche Überzahl der russischen Streitkräfte in der unmittelbaren Nähe der eigenen Hauptstadt und durch anonyme Warnungen vor den angeblichen Plänen des Zaren: „Ja es ist ... glaublich, was damals aus gar ... sichern Urkunden (so dem König insgeheim zukommen) soll entdeckt seyn, daß der Czaar sogar die ... Absicht gehabt, Covenhagen ... zu überrumpeln, folglich mit dem König von Schweden sich zu setzen, und sich sodann mit vereinter Macht sich an dem König von England zu rächen“ [Hojer, S. 316]. Zahllose Indizien schienen diesen Verdacht zu untermauern: Statt 20.000 hatte der Zar 40.000 Russen hereingeführt; als jedoch die 16.000 Mann dänischen Truppen paradieren und „in vortrefflichem Stande befunden wurden“, war der Zar darüber nicht erfreut, sondern so bestürzt, dass er sich „während der Revue, wider alle seine Gewohnheit, sich in ein Gezelt retirirte“ [Hojer, S. 314]. Täglich war Peter bemüht, „den Hafen, die Festung, in specie die Tiefe des Grabens zu ergründen“, er legte seine Galeeren „mitten in die Festung“, zeigte „seltsame Prätension erst den Schlüssel zur Osterpforte in seiner Gewalt“ zu haben; dann auch eine besondere Neugier, mit welcher er „einem Musquetaire der in Gewehr stehenden Garnison die Mousquete aus der Hand riß, und selbige abdrückte, um zu sehen, ob die Garnison geladen Gewehr habe; worauf er seine Galeeren sofort wieder abgehen ließ“, endlich „der Verdruß, den er darüber bezeugte, daß die Englische Flotte immerfort hier auf der Rhede beliegen blieb; alle diese Dinge waren ... gar zu nachdenkliche Zeichen eines für den König und das Reich viel schlimmern, oder doch nicht viel bessern Desseins, als Carl Gustavs Anschläge, bey dem Sturm Anno 1660 gewesen sind“ [Hojer, S. 316–317].

Auffälligerweise wird England mit seiner Flotte hier bereits als rettende Schutzmacht empfunden. Eben von dort scheint der König auch seine geheimen Informationen erhalten zu haben: „Es ist auch kein Zweifel, daß der König andre überzeugende Proben davon in Händen gehabt hat, weil ... das Englische Ministerium Anno 1717 dem Czaarischen Hof diese blutigen Anschläge ganz offenherzig vorgehalten... hat“ [Hojer, S. 317]. In Hojers Text tritt die bigotte Abscheu des dänischen Hofes gegenüber der Person des Zaren deutlich hervor, der den folgenden Winter in Amsterdam „in allerley einem Monarchen unanständigen Wollüsten sich ergötzet, dabey aber eine so schwere Krankheit sich zugezogen hat, dass sie hernach... der erste Grund zu seinem ... Tode geworden ist“ [Hojer, S. 317–318].

Cnyphausens Berichte deuten darauf hin, dass der Zar deutlich registriert hatte, mit welchen Augen man ihn hier betrachtete – und dass in eben diese Erfahrung eine weitere Ursache für seinen Entschluss vom 17. September gewesen ist [26.9, 9524, Bl. 15–25]. Šafirovs Hinweis darauf, wie

---

³⁰ Der Hofhistoriker Andreas Hojer (1690–1739) hat seine (erst 1829 veröffentlichte) Arbeit „König Friedrich des Vierten glorwürdigstes Leben“ für eben diesen verfasst.

gefährlich es sei, mit einem solch paranoiden Verbündeten in den Krieg zu ziehen, erscheint durchaus berechtigt angesichts der von Hojer bezeugten, allerdings unerfüllt gebliebenen Bitte des dänischen Etats-Raths Christian Friedrich von Holstein, „auf ein paar Stunden das Commando der königlichen Cavallerie“ zu erhalten, um „alle in Seeland seyenden Russen todt oder gefangen zu machen“ [Hoyer, S. 317].

Alles spricht für Peters Annahme, dass diese Panikstimmung von den aus Mecklenburg stammenden hannoveranischen und dänischen Ministern geschürt worden war, die im Spätsommer 1716 auf Friedrich IV. bestimmenden Einfluss ausübten. Dass er tatsächlich geplant haben könnte, sich der dänischen Hauptstadt im Handstreich zu bemächtigen, um von dort aus England anzugreifen zu können, erscheint nach heutigem Kenntnisstand als ausgeschlossen. Folglich muss man den Schluss ziehen, dass Dänemark hier eine große Chance zur imperialen Vergrößerung unnötig vergab. König Friedrich erscheint in dieser Episode als ein schwacher Herrscher, der sich von Einflüsterern lenken ließ, die ihre eigenen Interessen verfolgten. Man könnte sagen, dass die hannoveranisch-englische Diplomatie mit den Mitteln „psychologischer Kriegführung“ hier einen außenpolitischen Erfolg erzielte, der kaum geringer wog als der eines gewonnenen Krieges. Rational betrachtet stellte der Machtzuwachs Dänemarks für englische Interessen eine größere Bedrohung dar als der Russlands. Denn Russland hätte so oder so mit Westeuropa Handel treiben müssen – aber Dänemark stand kurz davor, die alleinige Kontrolle über die Meerenge zu erlangen.

Möglich war diese Entwicklung nur aufgrund der großen Charakterunterschiede zwischen den beiden Monarchen. An den meisten Höfen erzielte der Zar durch seine charismatische Präsenz eine sehr positive Wirkung. Selbst wer sich von Peters Rohheit abgestoßen fühlte, erkannte in ihm den seriösen Partner, mit dem sich Nägel mit Köpfen machen ließen. Am dänischen Hof widerfuhr Peter nun das Gegenteil – trotz seiner mehrmonatigen Anwesenheit in Kopenhagen vermochte er das Vertrauen Friedrichs nicht zu gewinnen. Womöglich fühlte sich der Dänenkönig vom körperlich und militärisch überlegenen Herrscher, der sich nun bei ihm quasi in der guten Stube einquartiert hatte, regelrecht erdrückt. Wie Cnyphausen bemerkte, pflegten beide Höfe sehr „ungleiche Lebensarten“: Der Zar war ständig draußen unterwegs, um Schiffe und Truppen zu inspizieren; der König indes regelte alles von seinem Schreibtisch aus³¹. Am Ende scheint er sich vor Peter regelrecht in seinen Gemächern versteckt zu haben³².

Die russophobe Hysterie, die den dänischen Hof im September erfasst hatte, wirkt umso unbegreiflicher, wenn man sie mit der preußischen Haltung vergleicht. Bei Cnyphausen findet sich nirgendwo die leiseste Andeutung, die dänischen Verdächtigungen könnten einen wahren Kern enthalten³³. Cnyphausen und nach ihm König Friedrich Wilhelm waren durchaus

³¹ Relation vom 8.8 [9523 Bl. 137–139].

³² Relation vom 27.10 [9524, Bl. 198–202].

³³ Friedrich Wilhelm nannte hannoveranische Warnungen vor Russland „Narrenpossen“ [Mediger, S. 332].

bereit, den Argumenten zu folgen, die der Zar und Šafirov ihm am 18. Oktober ausführlich unterbreiteten: Demnach war die schonische Landung an den Intrigen der hannoveranischen Diplomatie gescheitert. Solange Friedrich IV. unter ihrem Einfluss blieb, war an eine Wiederaufnahme der Invasionsplanungen nicht zu denken – auch nicht im folgenden Jahr. Da der König auf dem Abzug aller russischen Truppen bestand, war deren Rückverlegung nach Mecklenburg eine praktische Notwendigkeit. Für Preußen stellten diese Truppen keine Bedrohung dar, sondern einen wirksamen Schutz vor schwedischen Rückeroberungsversuchen Pommerns oder hannoveranischen Expansionsgelüsten. Ansonsten war Russland alleine militärisch stark genug, den Krieg gegen Schweden zu einem auch für Preußen erfolgreichen Abschluss zu bringen – unter der einzigen Voraussetzung, dass ihm inzwischen keine neuen Gegner erwachsen. Die Aufgabe Preußens sollte nach Peters Vorstellung nur darin bestehen, mit diplomatischen Mitteln die Entstehung einer antirussischen Koalition zu verhindern. In diesem Falle würden seine Wünsche – der endgültige Erwerb Stettins und womöglich gar ganz Vorpommerns sowie die Rückgabe Elbings – in einem künftigen Friedensvertrag Berücksichtigung finden. Dies war im wesentlichen auch schon die Grundlage für das kurz darauf in Havelberg unterzeichnete Abkommen³⁴.

QUELLEN

<Bl. 148r>

Copenhagen, d.19t. Octobr. 1716 des [PS des ejusdem]

Von Cnyphausen Alleruntertänigste Relation von seiner gehabten Unterredung mit des Tzaaren

Majestät

Allerdurchlauchtigster, großmächtigster König, allergnädigster König und Herr

Gestern gegen Abend haben des Tzaarn May[estät]t mich zu sich in dero Hauß beruffen lassen und nochmahlen declariret, daß Sie alles, was möglich gewesen gethan hätten umb mit dem Könige in Dännemarck zu einem neuen Concert zu gelangen, doch ohne darinnen reussieren zu können; Ihre Tzaar May[estät]t bezügten dabey, wie leidt es dero thäte, daß ein so serieux und wichtig werck durch intrigues zum nachtheil der gesambten nordischen Ligue hätte müssen unterbrochen werden, und declarirte zuletzt, daß sie an allem unheil und bösen suiten, so heraus entstehen könnten, keinen theil haben wolten, gaben aber dabey zu verstehen, daß es dero nicht unlieb seyn solte, wan ich den königlichen dänischen Hoff noch zu anderen gedanken

³⁴ Zur preussischen Haltung siehe [Mediger, S. 331–340]. Zum Wortlaut der Verträge [Loewe].

<148v>

bringen könnte, und haben es der Czaar. May[estät]t denen englischen Minis-
tris wie auch dem königlichen Pohlischen eine gleichförmige Declaration gethan.
Dehm zufolge habe ich bei dem Könige in Dännemarck und dero ministris die
benötigte Vorstellungen gethan, das Werck ist aber so verdorben, daß Dännemarck
auff seinen Principiis feste bestehen bleibt, voritzo keine Trouppen noch Kriegs-
schiffe von Moßkau zu behalten und vor zukünftig jahr nicht mehr als 20 Batail-
lons in allem mit nach Schonen zu verlangen.

Des Tzaarn May[estät]t gingen in der conversation mit mir weiter, und gaben
mir zu verstehen, wie daß die intrigues der Englischen ministres ob sie gleich gantz
anderes sprechen, dennoch so weit gingen, daß Dännemarck zu keinem raisonn-
ablen concert zu bringen wäre, und daß sie hieraus abnehmen, was man ferner vor
machinationes vernehmen dörfte, wan sie erst weggeyset seyn würden, und da
hieraus bey dem nordischen Wesen sich eine notable veränderung hervor thäte,
so sagten Ihro Tzaar, May[estät]t, daß sie nichts mehr verlangten, als sich je eher je
lieber mit Ew[er] König May[estät]t in Lentzen³⁵ zu bereden, damit sie dero ihre
gedancken vertraulich

<157r>

eröffnen und anbey zeigen könnten, was sie vor mesures genommen, umb bey
dem Frieden nicht die Duppe zu sein, es möchte auch gehen und unternommen
werden was da wollte daß sie auch nichts mehr wünschet als sich hiebey mit
Ew[rer] König[lichen] May[estät]t genaue und woll zu verstehen, und parat wären
zu einer Reciproquen Sicherheit in alle mesures die Ew[re] König[liche] May[estät]
t nur würden verlangen und wünschen können zu treten. Des Tzaarn May[estät]
t bezeügeten dabey, daß sie Ew[rer] König[lichen] May[estät]t mit dieser Entree-
vue nicht beschweren würden, wan die conjunctur nicht so important und sie aus
freundschaft und affection vor Ew[rer] König[lichen] May[estät]t sich gerne mit
dero vertraulich bereden wollten bevor sie dero ordres und neue dispositiones
nach Pohlen, Petersburg, Moskau und überall abfertigen lassen, es auch desto nö-
tiger scheine, daß sie mit Ew[rer] König[lichen] May[estät]t sich verstünden, als der
auf dem tapet schwebende Tractat zwischen Engelland und Franckreich anund vor
sich selber gefährlich scheine, und die conduite der englischen minister alhier in
Copenhagen zu allerhand andren nachdenken ursach gebe.

Ihro Tzaar[ische] May[estät]t temoignierten ferner, daß ob sie zwar gar nicht
verlegen wären, ihre Sachen bei dem Frieden alleine zu soutenir, so begriffen
sie dennoch wohl, was vor wichtige ursachen sie hätten Ew[re] König[liche] May-
[estät]t zu menagiren, daß sie solches auch und desto lieber tun wolten, als die
freundschaft, so sie vor Ew[re] König[liche] May[estät]t hegeten sie dazu sowohl
als die raison selber aufrichte und daß dero nichts lieber sein könnte als mit einem
so guten Alliierten wie Ew[re] König[liche] May[estät]t der allezeit wohl und sine-
cere mit ihnen umgegangen, sich auf das allergenaueste zu verstehen; auch den
vor langen nach zu verbinden, und daß sie nicht hoffen, daß Ew[re] König[liche]
May[estät]t sich ihrerseits durch alle diese abschwebende intrigues von Franckreich
und Engelland würden duppiren lassen wollen. Bis dahin ist der discours durch des
Baron von Schaffiroff³⁶ verdollmetschungen geführt worden; weilen aber gelegen-

³⁵ Die Unterredung fand dann nicht in Lentzen, sondern in Havelberg statt.

³⁶ Šafirov, Petr Pavlovič (1673–1739) russischer Geheimrat.

heit gefunden, mit Ihro Tzaarn May[estä]t selbst in discours zu fallen, habe davon profitiret und wahrgenommen, daß Ihro May[estä]t hauptsächlich befürchten, es möchte Engelland oder der schwache zustand von Dännemarck selbst dazu gelegenheit geben, das das dänische antheil von Vor-Pommern wieder in der Schweden Hände

<152r>

fallen dürfte, welches Ihro Tzaar May[estä]t vor eine importante Sache halten, weilen es Schweden wieder die thür nach Polen öffnet, und sie auch, umb es zu verhindern, sich mit Ew[rer] König[lichen] May[estä]t verstehen wollen.

Dann habe ich auch wohl ferner abgenommen, daß fals Ew[re] König[liche] May[estä]t dem Tzaarn nicht nicht zuwider sein wollen, Ihro May[estä]t eine solche contenance in den Mecklenburgischen vors erste zu halten gesonnen seyn, die Engelland zurückhalten könne alzugefährliche sachen anzufangen; wobey des Tzaarn May[estä]t auch darauf reflectiren, daß bey gewinnung einiger Zeit des Königs in Dännemarck aigreur fallen und sich vielleicht gelegenheit eraynen könnte, diese krohne wieder zu guten gedanken und außer des königs in Engelland direction zu bringen, wan die russische assistentz noch in der nähe. Mit des Königs in Engelland May[estä]t distinguiren Ihro Tzar. May[estä]t ganz genaue, was sie als König in Engelland oder als Churfürst von Braunschweig unternehmen werden.

Als König in Engelland hoffet der Tzaar es bey dem Parlement und der Nation so weit zu bringen, daß man vor Moskau wenigstens egard haben und nichts reelles

<152v>

unternehmen werde. Was aber der König in Engellandt als Churfürst von Braunschweig thun kan, darauf sehe ich wohl daß Tzaar wenig oder nichts reflectiret, und diesem allen durch eine gute contenance alleine vorzukommen glaubt; Bey dem kaiserlichen Hoffe mercke ich auch wohl, daß des Tzaarn Majestät und Influenz zu haben vermeinen, daß Ihro May[estä]t der Kayser vor sie im grunde egards und freyndschaft hegen, ob sie gleich zu verrichtung dero Kayserlichen Ampts wohl dan und wan einige schreiben abgehen lassen, die dan äußerlichem ansehen nach unfreundlich scheinen solten, Ihro Tzaar May[estä]t sagten aber hiebey, daß der Kayserliche Hoff bey abfertigung solcher schreiben dero allezeit in confidenz soviel hätte zu verstehen geben lassen, daß sie hieraus keine böse oder widrige intention schöpfen müßten; dan glauben auch ihro Tzaar May[estä]t, daß weilen kein ander mittel vorhanden, sie gegen den Türcken zu animieren, als eine freündliche conduite in denen nordischen affairen zu führen, daß der Kayser hie-
rauf auch reflectirendörffte, bevorab da eine union zwischen Franckreich und Engelland, dem Hause

<153r>

Österreich wan es gleich nur eine mutuelle successions garantie betreffe, nicht anders als unangenehm seyn könne; die haupt raisons so Ihro Tzaar May[estä]t abhalten nicht alles, was Dännemarck verlangt, in einem neuen concert einzugehen, soviel ich solches habe vernehmen können, bestehen hierinnen, daß Dännemarck die Russische Esquadre nicht in diesem Land behalten will, und raisonniren des Tzaar May[estä]t so, daß Engelland nur suchet Dännemarck in die necessitaet einer

Englischen Esquadre zu bringen, umb dadurch das Directorium in der Schonischen Campagne zu überkommen, im gleichen wollen auch des Tzaaren May[estä]t dem König in Dännemarck keine 20. sondern 40 bataillones und 6 Regimenter Dragoner nach Schonen geben, umb so starck dort zu seyn, daß man mit dero Troupen nicht nach eigenen gefallen spielen und solche wohl gahr wie dem Herzogen von Savoyen geschehen, wan man böse gedancken kriegen möchte, desarmiren könnte, und gehet dieses so weit, daß Ihro Tzaar May[estä]t lieber keinen Mann nach Schonen geben, als Gefahr laufen wollen, daß dero Troupen nach der Influentz so der

<153v>

von Bernstorff am dänischen Hoff hat, solten gebraucht werden. Umb es kurz zu geben, so sehe ich wohl daß der Tzaar absolut dem Könige in Engelland das Directorium in dem nordischen Wesen nicht gönnen will, und glaubet in diesem Werck keine genugsame Sicherheit zu haben, wo Dännemarck sich durch eine Russische Esquadre sich will in den Stand setzen, einer englischen entbehren zu können, wan Engelland widrige Principia ergreifen sollte, und wan man nicht so viel russische Troupen mit nach Schonen nehmen will, daß Ihro Tzaar May[estä]t in Sicherheit seyn können, dero Influentz bey dem Frieden dadurch zu behaupten, so ist bey dieser Sache nichts mit dem Tzaaren zu thun; je mehr auch die Englische ministri dem Könige in Dännemarck anrathen, keine russische Kriegsschiffe hier zu behalten und zur Schonischen Expedition nicht mehr als 20. Bataillons zu verlangen, je mehr wächst dieser argwohn bey Ihro Tzaar, May[estä]t und befestiget sie in den Gedanken, von diesen Principiis nicht abzugehen.

Ich habe ebenfals sonsten wahrgenommen, daß des Königs in Dännemarck refus

<154r>

die finnische Expedition dem Tzaaren vor zukünfftig jahr favorisiren zu helfen, dero auch gahr nicht anstehet, und daß solches eine conditio sine qua non bey dem Tzaaren ist, nach Schonen zu gehen; Und fals Ihro Tzaar May[estä]t diese Entreprise bey Stockholm alleine ohne Hülffe zur See ausführen sollen und darum zu reussiren mittel finden, so glauben sie auch Schweden alleine zu einem gefälligen Frieden zwingen zu können, ohne nötig zu haben, sich als dan in Schonen zu exponieren, wan sie durch dero depenses zur See die Sachen so weit haben sollen.

Ich habe dieses Ew[rer] König[liche] May[estä]t auf des Tzaaren begehren simpliciter zu referiren und eine Estaffetta hiemit abzufertigen, nicht abschlagen können, ohne in ein so wichtig werck mich übrigens im allergeringsten mit einzulassen. Bey sogestallten sachen, da Dännemarck ausser einem neuen concert den Tzaaren von sich lasset, und keine Troupen noch Schiffe von diesem Herrn behalten will, können Ew[re] König[liche] May[estä]t leicht ermessen, daß Dännemarck wenigstens in eine inaction verfallen muß, welche nicht anderes als gefährlich seyn kan, indem der König in Schweden schon alle praeparatoria machet, den Krieg in Norwegen wieder anzugreifen

<154v>

und zwar mit besseren praecautiionen, und veranstaltungen, wie auch mit einer grösseren Macht als Vormahls, und kan also das ganze Königreich Norwegen

durch eine unglückliche Action in mehr als eine augenscheinliche Gefahr verfallen. Wan auch des Tzaaren May[estät]t die Mittel nicht überkommen solten, zur See eine so mächtige Equipage zu machen, umb die finnische Expedition bey Stockholm alleinig ausführen zu können, so würden des Tzaarn May[estät]t auch in einer volnkommenen inaction stehen bleiben, und es auf dero macht ankommen lassen, wer dero etwas von den conquäten von Liefland und Finland abnehmen solle. Ihre Tzaar May[estät]t flattiren sich aber zukünftig Jahr dero dessein bei Stockholm zu landen, alleine auszuführen, und glauben auch alsdan von Schweden soweit Meister zu werden, daß sie einen gefälligen Frieden durch die gewalt alleine erzwingen können wan aber hieraus nichts werden solte, so mercke ich schon, daß Ihr Tzaar May[estät]t dehmohngachtet keinen widrigen friedensplan werden anhören wollen, und alsdan versuchen, ob sie bey der veränderung, wan sie von dero Alliirten solten verlassen werden, nicht mehr als sonsten behalten können, sich auch auf den fuss setzen, nicht das allergeringste

<155r>

an Schweden zu restituieren, es kome dan zu einen gefälligen friedens-plan; die defension der conquierten provintzen finden des Tzaarn May[estät]t auch, wie ich wohl von weiten abmercke, nicht so onereux, daß sie dort den krieg nicht noch einige Jahre solten continuieren können, und glauben es auch bey der Republic von Pohlen dahinzubringen, daß sie das Theatrum Belli, umb Ihre May[estät]t den Tzaarn zu bekriegen, ungen hergeben werden.

Falß Ew[re] König[liche] May[estät]t guth finden, solten, den Tzaarn zu sprechen, so zweiffel ich nicht, ob Ihr Tzaar May[estät]t werden Ew[re] König[liche] May[estät]t ein vieles von dero obhabenden desseins in vertrauen eröffnen, welches sonsten wohl sobald zu Ew. Königl. May[estät]t wissenschaft nicht kommen dörfte.

Des Tzaarn May[estät]t werden auch dero consiliis, so wie man mir zu verstehen geben will, mehr folgen als keines anderen von dero Mit-Alliirten, umb demehr des Tzaarn May[estät]t darob empfindlich seindt, daß der König in Engelland einige indirecte bedrohungen in seinen vorstellungen einfließen lassen, auch die vorschläge soder

<155v>

von Bothmer gethan, dem Tzaarn die Landung bey Rostock mit gewalt zu verhindern, Ihre May[estät]t ob sie schon davon nicht sprechen, sehr auf dem Herzen liegen. So viel man sich gegen mich unter der handt geäussert, so suchen des Tzaarn May[estät]t von Ew[rer] König[lichen] May[estät]t keine reelle Hülffe, sondern wollen nur verhindern, daß Ew[re] König[liche] May[estät]t dero poid nicht anderwärts hingeben, und mögen Ihre Tzaar May[estät]t wohl glauben, von selbst in solchem stande zu seyn, wan sie auf Ew[re] König[liche] May[estät]t freundschaft nur bauen können, in dem Mecklenburgischen gleich anfangs eine, solche contenance zu halten, welche Chur-Braunschweig abhalten könne, gefährliche friedens-gedancken zu ergreifen, auch zu verhindern, daß Dännemarck nicht wegfallen, sondern im gegentheil in kurzem sich wieder zu dem Tzaarn wenden möge, absonderlich da Ihre Tzaar May[estät]t in Pohlen noch viele Troupen haben, und im Fall der noth 60. bis 70. m Mann zusammen bringen können. Wan Ew[re] König[liche] May[estät]t bey der entrevue guth finden solten, Dännemarck zu einem neuen Plan

<156r>

und concert zukünftige campagne zu agiren noch nichts anzurathen, so zweifle ich nicht daß des Tzaarn May[estä]t die hände dazu geben, und noch wohl ein und andere depensen über sich nehmen dürfften, faß sonsten der plan nur nicht gegen dero obengeregte principia lauffen solte; Es werden auch Ihro Tzaar May[estä]t, wan Dännemark zu keinem neuen concert kommen will, den Teüt-schen boden diesen Winter bey dem frost wohl verlassen, indeme sie dero kräfte zusammen halten, und alleine en chef agiren wollen, was sie vor der handt davon abhält, ist, daß sie keine securität vor augen sehen, das Mecklenburgische noch abandonniren zu können, und werden sicher Ew[re] König[liche] May[estä]t freundliche vorstellungen bey dem Tzaarn auch hierinnen mehr gewichte haben, als des Königs in Engellandt als Churfürst von Braunschweig, bedrohungen, wobey zu befürchten seyn würde, daß wenn der Tzaar ein vor allemahl die resolution fassen solte, den Teütischen boden zu verlassen, und das nordische Wesen dieser Orten vor desparat ansehen möchte, er wohl mit Chur-Braunschweig

<156v>

vor dem Abschiede zu harten contestationes verfallen könnte; indem des Tzaarn May[estä]t hievon nichts abhält, als daß sie befürchten, durch eine übereilung von Ressentiment, das nordische Wesen zu verderben, welches sie noch zu redressiren, hoffen, und der Krohn Schweden dadurch lufft zu machen befürchten. Wan alle stricke reissen solten, so siehet man schon ab, daß der Tzar sich in eine puissante verfassung in Liefland und Finland setzen wolle, und einen ihm unanständigen friedens-plan in der execution dergestalt werde zu contrcarriren trachten, daß man den König in Schweden nicht werde contentiren und dazu bewegen können, in der unsicherheit von Moskau etwas wieder zu erhalten, denen übrigen Nordischen Alliierten auch hinwieder etwas abzutreten. Des Tzaarn mesures und finale resolutions werden bey dero ankunfft in dem Mecklenburgischen, obwohl anfänglich insgeheim, genommen werden und alsdann dürften Ihro May[estä]t noch

<158r>

wohl eine tour nach Holland tun, wo sie 4. à 5 wochen vielleicht bleiben könnten, und wird bey dero retour sich als dan der überrest sich aüssern; Es ist aber anoch über diese holländische Reise nichts sicheres zu berichten. Womit ersterbe <es folgt eine unleserliche Bemerkung Friedrich Wilhelms, die wohl nur die Anweisung enthält, das Treffen in Havelberg statt in Lentzen stattfinden zu lassen. L. E.> [GstA PK. Hauptabteilung I. Rep. 11. Nr. 9524].

Список литературы

Фейгина С. А. Аландский конгресс : Внешняя политика России в конце Северной войны. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 546 с.

Вастеистер H. L. C. Beyträge zur Geschichte Peters des Großen, Zweyter Band, welcher den Zweyten Teil des Tagebuchs Peters des Großen in einer deutschen Übersetzung enthält. Riga : Hartknoch, 1776. 244 S.

Snyphausens Relationen aus Kopenhagen; Juli bis September 1716, In Berlin // GSTA PK. Hauptabteilung I. Rep. 11. Nr. 9523.

Snyphausens Relationen aus Kopenhagen. Oktober bis Dezember 1716 // GSTA PK. Nr. 9524.

Declaration du Roi de Dannemarck // La Crise du Nord, ou reflexions impartiales sur la politique du Czar / Hrsg. Van Stocken. [O. O.], 1717. P. 5–8.

- Holm E. Studier til den store nordiske Krigs Historie // Historisk Tidsskrift. 1881. № 5 (3). P. 1–160, 569–700.
- Hojer A. König Friedrich des Vierten glorwürdigstes Leben : Erster Teil. Tondern : Forchhammer, 1829. 358 S.
- Krusche J. Die Entstehung und Entwicklung der ständigen diplomatischen Vertretung Brandenburg-Preußens am Carenhofe bis zum Eintritt Rußlands in die Reihe der europäischen Großmächte // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. 1932. N. F. 8, H. 1, S. 143–216.
- Lettre d'un Gentilhomme de Mecklenbourg à son Ami à Copenhague. Swerin le 23 Octobre 1716 // National Library of the Netherlands. Pflf 16306. 14 p.
- Lindgren R. E. A Projected Invasion of Sweden, 1716 // The Huntington Library Quarterly. 1944. № 7 (3). P. 223–246.
- Loewe V. Preussens Staatsverträge. Leipzig : [S. n.], 1913. 499 S.
- Mediger W. Mecklenburg, Russland und England-Hannover 1706–1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges. Band 1. Hildesheim : August Lax, 1967. 480 S.
- Murray J. J. Scania and the End of the Northern Alliance (1716) // The J. of Modern History. 1944. № 2 (16). P. 81–92.
- Nikiforov L. A. Russisch-englische Beziehungen unter Peter I. Weimar : Böhlau, 1954. 377 S.
- Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen und seiner Zeit. Bd. 1–2. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1964. 1136 S.

References

- Bacmeister, H. L. C. (1776). *Beiträge zur Geschichte Peters des Großen, Zweyter Band, welcher den Zweyten Teil des Tagebuchs Peters des Großen in einer deutschen Übersetzung enthält*. 244 p. Riga, Hartknoch.
- Cnyphausens Relationen aus Kopenhagen; Juli bis September 1716, In Berlin. *Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GstA PK)*. Hauptabteilung I, Rep. 11, Nr. 9523.
- Cnyphausens Relationen aus Kopenhagen; Oktober bis Dezember 1716, in: *GstA PK*, Nr. 9524.
- Declaration du Roi de Dannemarck (1717). In Van Stocken (Ed.). *La Crise du Nord, ou reflexions impartiales sur la politique du Czar*. [O. O.], pp. 5–8.
- Fejgina, S. A. (1959). *Alandskij congress : Vneshnjaja politika Rossii v konce Severnoj vojny* [The Aland Congress : Russia's Foreign Policy at the End of the Northern War]. 546 p. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR.
- Holm, E. (1881). *Studier til den store nordiske Krigs Historie*. In *Historisk Tidsskrift*, 5 (3), pp. 1–160, 569–700.
- Hojer, A. (1829). *König Friedrich des Vierten glorwürdigstes Leben*. Erster Teil. 358 p. Tondern, Forchhammer.
- Krusche, J. (1932). Die Entstehung und Entwicklung der ständigen diplomatischen Vertretung Brandenburg-Preußens am Carenhofe bis zum Eintritt Rußlands in die Reihe der europäischen Großmächte. In *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*, N. F. 8, H. 1, pp. 143–216.
- Lettre d'un Gentilhomme de Mecklenbourg à son Ami à Copenhague. Swerin le 23 Octobre 1716. In *National Library of the Netherlands*. Pflf 16306. 14 p.
- Lindgren, R. E. (1944). A Projected Invasion of Sweden, 1716. In *The Huntington Library Quarterly*, 7 (3), pp. 223–246.
- Loewe, V. (1913). *Preussens Staatsverträge*. 499 p. Leipzig, S. n.
- Mediger, W. (1967). *Mecklenburg, Russland und England-Hannover 1706–1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges*. Band 1. 480 p. Hildesheim, August Lax.
- Murray, J. J. (1944). Scania and the End of the Northern Alliance (1716). In *The J. of Modern History*, 16 (2), pp. 81–92.
- Nikiforov, L. A. (1954). *Russisch-englische Beziehungen unter Peter I.* 377 p. Weimar, Böhlau.
- Wittram, R. (1964). *Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen und seiner Zeit*. Zweiter Band. 1136 p. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht.

The article was submitted on 11.02.2017

DOI 10.15826/qr.2017.2.231

УДК 929Петр(470)*1+94(44)"17"+611(09)

**L'ACQUISITION EN FRANCE D'UNE CIRE ANATOMIQUE
POUR PIERRE LE GRAND: AUTOUR D'UN TRAITÉ
ET DE SES SUITES***

Armelle Le Goff
Archives nationales,
Paris, France

Olga Okuneva
Institut d'histoire universelle
de l'Académie des sciences de Russie,
Moscou, Russie

**THE ACQUISITION OF A WAX ANATOMICAL MODEL
FOR PETER THE GREAT IN FRANCE: THE CONTRACT
AND ITS CONSEQUENCES**

Armelle Le Goff
National Archives,
Paris, France

Olga Okuneva
Institute of World History
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

During his second tour of Europe, whose 300th anniversary is celebrated in 2017, Peter I visited Paris. He visited the main landmarks of the city, especially those related to his interest in the natural sciences and technology. For instance, he repeatedly visited the Royal Botanical Garden. There, he became acquainted

---

* *Citation:* Le Goff, A., Okuneva, O. (2017). L'acquisition en France d'une cire anatomique pour Pierre le Grand: autour d'un traité et de ses suites. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 518–534. DOI 10.15826/qr.2017.2.231.

Цитирование: Le Goff A., Okuneva O. L'acquisition en France d'une cire anatomique pour Pierre le Grand: autour d'un traité et de ses suites // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 518–534. DOI 10.15826/qr.2017.2.231.

with the renowned doctor, professor of anatomy, and member of the Paris Academy of Sciences Joseph-Guichard Duverney (1648–1730). He was well known in Europe, had a lot of connections with other scientists, and was famous for his wax anatomical models and 'anatomical demonstrations' (public lectures in anatomy). Among others, Duverney communicated with Robert Areskine, a physician of Scottish descent at Peter's court. Peter ordered an anatomical model for his collection in the Kunstkamera, which proves the interest the tsar had in Duverney's talents. Areskine represented Peter the Great in the purchase. The anatomical model of a human brain and skull is still kept in the Kunstkamera collection. However, until recently there was no information on how it was made. Referring to a previously unpublished document from the National Archive of France and other French and Russian sources (including archival ones), this article reconstructs the story of the model's creation and provides new historical data that helps us to understand Peter's initial idea after meeting Duverney and the changes the project underwent while it was being implemented.

Keywords: Peter I; collections of rarities and curiosities; Kunstkamera; anatomy; Joseph-Guichard Duverney; Robert Areskine.

Во время своей второй поездки в Европу, трехсотлетие которой отмечается в 2017 г., Петр I посетил Париж. Он осмотрел основные достопримечательности города и по несколько раз побывал в тех из них, которые отвечали его интересу к естественным и техническим наукам. В частности, несколько визитов царь нанес в Королевский ботанический сад. Он познакомился там со знаменитым медиком, профессором анатомии и членом Парижской академии наук Жозефом-Гишаром Дюверне (в русской традиции его иногда именовали Дювернеем; 1648–1730). Тот был известен по всей Европе, располагал обширным кругом знакомств среди ученых и славился изготовлением анатомических моделей из воска, а также «анатомическими демонстрациями» (публичными лекциями по анатомии). Среди прочих, Дюверне поддерживал знакомство с Робертом Арескином (иногда его фамилию транскрибируют как Эрскин), лейб-медиком Петра I шотландского происхождения. Свидетельством интереса, который Петр I проявил к талантам Дюверне, стал заказ на создание одной анатомической модели, которая предназначалась для Кунсткамеры. Непосредственным исполнителем воли царя стал Арескин, выступивший в роли заказчика. Анатомическая модель головного мозга и черепа и по сей день хранится в собрании Кунсткамеры, однако обстоятельства ее изготовления до нынешнего времени были неизвестны. На основе ранее не публиковавшегося документа из Национального архива Франции и иных французских и русских источников (в том числе архивных) в статье воссоздается история создания этой модели и вводятся в научный оборот данные, позволяющие судить о первоначальном замысле Петра I после его знакомства с Дюверне и об изменениях, которые подобный замысел претерпел по мере своего воплощения в жизнь.

Ключевые слова: Петр I; собрания редкостей и диковинок; Кунсткамера; анатомия; Жозеф-Гишар Дюверне (Дюверней); Роберт Арескин (Эрскин).

Les prémisses d'un traité concernant la réalisation en France d'une cire anatomique pour Pierre le Grand

Lors de son voyage à Paris au printemps 1717, le tsar Pierre le Grand demanda à visiter de nombreux établissements scientifiques ; il était mû bien sûr par sa grande curiosité, mais aussi par le désir de trouver des idées et des inspirations pour mettre en œuvre en Russie une politique de développement scientifique. À quelques reprises, il se rendit au Jardin royal des plantes et put examiner à loisir les collections anatomiques qui y étaient conservées¹. Les chroniqueurs français n'ont, cependant, pas évoqué en détail ces visites, comme ils l'ont fait pour d'autres visites. Toutefois, on peut supposer que, là comme partout, le tsar « s'amusa à tout examiner et à faire beaucoup de questions », ainsi que le relate Saint-Simon dans ses mémoires. Ces visites au Jardin des plantes avaient, cependant, été prévues d'avance et nul doute qu'elles passionnèrent Pierre le Grand qui, lors de son premier voyage en 1698 en Hollande, s'était lié avec l'anatomiste Ruysch dont il devait, lors de son deuxième voyage en 1717, acquérir le cabinet de corps embaumés. Au Jardin royal des plantes, il pût faire connaissance avec Joseph-Guichard Duverney, célèbre et doué anatomiste, qui y occupait depuis 1679 la charge de professeur d'anatomie et qu'il devait de nouveau revoir lors de sa visite à l'Académie des sciences le 19 juin [Demeulenaere-Douyère, p. 87–105].

Le tsar semble avoir prévu d'avance ces visites au Jardin royal des plantes ; la mention de ce dernier apparaît dans une sorte d'agenda parmi la liste des lieux à visiter. Il y est inscrit comme « le potager royal où on plante des herbes diverses et là où on fait également des démonstrations d'anatomie et de chimie » (*Огород королевский, где всякия травы сажаются, и там же показывают анатомию и химику*)².

Joseph-Guichard Duverney (1648–1730) approchait alors les 70 ans. Chirurgien, il avait été le premier anatomiste reçu membre de l'Académie des sciences en 1676, puis premier pensionnaire anatomiste titulaire en 1699, et il jouissait d'une grande réputation dans toute l'Europe. Fontenelle, secrétaire de l'Académie des sciences, en a dressé un portrait vivant et réaliste dans l'éloge funèbre qu'il prononça après sa mort en 1730 [Éloge de Guichard-Joseph du Verney par Fontenelle, p. 123–131]. Brillant orateur, Duverney avait mis l'anatomie à la mode dès les débuts de son exercice et une foule d'auditeurs français et étrangers, attirés par son savoir et son éloquence, accourait à ses leçons et à ses démonstrations. Il entretenait une correspondance scientifique avec les plus grands anatomistes de son

¹ Le Jardin du roi avait été fondé en 1626, à la demande de Guy Labrosse, médecin ordinaire du roi Louis XIII, comme jardin de plantes médicinales, annexé à un cabinet de curiosités. Il prit au XVIIIe siècle et, tout particulièrement par les soins de Buffon, un développement considérable.

² Le brouillon de cette « Inventaire de choses curieuses de Paris » (*Роспись куриозным вещам в Париже*), dressé par le secrétaire de Pierre 1er, Konon Zotov et qui contient des notes du tsar, est gardé aux Archives d'État de chartes anciennes (RGADA). Cité d'après: [Мезин, 2015b, с. 130]. Voir également: [Мезин, 2015a, с. 52–62].

М. И. Махаев, Г. А. Качалов. Проспект вниз по Неве реке между Зимним ея императорского величества домом и Академией наук. Санкт-Петербург. 1753. Гравюра на меди. Фрагмент

M. I. Makhayev, G. A. Kachalov. Avenue down the Neva between the Winter Palace of Her Imperial Majesty and the Academy of Sciences. St Petersburg. 1753. Engraving on copper. Fragment

temps, l'italien Marcello Malpighi (1628–1694) et les Néerlandais Frederik Ruysch (1638–1731), Govert Bidloo (1649–1713) et Herman Boerhaave (1668–1738). Il réservait, en outre, un excellent accueil à leurs disciples venus se perfectionner à Paris auprès de lui dont Laurent Blumentrost, futur médecin du tsar.

Les proches du tsar, tel Robert Areskine, médecin d'origine écossaise au service de Pierre le Grand depuis 1713, connaissaient la réputation de Duverney et, dès avant la visite du tsar en France, Areskine correspondait avec lui [Копанева, с. 130–136; Дриссен-ван хет Реве, с. 146]³. En outre, en avril 1717, juste avant le départ de Pierre 1er pour la France, alors que le monarque séjournait en Hollande, Areskine avait fait appel à Laurent Blumentrost, qui se perfectionnait à Paris auprès de Duverney [Копелевич, с. 111]⁴. Blumentrost vint alors en Hollande pour le remplacer dans le suivi des négociations menées pour l'achat du cabinet de Ruysch. L'arrivée de Blumentrost soulagea Areskine qui, en tant que premier médecin du tsar, se devait de suivre ce dernier à Paris.

Le traité dont nous donnons la transcription est conservé à Paris, aux Archives nationales, dans les minutes de l'étude du notaire Jean Fromont

³ Dans la correspondance postérieure d'Areskine et de Duverney figure le fait de leurs recherches communes sur les serpents vénéneux: [Дриссен-ван хет Реве, с. 146].

⁴ C'est Duverney lui-même qui en a parlé dans une lettre adressée à Areskine en 1717: [Копелевич, с. 111].

qui exerça à Paris de 1701 à 1730, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, non loin du Jardin royal des plantes. Ce traité a été passé le 13 octobre 1717 entre Joseph-Guichard Duverney, « conseiller ordinaire du roi et professeur en anatomie et chirurgie au Jardin royal des plantes », et Claude François de La Croix, sculpteur en cire, « pour faire pour sa majesté czarienne des ouvrages d'anatomie en cire colorée ». Il y est spécifié que c'est comme stipulant du « sieur Areskine », premier médecin du tsar qu'agit Duverney. Areskine avait eu, comme il a été dit, de multiples occasions d'échanges avec Duverney ; aussi, c'est à lui qu'il demanda conseil pour trouver un oculiste de talent lorsque Pierre le Grand, durant son séjour à Paris, exprima le désir d'assister à une opération de la cataracte. Duverney lui recommanda alors un brillant oculiste anglais, Vvolhouse qui, en présence du tsar, opéra avec succès un invalide aveugle depuis la bataille d'Hochsteet en 1704 [Buchet, 1717b, p. 189–190]⁵!

Comme convenu dans le traité, les ouvrages commandés à de La Croix devaient être payés par Areskine et la valeur du premier de ces ouvrages, soit une tête anatomique, était estimée à quinze cents livres. Ces ouvrages anatomiques en cire avaient pour intérêt de remplacer les préparés humains séchés et de permettre de visualiser, après plusieurs dissections, en un seul modèle tridimensionnel, des parties du corps humain avec leur couleur réelle. Les premiers ouvrages de ce type étaient apparus à la fin du XVIIe siècle en Italie. Ils étaient dus à la rencontre, à Gênes, d'un talentueux artiste de cour, le Sicilien Gaetano Zumbo (1656–1701), expert en modelage de cire, et du chirurgien français Guillaume Desnoues (1650–1735) qui exerçait alors à la faculté de médecine et à l'hôpital de Gênes [Gysel, 1987, p. 67–72; Gysel, 1995, p. 13–21]. À l'exemple de l'anatomiste hollandais Frederik Ruysch, Desnoues avait commencé à faire des expériences sur les cadavres qu'il disséquait en injectant de la cire colorée et autres substances dans leurs organes dans le but de préserver leur apparence. Avec tout son art et sa parfaite connaissance de la matière qu'il travaillait, Zumbo entreprit de modeler avec de la cire colorée qu'il préparait lui-même et dont il gardait la composition secrète, les pièces anatomiques fournies par Desnoues. Il obtint ainsi des résultats dont le rendu artistique et le réalisme scientifique forçaient l'admiration. Mais, très vite, la collaboration entre l'artiste et le médecin fit place à la méfiance. Zumbo partit à Paris en emportant certaines pièces qu'il avait modelées ou leurs copies et, là, il connut très vite un grand succès tant auprès de courtisans que d'hommes de science et d'académiciens. En 1701, il présenta à l'Académie des sciences une tête de cire représentant dans les moindres détails une tête humaine préparée pour une démonstration anatomique, tête qu'il avait apportée de Gênes, et il s'attira l'admiration et les compliments de tous les « savants », y compris de Duverney. Il obtint alors du Roi un privilège « pour représenter au naturel en cire colorée toutes les parties du corps humain

⁵ La chercheuse soviétique Yu. Kh. Kopelevitch souligne l'importance de Duverney dans cette affaire de cataracte que l'on peut interpréter de deux façons: «Duverney a fait faire une opération anatomique» et «Duverney a fait [lui-même] une opération anatomique»: [Копелевич, с. 43].

et des animaux » [AN. O/1/45. Fol. 163]. La soudaine notoriété parisienne de Zumbo n'eut pas l'heur de plaire à Desnoues qui estimait que le mérite de l'invention de ces préparations anatomiques en cire réalisées grâce à ses dissections lui revenait. À Gênes, pour continuer ses expériences avec la cire colorée, il avait recruté un autre artiste de cour, un sculpteur spécialiste de l'ivoire, le Français François de la Croix. À force de travailler et de voir des cadavres, de La Croix parvint à devenir si habile que Desnoues et d'autres connaisseurs prétendaient que même les œuvres en ivoire qu'il réalisa par la suite, étaient aussi différentes que la nuit l'est du jour [Lettres de G. Desnoues, p. 87]. Desnoues voulut faire casser le privilège obtenu par Zumbo, mais la mort prématurée de ce dernier, le 22 décembre 1701 [Buffon, p. 216], mit fin à la querelle. Après des voyages à travers l'Italie et quelques publications, Desnoues revint à Paris vers 1711. Il y présenta ses ouvrages anatomiques dont l'anatomie entière du corps d'une femme qu'il avait fait réaliser par de La Croix, et ces ouvrages furent approuvés par l'Académie des sciences [Histoire de l'Académie des sciences, p. 57]. Il obtient alors par privilège la permission de « faire des ouvrages en cire colorée, représentant le corps humain » à Paris et dans tout le royaume et d'« en faire des démonstrations anatomiques » [Arrêt du Parlement]. Le premier ouvrage anatomique que Duverney s'engage dans le traité à faire exécuter par le sculpteur de La Croix pour le compte de Pierre le Grand est une tête semblable à celle qu'il avait admirée lors de sa présentation à l'Académie des sciences par Zumbo, une quinzaine d'années auparavant. Mais, le traité stipule que de La Croix avait l'obligation de travailler uniquement chez Duverney pour ne pas rencontrer d'obstacles auprès de Desnoues. D'ailleurs, durant l'exécution de ces ouvrages Duverney se plaint de Desnoues : celui-ci veut faire valoir son privilège à tout prix. Duverney a demandé au Régent sa la protection pour que de La Croix puisse travailler à la fabrication des modèles pour Pierre le Grand : l'anatomiste en parle dans une lettre adressée à Areskine le 15 août 1717, c'est-à-dire avant la conclusion du traité [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 64]. Mais les problèmes persistent : le 23 septembre 1717 Duverney écrit que « sieur Desnoues n'a pas laissé de nous inquiéter beaucoup à cause de son privilège prétendant que Monsieur le Régent ne peut pas détruire ce que le feu Roy et le Parlement lui ont accordé » [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 87]. L'affaire fait l'objet de multiples consultations au Palais Royal et chez le lieutenant de police ; une solution a été trouvée. Duverney devait faire travailler de La Croix chez lui, dans son appartement. L'anatomiste a décidé à cette occasion de construire un petit bâtiment à côté de la chambre de dissection du Jardin Royal, pour que les préparations anatomiques nécessaires soient toujours sous la main et pour garder l'œil sur de La Croix. Il a inclut les frais de construction dans les coûts de la fabrication des modèles en cire, et en est revenu encore quelques fois dans ses lettres à Areskine pour justifier la nécessité absolue de cette dépense qui n'était pas prévue initialement [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 56–56 об.].

D'ailleurs, la relation compliquée entre Duverney, de La Croix et Desnoues ne se résume pas aux intrigues de ce dernier. Duverney se plaint

qu'il essaye (et parvient) de débaucher de La Croix qui n'a aucune fermeté avec de belles promesses (lettre de 23 septembre 1717 [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 87]). Plus est : en 1718 Desnoues avait engagé de La Croix à travailler pour lui et comme cela le sculpteur en cire partageait son temps entre deux employeurs. Duverney s'indigne que de La Croix passe une partie de la nuit en travaillant pour son concurrent et lorsqu'il vient chez Duverney il est accablé de fatigue, ce qui retarde beaucoup la fabrication des modèles pour Pierre le Grand [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 18–18 об.].

Les suites du traité : regards croisés sur les sources russes

Quelle suite fut donnée à ce traité ? Le traité et les tractations pour obtenir sa réalisation éclairent sur les circonstances de la formation des collections de la Kunstkamera de Saint-Petersbourg. Il apparaît que des différents objets commandés seul le crâne réalisé par de La Croix a rejoint la Russie et que Pierre le Grand n'a pas acheté d'autres cires anatomiques en France. Il est à noter que le traité précisait que Duverney n'avait aucune obligation à faire exécuter les deux autres ouvrages anatomiques mentionnés si son état de santé ne le lui permettait pas. Buffon, dans son *Histoire naturelle*, indique que, concernant « le cerveau dans le crâne », Duverney disséqua plusieurs têtes pour en avoir séparément chaque partie et qu'il répéta plusieurs fois la dissection de la même partie avant de la faire modeler par de La Croix. Buffon fait aussi allusion à un nouveau conflit entre l'art et la science puisque que de La Croix fit en cachette une copie de cette tête, mais Duverney, l'ayant appris, obtint sa restitution.

Il est évident que Pierre le Grand manifestait de l'intérêt pour l'anatomie bien avant sa visite au Jardin royal des plantes et sa rencontre avec Duverney. Il avait visité, surtout en Hollande, des cabinets de curiosités possédant des « choses d'anatomie » et il avait une idée sur l'organisation de telles collections. L'historien Serguey Mézin insiste sur le fait que la mise en valeur des savoirs en histoire naturelle, en médecine et en anatomie faisait partie du programme « idéologique » du tsar [Мезин, 2015b, с. 189; Богданов, с. 175–209]. De son côté, Natalia Kopaneva, autre historienne, souligne que l'on peut s'interroger, à juste titre, sur les préférences du tsar dans le domaine des sciences : pourquoi préfère-t-il lors de ses voyages à l'étranger visiter tel cabinet de curiosités ou rendre visite à tel savant plutôt qu'à un autre et pourquoi revient-il aux endroits déjà visités alors que son caractère vif, remuant et impulsif l'aurait plutôt porté à voir des nouveautés plutôt que revenir sur ses pas [Копанева, с. 130–136]. Si l'on compare « l'inventaire des choses curieuses à voir » avec la chronique journalière des activités de Pierre 1er à Paris⁶, force est de constater que certaines « curiosités »

⁶ Nous nous reportons surtout à la chronique dressée par S. Mézin en 2015 qui se base sur une synthèse de sources européennes et russes [Мезин, 2015b, с. 60–77]. Une chronique du séjour français de Pierre est également donnée par Dmitri et Irina Gouzévitch [Gouzévitch D., Gouzévitch I., p. 9–18].

(institutions, installations) d'ordre scientifique et technique ont bénéficié d'une attention toute particulière du tsar en France et que le Jardin des plantes est en bonne place avec plusieurs visites : 30 avril / 11 mai 1717 (calendrier julien / calendrier grégorien), le 1/12 mai, le 4/15 mai et le 8/19 mai [Обстоятельный журнал, с. 616–617; Мезин, 2015b, с. 65–66], même si certaines dates peuvent néanmoins susciter des doutes⁷. Si ces visites sont attestées dans les sources russes (telle « L'Histoire de la guerre de Suède et la notice journalière de Pierre le Grand »), elles ne le sont pas toujours dans les sources françaises: ainsi on ne trouve aucune référence à celles-ci dans la chronique de Buchet du « Nouveau Mercure » de juin 1717 ni dans l'« Abrégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz... » du même auteur [Buchet, 1717b, p. 182–209; Buchet, 1717a, p. 171–210]⁸. Comme le Jardin des plantes était un lieu privilégié pour la recherche non seulement en sciences médicales mais aussi pour ce qui concernait la botanique et la chimie (grâce à Étienne François Geoffroy), l'intérêt de Pierre pour ces visites concernait ces trois matières. Pour la botanique, il eut affaire à Sébastien Vaillant, démonstrateur de plantes, auteur du livre « Botanicon Parisiense » et conservateur du cabinet de drogues. On peut supposer que, lors de sa première visite au Jardin des plantes le 11 mai, le tsar eut droit à des explications sur l'organisation générale de l'établissement et à une présentation de l'ensemble de ses installations. Le tsar connaissait déjà les jardins botaniques d'Amsterdam (Hortus Botanicus Amsterdam) et de l'université de Leyde (Hortus Botanicus Leiden), et il avait créé un « potager des Apothicaires » (Аптекарский огород) tant à Saint-Petersbourg qu'à Moscou [Копанева, с. 130–136]. Ainsi, la visite au Jardin royal des plantes lui donnait la possibilité d'accroître ses connaissances dans ce domaine tout en continuant à se constituer un réseau de connaissances dans la « République des sava-nts », grâce aux recommandations des uns et des autres. En effet, le botaniste Vaillant entretenait une correspondance avec les Hollandais Frederik Ruysch et Herman Boerhaave qui, eux-mêmes, avaient rencontré le tsar et saluaient son intérêt pour l'histoire naturelle [Дриссен-ван хет Реве]. Par la suite, Boerhaave devait signer la préface du « Botanicon Parisiense » de S. Vaillant et y mentionner la visite de Pierre 1er au Jardin des plantes [Мезин, 2015b, с. 189]. Dans le même esprit, rappelons que Vvolhouse fut choisi pour l'opération de la cataracte sur la recommandation de Duverney.

⁷ Ainsi, S. Mézin en 2013 parle des 11, 12, 15 et probablement du 19 mai et met ainsi en doute la dernière visite qui figure néanmoins dans sa reconstitution de la chronique journalière de Pierre de 2015 [Мезин, 2013, с. 247]. Ce doute peut être expliqué par l'ambiguïté de la mention respective dans la source primaire (История Свейской войны). Une autre hypothèse sur les dates est émise par Christophe Henry: il parle du 15 mai (« Le Jardin des plantes et la maison des Apothicaires, où [le czar] examine les collections anatomiques, sont au programme du 15 mai ») et d'une leçon de chimie (ce qui peut suggérer les séances de E.-F. Geoffroy au Jardin des plantes) le 18 mai [Henry, 2011].

⁸ Cette carence d'information sur les visites de Pierre 1er au Jardin des plantes dans le Nouveau Mercure est encore plus flagrante dans les études consacrées aux documents occidentaux sur la visite du tsar en France en 1717. Ainsi, dans son article sur la « couverture médiatique » du séjour parisien de Pierre 1er dans la presse francophone le même S. Mézin qui, dans ses autres travaux, compte de 3 à 5 visites du Jardin des plantes, n'en parle presque pas, puisque telle est la nature de ses sources [Мезин, 2016, p. 43–58].

Des chercheurs contemporains se sont demandés pourquoi il n'avait pas été fait appel au célèbre François Gigot de la Peyronnie (1678–1747), démonstrateur d'anatomie au Jardin du Roi et célèbre chirurgien appelé par Louis XIV à Paris en 1714, ni même à son maître et ami Georges Mareschal, titulaire depuis 1703 de la charge de premier chirurgien de Sa Majesté [Henry, 2011]. Il est clair que, dans ce cas, la recommandation directe de personne à personne a primé.

La réputation de Duverney a, certes, compté dans deux des visites de Pierre le Grand au Jardin royal des plantes. Dans les sources russes, ces visites sont relatées de la manière suivante : l'après-midi du 1 / 12 mai Pierre 1er « s'est rendu en Anatomie » (*был во Анатомии*) [Обстоятельный журнал, с. 616] et le 4 / 15 mai le monarque « a contemplé les choses anatomiques » (*смотрел анатомических вещей*); les serviteurs ont été payés 30 livres pour avoir montré « des choses susdites » (*за показыванье оных*) [Обстоятельный журнал, с. 617; Сборник выписок, с. 64; Мезин, 2015b, с. 66]. Le 8 / 19 mai Pierre 1er « a contemplé les choses d'anatomie faites en cire » (*анатомических вещей, сделанных из воску*) [Обстоятельный журнал, с. 617; Мезин, 2015b, с. 67]. Ces « choses d'anatomie » dont avait parlé Blümentrost à Areskine en avril 1717 et que Pierre 1er a pu voir lors de son séjour parisien chez Duverney au Jardin des plantes mais aussi dans le cabinet des curiosités de Louis Léon Pajot, comte d'Ons en Bray, intendant général des postes et relais de France (1678–1754) lui ont naturellement donné l'envie d'en acquérir pour sa *Kunstkamera* à Saint-Petersbourg. Areskine fut chargé de s'en occuper et sa correspondance avec Pajot et Duverney est révélatrice à ce sujet [Княжецкая, с. 93, 94, 97, 99, 100; Мезин, 2015b, с. 196].

Lorsque Areskine fit l'acquisition pour le compte du tsar du célèbre cabinet de Ruysch, il obtint que l'objet de la vente fut non seulement les préparations anatomiques mais aussi leur technique de fabrication (soit la recette de l'agent conservateur et du liquide à injecter dans les tissus pour garder leur aspect naturel) sous condition expresse d'en garder le secret. Le prix de ce secret de fabrication était estimé dans la vente à cinq mille guldens sur les trente mille du prix du cabinet. La recette de la composition de cette liqueur devait être donnée à Areskine qui s'engageait à la garder jalousement et à ne la révéler à personne⁹. Or, la recette de cette composition était aussi convoitée par Pajot et Duverney¹⁰. Ainsi, Pajot proposa à Areskine, en échange de cette recette, de lui donner celle de « sa colle incolore pour rendre hermétiques les verrines qui contenaient les préparations anatomiques ». Il promettait de garder le secret sur la composition et se renseignait aussi sur la possibilité d'acheter des

⁹ Ainsi, Areskine a été fâché de savoir que lors de son absence Blümentrost, qui éprouvait des difficultés dans une affaire compliquée d'achat, d'emballage et de transport du cabinet de Ruysch en Hollande, a été un certain moment considéré comme « détenteur du secret en intérim ». Blümentrost a dû s'excuser auprès d'Areskine et lui expliquer la situation pour rétablir leurs bonnes relations [Дриссен-ван хет Реве, с. 139–141].

¹⁰ La chercheuse hollandaise qui a étudié la correspondance au sujet de l'acquisition du cabinet de Ruysch consacre dans son livre un chapitre spécial à ce qu'elle caractérise comme « Intérêt des savants étrangers envers le secret de Ruysch » [Дриссен-ван хет Реве, с. 145–146]. Voir également: [Княжецкая, с. 93].

doubles du cabinet de Ruysch, coquilles ou autres « naturalias » [Княжецкая, с. 94; Дриссен-ван хет Реве, с. 145–146]. De son côté, Duverney, intéressé par l'acquisition de quelques objets du cabinet de Ruysch et de sa technique de conservation, sondait aussi le terrain auprès d'Areskine. N'obtenant que des réponses évasives, il lui faisait part de son intention de commander une armoire spéciale pour ces objets et d'y faire écrire en lettres d'or « Ex Dono Domini Areskine ». Cela impressionnera de nombreux visiteurs, – écrivait l'anatomiste français, – et ils seront convaincus qu'Areskine possède un si grand et si splendide cabinet anatomique. Ainsi, Duverney laissait entendre à Areskine que toute cette opération ne dépendait que de lui car le tsar suivait toujours ses conseils et qu'elle ne pouvait qu'accroître son prestige auprès de son monarque [Дриссен-ван хет Реве, с. 147]. Mais, contrairement à Pajot, Duverney disposait d'un atout sérieux pour obtenir satisfaction. En tant que membre de l'Académie des sciences, il était au courant du désir de Pierre 1er d'être admis dans cette noble institution mais aussi des réticences que manifestait le régent Philippe d'Orléans à l'admission du tsar russe¹¹. Après le départ de Pierre 1er de Paris, Duverney eut à plusieurs reprises des entretiens avec l'abbé Bignon, président de l'Académie, concernant la possibilité de cette admission et il en informa Areskine¹². Alors que l'abbé Bignon avait demandé à l'anatomiste de ne plus l'entretenir de cette question délicate, le régent changea soudain d'avis. Duverney put écrire à Areskine qu'il avait vu le régent et que celui-ci avait enfin donné son accord pour que le tsar soit reçu en priorité à l'Académie, sitôt une place vacante. Le régent avait promis à Duverney d'écrire une lettre à ce sujet à l'abbé Bignon et, ayant reçue celle-ci, l'abbé la montra à Duverney¹³.

Ayant aidé Areskine dans ses pourparlers avec l'Académie et contribué, en quelque sorte, à la réception du tsar à l'Académie des sciences, Duverney pouvait espérer obtenir quelques compensations du côté russe. C'est dans ce contexte que furent menées les discussions entre Duverney et Areskine pour la commande des modèles anatomiques en cire. Ainsi, la correspondance de Duverney et d'Areskine éclaire d'un nouveau jour ce contrat conservé à Paris au minutier des notaires. Dans une lettre datée du 15 août 1717, Duverney demande à Areskine qui se trouve alors à Aix-La-Chapelle s'il a pris une décision pour l'acquisition de quelques modèles anatomiques en cire exécutés sous sa direction. Il mentionne le fait qu'il en a déjà parlé au sieur de La Croix, qui exécute en cire les modèles et que celui-ci attend une commande. Il précise que, si de La Croix avait déjà l'information sur les modèles souhaités, il pourrait se mettre au travail aussitôt, car, en absence de ces informations, il ne travaille « qu'à la moitié de ses forces » [Дриссен-ван хет Реве, с. 147]. La clause du contrat du 13 octobre qui spécifie que de La Croix « commencera de travailler incessamment pour rendre ses ou-

---

¹¹ L'histoire de l'admission du Pierre 1er à l'Académie des sciences à Paris a suscité de vifs débats en historiographie russe et soviétique; pour le contenu de ces discussions voir: [Мезин, 2015b, с. 204–210; Мезин, 2014, p. 14–15].

¹² Sur le rôle de l'abbé Bignon dans les relations franco-russes de l'époque voir: [Liechtenhan, p. 127–140].

¹³ Lettre de Duverney à Areskine, le 15 août 1717. Cité d'après: [Дриссен-ван хет Реве, с. 146–147]. Voir également l'exposé de la lettre: [Княжецкая, с. 93].

vrages parfaits le plus tost qu'il luy sera possible » est à mettre en regard avec ces mots de la lettre du 15 août.

Bien que Duverney eût souhaité obtenir des informations sur la technique de Ruysch, le secret de la liqueur payé cinq mille guldens par le tsar russe ne lui a pas été révélé. Par une lettre datée du 14 avril 1717, Areskine lui avait fait savoir qu'il n'était pas possible d'envoyer à Paris les objets du cabinet de Ruysch qu'on avait consentis à lui céder : toute la collection de Ruysch était déjà emballée au moment où Areskine était arrivé en Amsterdam pour la transporter à Saint-Pétersbourg et il était impossible de remuer toutes les caisses [Радзюн, с. 458]. Cependant Duveney ne perdait pas espoir : dans une lettre à Areskine datée de 23 septembre 1717 il dit être informé « par quelques Anglais » que les trésors de Ruysch sont effectivement emballés dans les boîtes prêtes à partir pour Saint-Pétersbourg et rappelle à cette occasion la promesse d'Areskine, en le suppliant de donner des ordres correspondants [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 87 об. – 88]. Plus est : le 1 mai 1718 il écrit à Areskine que le cabinet de Ruysch n'est pas encore parti et il est temps de se souvenir de la parole donnée [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 58].

Bien plus que les objets de la collection de Ruysch, c'est le secret du liquide conservateur qui intéressait Duverney. Plus d'une fois il propose à Areskine de le lui délivrer ou même de le vendre, en jurant qu'il emportera le secret dans la tombe [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 57], en alléguant que les héritiers de Ruysch ne manqueront pas de vendre le secret immédiatement après la mort de l'inventeur [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 19] ou en racontant que Ruysch n'est pas le seul à disposer de la bonne recette et on trouve des préparations anatomiques semblables d'une bonne qualité à Londres et même à Paris [СПФ АРАН. Ф. 1, оп. 3, д. 6, л. 58]. Après la mort d'Areskine, Duverney a même prétendu qu'il avait consenti à lui communiquer le secret et demandé à Blumentrost qu'on lui délivre ce secret d'injection « pour les raisons que je vous communiquerai en son temps » [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 50].

Ironie du sort, les médecins et les anatomistes russes n'ont pas réussi à utiliser la recette du liquide mystérieux dont la composition n'a été publiée qu'en 1743 par le successeur d'Areskine et de Blumentrost dans les années 1732–1734, Johann Christoph Rieger (devenu par la suite médecin de cour de l'impératrice Анна Иоанновна) [Дриссен-ван хет Реве, с. 275]. La nomenclature des ouvrages à exécuter par de La Croix dans le traité du 13 octobre 1717 est aussi intéressante. Il s'agit d'une tête anatomique, des organes reproducteurs d'homme et de femme et de l'ensemble des muscles. En novembre 1718, Duverney fait savoir à Areskine que le premier modèle est presque achevé. L'été suivant, il mentionne le travail d'exécution des autres modèles [Княжецкая, с. 94]. Mais Areskine meurt et l'acquisition des cires anatomiques semble être suspendue.

En 1721–1722, Daniel Schumacher, bibliothécaire de Pierre 1er, est missionné en Europe pour récupérer les modèles commandés. Dans la liste des instructions qu'il reçoit, on peut lire : « se renseigner auprès de Duverney-père (il y avait aussi une commission qui touchait Duver-

ney-fils. – O. O.) sur l'anatomie en cire » [Отчет, поднесенный Петру Великому, с. 534]. Schumacher écrit dans son rapport qu'entre Duverney et Areskine il était question de « collection complète d'ouvrages anatomiques pas chères » [Отчет, поднесенный Петру Великому, с. 537; Радзюн, с. 458–459] mais les tractations pour récupérer la commande ont été difficiles. Duverney lui a « causé beaucoup de perfidies », – se plaint-il: d'abord il lui a présenté une facture qui l'a stupéfié, ensuite il n'a pas voulu se séparer du modèle de cerveau qui a été promis en démonstration au roi... Mais surtout il prétendait que le contrat avec Areskine était devenu caduc du fait de la mort de ce dernier. Duverney avait, sans doute, d'autres raisons pour arguer de la nullité du contrat mais le récit de Schumacher n'en dit rien. « Il a promis à feu sieur Areskine une collection complète d'ouvrages anatomiques pas chères...mais n'a pas tenu sa promesse, et encore prétend que comme de notre côté le contact s'est détruit, lui non plus ne doit pas y tenir » (*И того ради претендует, что понеже с нашей стороны контракт разрушился, то и с своей стороны оный содержать не должен*) [Отчет, поднесенный Петру Великому, с. 537]. Une autre raison évoquée par Duverney pour ne pas livrer l'intégralité de la commande était le fait que « le sculpteur du corps » est mort (*и сверх того, моделир того тела умер*) [Там же, с. 537]. En réalité de La Croix est décédé bien avant cette date : le 3 novembre 1718 Duverney en informe déjà Areskine et le prévient qu'il avait trouvé un remplaçant qui lui paraît prometteur [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 18 об.]. Duverney ne cache pas son irritation contre le feu sculpteur en cire et dit être rebuté par la méchante humeur de de La Croix et par son infirmité [Там же. Л. 18]. En même temps lorsqu'il s'agit de marchander avec Blumentrost, interlocuteur de Duverney après la mort d'Areskine, le même de La Croix est devenu « l'unique ouvrier... en Europe pour les anatomies en cire colorée » [Там же. Л. 50 об.]. Schumacher, à son tour, a dû entendre le même argument quelques années après la mort de De La Croix.

C'est au prix de multiples efforts et en faisant preuve de beaucoup de diplomatie que Schumacher finit par obtenir qu'on lui remette le modèle du cerveau contenu dans le crâne: « J'ai remercié Dieu qu'avec une grande peine et beaucoup de finesses j'ai eu...le *cerebrum* dans le crâne » (*Аз благодарил Бога, что с великим трудом и всякими финессами cerebrum во кране... достал*) [Отчет, поднесенный Петру Великому с. 537].

Ces négociations difficiles, néanmoins, n'ont pas nui aux relations avec Duverney. En effet, Schumacher avait aussi pour mission d'inviter en Russie le fils de Duverney Emmanuel-Maurice reçu docteur de la Faculté de Paris le 25 octobre 1718. Emmanuel-Maurice Duverney avait obtenu le 31 mars 1718 des lettres de provisions de la charge de démonstrateur-opérateur de l'intérieur des plantes, sous le titre de professeur en anatomie et en chirurgie, accordées par Louis XV, en survivance de son père, Joseph Duvernay démissionnaire en sa faveur [AN. O/1/62]. Il était réputé comme le meilleur anatomiste de Paris, – raconte Schumacher, – et les monarques

européens lui envoyaient en apprentissage des étudiants. Cependant, Emmanuel-Maurice Duverney s'était marié peu avant l'arrivée de Schumacher avec une femme qui ne voulait pas quitter Paris ! Mais, il était disposé à instruire avec application des jeunes gens russes si Pierre 1er les lui envoyait [Отчет, поднесенный Петру Великому, с. 538]. Schumacher est donc revenu de Paris convaincu que les relations avec Duverney-fils devaient être maintenues et Duverney figure au nombre des savants européens avec lesquels il recommande d'entretenir une correspondance érudite [Там же, с. 557, 558].

Schumacher a dû insister pour récupérer le modèle de cerveau qui devait faire l'objet d'une démonstration au roi. Il a assisté à cette démonstration, sur la recommandation du maréchal Villeroy, précepteur de Louis XV. Il fut alors présenté au petit roi qui lui tendit sa main à baiser et Villeroy prononça l'éloge du tsar [Там же, с. 538–539].

Tous les efforts de Schumacher pour récupérer cette précieuse cire anatomique ayant enfin aboutis, elle rejoignit à Saint-Pétersbourg la collection anatomique de la *Kunstkamera*. Elle figure maintenant dans les inventaires de la *Kunstkamera* sous le numéro 5018-2 et est toujours citée dans l'histoire de la formation des collections de la *Kunstkamera* pétrovienne [Приобретение коллекций, с. 1]. Mais, c'est le croisement de différentes sources françaises et russes qui nous a permis de conter ici l'odyssée de cette tête anatomique.

Pièce justificative*

Traité 13 octobre 1717

sur le papier timbré

Furent présents maître Guichard Joseph Du Verney, conseiller ordinaire du Roy et professeur en anatomie et chirurgie au jardin royal des plantes, demeurant fauxbourg St Victor paroisse Saint Médard, au nom et comme stipulant et se faisant fort du sieur Areskine, premier médecin de sa Majesté Czarienne d'une part, et le sieur Claude François de La Croix, sculpteur en cire, demeurant rue Coipeau, paroisse Saint Estienne du Mont d'autre part ;

lesquels sont volontairement convenus et demeurent d'accord de ce qui suit : c'est à scavoir que le sieur de La Croix s'est par ces présentes engagé envers ledit sieur Duverney de faire pour sa Majesté Czarienne les ouvrages d'anatomie en cire colorés tels qu'ils seront cy-après mentionnés. Pour l'exécution desquels, ledit Sieur du Verney fournira seulement toutes les pièces du corps humain qui seront nécessaires pour estre mises en cire colorée à quoy ledit Sieur de La Croix commencera de travailler incessamment pour rendre ses ouvrages parfaits le plus tost qu'il luy sera possible. Et, pour y parvenir les parties sont convenues de mettre un prix certain à chacun desdits ouvrages. Ainsy, le prix du premier, qui en contiendra deux dont un sera la duremer avec ses sinus et ses vaisseaux sanguins représenté dans un crane particulier et l'autre sera le cerveau avec toutes les coupes nécessaires contenües dans un autre cerveau pour en faire voir les parties internes et tous les vaisseaux dont il est parsemé, est fixé à la somme de quinze cens livres. Le prix du second qui représentera les parties de la

* Transcrite par Armelle Le Goff.

génération, tant de l'homme que de la femme, avec toutes les coupes nécessaires pour en faire voir l'intérieur est évalué à la somme de deux mil livres, et le prix du troisième, qui fera voir, dans une figure de cinq pieds de hault, d'un costé tous les muscles tels qu'ils se présentent après les avoir dépouillé de la peau et de la graisse et de l'autre tous les vaisseaux sanguins et les gros cordons de nerfs qui passent entre ces muscles, est évalué à la somme de trois mil cinq cent livres. À tous lesquels ouvrages ledit sieur de La Croix promet de travailler régulièrement ainsy et de la manière que le désirera sa Majesté Czarienne qui pourra, après que la pièce concernant le cerveau sera faite, faire travailler à celle des deux autres pièces qu'il luy plaira dans l'appartement dudit sieur du Verney au Jardin Royal. pour éviter les obstacles qui pourroient survenir de la part du sieur Desnoïes, qui a un privilège exclusif à tous autres pour ces sortes d'ouvrages, sans pouvoir par ledit sieur Delacroix faire transporter ses ouvrages hors dudit Jardin Royal et sous quelque prétexte et pour quelque cause que se puisse estre. Le prix desquels ouvrages, tel qu'il est cy-dessus fixé, ledit sieur DuVerney promet payer audit sieur de la Croix des deniers qui luy seront envoyez et fait tenir par ledit sieur Areskine et non autrement, sans que le sieur Duverney soit tenu après la perfection du premier ouvrage de faire continuer les deux autres si sa santé ou ses employs ne le luy permettoient pas, et, de sa part, ledit sieur de La Croix ne sera tenu de parachever tous lesdits ouvrages qu'autant qu'il le jugera à propos, et, au cas de mort dudit sieur Duverney avant la perfection desdits ouvrages, sa succession et héritiers ne seront tenus ny garants d'aucuns événements d'autant que lesdits ouvrages se feront pour sa majesté Czarienne car ainsy a esté convenu entre les parties promettant, obligeant chacun à son égard renonçant

fait et passé à Paris en l'estude de Fromont l'un des deux notaires soussignez l'an mil sept cens dix sept le treizième octobre avant midy et ont signé

G. F. Duverney

Claude frs de la Croix, Claude frs de Croix

Laideguive

Fromont [AN. MC/ET/XVII/589].

Le timbre, marque en tête de la minute, prouve le paiement des droits liés à l'acte. Les signatures en bas de l'acte sont celles des deux parties Duverney et de La Croix. La Croix a signé deux fois sous les noms de la Croix et de Croix! La minute est aussi signée en bas à droite par le notaire qui a rédigé l'acte dit notaire instrumenteur soit Jean Fromont. Pierre Laideguive, notaire qui sert de témoin dit notaire secondaire, et qui exerçait non loin du Jardin des plantes place Maubert a aussi signé en bas à gauche.

Список литературы

Богданов К. Петр Первый о медицине: игра природы, порядок правления // Петр Великий / сост. и ред. Е. В. Анисимов. М. : ОГИ ; Россия, 2007. С. 175–209.

Дриссен-ван хет Реве Й. Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752) / пер. с нидерл. И. М. Михайловой, Н. В. Возненко ; науч. ред. Н. П. Копанева. СПб. : МАЭ РАН, 2015. 364 с.

Копанева Н. П. Рец. на: Мезин С. А. Петр I во Франции. СПб. : Европ. дом, 2015. 310 с. : ил. // Историческая экспертиза. 2016. № 2. С. 130–136. URL: http://istorex.ru/page/kopaneva_np_rets_mezin_sa_petr_i_vo_frantsii_spb_evropeyskiy_dom_2015_310_s_il (дата обращения: 19.11.2016).

Копелёвич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л. : Наука, 1977. 212 с.

Княжецкая Е. А. Научные связи России и Франции при Петре I // Вопр. истории. 1981. № 5. С. 93–110.

Мезин С. А. Парижские встречи Петра I // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. 70. Петровское время в лицах – 2013 : К 400-летию Дома Романовых (1613–2013) : материалы науч. конф. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 240–251.

Мезин С. А. Роспись курioзным вещам в Париже: путеводители Петра I // Вестн. РГНФ. 2015а. № 3 (80). С. 52–62.

Мезин С. А. Петр I во Франции. СПб. : Европ. дом, 2015b. 312 с.

Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Галандии, во Франции и в прочих тамошних местах, и что там чинилось // Гистория Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т. С. Майкова. М. : Кругъ, 2004. Вып. 1. С. 610–625.

Отчет, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–1722 годах // Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом : в 2 т. СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1862. Т. 1. С. 534–558.

Приобретение коллекций в Европе: Фредерик Рюйш, Альберт Себа, Жозеф Гишар Дюверней // Кунсткамера [официальный сайт]. URL: http://www.kunstkamera.ru/index/300/5/5_2/ (дата обращения: 02.12.2016).

Радзюн А. Б. Анатомические модели в музее // Радловский сборник : Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб. : МАЭ РАН, 2008. С. 455–459. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-154-1/978-5-88431-154-1_74.pdf (дата обращения: 27.11.2016).

Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М. : Университет. тип. Каткова и К, 1872. Т. 2.

СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 87–88. Письмо Ж.-Г. Дюверне Р. Арескину 23 сентября 1717 ; Л. 56–58. Письмо Ж.-Г. Дюверне Р. Арескину, 1 мая 1718 ; Л. 18–19. Письмо Ж.-Г. Дюверне Р. Арескину 3 ноября 1718 ; Л. 50–51. Письмо Ж.-Г. Дюверне Л. Блюментросту, 30 июня 1719.

AN. O/1/45. Expédition des actes royaux par le secrétaire de la Maison du Roi, 1701. Fol. 163 (Privilege accordé au sieur Gaetano Zumbo de fabriquer les modèles en cire) ; AJ/15/509 copie d'après AN. O/1/62. Expédition des actes royaux par le secrétaire de la Maison du Roi, 1718. Fol. 53 (Lettre de provision de la charge de démonstrateur-opérateur de l'intérieur des plantes, sous le titre de professeur en anatomie et en chirurgie, accordées par Louis XV, en survivance de Joseph Duverney démissionnaire en sa faveur, 31 mars 1718, Paris).

Arrêt du Parlement du 19 aout 1712 autorisant le chirurgien Guillaume Desnouës à faire pendant le jour des démonstrations anatomiques sur une figure de cire. Paris : imp. de Vve F. Muguet, 1712. 2 fol.

[*Buchet P. F.*] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation l'Etat présent la Moscovie, et ce qui s'est passée de plus considérable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour. Paris : Pierre Ribou et Grégoire Dupuis, 1717a. 210 p.

[*Buchet P. F.*] Suite du Journal touchant le Czar... // Le Nouveau Mercure. 1717b. Juin. P. 182–209.

Buffon G.-L. L'histoire Naturelle, générale et particulière, avec la description du Cabinet du Roi : in 15 t. Paris : Imprimerie du Roy, 1749–1789. T. 3. 531 p.

Demeulenaere-Douyère C. L'Académie des sciences de Paris: un lieu privilégié des échanges scientifiques entre la France et la Russie (XVIIIe-XIXe siècles) // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. = Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie (XVIIIe–XXe) / отв. ред. А.О. Чубарьян, Ф.-Д. Лиштенан ; сост. О. В. Окунева. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. P. 87–105.

Eloge de Guichard-Joseph du Verney par Fontenelle // Histoire de l'Académie royale des sciences – Année 1730. P. 123–131. URL : http://www.academie-sciences.fr/pdf/dossiers/Fontenelle/font_pdf/p123_131_vol3591.pdf (mode of access: 12.12.2016).

Gouzevitch D., Gouzevitch I. La visite de Pierre Ier en France, avril-juin 1717 // Marly, art et patrimoine : Revue des Amis du Musée-Promenade de Marly-le-Roi-Louveciennes. 2013. No. 7. P. 9–18.

Gysel C. Le chirurgien Guillaume Desnoues (1650–1735), auteur des anatomies en cire // Histoire des sciences médicales. 1987. Vol. 21, no 1. P. 67–72.

Gysel C. L'anatomiste Guillaume Desnoues (1650–1735), le cartésianisme et l'embryologie de la face // Vesalius. 1995. Vol. 1, no 1. P. 13–21.

Henry Ch. Le séjour de Pierre le Grand à Paris. Contribution à l'histoire de la formation du cabinet de Saint-Petersbourg // Publications du Groupe Histoire Architecture Mentalités Urbaine en ligne, Articles et études mis en ligne le 16.04.2011. URL : <http://www.ghamu.org/IMG/pdf/Pierre1er-txt-def-20-04-2011.pdf> (дата обращения: 20.11.2016).

Histoire de l'Académie royale des sciences, avec les mémoires de mathématique, de physique... tirez des registres de cette Académie. Paris : Imprimerie royale, 1711. 323 p.

Lettres de G. Desnoues, professeur d'anatomie et de chirurgie, de l'Académie de Bologne; et de Mr Guglielmini, professeur de médecine et de mathématiques à Padoüe, de l'Académie Royale des sciences et d'autres savans sur différentes nouvelles découvertes. Rome : Antoine Rossi imprimeur, 1706. 250 p.

Liechtenhan F. D. L'abbé Bignon, précurseur des relations scientifiques et culturelles avec la Russie // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. = Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie (XVIIIe–XXe) / отв. ред. А. О. Чубарьян, Ф.-Д. Лиштенан; сост. О. В. Окунева. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. P. 127–140.

Mézin S. La visite en France de Pierre le Grand dans la presse francophone // Вивлююика : E.-J. of Eighteenth-Century Russian Studies. 2016. Vol. 4. P. 43–58.

Mézin S. Les contacts scientifiques de Pierre 1er à Paris // Pierre le Grand et l'Europe intellectuelle : Contexte, réseaux, circulations, réalisations. Livre de résumés du colloque tenu à la Fondation Singer-Polignac les 28–30 mars 2014. URL : http://www.transfers.ens.fr/IMG/pdf/pierre_le_grand-resumes.pdf (mode of access: 20.11.2016).

References

AN [Archives Nationales de France]. O/1/45. Expédition des actes royaux par le secrétaire de la Maison du Roi, 1701. Fol. 163 (Privilège accordé au sieur Gaetano Zumbo de fabriquer les modèles en cire).

AN [Archives Nationales de France]. AJ/15/509. Copie d'après Archives Nationales de France ; O/1/62. Expédition des actes royaux par le secrétaire de la Maison du Roi, 1718. Fol. 53 (Lettre de provision de la charge de démonstrateur-opérateur de l'intérieur des plantes, sous le titre de professeur en anatomie et en chirurgie, accordées par Louis XV, en survivance de Joseph Duverney démissionnaire en sa faveur, 31 mars 1718, Paris).

Arrêt du Parlement du 19 aout 1712 autorisant le chirurgien Guillaume Desnouës à faire pendant le jour des démonstrations anatomiques sur une figure de cire. Paris, imp. de Vve F. Muguet, 1712. 2 fol.

Bogdanov, K. (2007). Petr Pervyi o meditsine: igra prirody, poriadok pravleniia [Peter the Great about Medicine: The Game of Nature and the Order of Rule]. In Anisimov, E.V. (Ed.). *Petr Velikii*. Moscow, OGI, pp. 175–209.

Buchet, P. F. (1717). *Abbrégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation l'Etat présent la Moscovie, et ce qui s'est passée de plus considérable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour*. 210 p. Paris, Pierre Ribou et Grégoire Dupuis.

Buchet, P. F. (1717). Suite du Journal touchant le Czar. In *Le Nouveau Mercure*, juin, pp. 182–209.

Buffon, G.-L. (1749). *L'histoire Naturelle, générale et particulière, avec la description du Cabinet du Roi*. 531 p. Paris, Imprimerie du Roy, T. 3.

Driessen-van het Reve, J.J. (2015). *Gollandskie korni Kunstkamery Petra Velikogo: istoriia v pis'makh (1711–1752)* [Dutch Origins of Peter the Great's Kunstkamera : An Epistolary Story (1711–1752)]. 364 p. St Petersburg, MAE RAN.

Demeulenaere-Douyère, C. (2010). L'Académie des sciences de Paris: un lieu privilégié des échanges scientifiques entre la France et la Russie (xviiie-xixe siècles). In Chubarian, A.O., Liechtenhan, F.D., Okuneva, O. (Eds.). *Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie (XVIIIe-XXe)*. Moscow, OLMA Media Groupe, pp. 87–105.

Éloge de Guichard-Joseph du Verney par Fontenelle. In *Histoire de l'Académie royale des sciences – Année 1730*, pp. 123–131; URL: http://www.academie-sciences.fr/pdf/dossiers/Fontenelle/font_pdf/p123_131_vol3591.pdf (mode of access: 12.12.2016).

Gouzévitch, D., Gouzévitch, I. (2013). La visite de Pierre Ier en France, avril-juin 1717. In *Marly, art et patrimoine. Revue des Amis du Musée-Promenade de Marly-le-Roi-Louveciennes*, 7, pp. 9–18.

Gysel, C. (1987). Le chirurgien Guillaume Desnoues (1650–1735), auteur des anatomies en cire. In *Histoire des sciences médicales*, 21, 1, pp. 67–72.

Gysel, C. (1995). L'anatomiste Guillaume Desnoues (1650-1735), le cartésianisme et l'embryologie de la face. In *Vesalius*, 1, 1, pp. 13–21.

Henry, Ch. (n. d.) Le séjour de Pierre le Grand à Paris. Contribution à l'histoire de la formation du cabinet de Saint-Petersbourg. In *Publications du Groupe Histoire Architecture Mentalités Urbaine en ligne, Articles et études mis en ligne le 16/04 /2011* ; URL : <http://www.ghamu.org/IMG/pdf/Pierre1er-txt-def-20-04-2011.pdf> (mode of access: 20.11.2016).

Histoire de l'Académie royale des sciences, avec les mémoires de mathématique, de physique... tirez des registres de cette Académie. 323 p. Paris, Imprimerie royale, 1711.

Kopaneva, N. P. (2016). Retsenziia na: Mezin S. A. Petr I vo Frantsii. SPb.: Evropeiskii Dom, 2015. 310 s. : il. [Rev. of: S.A. Mezin. Peter the Great in France. St Petersburg, Evropeiskii dom, 2015. 310 p., ill.]. In *Istoricheskaia ekspertiza*, 2, pp. 130–136; URL: http://istorex.ru/page/kopaneva_np_rets_mezin_sa_petr_i vo_frantsii_spb_evropeiskiy_dom_2015_310_s_il (mode of access: 19.11.2016).

Kopelevich, Ÿu. Kh. (1977). *Osnovanie Peterburgskoi akademii nauk* [A foundation of Saint-Petersburg Academy of sciences]. 211 p. Leningrad, Nauka.

Kniazhetskaia, E. A. (1981) Nauchnye sviazi Rossii i Frantsii pri Petre I [Scientific relations between Russia and France under the Rule of Peter the Great]. In *Voprosy istorii*, 5, pp. 93–110.

Lettres de G. Desnoues, professeur d'anatomie et de chirurgie, de l'Académie de Bologne; et de Mr Guglielmini, professeur de médecine et de mathématiques à Padoüe, de l'Académie Royale des sciences et d'autres savans sur différentes nouvelles découvertes. 250 p. Rome, Antoine Rossi imprimeur, 1706.

Liechtenhan, F. D. (2010). L'abbé Bignon, précurseur des relations scientifiques et culturelles avec la Russie. In Chubarian, A. O., Liechtenhan, F. D., Okuneva, O. (Eds.). *Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie (XVIIIe-XXe)*. Moscow, OLMA Media Groupe, pp. 127–140.

Maikova, T. S. (Ed.). (2004). Obstoiatel'nyi zhurnal o voiazhe (ili o puteshestvii) ego tsarskogo velichestva, kak is Kopengagena poekhal i byl v Galandii, vo Frantsii i v protchikh tamoshnikh mestakh, i chto tam chinilos' [A Detailed Journal on His Royal Majesty's Voyage: How He Left Copenhagen and how He Went to Holland, France and Other Places and What Occurred there during That Time]. In *Gistoriia Sveiskoi voiny: Podennaia zapiska Petra Velikogo*. Vyp. 1. Moscow, Krug, pp. 610–625.

Mezin, S. A. (2013). Parizhskie vstrechi Petra I [Peter the Great's Parisian Meetings]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. T. 70: Petrovskoe vremia v litsakh – 2013. K 400-letiiu Doma Romanovykh (1613–2013). Materialy nauchnoi konferentsii. St Petersburg, Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 240–251.

Mézin, S. (2014). Les contacts scientifiques de Pierre 1er à Paris. In *Pierre le Grand et l'Europe intellectuelle : Contexte, réseaux, circulations, réalisations. Livre de résumés du colloque tenu à la Fondation Singer-Polignac les 28–30 mars 2014* ; URL : http://www.transfers.ens.fr/IMG/pdf/pierre_le_grand-resumes.pdf (mode of access: 20.11.2016).

Mezin, S. A. (2015a). Rospis' kurioznym veshcham v Parizhe : putevoditeli Petra I [An Inventory of Curiosities in Paris : Peter the Great's Tourist Guidebooks]. In *Vestnik RGNF*, 3 (80), pp. 52–62.

Mezin, S. A. (2015b). *Petr I vo Frantsii* [Peter the Great in France]. 312 p. St Petersburg, Evropeiskii dom.

Mézin, S. (2016). La visite en France de Pierre le Grand dans la presse francophone. In *Вузлища: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, 4, pp. 43–58.

Pekarskii, P. (Ed.). (1862). Otchet, podnesennyi Petru Velikomu ot bibliotekaria Shumakhera o zagranichnom ego puteshestvii v 1721–1722 godakh [A Report Presented to Peter the Great by Librarian Schumacher on His Foreign Journey in 1721–1722]. In *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*. St Petersburg, vol. 1, pp. 534–558.

Priobretenie kolleksii v Evrope: Frederik Riuis, Al'bert Seba, Zhozef Gishar Diuvernei [A Purchase of Collections in Europe: Frederik Ruysch, Albertus Seba, Joseph-Guichard Duverney] ; URL: http://www.kunstkamera.ru/index/300/5/5_2/ (mode of access: 02.12.2016).

Sbornik vypisok iz arkhivnykh bumag o Petre Velikom [Collected Extracts from Archival Documents on Peter the Great]. 419 p. Moscow, Universitetskaia tipografiia Katkova i Ko, 1872, T. 2.

SPF ARAN [St Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences' Archives]. F. 1, inv 3, dos. 6, fol. 87–88. J.-G. Duverney to R. Areskine, Sept. 23, 1717; fol. 56–58. J.-G. Duverney to R. Areskine, May 1st, 1718; fol. 18–19. J.-G. Duverney to R. Areskine, Nov. 3, 1718; fol. 50–51. J.-G. Duverney to L. Blumentrost, June 30, 1719.

Radziun, A. B. (2008). Anatomicheskie modeli v muzee [Anatomical Models in the Museum]. In *Radlovskii sbornik*. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2007 godu. St Petersburg, MAE RAN, pp. 455–459; URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-154-1/978-5-88431-154-1_74.pdf (mode of access: 27.11.2016).

Disputatio

Disputatio

DOI 10.15826/qr.2017.2.237

УДК 94(100)"1939/45"+94(430)"1939/45"+930.24

8–9 МАЯ 1945 ГОДА И ДЛИННЫЕ ТЕНИ ВОЙНЫ*

Хартмут Рюсс

Вестфальский университет имени Вильгельма,
Мюнстер, Германия

8/9 MAY 1945 AND THE LONG SHADOWS OF WAR

Hartmut Rüß

Westfälische Wilhelms-Universität,
Münster, Germany

On the basis of personal memoirs and family histories, the author reproduces the situation in Germany at the end of the Second World War. He concentrates his attention on the material position and spiritual state of normal Germans, for whom the total defeat of their country meant famine, expulsion, destruction, and moral depression. Reflecting on the fact that the majority of Germans (in distinction from the other peoples of Europe) did not consider the collapse of the Nazi regime as liberation, the author discusses differences in perception of VE Day in the German Democratic Republic and the German Federal Republic. He places especial significance on the speech of Federal President Richard von Weizsäcker for the formulation of a new approach to evaluating the results of the Second World War for Germany. His 1985 address on the subject of the years after the conclusion of the war, an explicit censorship of the West German interpretation of the 1945 capitulation, was the first to attribute a positive meaning to these events for all Germans and called for the establishment of friendly contacts with the Soviet Union. The concluding remarks relate to the problem of national historical memory, its connection with forms of commemoration (such as the celebration of Victory Day), and the need to take a scholarly approach when studying the Second World War.

Keywords: Second World War; the defeat of Germany; historical memory; Richard von Weizsäcker.

---

* *Citation:* Rüß, H. (2017). 8/9 May 1945 and the Long Shadows of War. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 537–551. DOI 10.15826/qr.2017.2.237.

Цитирование: Рюß H. 8/9 May 1945 and the Long Shadows of War // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 537–551. DOI 10.15826/qr.2017.2.237 / Рюсс Х. 8–9 мая 1945 года и длинные тени войны // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 537–551. DOI 10.15826/qr.2017.2.237.

На основе личных воспоминаний и семейной истории автор воспроизводит ситуацию в Германии, сложившуюся к концу Второй Мировой войны. Его внимание сосредоточено на материальном положении и духовном состоянии простых немцев, для которых тотальное поражение их страны обернулось голодом, изгнанием, разрушениями и моральной депрессией. Размышляя о том, почему большинство немцев, в отличие от других народов Европы, не воспринимали крах гитлеровского режима как освобождение, автор отмечает различия восприятия событий 8–9 мая в ГДР и ФРГ, придавая особенное значение речи федерального президента Рихарда фон Вайцзеккера в формировании нового подхода в оценке итогов Второй мировой войны для Германии. Его выступление по поводу 40-й годовщины окончания войны в 1985 г., которое можно считать явной цензурой западногерманской интерпретации дня капитуляции 1945 г., впервые приписывало этому событию положительный смысл для всех немцев и призывало к установлению дружественных контактов с Советским Союзом. Заключительные размышления касаются проблем национальной исторической памяти и связанных с этим форм коммеморации – празднования Дня Победы и необходимости следования научному подходу в изучении Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война; поражение Германии; историческая память; речь Рихарда фон Вайцзеккера.

Моя жена Фрейя и я, родившиеся в 1941 г., дети войны. Мы, таким образом, принадлежим к так называемому «забытому поколению», о котором пишет Сабина Боде в своем бестселлере, впервые опубликованном в 2004 г. [Bode]. Ничто другое так отчетливо не проясняет актуальность проблемы «длинных теней войны», как эта книга, которая к 2014 г. выдержала уже двадцатое издание. Боде приводит исследования, в результате которых выясняется: от 8 до 10 % тех, кому сегодня по 70–80 лет и кто детьми и подростками пережили войну и изгнание, до сих пор страдают от посттравматического расстройства, и еще 25 %, несмотря на менее существенные последствия, испытывают постоянные серьезные проблемы в «социально-психологической области жизни» [Ibid., S. 12].

Мое самое раннее воспоминание вообще связано с первыми майскими днями 1945 г. Это воспоминание чрезвычайно двойственно. Я вижу себя на руках какого-то советского солдата, который меня ласково похлопывает и шуточно поддразнивает, глядя на меня сияющими глазами. Во всяком случае, я, кажется, почувствовал беспредельное облегчение, когда заглянул в глаза «доброго», а не «злого волка». Это, заметьте, самое первое воспоминание в моей жизни [Rüß, 2013]!

В конце января 1945 г. мать моей жены вместе с четырьмя маленькими детьми возрастом от семи месяцев до четырех лет, своей 13-летней сестрой и свекровью пустилась в бегство из Позена на запад с обозом из 20 конных повозок. Стоял сильный мороз. На окраине города польские женщины раздавали горячее молоко для маленьких детей. Моя теща всегда с благодарностью вспоминала об этом проявлении

человечности. Из-за непредвиденной и, как выяснилось впоследствии, счастливой случайности их упряжка сбилась с пути, в то время как главный обоз оказался под обстрелом со стороны русских. Но даже без непосредственного соприкосновения с противником положение беженцев было драматичным, как позже вспоминала тетка моей жены:

21 января – яркий солнечный день, но очень холодно... В кюветах лежат опрокинутые повозки беженцев и несколько мертвых лошадей. На краю дороги в снегу на коленях стоят женщины, со страшными криками и рыданиями поднимая своих детей к небу и прося взять их с собой... Страшное утро! Люди, отчаянно молящие о помощи, и ты ничего не можешь для них сделать. Очень медленно мы тащимся мимо них дальше [Einige Familiengeschichten, S. 88].

Через Берлин, который бабушка хотела «защищать на баррикадах», семья в феврале оказалась в Лейпциге, который в то время бомбили американцы. Отец, к этому времени служивший в Главном ведомстве государственной безопасности рейха (РСХА) в Берлине и одновременно бывший начальником эсэсовской команды сопровождения генерала Власова, устроил дальнейшую транспортировку семьи совместно с русскими эмигрантами и людьми Власова в тогда еще мирный Карлсбад на территории современной Чехии, и оттуда – в Баварию. Будучи бывшим членом оперативной группы СС, после войны он скрывался, работая лесорубом, пока в 1954 г. не погиб при так и не выясненных обстоятельствах в мотоциклетной аварии. Дети помнят его как скрытного, замкнутого в себе и недоступного для них человека, которого мучили кошмары, не отпускавшие его из прошлого, что делало его, несмотря на совместное проживание, невероятно далеким от них.

Мой отец по причине его деятельности в качестве бывшего руководителя местной организации НСДАП и руководителя окружного отделения Национал-социалистического союза учителей в августе 1945 г. был арестован и на три года исчез из нашего поля зрения. Он сидел без права переписки в специальном лагере НКВД № 9 Фюнфайхен под Нойбранденбургом [Mironenko, Niethammer, von Plato]. Вплоть до смерти в 1968 г. он молчал о своем лагерном заключении. Но и о своих переживаниях в России, где он служил старшим казначеем в группе армий «Юг», он с нами не говорил, а мы и не спрашивали. Во многих семьях тогда существовали такие коммуникационные барьеры между поколениями, если речь заходила о недавней истории и войне на Востоке [Heer, Naumann]. В таких взаимоотношениях между родителями и детьми также отчетливо проявлялись «длинные тени войны».

Сестра моей матери, 3 мая 1945 г. направлявшаяся в повозке моего дедушки в западную оккупационную зону, попала в местечке Бливенсторф (округ Пархим) под перекрестный огонь, когда некий фанатично настроенный офицер СС начал арьергардный бой при отступлении. Он с заряженным пистолетом помешал нескольким ре-

шительным жителям вывесить белые флаги на церковной колокольне. Она погибла на месте на глазах своих трех маленьких детей: пуля попала ей прямо в сердце! Так же погиб и поляк – кучер ее повозки [Redmer]. В 2011 г. я вместе с моим двоюродным братом, который, как это ни странно, попал туда впервые, побывал на месте этой нелепой и бессмысленной трагедии. Он ничего не помнит, свою мать он знает лишь по фотографиям. Мне казалось, что ныне мирно лежащая перед нами деревня была для него забытым или вытесненным из памяти местом утраты его первичного глубинного доверия к миру. Он стоял и под натиском наплывших картин и эмоций лепетал какие-то беспомощные слова, которые вскоре утонули в молчании. Третье мая 1945 г. после многолетних попыток подавить воспоминания нахлынуло с новой силой. Я не задавал вопросов и оставил его в покое¹.

Эти события, произошедшие в моем самом близком семейном кругу – лишь малая часть общего для всей Германии гибельного сценария 1945 г., который закончился двойной капитуляцией в Реймсе и Берлине – Карлсхорсте 8 и 9 мая и означал конец нацистского господства². Так называемый «тысячелетний рейх» лежал в руинах, в стране свирепствовали голод, нужда, нищета, страх и отчаяние. Многие испытали насилие или погибли – на фронте, в концентрационных лагерях, под массированными бомбежками городов, в качестве беженцев. 4,2 млн солдат всех частей вермахта погибли на полях сражений Европы и Африки, 2 млн попали в плен. 600 тыс. гражданских лиц стали жертвами бомбежек западных союзников, 13 млн человек оказались без крова и искали прибежища в сельской местности. Бездомность стала массовым явлением, инфраструктура была разрушена, многие памятники архитектуры и культуры лежали в руинах и пепле. В 1946 г. в четырех зонах оккупации насчитывалось почти 10 млн изгнанных. В конце 1945 г. в Кёльне только 12 % детей имели соответствующий их возрасту нормальный вес. Средний вес взрослых мужчин в американской зоне оккупации в середине 1946 г. составлял всего 51 кг [Коска, 1994, S. 163, 164; Jacobsen, S. 4]. Если до войны немцы по фактору обеспеченности населения продуктами питания занимали одно из первых мест в Европе, то осенью 1945 г. они оказались голодранцами № 1. Объемы производства на душу населения в конце 1946 г. упали до уровня 1865 г. (!). Промышленное производство в сентябре 1945 г. в британской зоне оккупации сократилось до 14,6 %, а в американской – до 10 % от довоенного уровня. Воровство угля и продуктов питания,

¹ После воссоединения Германии в деревне были установлены 20 черных камней в память о погибших там немецких солдатах, опознанных лишь частично. Павшим восьми красноармейцам и убитым гражданским лицам никаких памятных знаков нет.

² Как известно, документ о безоговорочной капитуляции германского вермахта был подписан дважды и в двух разных местах: 7 мая в Реймсе в Верховном штабе союзных экспедиционных сил в Северо-Западной Европе (Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force) – он вступил в силу 8 мая в 23 ч 01 мин. по средневропейскому времени (MEZ), и 9 мая в 00 ч 16 мин. по средневропейскому времени в Берлине – Карлсхорсте в ставке советской 5-й армии, где подписями главнокомандующих всех родов войск вермахта был ратифицирован акт о безоговорочной капитуляции.

черный рынок, мешочничество, проституция, вызванная бедностью, и всеобщие депрессивные настроения были внешними знаками нараставшей деградации [Trittel, S. 20, 28]. Казалось, подтверждалось то, что Гитлер предсказывал немецкому народу в речи в берлинском дворце спорта 16 декабря 1940 г.: если в «своей национальной сплоченности» он не сможет осуществить свои «жизненные притязания», «тогда этот народ пропадет, тогда он будет отброшен назад, и тогда не будет смысла жить в этом народе!» (цит. по: [Коска, 1994, S. 162f]).

Чтобы избежать недоразумений: здесь не идет речи о том, чтобы считаться количеством смертей, разрушений и страданий людей. Это не добавляет немцам. В конечном итоге именно Гитлер начал войну. Причем война эта не носила оборонительного характера со стороны Германии и так называемого «Абендланда» против западной «плутократии» и советского «мирового большевизма», как это пыталась внушить нацистская пропаганда, чтобы скрыть свои безумные цели от собственного народа. Поэтому катастрофический конец для немцев в 1945 г. непредставим без связи с захватом власти Гитлером в 1933 г. На примере германской истории со времени образования Второго рейха в 1871 г. можно ясно понять, как так называемый «здоровый патриотизм»³ может перерасти в национализм, шовинизм и преступную бесчеловечность, если наличествуют соответствующие политические и социальные условия, которые этому способствуют. Хорошо известно мрачное предсказание австрийского поэта Франца Грильпарцера (1791–1872), согласно которому путь от гуманизма через национализм ведет к зверству, что подтверждается тем моральным опустошением, которое в умах многих немцев было вызвано нацистским режимом.

Итак, мы можем констатировать: элементарное выживание для большинства немцев в 1945 г. было в центре их мыслей и действий. Поражение было тотальным, будущее – неопределенным. Вопросы так называемой большой политики интересовали очень немногих. Апатия и разочарованность, скорбь о погибших и утраченной родине, безнадежность и отсутствие перспектив, страх перед местью победителей, а также перед сексуальным насилием, сильно выраженная жалость к себе составляли основные настроения широких слоев населения [Echternkamp, S. 34–40; Gebhardt; Trittel]. «Немецкий народ – такая запоминающаяся, а также

---

³ Социально-психологические исследования наводят на мысль, что различие между «хорошим» патриотизмом и достойными критики национализмом и шовинизмом не имеет никаких оснований в реальности. По Кристоферу Корсу, «люди с патриотическими настроениями не отклоняют национализма, скорее и то, и другое часто идут рука об руку». Патриотические настроения способствуют формированию враждебного к чужакам расистского образа мыслей (ор. cit.: [Westerhoff]). «Ура-патриотизм» – уничтожительное определение одной из форм патриотизма, которая сопутствует военной эйфории («Ура, горячая прекрасная женщина, ура, Германия... как бодро вынешь ты свой меч... для защиты своего очага...» – Фердинанд Фрайлиграт, 1870 г.). До мартовской революции 1848 г. патриотизм в Германии прежде всего был отмечен стремлением к национальному единству на землях Германского союза, после 1871 г. он имел тенденцию к перерастанию скорее в форму национального зазнайства («Am deutschen Wesen soll die Welt genesen» – «По немецкому нраву должен оздоровиться мир» [Kronenberg]).

многократно встречающаяся картина первого послевоенного времени – объединенный в невзгодах и лишениях» [Herbert, S. 551].

Но не только это: масштаб вины, которой были отягощены немцы за систематическое уничтожение евреев и других считавшихся расово неполноценными групп населения (внеобщественных элементов, цыган, умственно и физически неполноценных, гомосексуалистов), был непостижим и непереносим. Многие испытывали потаенный стыд из-за того, что верили лживой пропаганде нацистов и следовали преступной политике режима и великодержавным химерам Гитлера. Это нашло отчетливое выражение в «Штутгартском признании вины евангелической церкви» от 19 октября 1945 г.:

С невыразимой болью мы говорим: через нас многим народам и странам были принесены бесконечные страдания. Мы обвиняем себя за то, что признавались в этом недостаточно мужественно [Glaser, S. 14].

Уже 23 августа 1945 г. католические епископы в Фульде опубликовали папское послание, в котором среди прочего значилось:

Многие немцы, в том числе и из наших рядов, позволили обмануть себя фальшивым учением национал-социализма и оставались безучастными к преступлениям против человеческой свободы и человеческого достоинства; многие своим поведением оказывали содействие преступникам, многие сами стали преступниками [Kleßmann, S. 377].

Однако широкие слои населения ничего не хотели знать об ответственности за войну или даже о «коллективной вине»⁴. Посыпались протесты. Многие не могли или не хотели смириться с мыслью о прожитой на протяжении 12 лет «фальшивой» жизни, а теперь принять требование о признании хотя бы косвенной общей ответственности за злодеяния национал-социалистического времени. Согласно опросу, проведенному американскими оккупационными властями, еще в конце 1947 г. более 50 % респондентов оценивали национал-социализм как в принципе хорошую, но плохо реализованную идею [Merritt A., Merritt R., S. 33, 295]. Подобная внутренняя установка вкупе со взглядом на мрачное настоящее сама по себе не позволяла позитивного толкования капитуляции.

Разумеется, нельзя обойти вниманием то, что значительная часть населения воспринимала конец нацистского господства и безоговорочную капитуляцию как весьма страстно желаемое освобождение. К ней принадлежали в первую очередь все те, кто были жертвами национал-социалистического преследования по политическим, расовым, религиозным и другим причинам и пережили заключение в тюрьмах и концентрационных лагерях. Далее к ним относились те, кто бежали

⁴ Примыкавший к оппозиции Гитлеру мюнстерский епископ фон Гален в проповеди 1 июля 1945 г. резко отрицал «коллективную вину» всех немцев [Bischof August Graf von Galen, S. 1174f].

от нацистов за границу и возвращались теперь как реэмигранты. Они неоднократно становились объектами критики и вражды за то, что наблюдали за гибелью родины из якобы «удобной ложи эмиграции» (см.: [Rückkehr und Aufbau; Krauss])⁵. К освобожденным относились, наконец, находившиеся на немецкой земле военнопленные и принудительно угнанные на работы. Известно, что в пресловутом приказе № 270 те красноармейцы, которые попали в плен, были заклеены Сталиным как предатели. Для многих из возвратившихся тернистый путь не заканчивался, и они попадали из огня да в полымя⁶.

В связи с противоречивым восприятием и оценками дня 8 мая в первое послевоенное время в Германии мне хотелось бы еще раз обратиться к своему субъективному опыту. В то время моя 28-летняя родственница, которая отбывала трудовую повинность в качестве учительницы в музыкальной школе в Дойч-Эйлау (*совр. польск. Илава*), описала владевшие ею во время бегства вместе с матерью на Запад чувства таким образом:

Никогда в жизни я не чувствовала себя такой свободной, такой богатой, как тогда, пробираясь пешком через леса Западной Пруссии под ясным звездным небом морозной ночи без определенной цели, без отягощающего багажа [Einige Familiengeschichten, S. 88].

Подобные эйфорические настроения в среде молодых людей, у которых будущее еще было впереди и которые не были так отягощены прошлым, как старшее поколение, очевидно, встречались чаще, чем можно было бы предположить при взгляде на поверженную Германию⁷. Во всяком случае, такие прагматично ориентированные молодые люди и массы населения после «немецкой катастрофы» (Ф. Майнеке) направили все свое внимание и всю энергию на разбор завалов и улучшение своих условий жизни. Так называемое «экономическое чудо» в молодой феде-

---

⁵ Прежде всего социал-демократические политики (В. Хегнер, Э. Олленхауэр, Э. Рейтер, Г. Венер, В. Брандт) после 1945 г. вернулись и сделали политическую карьеру в Западной Германии. В советской зоне оккупации вернувшаяся из Москвы группа во главе с В. Ульбрихтом при поддержке советской военной администрации заняла доминирующее положение на восточногерманской политической сцене, несмотря на изоляцию от широких слоев населения. Коммунисты пользовались некоторым авторитетом как борцы сопротивления против Гитлера и благодаря своим тесным связям с Советами могли распределять посты, что способствовало росту их числа [Weber, 1978, S. 24–31].

⁶ Нахождение в плену расценивалось как позорное пятно, и те, кому это довелось пережить, пытались скрывать это обстоятельство как можно тщательнее. Большая часть репатрированных пленных была амнистирована после XX съезда КПСС в 1956 г. До конца 1980-х гг. публичная дискуссия по поводу судьбы побывавших в плену красноармейцев в Советском Союзе расценивалась как запретная тема [Streit, S. 23, 295].

⁷ Гельмут Шельтский в 1957 г. характеризировал послевоенную молодежь, которую он называл «скептическим поколением», как «здоровомыслящую, свободную от идеологии и способную сопротивляться пропаганде» [Schelsky, S. 74ff]. К ней я причисляю также моего брата, который в 1946 г. в возрасте 16 лет покинул семью и ночью бежал через «зеленую границу» из советской зоны, где он не видел для себя никакого будущего, на Запад. Там после получения гимназического и университетского образования он сделал карьеру в области экономики.

ративной республике 1950-х гг. едва ли объяснимо без такой прямо-таки маниакальной концентрации на достижении хотя бы более или менее скромного благосостояния. Исключительность этого стремления была одновременно связана с сильной энергией вытеснения негативного прошлого из памяти, и, пожалуй, даже только благодаря ей оно было осуществимо. Уже в 1946 г. К. Ясперс писал о немцах в конце войны: «Ничего не хочется слушать о вине, о прошлом... хочется просто прекратить страдать, выбраться из нищеты, хочется жить, но не задумываться. Это скорее настроение, когда после таких ужасных страданий... более требуется утешение, чем обременение обвинениями» [Jaspers, S. 7f.]. В этом, по-моему, лежит очень важный ключ к пониманию того факта, что большинство не воспринимало окончание войны как освобождение или даже, возможно, было не способно так его воспринимать. Поскольку прошлое Третьего рейха вытеснялось из памяти, одновременно исчезало и восприятие победы союзников над нацистской Германией как «акт освобождения». Начальник информационного отделения советской военной администрации в Германии полковник Сергей Тюльпанов, пожалуй, исходил из того, что «освобождение» – это слово из *политического* лексикона, которое, однако, совершенно не затрагивало жизненных чувств большинства немцев в 1945 г. (op. cit.: [Jäger M., S. 34]).

Объявление западными союзниками 8 мая днем победы в Европе (VE-day), а Советским Союзом 9 мая – Днем Победы было оправданным выражением триумфа над ненавистной нацистской Германией. Если в ГДР к 30-летнему (1975) и 40-летнему (1985) юбилеям окончания войны День Победы праздновался и был объявлен нерабочим днем, то это можно было понять только как политический реверанс советскому «большому брату». Историческое обоснование этого было возможно только путем игнорирования общегерманской реальности 1945 г. С 1950 г. и до введения пятидневной рабочей недели в 1967 г. официальным праздничным днем в ГДР было 8 мая как «день освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма»⁸.

В Федеративной республике Германии официальным лицам с самого начала по уже изложенным причинам память о капитуляции давалась с трудом. Правда, в течение следующих 40 лет со стороны высоких представителей государства периодически звучали публичные высказывания о национал-социалистском прошлом и капитуляции. Так, первый президент ФРГ Теодор Хейс в 1949 г. формировал общественное мнение словами о «немецком коллективном стыде». А третий президент, социал-демократ Густав Хайнеман, соавтор процитированного выше Штутгартского заявления о вине, перед избранием в должность на вопрос об отношении к патриотизму дал часто цитируемый ответ: «Да что вы, я не люблю государство, я люблю свою жену!» А в 1970 г. он первым из выдающихся политиков произнес речь в память о 8 мая (op. cit.: [Jäger W.]).

⁸ В воссоединенной Германии 8 мая не считается праздничным днем, хотя в этот день проводятся многочисленные мероприятия, так, в 2005 г. в Берлине день памяти об окончании войны был проведен как «день демократии».

Но действительно широкий международный резонанс имела речь президента Рихарда фон Вайцзеккера перед бундестагом, произнесенная в 1985 г. по поводу 40-й годовщины окончания войны. В ней он обозначил 8 мая как «день освобождения от презирающей человека системы национал-социалистской тирании» и среди прочего заявил:

Сегодня многие народы помнят день, когда завершилась Вторая мировая война в Европе... 8 мая 1945 г. – дата решающего значения... Мы, немцы, отмечаем этот день, и это необходимо. Мы сами должны определить масштабы... 8 мая – это для нас прежде всего день воспоминания о том, что люди должны были претерпеть... У нас нет причин в сегодняшний день участвовать в празднованиях победы. Но мы имеем все основания осознать 8 мая 1945 г. как конец ложного пути немецкой истории... Сегодня мы со скорбью вспоминаем обо всех жертвах войны и тирании... Мы помним обо всех народах, которые страдали на войне, прежде всего о несказанно многих гражданах Советского Союза и Польши, которые лишились жизни. Как немцы мы помним в скорби о своих соотечественниках, которые погибли как солдаты при налетах авиации на родине, в плену и при изгнании. <...>. Абсолютное большинство нашего сегодняшнего населения в те времена было либо в младенчестве, либо еще не родились. Они не могут признавать собственную вину за то, чего они вовсе не совершали... Но предки оставили им тяжелое наследство... Речь не идет о том, чтобы преодолеть прошлое. Это невозможно... Но тот, кто закрывает глаза на прошлое, становится слепым для настоящего. Тот, кто не хочет вспоминать о бесчеловечности, становится восприимчивым к опасности нового заражения [Вайцзеккер, с. 1].

Вайцзеккер был первым федеральным президентом, который использовал годовщину капитуляции как повод, чтобы придать событию 8 мая 1945 г. положительный смысл для всех немцев⁹. То, что из его уст прозвучало слово «освобождение», повышало не только его личный престиж, но и авторитет его Христианско-демократической партии, до тех пор категорически уклонявшейся от подобной интерпретации с оглядкой на ее правоконсервативный электорат, из рядов которого и теперь еще раздавалась резкая критика. Тем не менее, факт новой оценки событий 8–9 мая в середине 1980-х гг. явственно витал в воздухе. Важное объяснение тому дал сам федеральный президент, когда указывал на то, что преобладающая часть современного населения Германии принадлежала к тому поколению, которое родилось после войны, а значит, не было отягощено личными переживаниями.

---

⁹ Уже за 17 дней до того во время церемонии возложения венков в бывшем концлагере Берген-Бельзен тогдашний федеральный канцлер Г. Коль также заявил: «Крах национал-социалистической диктатуры 8 мая 1945 г. был для немцев днем освобождения». Правда, в отличие от Вайцзеккера, он адресовал это заявление только к «свободной части нашего отечества». К тому же на речь Коля легла тень из-за того, что его запланированный с американским президентом Рейганом совместный визит на военное мемориальное кладбище в Битбурге, задуманный как жест примирения, столкнулся с международной ожесточенной критикой из-за того, что там, кроме прочих, были захоронены также бывшие военнослужащие СС.

То, в какой мере избрание 11 марта 1985 г. Генеральным секретарем КПСС М. Горбачева, провозгласившего курс на решительные реформы и еще при Ю. Андропове накопившего опыт заграничной работы на Западе, оказало влияние на точку зрения немецких политиков, требует дополнительного тщательного анализа с привлечением источников. В любом случае изменившееся соотношение сил в Москве было благосклонно принято к сведению в Западной Германии. С этим обстоятельством были связаны позитивные ожидания, которые президент Р. Вайцзеккер упомянул в своей речи:

Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Михаил Горбачев объявил, что советское руководство в связи с 40-й годовщиной окончания войны не намеревается разжигать антинемецкие настроения. Советский Союз, по его словам, выступает за дружбу между народами. Именно сейчас, когда у нас есть множество открытых вопросов по вкладу Советского Союза в развитие взаимоотношений между Востоком и Западом, а также по вопросам соблюдения прав человека... мы не должны допустить, чтобы этот знак из Москвы прошел мимо нас. Мы хотим дружбы с народами Советского Союза [[Вайцзеккер, с. 12].

В любом случае новые, положительные благодаря политике перестройки и гласности представления о Советском Союзе вполне могли повлиять и на культуру воспоминания, существовавшую в Западной Германии по вопросу 8 мая 1945 г. Однако важнейшей причиной для изменения взгляда на 8 мая 1945 г., с моей точки зрения, была следующая: ФРГ, если оглянуться на ее историю вплоть до самого начала, оказалась успешной моделью и в политическом, и в экономическом отношении. Из послевоенных руин выросли хорошо функционирующее государство и эффективная рыночная экономическая система, которые способствовали относительно высокому общественному благосостоянию. Без нового начала с «часа ноль» – это стало понятно при взгляде на прошедшие 40 лет – такое развитие было бы невысказанным. Германия, правда, в политическом отношении опустилась до статуса второстепенной державы. Это была плата за огромный скачок в демократической и экономической областях по сравнению с Веймарской Республикой. Традиционные общественные обременения и напряженности, которые способствовали ее ослаблению, перестали действовать из-за национал-социалистического «народного единства» (Volksgemeinschaft)¹⁰, войны и ее исхода: социальный класс заэльбских крупных аграриев как носителей идеи авторитарного государства исчез, милитаристские традиции были дискредитированы, бывшее сопротивление модернизации и либерализации было существенно ослаблено, демократическая конституция и демократическое будущее больше не ставились под сомнение, как это было в 1918–1919 гг. [Коска, 1980, S.13]. Таким образом, временная дистанция

¹⁰ «Народное государство Гитлера» – название одной из важнейших научных работ о национал-социализме последних лет (см.: [Götz]).

в 40 лет позволила в середине 1980-х гг. придать 8 мая 1945 г. положительную оценку, резко отличавшуюся от той, которой придерживалось большинство немцев в середине 1940-х гг. Теперь стало возможным принять безоговорочную капитуляцию как освобождение, явившееся стартовой площадкой для лучшего будущего.

Но вместе с тем многие отрицательные последствия поражения все еще существовали. Требование единства и свободного самоопределения для всего немецкого народа, установленное в преамбуле Конституции ФРГ от 8 мая 1949 г., не было осуществлено и в 1985 г. (многие же, якобы трезво оценивая политическую ситуацию, вовсе не считали его возможным). Важные процессы и политические обстоятельства, которые проявились после окончания войны как следствия противоречий между Востоком и Западом¹¹, – продолжающийся раскол Германии, отсутствие свободного самоопределения восточногерманского населения из-за однопартийной диктатуры СЕПГ, утрата родины из-за бегства и изгнания – как раз-таки не были совместимы с понятием освобождения. Тем не менее, слова Вайцеккера свидетельствовали в конечном счете и о том, как фундаментально изменилась немецкая культура воспоминания об окончании войны.

Направленная на укрепление идентичности инсценировка «Дня Победы» в Советском Союзе и России с трофейными знаменами, военными парадами и цветами, несомненно, имеет свои исторические и моральные основания. Тем не менее, становится достойным критики, если при этом сознательно выносятся за скобки и замалчиваются негативные страницы собственного военного прошлого, что на протяжении долгих лет имело место в советской историографии, где приукрашивание Великой Отечественной войны, весьма далекое от опыта отдельно взятого человека, наблюдалось сплошь и рядом. В результате у многих, как, например, у писателя Виктора Астафьева, складывалось впечатление, что они участвовали в совершенно другой войне. Короткая фаза более открытого обращения к сталинскому прошлому после XX съезда КПСС пролила свет на репрессии в отношении военных и их негативные последствия. Появились более реалистичные данные об общих потерях, были опубликованы пресловутые сталинские приказы № 270 от 16 августа 1941 г., в котором военный плен был приравнен к предательству, и № 277 от 28 июля 1942 г., согласно которому создавались штрафные батальоны и заградительные отряды за линией фронта [Bonwetsch]¹². С конца 1980-х

¹¹ Созданная по необходимости, антигитлеровская коалиция позволила только на время отодвинуть идеологические и политические противоречия между Советским Союзом и англосаксонскими демократиями. Уже 9 февраля 1946 г. Сталин в своей речи подчеркнул, что столкновение социалистического и капиталистического миров рано или поздно должно быть неизбежным [Fischer, S. 14]. На Западе распространялись представления о том, что «мир стоит перед смертельной угрозой миру и свободе», источником которой считался «коммунистический тоталитаризм в образе Советской империи» [Geyer, S. 369ff].

¹² 13 марта 1946 г. Сталин озвучил данные о 7 млн советских жертв войны. Комиссия министерства обороны установила другую цифру – 27–28 млн погибших, из них 8,7 млн солдат. Эта цифра считается сегодня самой достоверной [Людские потери СССР].

и до конца 1990-х гг. нарастающий вал международной научной литературы дал повод многочисленным публичным дискуссиям¹³.

Сознательное замалчивание, фальсификация и приукрашивание военной правды знакомы нам также и по немецкой истории. Вспомним, например, ежегодное празднование дня Седана 2 сентября в Германской империи по поводу победы над Францией в 1870 г., которое должно было способствовать сплочению народа вокруг идеи его героической силы и превосходства. В первой половине 50-х гг. XX столетия бывшие немецкие генералы (Ф. Гальдер, Г. Гудериан, Э. фон Манштейн и др.) в своих мемуарах представляли явно приукрашенную картину ведения войны и оккупационной политики вермахта на Востоке, что мало соответствовало реальности (см.: [Die Wehrmacht; Rüst, 1998]).

Наряду с США после 1945 г. Советский Союз утвердился в качестве второй мировой сверхдержавы. Победа над «фашистским агрессором» все же имела горький привкус. Триумф позволил отодвинуть на задний план для широких кругов населения то, что во внутренней политике происходило дальнейшее усиление и укрепление репрессивной сталинской системы, и любая критика ее негативных сторон и уродливых проявлений жестоко пресекалась [Weber, 1977]¹⁴. Такой была первая цена победы для многих советских граждан. Второй стало немислимо высокое число собственных жертв, даже если павшие красноармейцы могли быть почитаемы как герои, которые погибли за защиту родины и «правое дело». Их имена были увековечены в советских военных мемориалах, которые до сих пор располагаются в том числе и на территории бывшей ГДР. Но несомненный трагизм положения заключается в том, что красноармейцы отождествлялись с политической системой, за которую они сражались и которая у подавляющего большинства немцев вызывала осуждение. Тем самым освободительное дело советских солдат и принесенные ими жертвы не находили того признания со стороны побежденных, которого они заслужили¹⁵. Подобный трагизм амбивалентной культуры воспоминания о победоносных советских солдатах находит свое отражение

¹³ Рабочая группа Института военной истории в Москве в 1993 г. заявила о необходимости составить новую историю Великой Отечественной войны, поскольку в прежние годы «тенденциозная и односторонняя подгонка многих публикаций» в соответствии с указаниями партии приводила «нередко к искаженному изложению военного прошлого» [Müller, Ueberschär, S. 10].

¹⁴ Автор утверждает, что «методы насилия, прежде всего террора, пожалуй, вряд ли были исторической необходимостью, а скорее служили интересам (иногда только мнимым) господствующего аппарата или власти Иосифа Сталина» [Weber, 1977, S. 17]. Подобная тенденция присутствует и в новой книге Й. Баберовского [Baberowski, 2012]. В его же книге 2003 г. он объяснял деспотизм Сталина еще как «модернизирующий террор» [Baberowski, 2003]. В новой, уже отмеченной призами книге Сталин характеризуется как заядлый насильник и психопат, который утопил в крови мечту о новом человеке и был зачинщиком и режиссером террора. Большевицкий проект как бы предоставлял оправдания для массовых убийств, но не предписывал их.

¹⁵ Поэтому надо приветствовать то, что многочисленные памятники павшим советским солдатам на территории бывшей ГДР и советским военнопленным, например, на территории бывшего лагеря военнопленных № 326 в Штукенброк-Зенне под Билефельдом остаются под присмотром с немецкой стороны, и тем самым к ним сохраняется уважение.

также в болезненном для многих современных русских восприятии 9 мая другими народами Центральной и Средневосточной Европы, которые часто истолковывают этот день или как начало навязанной им политической системы, как новую «политическую оккупацию», или связывают его с полной утратой их государственной независимости.

Никакими справедливыми или высшими моральными целями невозможно оправдать жертвы войны. Смерть этих людей была настолько же бессмысленна, насколько бессмысленны и аморальны были завоевания и военные цели Гитлера. Однако бесконечное горе, которое оставила после себя война, было и здесь, и там одинаково. Это сближает побежденных и победителей. И остается надеяться, что они и в будущем останутся объединены, в частности, и в том, что чешский философ Эразим Кохак (род. в 1933 г.) сформулировал следующим образом: «Отличие гуманной и цивилизованной нации от варварской состоит не в ее невиновности, а в том, как она обращается с темными сторонами и проблематичными аспектами своей истории» (op. cit.: [Glötz, S. 14]).

Список литературы

Vaiцзеккер, Р. фон. Речь, произнесенная 8 мая 1985 г. по случаю сорокалетия окончания Второй мировой войны. URL: www.bundespraesident.de (дата обращения: 31.05.2017).

Людские потери СССР в Великой Отечественной войне : сб. ст. СПб. : [Б. и.], 1995. 190 с.

Baberowski J. Verbrannte Erde : Stalins Herrschaft der Gewalt. München : Verlag C. H. Beck, 2012. 606 S.

Baberowski J. Der Rote Terror : Die Geschichte des Stalinismus. München : DVA, 2003. 288 S.

Bischof August Graf von Galen : Akten, Briefe und Predigten 1933–1946 / Hrg. von P. Löffler. Mainz : Matthias-Grünewald-Verlag, 1988. Bd. 2. 1939–1946. S. 699–1417.

Bode S. Die vergessene Generation : Die Kriegskinder brechen ihr Schweigen. Stuttgart : Piper Verlag GmbH, 2004. 303 S.

Bonwetsch B. Der «Große Vaterländische Krieg» und seine Geschichte // Die Umwertung der sowjetischen Geschichte / Hrg. von D. Geyer. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1991. S. 167–187.

Die Wehrmacht : Mythos und Realität / Hrsg. von R.-D. Müller, H.-E. Volkmann. München : Oldenburg, 1999. 1318 S.

Echternkamp J. Nach dem Krieg : Alltagsnot, Neuorientierung und die Last der Vergangenheit 1945–1949. Zürich : Pendo Verlag, 2003. 288 S.

Einige Familiengeschichten : Erinnerungen-Berichte-Aufsätze / Hrg. von E. Habel. Medebach : [S. n.], 2011.

Fischer A. Handlungsspielräume der UdSSR in der Entstehung des Ost-West-Gegensatzes 1945 bis 1950 // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1983. B. 25. S. 13–18.

Gebhardt M. Als die Soldaten kamen : Vergewaltigungen deutscher Frauen am Ende des Zweiten Weltkriegs. München : DVA, 2015. 352 S.

Geyer D. Von der Kriegskoalition zum Kalten Krieg / Osteuropa-Handbuch «Sowjetunion» : Außenpolitik I: 1917–1955. Köln ; Wien : [S. n.], 1972. S. 343–381.

Glaser H. Kultur der Trümmerzeit. Einige Entwicklungslinien 1945–1948 // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1985. B. 40–41. S. 3–31.

Glötz P. Die Vertreibung : Böhmen als Lehrstück. München : Ullstein, 2003. 272 S.

Götz A. Hitlers Volksstaat : Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Frankfurt a/M : S. Fischer, 2005. 445 S.

Heer H., Naumann K. Vernichtungskrieg : Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Hamburg : Hamburger Ed., 1995. 703 S.

Herbert U. Geschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert. München : Verlag C. H. Beck, 2014. 1451 S.

- Jacobsen H.-A. Zur Lage der Nation : Deutschland im Mai 1945 // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1985. B. 13. S. 1–22.
- Jäger M. Literatur und Kulturpolitik in der Entstehungsphase der DDR (1945–1952) // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1985. B. 40–41. S. 34.
- Jäger W. Die Bundespräsidenten : Von Theodor Heuss bis Richard von Weizsäcker // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1989. B. 16–17. S. 33–47.
- Jaspers K. Die Schuldfrage. Zürich : Lambert Schneider, 1946. 106 S.
- Kleßmann Ch. Die doppelte Staatsgründung : Deutsche Geschichte 1945–1955. Göttingen : [S. n.], 1982. 605 S.
- Kocka J. 1945: Neubeginn oder Restauration? // Wendepunkte deutscher Geschichte 1848–1990 / Hrg. von C. Stern und H. A. Winkler. Frankfurt a/M : Fischer, 1994. S. 141–168.
- Kocka J. Ursachen des Nationalsozialismus // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1980. B. 25. S. 3–15.
- Krauss M. Heimkehr in ein fremdes Land : Geschichte der Remigration nach 1945. München : Verlag C. H. Beck, 2001. 196 S.
- Kronenberg V. Patriotismus in Deutschland : Perspektiven für eine weltoffene Nation. Wiesbaden : VS Verlag, 2006. 418 S.
- Merrit A., Merrit R. Public Opinion in Occupied Germany : The OMGUS Surveys 1945–1949. Urbana : Univ. of Illinois Press, 1970. 364 S.
- Mironenko S., Niethammer L., von Plato A. Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945–1950. Berlin : Akademie-Verlag, 1998. Bd. 1. 472 S. Bd. 2. 255 S.
- Müller R.-D., Ueberschär G. R. Hitlers Krieg im Osten 1941–1945 : Ein Forschungsbericht. Darmstadt : WBG, 2000. 452 S.
- Redmer K. 1945 – die letzte Kampfhandlung in Mecklenburg // Mecklenburg Magazin. 1997. № 9. S. 11.
- Rückkehr und Aufbau nach 1945 : Deutsche Remigranten im öffentlichen Leben Nachkriegsdeutschlands / Hrg. von C.-D. Krohn, P. zur Mühlen. Marburg : [S. n.], 1997. 360 S.
- Rüß H. Familiengeschichte und Russlandinteresse // Quaestio Rossica. 2013. № 1. S. 20–26.
- Rüß H. Wer war verantwortlich für das Massaker von Babij Jar? // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1998. Bd. 57. S. 483–508.
- Schelsky H. Die skeptische Generation : Eine Soziologie der deutschen Jugend. Düsseldorf ; Köln : [S. n.], 1963. 409 S.
- Streit Ch. Keine Kameraden : Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Bonn : Verlag J. H. W. Dietz Nachf., 1991. 448 S.
- Trittel G. J. Die westlichen Besatzungsmächte und der Kampf gegen den Mangel 1945–1949 // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1986. B. 22. S. 20, 28.
- Weber H. Die deutschen Kommunisten in der SBZ : Probleme bei der Kaderbildung vor der SED-Gründung // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1978. B. 31. S. 24–31.
- Weber H. Stalinismus // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1977. B. 4. S. 5–17.
- Westerhofs N. Die Mär vom guten Patrioten // Süddeutsche Zeitung. 2007. № 160.

References

- Baberowski, J. (2003). *Der Rote Terror : Die Geschichte des Stalinismus*. 288 S. München, DVA.
- Baberowski, J. (2012). *Verbrannte Erde : Stalins Herrschaft der Gewalt*. 606 S. München, Verlag C. H. Beck.
- Bode, S. (2004). *Die vergessene Generation : Die Kriegskinder brechen ihr Schweigen*. 303 S. Stuttgart, Piper Verlag GmbH.
- Bonwetsch, B. (1991). Der «Große Vaterländische Krieg» und seine Geschichte. In D. Geyer (Ed.). *Die Umwertung der sowjetischen Geschichte*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht. S. 167–187.
- Echternkamp, J. (2003). *Nach dem Krieg : Alltagsnot, Neuorientierung und die Last der Vergangenheit 1945–1949*. 288 S. Zürich, Pendo Verlag.
- Fischer, A. (1983). Handlungsspielräume der UdSSR in der Entstehung des Ost-West-Gegensatzes 1945 bis 1950. In *Aus Politik und Zeitgeschichte*. B. 25. S. 13–18.
- Gebhardt, M. (2015). *Als die Soldaten kamen : Vergewaltigungen deutscher Frauen am Ende des Zweiten Weltkriegs*. 352 S. München, DVA.
- Geyer, D. (1972). Von der Kriegskoalition zum Kalten Krieg. In W. Markert (Ed.) *Osteuropa-Handbuch «Sowjetunion» : Außenpolitik I: 1917–1955*. Köln, Wien, [S. n.]. S. 343–381.
- Glaser, H. (1985). Kultur der Trümmerzeit. Einige Entwicklungslinien 1945–1948. In *Aus Politik und Zeitgeschichte*. B. 40–41. S. 3–31.
- Glötz, P. (2003). *Die Vertreibung : Böhmen als Lehrstück*. 272 S. München, Ullstein.
- Götz, A. (2005). *Hitlers Volksstaat : Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus*. 445 S. Frankfurt a/M, S. Fischer.

- Habel, E. (Ed.). (2011). *Einige Familiengeschichten : Erinnerungen-Berichte-Aufsätze*. Medebach, [S. n.].
- Heer, H., Naumann, K. (1995). *Vernichtungskrieg : Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944*. 703 S. Hamburg, Hamburger Ed.
- Herbert, U. (2014). *Geschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert*. 1451 S. München, Verlag C. H. Beck.
- Jacobsen, H.-A. (1985). Zur Lage der Nation : Deutschland im Mai 1945. In *Aus Politik und Zeitgeschichte*. B. 13. S. 1–22.
- Jäger, M. (1985). Literatur und Kulturpolitik in der Entstehungsphase der DDR (1945–1952). In *Aus Politik und Zeitgeschichte*. B. 40–41. S. 34.
- Jäger, W. (1989). Die Bundespräsidenten : Von Theodor Heuss bis Richard von Weizsäcker. In *Aus Politik und Zeitgeschichte*. B. 16–17. S. 33–47.
- Jaspers, K. (1946). *Die Schuldfrage*. 106 S. Zürich, Lambert Schneider.
- Kleßmann, Ch. (1982). *Die doppelte Staatsgründung : Deutsche Geschichte 1945–1955*. 605 S. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.
- Kocka, J. (1980). Ursachen des Nationalsozialismus. In *Aus Politik und Zeitgeschichte*. B. 25. S. 3–15.
- Kocka, J. (1994). 1945: Neubeginn oder Restauration? In Stern, C. und Winkler, H. A. (Ed.). *Wendepunkte deutscher Geschichte 1848–1990*. Frankfurt a/M, Fischer. S. 141–168.
- Krauss, M. (2001). *Heimkehr in ein fremdes Land : Geschichte der Remigration nach 1945*. 196 S. München, Verlag C. H. Beck.
- Krohn C.-D. von, Mühlen P. zur (Ed.). (1997). *Rückkehr und Aufbau nach 1945 : Deutsche Remigranten im öffentlichen Leben Nachkriegsdeutschlands*. 360 S. Marburg, Metropolis.
- Kronenberg, V. (2006). *Patriotismus in Deutschland : Perspektiven für eine weltoffene Nation*. 418 S. Wiesbaden, VS Verlag.
- Löffler, P. (Ed.) (1988). Bischof August Graf von Galen : Akten, Briefe und Predigten 1933–1946. Mainz, Matthias-Grünewald-Verlag. Bd. 2. 1939–1946. S. 699–1417.
- Lyudskie poteri SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine : sbornik statey [Great Patriotic War Casualties of the USSR : Coll. of Articles]. (1995). 190 p. St Petersburg.
- Merrit, A., Merrit, R. (1970). *Public Opinion in Occupied Germany : The OMGUS Surveys 1945–1949*. 364 p. Urbana, Univ. of Illinois Press.
- Mironenko, S., Niethammer, L., von Plato, A. (1998). *Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945–1950*. 255 S. Berlin, Akademie-Verlag. Bd. 1. 472 S. Bd. 2.
- Müller, R.-D., Ueberschär, G. R. (2000). *Hitlers Krieg im Osten 1941–1945 : Ein Forschungsbericht*. 452 S. Darmstadt, WBG.
- Müller, R.-D., Volkman, H.-E. (Ed.). (1999). *Die Wehrmacht : Mythos und Realität*. 1318 S. München, Oldenburg.
- Redmer, K. (1997). 1945 – die letzte Kampfhandlung in Mecklenburg. In *Mecklenburg Magazin*. Iss. 9, S. 11.
- Ruß, H. (1998). Wer war verantwortlich für das Massaker von Babij Jar? In *Militärgeschichtliche Mitteilungen*. Bd. 57, S. 483–508.
- Ruß, H. (2013). Familiengeschichte und Russlandinteresse. In *Quaestio Rossica*. Iss. 1, S. 20–26.
- Schelsky, H. (1963). *Die skeptische Generation : Eine Soziologie der deutschen Jugend*. 409 S. Düsseldorf ; Köln, Eugen Diederichs Verlag.
- Streit, Ch. (1991). *Keine Kameraden : Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945*. 448 S. Bonn, Verlag J. H. W. Dietz Nachf.
- Trittel, G. J. (1986). Die westlichen Besatzungsmächte und der Kampf gegen den Mangel 1945–1949. In *Aus Politik und Zeitgeschichte*. B. 22. S. 20, 28.
- Weber, H. (1977). Stalinismus. In *Aus Politik und Zeitgeschichte*. B. 4. S. 5–17.
- Weber, H. (1978). Die deutschen Kommunisten in der SBZ : Probleme bei der Kaderbildung vor der SED-Gründung. In *Aus Politik und Zeitgeschichte*. B. 31. S. 24–31.
- Weizsäcker, R. von. *Rech' , proiznesennaya 8 maya 1985 g. po sluchayu sorokaletiya okonchaniya Vtoroi mirovoi voiny* [Speech Delivered on May 8 1985 on the 40th Anniversary of the End of World War II]. URL: www.bundespraesident.de (mode of access: 31.05.2017).
- Westerhoff, N. (2007). Die Mär vom guten Patrioten. In *Süddeutsche Zeitung*. № 160. URL: <http://www.sueddeutsche.de/wissen/liebe-zum-land-die-maer-vom-guten-patrioten-1.912131> (mode of access: 31.05.2017).

Translation by Anna Burova (Versmold, FRG),
Nikolaj Baranov (Ekaterinburg)
The article was submitted on 14.04.2016

DOI 10.15826/qr.2017.2.238

УДК 821.161.1–14:27-23+81:1

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ ДОНБАССА*

Валерий Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

BIBLICAL MOTIFS IN MODERN DONBASS POETRY

Valery Mokienco

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article studies biblical images found in the modern Russian-language poetry of Donbass, published in the collection *An Hour of Courage* (Moscow, 2015). The author tries to reconstruct the linguistic view of the world reflected in the civil poetry of the region. The biblical motifs of present-day Donbass are compositionally based on the main conceptual oppositions of the Scriptures, namely, the fight between good and evil, God and Devil, Heaven and Hell. The authors of the poetry collection demonstrate that a war tragedy is hell, an apocalypse that takes the lives of the innocent and, at the same time, is a test of people's best qualities – staunchness, valour, mercy, and humanity. One of the dominating motifs is trust in God, which may be complicated by a close connection between the biblical and the mundane. The stylistic contest between “the high” and “the low” helps create a peculiar aesthetic expressivity, thus emphasising the dramatic character of the events. The motif of trust in God is connected with hope for pardon, and transforms into despair and even the sense of being godforsaken. What is even more tragic is the motifs of people perishing, which may be perceived as a kind of atonement or punishment for unbelief. In the poetic picture of the collection, it is faith in God that helps overcome the fear of death and grief, and also physical and moral suffering. The poets regard the confrontation with the forces of evil as an allusion to the biblical motif of Cain's murder of Abel.

Keywords: Biblical motifs; Biblical phrases; civil poetry; conceptual oppositions; linguistic view of the world.

---

* *Citation:* Mokienco, V. (2017). Biblical Motifs in Modern Donbass Poetry. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 552–566. DOI 10.15826/qr.2017.2.238.

Цитирование: Мокієнко В. Библиейские мотивы в современной поэзии Донбасса // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 552–566. DOI 10.15826/qr.2017.2.238 / Мокієнко В. Библиейские мотивы в современной поэзии Донбасса // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 552–566. DOI 10.15826/qr.2017.2.238.

Исследуются библейские образы, актуализированные в русскоязычной современной поэзии Донбасса, представленной в сборнике стихов «Час мужества» (М., 2015). Осуществляется попытка воссоздать языковую картину мира, отраженную в гражданской поэзии региона. Библейские лейтмотивы в поэзии современного Донбасса композиционно строятся на основных понятийных оппозициях Священного Писания: борьбе добра и зла, Бога и Дьявола, рая и ада. Авторы поэтического сборника демонстрируют, что военная трагедия – это ад, апокалипсис, который приводит к гибели невинных людей, одновременно это испытание лучших качеств характера – стойкости, отваги, милосердия и человечности. Одним из доминирующих мотивов в стихах является упование на Бога, которое может осложняться симбиозом библейского и бытового начал. Стилиевой контраст «высокого» и «низкого» создает особую эстетическую экспрессивность, подчеркивая драматизм событий. Мотив упования на Бога перекликается в стихах с обращением к Нему за прощением или перерастает в отчаяние и даже ощущение богооставленности. Еще трагичнее – мотивы гибели людей, жертвы как своего рода искупления и наказания за неверие. В поэтической картине сборника именно вера в Бога побеждает и страх смерти, и скорбь, помогает преодолеть физические и нравственные страдания. В противостоянии силам зла поэтам видится аллюзия на библейский мотив убиения Авеля Каином.

Ключевые слова: библейские мотивы; библеизмы; гражданская поэзия; понятийные оппозиции; языковая картина мира.

Почти каждое стихотворение сборника «Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014–2015 годов» включает какой-либо библейский мотив, образ, фразу. Опора на библейские идеи может быть прямой и косвенной, образно прозрачной и потаенной, но всегда придающей стихам основополагающую семантику. Насыщенность библейскими образами гражданской поэзии Донбасса может показаться парадоксальной, ибо ее авторы в основном воспитывались в атеистическом советском и постсоветском пространстве. Однако распад Советского Союза, утрата прежних идеологических ориентиров заставили многих обратиться к христианским идеям. Этому способствовали также определенная общность идей христианства и социализма и активное, несмотря на десакрализацию, использование библеизмов в европейских языках [Гак]. В русском языке возрождение религиозных идеалов было поддержано традициями постоянного употребления библеизмов как в классической, так и в советской литературе [Лилич, Мокиенко, Степанова; Мокиенко, 1994; Мокиенко, 1995; Мокиенко, 2001; Балакова, Ковачова, Мокиенко и др.], что лексикографически зафиксировано в одноязычных и многоязычных словарях русских библеизмов [Лилич, Мокиенко, Трофимкина; Лепта библейской мудрости и др.]. Вот почему анализ употребления конкретных библейских символов в гражданской поэзии Донбасса имеет, как представляется, более широкие концептуальные перспективы.

Предлагаемое исследование дает повод для обсуждения актуальной проблемы современности, связанной с нейтрализацией в языке понятий «агрессия», «агрессор». Интерпретация этих понятий зависит и от угла зрения участников идеологического дискурса, и от конкретной ситуации, и от эмоционального фона, который влияет на экспрессивный накал оценки [Купина; Германия – Россия].

Одним из доминирующих мотивов поэзии современного Донбасса является упование на Бога и обращение к Нему как надежному защитнику.

Стихотворение Людмилы Гонтаревой так и называется – «Молитва». От имени народа поэтесса обращается к Богу не только с просьбой о спасении и прощении, но и с благодарностью за то, что люди живы, несмотря на братоубийственную войну. Текст может быть воспринят как молитва о милосердии для всех, ибо автор молится за воюющих «на той и этой стороне»:

Услышь нас, Господи, мы – живы,
пошли на землю свой конвой
гуманитарный. Тянет жилы
сирены вой и ветра вой...

Поверь нам, Господи, мы – люди.
В братоубийственной войне
за всех солдат молиться будем,
на той и этой стороне...

Сентябрь 2014 г.

Мотив упования на Бога звучит и в стихотворении Екатерины Ромащук «Мой город охрип от молитв...». Поэтесса создает образ родного города, ставшего безликим калекой, оглохшим от бомбежек и уставшим от слез:

Мой город охрип от молитв,
Мой город оглох от бомбежек,
Мой город сегодня безлик...
Прошу: защити его, Боже!

Голодный, как брошенный пес,
И часто дрожит от озноба.

Мой город, уставший от слез,
Еще уповаet на Бога...

20 ноября 2014 г.

Образ «города на крови» вызывает в памяти образ мемориального православного храма Спаса-на-Крови в Санкт-Петербурге, сооруженного в память о трагическом событии: на этом месте в марте 1881 г. в результате покушения был смертельно ранен император Александр II. Храм был сооружен на средства, собранные по всей России. *Город на крови и храм Спаса-на-Крови* – прямая отсылка к библейской символике мученичества.

В стихотворении Егора Воронова «De la paix» идея мира и спасения воплощена в сложном симбиозе библейских и бытовых образов – Ноева ковчега со спасительной белой голубкой (символом мира), *папертью неба* с безрукими нищими, *ругающимися молитвой*, и неожиданными *пирóгами, плывущими к Богу*:

На паперти неба безрукие с хлебом,
ругаясь молитвой
почти позабытой,
хоронят голубку в ковчеге-скорлупке...

А солнце, нас зная, скупых попрошаек,
кивает
за чаем
и вновь угощает
объятъем прощенья, суля возвращенье
в пустые пироги, плывущие к Богу.
Вот только голубку, убитую в шутку,
мне жалко до страха,
она под рубахой
жила у меня...

1 апреля 2015 г.

Высокое и низкое, библейское и обыденное сплетены в одно языковое «макrame». Скупые попрошайки, корки хлеба, наколки века, боекомплекты, раздетый город – все это окаймлено в речевой структуре текста ветхозаветным образом голубки-мироносицы. Этот стилиевой контраст создает особую эстетическую экспрессивность, подчеркивая драматизм событий, участником которых является лирический герой.

Упование на Всевышнего иногда перерастает в отчаяние и даже сомнения, что Бог все видит и все знает, как это звучит в стихах Майи Климовой: а вдруг *Бог не видит, и Ангел спит*:

Лишь бы только не видеть звезд по небу ночному россыпью
 Лишь бы мертвым закрыть глаза а живым продолжать дышать
 Лето красное позади и кровавые тени у осени
 Лишь бы только хватило сил когда страшно не убежать
 Фонарям за окном все равно что в подвалах постели погостами
 И что маленькую рукой в полутьме нарисован танк
 Бог не видит и Ангел спит когда тело укроют простынью
 Когда доктор закрыв глаза снова выпишет страшный бланк

Сентябрь 2014 г.

Еще трагичнее мотивы гибели – описание тех человеческих жертв, которые, по мысли Анны Ревякиной, Бог взимает как своего рода искупление и наказание за неверие:

Что ни дом – то короб пустой,
 что ни слово – то сух язык:
 эта боль посильней зубной.
 Бог, как опытный ростовщик,
 назначает такой процент –
 не расплатишься до зимы.
 После смерти не будет цен,
 только свечечки зажжены...

Что ни дом – то сплошная скорбь,
 что ни голос – то вой сирен.
 Этот город был слишком горд,
 и теперь он пошел в размен.
 Бог торгуется, как банкир,
 не уступит и двух монет.
 Бог смеется, что Божий мир
 утверждает, что Бога нет!
 Его смех – канонада дня,
 город плотно берет в кольцо.
 В этот город пришла война,
 я боюсь ей смотреть в лицо.

19 августа 2014 г.

Образ города на крови актуализируется на основе военной конкретики. Братоубийственная война отправляет шахтеров-мальчишек на смерть. Их лица «сливаются в образ Бога». И в каждом из них «умирает в мученьях мальчик, / с которого Бог ужасную взыщет плату / за то, что он стал убийцей родного брата» (А. Ревякина. «Вот он,

народ простой...»). «Ад исчисляем», – утверждает автор стихотворения. А если это так, то не следует закрывать глаза на кровавые преступления. Дважды звучит древний библейский призыв: *Иди и смотри!* Ясно, что призыв восходит к Новому Завету: «И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри» (Откр. 6 : 1, 3, 5, 7)¹.

Вера в Бога, по мысли поэта Алисы Федоровой, может победить страх смерти и преодолеть скорбь, при всех физических и нравственных страданиях, «изувеченности» Донбасса не потерять человеческого лица:

Унижен и изувечен.
Но не расчеловечен.
Голоден и обезвожен.
Но не обезбожен...
Мой город горит, как свечка,
У Господа на престоле...

Февраль 2015 г.

В поэтическом мире Егора Воронова парадоксально прославляется «некрасивое», но такое человеческое лицо Донбасса, бесстрашного на пути к своей Голгофе:

Донбасс не может быть красивым,
Как руки старого отца
И фронтовые негативы
На пыльной полке продавца.

Пропахший дымом и уставший –
Донбасс всегда был некрасив.
Спокойный, честный и бесстрашный,
Наполовину грек и скиф.

Донбасс идет к своей Голгофе
Под крики сытых гордецов.
Да, некрасив мой край, панове,
Но я люблю его лицо.

7 мая 2014 г.

В строках Марка Некрасовского вера перерастает в надежду, что рано или поздно мучения завершатся победой мира, всепрощения и человеческого единения. Ибо порукой в этом, по мысли поэта, Божье милосердие:

---

¹ В русской публицистике выражение актуализировалось благодаря фильму Э. Г. Климова «Иди и смотри» по сценарию А. М. Адамовича (1985), посвященному ужасам войны и истории Хатыни [Берков, Мокиенко, Шулежкова, т. 1, с. 427].

Когда осядет пыль из-под сапог,
 Когда оружие сдадут на склады,
 Когда вдруг станет милосердным Бог,
 Когда гостям незваным будут рады...

Когда не будет во спасенье лжи,
 Когда предателей все сгинет племя,
 И государств исчезнут рубежи,
 Как я хотел пожить бы в это время.

Декабрь 2014 г.

Показательно, что и в этом стихотворении первая и последняя строфы окаймлены библейскими выражениями – *милосердный Бог и во спасенье лжи*. Первое часто встречается и в Библии, и в молитвословах. Например, молитва против крамолы: «О Господи, Боже Милосердный, Боже Премудрый, Боже Всемогущий! Паки и паки припадаем Тебе и слезно в покаянии и умилении сердца вопием: согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою, и во истину праведно по делом нашим наказуеми есмы...» Обращение к «милосердому» Богу, как видим, связано с идеей наказания за неправедность и согрешения перед Ним («неправдовахом пред Тобою...»). Второе выражение («во спасенье лжи») семантически амбивалентно, ибо поэт, судя по контексту, употребляет его в негативной тональности. В традиционном значении «ложь во спасение» это «такая неправда, которая полезна для того, кого обманывают, ложь ради блага, спокойствия кого-л.» [Берков, Мокиенко, Шулежкова, т. 1, с. 577]. Выражение возникло на основе неверно понятого церковнославянского текста псалма: «Ложь конь во спасение, во множестве же силы своя не спасется», то есть «Не надежен конь для спасения, не избавит великою силою своею» (Пс. 32 : 17). В этом контексте слово «ложь» является кратким прилагательным в значении 'ложен, ненадежен'. В «Полном церковнославянском словаре» это место трактуется так: «Крепость и быстрота коней не спасут нападающих, отраженные, они сами будут искать спасения в бегстве» [Лилич, Мокиенко, Трофимкина, с. 298]. Несмотря на отмеченную этимологическую нестыковку, семантическое осовременивание библеизма о спасительной лжи в стихотворении донбасского поэта кажется уместным уже потому, что оно выражает чистоту тех духовных идеалов будущего его родины, к которому он стремится.

Уповающим на Всевышнего жителям Донбасса в их поэзии противостоят силы зла, развязавшие братоубийственную бойню. В этом сюжете поэтам видится прямая аллюзия на библейский мотив убиения Авеля Каином. Этот мотив звучит набатом в стихотворении Владимира Скобцева «Танго 2014 года»:

В начале слово,
В конце расстрелы,
Пророку снова
Заводят дело.

Майдан безгрешен,
Но брошен камень,
Майдан кромешен,
Где брат твой, Каин?

Камланье хора,
Глаза пустые,
Прогнали вора,
Позвали Вия...

В герои, к славе ль
Твой путь закаян,
Где брат твой Авель?
Ответь мне, Каин....

2014 г.

Стихотворение пронизано библейскими мотивами. Оно начинается первой фразой из Евангелия от Иоанна (Ин. 1: 1) и завершается образом рая, куда «со штрафбатом зачислен парень», то есть современный донбасский Авель. *Пророк, Мадонна, брошенный камень* – своеобразные сюжетные скрепы, усиливающие библейский образ двух братьев. И наконец, «Майдан кромешен», как адское огнище братоубийц, недостойных рая, предначертанного донбасским Авелям. Но и это не исчерпывает мощную мифологическую образность зла, воплотившегося в разрушителей мирной жизни Донбасса. В христианскую мифологию автор инкрустирует литературный образ гоголевского Вия, поставленного Майданом вместо проворовавшегося, но законного президента («Прогнали вора, / Позвали Вия...»), что знаменует произвол новых братоубийц-каинов.

Близкий по сути образ возникает в стихотворении Андрея Штала: поджигатели войны прямо называются бесами, молящимися Вельзевулу в адском чистилище, где «горел огонь и плавилась смола»:

Мятежники, пришедшие майданить,
Чья жизнь сегодня будет на кону?
Вы притворялись, будто в вас вреда нет,
А развязали грязную войну...

Кровавый путь не приведет к прогрессу,
В какие бить теперь колокола?!
Всю ночь молились на Майдане бесы,
Горел огонь и плавилась смола.

19 февраля 2014 г.

В стихотворении Майи Климовой «Лишь бы» новоявленные Каины характеризуются оксюморонно – «верными врагами», возможно, также с аллюзией на «врага человечества» – дьявола.

Стихотворение Алисы Федоровой «Я заклинаю свою землю...» наполнено усложненными генетически разнородными образами: «шахтеры-шаманы», камланием защищающие родную землю, противопоставлены всепожирающему Молоху – финикийскому языческому божеству, которому, по Ветхому Завету, поклонялись, принося в жертву собственных детей:

Я заклинаю свою землю –
 Я знаю, она спит, она не убита:
 Просыпайся, моя бедная
 неприкаянная Атлантида.
 Тебя заклинают в недрах твоих
 Шахтеры-шаманы, в зубах варганы.
 Они не спят, Молох не спит.
 Темные бдят курганы....

Февраль 2015 г.

Уже отмечалось, что война на Донбассе поэтами уподобляется аду. Этот образ является сквозным, по-разному расцвечивая «пекельность». Елена Заславская в стихотворении «Случается война» называет Донбасс, охваченный пожаром войны, *новым адом*, в котором смерть в конце концов уступает жизни:

Успеть –
 Глаза в глаза.
 Вперед, на вдохе,
 В лицо не признавая смерть,
 А только – подвиг.
 Хребты разбитых баррикад.
 По позвонку – стрельба и пламя.
 И круг за кругом – новый ад
 Владеет нами.

18 февраля 2014 г.

Ирина Горбань («О человечности»), видя бомбежки, пожары, огонь на передовой, все еще не верит, что ад подступил так близко к ее мирному городу, но дает обет «терпеть до конца, икону собой прикрывая», дабы «Быть мудрее вдвойне / И от злости не расчеловечиться...»

В одном из текстов Анны Ревякиной символика ада перекликается с символикой шахтерской работы – подземелья и кромешной тьмы. Но это символическое видение – лишь взгляд со стороны, ибо суровая действительность – родное пространство лирического героя,

в которое вложили душу предки и в котором выковывался шахтерский Донбасс – «адская печка» с его мужественными созидателями и героями. Авторский голос оказывается созвучен страданиям края:

...Этот край свободен, и он в тех, кто его достоин,
он впитался навечно в тело твое пигментом,
когда в самую малую щель проникали недра
нашей страшной земли – изрытой да истощенной.
Здесь так тихо, что истошно пятится суеверный,
и дрожащей рукою крестишься ты, некрещеный.
В эту землю вложили душу, подняли в гору,
эту землю явили миру, как символ ада,
и на ней построили пыльный суровый город.
В этом городе редко случаются звездопады,
чаще ливни, и ливни эти с большим пристрастьем
все ведут допросы – кто праведен, кто виновен...

Мое сердце здесь – расхристанное, живое,
оно стало памятью у подножия памятника
неизвестному, но отчаянному Герою.

3 января 2015 г.

В стихотворении Владимира Скобцова «Непокоренный» поэт, имплицитно обращаясь к цитате из стихотворения Б. Пастернака, призывает «не плакать над судьбой», выбирая *между чистилищем и раем*, а мужественно противостоять «иному порядку», который в его родной дом принесли незваные гости:

Не надо плакать над судьбой,
Прибереги души чернила,
Она тебе не изменила,
Она по-прежнему с тобой.
Звенит натянутой струной
Судьба, ее не выбираем,
Между чистилищем и раем
Скажи спасибо, что живой.

Не надо плакать над страной,
Где слезы ничего не значат,
Она, поверь мне, не заплачет
Ни над тобой, ни надо мной...

Не надо плакать над собой –
Солдатик, вышедший из комы,
Сказал, что там полно знакомых,
Как будто съездил он домой.

И над твоею головой
 Склонился ангел поседевший –
 Не ты один осиротевший,
 Скажи спасибо, что живой!

2014 г.

Библейские лейтмотивы в поэзии современного Донбасса композиционно строятся на основных понятийных оппозициях: борьбе Добра и Зла, Бога и Дьявола, рая и ада. В эти оппозиции органично вплетаются атрибуты христианской веры: *молитва, икона, паперть* и др.

В некоторых стихах библейские ассоциации кажутся семантически диффузными, но в то же время узнаваемыми на фоне тех трагических жизненных зарисовок, в которые они органично инкрустированы. Так, мифологема *единорог* в стихотворении Владислава Русанова, на первый взгляд, вызывает лишь весьма отдаленную ассоциативную переключку с другим библейским образом – *мытаря*:

Хотел бы с тобой проснуться, носом уткнувшись в макушку.
 Ветер – проказник грустный – воев в печную вьюшку...
 Я буду петь тебе песни о мире, забывшем войны.
 Где бродят единороги, где ветер колышет травы,
 Где старцы мудры и строги, где реки текут величаво.
 Где на околицу смело выходят олени и лани...
 Где меряют время пряжей, где в чаще блуждает леший,
 Где мздою не купишь стражу, где даже мытарь безгрешен,
 Где я по росе медвяной хромаю тебе навстречу,
 Любовью и счастьем пьяный, сжимаю хрупкие плечи...

Январь 2015 г.

Их семантическая и образная удаленность понятна. В сочинениях христианских писателей Средневековья *единорог* упоминается как символ Благовещения и Боговоплощения, а становится, будучи символом чистоты и целомудрия, эмблемой Девы Марии. Рог мифического животного воплощал силу и единство Небесного Отца и Сына, а небольшие размеры символизировали смирение Христа. На таком фоне сопряжение этой мифологемы с образом мытаря (сборщика налогов и податей в древней Иудее) может показаться нелогичным, тем более что и выражение *мытарь безгрешен* оксюморонно, ведь мздоимство мытарей общеизвестно с библейских времен. Не случайно здесь используется слово-сопроводитель *мзда*. Углубление в контекст стихотворения, тем не менее, показывает органическую преемственность двух разных библейских символов. *Единорог* – такой же символ мира и мирового покоя, как и «медвяная роса», и величаво текущие реки. Покоя, на фоне которого даже мздоимец-мытарь становится безгрешным.

В большинстве случаев библейские слова и выражения в поэзии тесно взаимодействуют друг с другом, не требуя специальных комментариев. Так, январский канун Крещения с его умиротворяющей зимней картиной сливается в стихотворении Александра Савенкова с бытовой зарисовкой: покойно, с миром спит кот:

...Январь, канун Крещения, иней
с ветвей слетает так картинно,
и мы бежим по паутине
протоптаных в снегу тропинок
в убежище, в слепую сырость,
где, забыв о всяком зле,
дворовый кот покойно, с миром
спит на строительном козле.

Февраль 2015 г.

Автор, объединяя два библейских понятия, изменяет функционально-семантическое наполнение устойчивого оборота *с миром*. В Библии он обычно употребляется как пожелание доброго пути уходящему или уезжающему или как формула прощения, ср.: «Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя; иди с миром» (Лк 7 : 50). В стихотворении А. Савенкова эта библейская фраза буквализируется употреблением следом наречия *покойно*.

Буквальзацию известного библейского выражения *умывать руки* находим в стихотворении Вячеслава Теркулова «Донецк». Оно адресуется клеветникам, искажающим правду о трагедии Донбасса. Поэт верит, что клевету рано или поздно погребут на панихиде истории города, и даже допускает, что его сограждане могут взять клеветников «на поруки». Лирический герой по-христиански прощает всем «подлости и геройства». Более того – к всепрощению поэта побуждает благодарная память о родителях. Завершает стихотворение библейская фраза *Царствие им Небесное*, которая относится уже к самым близким:

Мой город, мое пространство, моя ойкумена,
мой утренний дождь...
Клевета о моем пространстве, моей планиде
умрет:
клеветущим нужно почаше
теперь мыть руки –
мой город отпоеет ее, и на этой панихиде
граждане и горожане возьмут пришлецов на поруки...

...Наступает вечер в огнях рекламы.
Так будет и завтра, так же было и в детстве...
Мне кажется, с неба на меня смотрят папа и мама,
Царствие им Небесное.

8 мая 2014 г.

Органична переключка библеизмов *амен* и *класть на весы* в стихотворении Глеба Гусакова, где последнее архаичное выражение рифмуется с сокращением ПС («Правый сектор»)²:

Города, как и встарь, не в дорожной петле, а в петле из руин,
Перемен захотели сердца и глаза, и в горячей пульсации вен –
Поскорее нажать на курок, чтоб порядковый номер – один,
В ослепительных снах – «волчий крюк» на шевроне. Амен.

Что же, каждому яблоку нынче есть место, куда бы упасть.
Вор на воре ворует, и глотки грызут волкам ПСы,
Над убитой осколками дочкой застыла убитая ужасом мать,
Те, кому умирать молодым, смерть чужую кладут на весы...

28 декабря 2014 г.

Последняя фраза (...*смерть чужую кладут на весы...*) – явная апелляция к книге Иова, говорящего другу Елифазу о безмерности своих страданий: «О, если бы верно взвешены были вопли мои, и вместе с ними положили на весы страдание мое! Оно верно претянуло бы песок морей!» (Иов 6 : 2–3). А сакральное слово *Амен*, переосмысленное в стихотворении как конец жизни, подчеркивает тяжесть страданий, выпавших на долю жителей Донбасса.

В сборнике гражданской поэзии нет ни одного стихотворения, в котором бы отсутствовала библейская лексика. В приведенных выше извлечениях многие сакральные слова и выражения насыщаются смыслом той жизни, которая стала Голгофой донбасского народа: *Донбасс идет к своей Голгофе, Мой город стоит на крови, во спасенье лжи, брошен камень, крошечная тьма, на краю земли, Божий мир...* Ряд библеизмов можно расширить, читая и перечитывая стихи этого сборника. Обогащая ими свою поэтическую речь, авторы книги сохраняют веру в мирное разрешение драмы, сценарий которой написан не ими.

Список литературы

Балакова Д., Ковачова В., Мокиенко В. Наследие Библии во фразеологии. Грайфсвальд : Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2013. 307 с.

Берков В. П., Мокиенко, В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / под ред. С. Г. Шулежковой. 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск : Магнитогорск. гос. ун-т ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009. Т. 1. 658 с. Т. 2. 656 с.

Гак В. Г. Десакрализация библеизмов в романских языках // Res. philologica II : Филологические исследования : сб. ст. памяти акад. Г. В. Степанова. СПб. : Петрополис, 2001. С. 56–66.

Германия – Россия : Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса / под ред. Х. Вальтера (отв. ред.), В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой. Грайфсвальд : Ун-т им. Эрнста Морица Арндта, 2016. 120 с.

² «Правый сектор» – радикальная националистическая группировка, действующая на Украине.

Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 175 с.

Лепта библейской мудрости : Библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / авт.-сост. Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовская, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. Могилев : Могилев. гос. ун-т имени А. А. Кулешова. 2014. 208 с.

Лилич Г. А., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Библизмы в русском, чешском и словацком литературных языках // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1993. Вып. 3. С. 51–59.

Лилич Г. А., Мокиенко В. М., Трофимкина О. И. Толковый словарь библейских выражений и слов : ок. 2000 ед. / сост. В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. М. : АСТ ; Астрель, 2010. 639, [1] с.

Мокиенко В. М. Динамика фразеологических библизмов в современном тексте (на материале русского и других славянских языков) // Традиции и новые тенденции в развитии славянских литературных языков: проблема динамики и нормы : тез. докл. междунар. науч. конф. Москва, 24–26 мая 1994 г. М. : Ин-т славяноведения РАН, 1994. С. 62–64.

Мокиенко В. М. Фразеологические библизмы в современном тексте // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов : К 80-летию Русской северо-западной библейской комиссии (1915–1995). СПб. : Петрополис, 1995. С. 143–158.

Мокиенко В. М. Библизмы и фольклоризмы: генетическое родство или типологический параллелизм? // *Studia Slavica Savariensia*. 2001. № 1–2. С. 65–77.

Час мужества : Гражданская поэзия Донбасса 2014–2015 годов : сб. ст. М. : Перо, 2015. 112 с.

References

Balakova, D., Kovachova, V., and Mokiienko, V. (2013). *Naslediye Biblii vo frazeologii* [Biblical Heritage in Phraseology]. 307 p. Greifswald, Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald.

Berkov, V. P., Mokiienko, V. M., and Shulezhkova, S. G. (2008–2009). *Bol'shoy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy russkogo yazyka: okolo 5000 yedinit: v 2 tomakh / pod red. S. G. Shulezhkovoy* [The Big Dictionary of Idioms and Idiomatic Expressions of the Russian Language: Around 5000 Entries. In 2 Vols. / S. G. Shulezhkova, Ed.]. Vol. 1. 658 p. Vol. 2. 656 p. 2nd Ed., revised and extended. Magnitogorsk, Magnitogorskiy gosudarstvennyy universitet, Greifswald, Ernst-Moritz-Arndt-Universität.

Chas muzhestva. Grazhdanskaya poeziya Donbassa 2014–2015 godov: sbornik stikhov [An Hour of Courage. Civil Poetry of Donbass in 2014–2015: A Poetry Collection]. (2015). 112 p. Moscow, Pero.

Gak, V. G. Desakralizatsiya bibleizmov v romanskikh yazykakh [Desacralization of Biblical Expressions in Romance Languages]. (2001). In *Res. philologica II: Filologicheskiye issledovaniya: sbornik statey pamyati akademika G. V. Stepanova*. St.-Petersburg, Petropolis, pp. 56–66.

Germaniya – Rossiya: Verbal'nye i vizual'nye sredstva sovremennogo publitsisticheskogo diskursa [Germany – Russia: Verbal and Visual Means of Contemporary Public Journalism]. (2016). 120 p. Eds. H. Walter, V. M. Mokiienko, and S. G. Shulezhkova. Greifswald, Ernst-Moritz-Arndt-Universität.

Kupina, N. A. (1999). *Yazykovoye soprotivleniye v kontekste totalitarnoy kul'tury* [Language Resistance in the Context of Totalitarian Culture]. 175 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Lepta bibleyskoy mudrosti: Bibleyskiye krylatyye vyrazheniya i aforizmy na russkom, angliyskom, belorusskom, nemetskom, slovatskom i ukrainskom yazykakh [The Mote of the Bible's Wisdom: Biblical Idiomatic Expressions and Aphorisms in Russian, English, Belarusian, German, Slovak, and Ukrainian Languages]. (2014). 208 p. Collected and ed. by D. Balakova, Kh. Val'ter, N. F. Venzhinovich, M. S. Gutovskaya, Ye. Ye. Ivanov, and V. M. Mokiienko. Mogilev, Mogilevskiy gosudarstvennyy universitet imeni A. A. Kuleshova.

Lilich, G. A., Mokiienko, V. M., and Stepanova, L. I. (1993). *Bibleizmy v russkom, cheshskom i slovatskom literaturnykh yazykakh* [Biblical Expressions in Russian, Czech,

and Slovak Literary Languages]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya, yazykoznanie, literaturovedeniye*. Iss. 3, pp. 51–59.

Lilich, G. A., Mokiyeiko, V. M., and Trofimkina, O. I., (Eds). (2010). *Tolkovyy slovar' bibleyskikh vyrazheniy i slov: okolo 2000 yedinit* [Explanatory Dictionary of Biblical Expressions and Words: Around 2000 Entries]. 639, [1] p. Moscow, AST, Astrel'.

Mokiyeiko, V. M. (1994). Dinamika frazeologicheskikh bibleizmov v sovremennom tekste (na materiale russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov) [Dynamics of phraseological Biblical Expressions in Contemporary Text (Based on Russian and Other Slavic Languages)]. In *Traditsii i novyye tendentsii v razvitiy slavyanskikh literaturnykh yazykov: problema dinamiki i normy: tezisy dokladovmezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, 24–26 May 1994. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 62–64.

Mokiyeiko, V. M. (1995). Frazeologicheskiye bibleizmy v sovremennom tekste [Phraseological Biblical Expressions in Contemporary Text]. In *Bibliya i vozrozhdeniye dukhovnoy kul'tury russkogo i drugikh slavyanskikh narodov: K 80-letiyu Russkoy severozapadnoy bibleyskoy komissii (1915–1995)*. St Petersburg, Petropolis, pp. 143–158.

Mokiyeiko, V. M. (2001). Bibleizmy i fol'klorizmy: geneticheskoye rodstvo ili tipologicheskii parallelizm? [Biblical and Folklore Expressions: Genetic Relations or Typological Parallelism?]. In *Studia Slavica Savariensia*. Iss. 1–2, pp. 65–77.

The article was submitted on 09.09.2016

Controversiae
et recensiones

Controversiae
et recensiones

DOI 10.15826/qr.2017.2.239

УДК 94(476)+94(47+57)+94(474.5)

**«МОБИЛИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ» КАК ПОИСК
ИДЕНТИЧНОСТИ: КАКИМИ ПУТЯМИ БЕЛОРУССИЯ
ХОЧЕТ УЙТИ ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР***

Александр Филюшкин
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

**“THE MOBILISATION OF MIDDLE AGES” AS A SEARCH
FOR IDENTITY: HOW BELARUS WANTS TO LEAVE
BEHIND THE HISTORICAL HERITAGE OF THE RUSSIAN
EMPIRE AND THE USSR****

Alexander Filyushkin
St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article studies the issue of Belarusian national identity and its historical benchmarks: this became especially meaningful after the collapse of the USSR in 1991, which led to the establishment of new states. Belarus became the youngest country of the post-Soviet space. In an attempt to overcome the imperial spiritual and cultural legacy, Belarus's national thought focused on a search for “the country's own Middle Ages”. The Middle Ages represent the starting point of historical memory, the foundation for all the basic features of national sovereignty. It is in that epoch when the myths concerning the *origo gentis*, i.e. the rise of the first state and the beginnings of the first

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10080.

** *Citation*: Filyushkin, A. (2017). “The Mobilisation of Middle Ages” as a Search for Identity: How Belarus Wants to Leave Behind the Historical Heritage of the Russian Empire and the USSR. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 569–590. DOI 10.15826/qr.2017.2.239.

Цитирование: Filyushkin A. “The Mobilisation of Middle Ages” as a Search for Identity: How Belarus Wants to Leave Behind the Historical Heritage of the Russian Empire and the USSR // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 569–590. DOI 10.15826/qr.2017.2.239 / Филюшкин А. «Мобилизация Средневековья» как поиск идентичности: какими путями Белоруссия хочет уйти от исторического наследия Российской империи и СССР // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 569–590. DOI 10.15826/qr.2017.2.239.

ruling dynasty, are to be found. And it is in those times when the first national heroes and saints lived, and when the country laid the foundations of its relations with neighbouring countries and peoples. The period shapes specific features of the country's culture and determines the main trends of its historical development. For Belarus, the *origo gentis* lies in the representation of Polotsk Rus' as Ancient Belarus, the discourse of the Grand Duchy of Lithuania as the first Belarusian state, various concepts of medieval White Rus' (*Alba Ruscia*) as a specific cultural, civilisational, and contact area, the concept of Belarus as "a shield of Europe" protecting it against the onslaught from the East, etc. The turn to mediaeval images and ideals meant to build the present-day nation and overcome the imperial situation has proved efficient. Nowadays the image of mediaeval Belarus as a predecessor of the present-day Republic of Belarus is not only an image or an intellectual historiographical construct, but a constant of national identity.

Keywords: identity; Middle Ages; Belarus; Polotsk Principality; Grand Duchy of Lithuania; Russian Empire.

Рассматривается проблема белорусской идентичности и ее исторических ориентиров, приобретая особую остроту в период после распада СССР в 1991 г., который привел к образованию ряда национальных государств. Белоруссия оказалась самым молодым государством на постсоветском пространстве. Национальная мысль Белоруссии в поисках преодоления имперского духовного и культурного наследия обратилась к поиску «своего Средневековья». Средневековье стало исходной точкой исторической памяти, в которой закладываются все основные параметры будущей национальной государственности. Именно здесь ищут мифы об *origo gentis* и происхождении первого государства, корни первой правящей династии. Именно в то время жили первые национальные святые и национальные герои. В Средневековье формируются основы отношений с соседними странами и народами. Этот период определяет облик культуры, основные тенденции исторического развития. Для Белоруссии это дискурс Полоцкой Руси как Древней Белоруссии, дискурс Великого княжества Литовского как первого белорусского государства, различные концепции Белой Руси (*Alba Ruscia*) в эпоху Средневековья как особой культурной, цивилизационной или контактной зоны, концепция Белоруссии как «щита Европы» от натиска с Востока и т. д. Обращение к средневековым идеалам и образам для построения современной нации и преодоления имперской ситуации оказалось эффективным. Сегодня средневековая Белоруссия, предшественница современной Республики Беларусь – уже не только образ, не только интеллектуальный историографический конструкт, а константа национального самосознания.

Ключевые слова: идентичность; Средневековье; Белоруссия; Полоцкое княжество; Великое княжество Литовское; Российская империя.

Распад СССР в 1991 г. привел к образованию на его обломках национальных государств. Не все они имели в прошлом опыт «своей государственности». В особенно трудном положении оказалась Белоруссия. В 1919–1922 гг. существовало несколько вариантов объединения белорусских земель в «независимые социалистические республики» (Белорусско-Литовская Советская Социалистическая Республика (1919), Советская Социалистическая Республика Белоруссия (1919–1922), Белорусская Социалистическая Советская Республика в составе СССР (1922–1991)). Но все они были полностью зависимыми от Москвы, входили в состав различных союзных государств, от РСФСР до СССР [Sukiennicki, p. 84–105].

Белоруссия оказалась самым молодым государством на постсоветском пространстве. Мало того, она стала одним из самых молодых государств в Европе (моложе будут только отдельные балканские республики, образованные на обломках бывшей Югославии в 1990–2000-х гг.). В связи с этим проблема белорусской идентичности и ее исторических ориентиров приобретала особую остроту [Уайт, Билецкая, МакАллистер, с. 35–59]. Культ Великой Отечественной войны в современной республике весьма силен, но он апеллирует к совместному прошлому с СССР, что мало сочетается с идеей суверенитета и преодоления «советского наследия». Искать идеалы в истории белорусских земель в составе Российской империи в XVIII–XIX вв. тем более бесперспективно.

В 1990–2010-х гг. в белорусских городах началось массовое возведение памятников средневековым персонажам¹. Аналогичное явление наблюдается и в гербовнике современных белорусских городов, в котором тоже расцвела «мода на Средневековье». В 1998–2011 гг. многие города и села республики получили новые гербы, а некоторые – еще и флаги [Рассадин, Михальчанка; Цітоў, 2010; Адамушко, Елинская]. В разных областях до 25 % гербов содержали средневековые символы (замок, башня, крепость, оружие, ладьи и т. п.). При этом в гербах не всегда отражается абстрактное Средневековье. В геральдике идет прямая апелляция к Великому княжеству Литовскому (далее – ВКЛ). Литовская «Погоня» в 1991–1995 гг. была официальным гербом Республики Беларусь [Цітоў, 1993; Wrona, 168–171]².

¹ Памятники великому князю литовскому Миндовгу (Новогрудок), полоцкому князю Борису Всеславичу (Борисов), великому князю литовскому Ольгерду (Витебск), Ефросинье Полоцкой (Минск, Полоцк), Кириллу Туровскому (Минск, Туров), Франциску Скорине (Минск, Полоцк, Речица, Лида), Всеславу Полоцкому (Полоцк), полоцкому князю Андрею Ольгердовичу (Полоцк), полоцкому купцу (Полоцк), княгине Софии Слуцкой (Слуцк), печатнику Петру Мстиславцу (Мстиславль), волинскому князю Владимиру Васильковичу (Каменец), памятник к 1000-летию Бреста (на постаменте – скульптуры волинского князя Владимира Васильковича, великого князя литовского Витовта и князя Николая Радзивилла Черного), памятник князю Владимиру Васильковичу и его жене княгине Ольге Романовне (Кобрин), Рогнеде и Изяславу (Заславль), памятник основателю полоцкой архитектурной школы зодчему Иоанну (Полоцк), памятник «Баркулабаўскі летапіс» (Быхов), скульптура «Богатырь» (Свислочь).

² См. гербы Витебска, Могилева, Речицы, Браслава, Видзы, Городка и Городокского района, Суража, Уллы и др.

Другим способом обращения к прошлому стало официальное возрождение гербов целого ряда городов, причем специальными президентскими указами возрождались именно гербы эпохи ВКЛ (XVI–XVII вв.)³. В гербы также вносятся символика, связанная с бывшими владельцами городов и местечек эпохи ВКЛ и Речи Посполитой⁴. Особый интерес представляет герб города Хотимска Могилевской области, принятый в 2001 г. На нем изображены меч и две серебряные скобы. Это визуализация легенды о хотимском плотнике, спасшем польского короля Болеслава Храброго (967–1025), то есть налицо прямое обращение к образам героев Средневековья, причем польского. Активное использование данных образов в геральдике говорит о том, что апелляция к средневековому прошлому и периоду ВКЛ в современной Белоруссии считается важным элементом конструирования национальной идентичности.

Столь масштабное и практически одновременное появление визуализированных образов, посвященных доимперскому прошлому, свидетельствует, что национальная мысль Белоруссии в стремлении к преодолению имперского духовного и культурного наследия обратилась к поиску «своего Средневековья». Причем наблюдается консенсус и единство и нации, и государственных органов, без поддержки которых установка памятников или принятие новых гербов в Белоруссии были бы невозможны. При этом официальная риторика по-прежнему предпочитает оперировать более поздними образами новейшего времени, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и т. д. [Ушакин], но этот дискурс в последнее время сильно потеснен дискурсом медиевальным.

Почему же для преодоления постимперской ситуации Беларусь апеллирует именно к Средневековью, по сути, «сочиняет его»? Новые государства на постсоветском пространстве (и Белоруссия не исключение) свои культурные идеалы изначально видели в Европе. Стало быть, образ национальной истории должен был строиться по европейским образцам. Каждая европейская нация стремится иметь свою Античность или, по крайней мере, следы связи в древности с античным миром, что придает свою долю уважения глубине культурного слоя. Для стран «без своей Античности» (к числу таковых, например, относятся Россия, прибалтийские республики, скандинавские стра-

³ Позже ее отменили, но и сегодня «Погоня» присутствует в гербах Витебской области, г. Верхнедвинска и г. Лепеля Витебской обл., Гомельской обл., г. Резицы Витебской обл., г. Могилева.

⁴ Как указывает М. М. Елинская: «Один из древнейших белорусских гербов – герб г. Несвижа (1586 г.) с черным гербовым орлом князей Радзивиллов... в гербе г. Слонима 1591 г. золотой лев держит в лапах родовой знак “Лис” канцлера Велико-го княжества Литовского Льва Сапеги. В Коссовском гербе на центральном портале замка размещен “Одровонж” – герб рода Хрептовичей. ... в Государственный регистр внесены официальные геральдические символы Наровли с изображением герба “Побог” Горватов, Лагойска – с “Леливой” Тышкевичей, Кормы – с “Абшланк” или “Лопотов” Быковских, Копаткевичей – с “Корчак” Еленских, Житкович – с “Сестринец” Кучуков, Воложина и Ветки – с “Абданк”, Озарич – с “Дрыей” Козариных. При полном одобрении местных органов власти на гербе г. Ивацевичи размещена “Гоздава” Пацев» [Елинская].

ны и т. д.) Средневековье выступает исходной точкой исторической памяти, в которой закладываются все основные параметры будущей национальной государственности.

Дискурс «своего Средневековья» в конструктивистских моделях национальной культуры тесно связан с проблемой «древнерусского наследия» [Plokhy, p. 10–84; Halperin, p. 157–166], которое сегодня не имеет конвенционального решения (на практически одну и ту же «древнерусскую историю» претендуют Россия, Украина, Белоруссия). И обоснование идеи «своего Средневековья» означает присвоение древнерусского периода себе, а это колоссальный культурный и исторический ресурс. Изначально в нем было намечено четыре вектора. В той или иной степени они представлены в белорусской национальной культуре и сегодня.

Полоцк, Святая София и княгиня Ефросинья

Концепция «Полоцк – первый исторический город Беларуси, первая столица первого государства на территории современной страны» [Тарасаў, 2012, с. 9; ср.: Арлоў, Плыткewiч, Герасiмowiч] заняла свое место в умах не сразу [Лiнднэр, с. 81–85]. Как показал И. А. Марзалюк, идею о Полоцком княжестве как истоке современной Белоруссии создал И. Турчинович в 1855 г. (книга вышла в 1857 г.) [Марзалюк, 2009, с. 8–12; Марзалюк, 2012, с. 52–60; Турчинович]. Стоит заметить, что одна из первых книг по истории Белоруссии М. О. Без-Корниловича, вышедшая в том же 1855 г., также начинается с истории Полоцкого княжества [Без-Корнилович, с. 3–8]. «Полоцко-кривичский миф» о древней Белоруссии, отличной от Киевской Руси, обосновал в 1863 г. И. Кулаковский [Марзалюк, 2009, с. 14–16]. В начале XX в. его развивал В. Ю. Ластовский [Ластоўскi, 1918].

Идея о Полоцком княжестве как истоке современной Белоруссии легла в основу «концепции белорусской автохтонности» особо чистого славянского этнического типа в трудах М. В. Довнар-Запольского: «Белорусское племя искони занимало ту самую территорию, на которой оно живет и поныне, за весьма небольшим исключением. Никакие иные народы никогда не занимали этой территории. Таким образом, белорусское племя сохранило наибольшую чистоту славянского типа, и в этом смысле белорусы, подобно полякам, являются наиболее чистым славянским племенем. В историческом прошлом Белоруссии нет никаких элементов скрещивания, потому что никакие народы в массе не поселялись в этой стороне. В этом смысле белорусы в сильной мере отличаются от украинцев и великороссов» [Довнар-Запольский, 2003, с. 25].

Отсюда был прямой путь к концепции «чистых» и «нечистых» славянских народов. К «чистым» относили белорусов и в значительной степени украинцев, к «нечистым», смешанным с финно-уграми

и татарами, – русских [Ластоўскі, 1997, с. 391–392; Марзалюк, 2009, с. 41]. «Чистота» предполагала древнее происхождение, на что и указывал М. В. Довнар-Запольский, – якобы белорусы со времен Полоцко-кривичской державы жили на своих землях и ни с кем этнически не смешивались.

Концепция «Полоцкой Руси» получила особое развитие в белорусской национальной публицистике после образования национального государства в 1991 г. [Ермаловіч, 1990]. Наиболее откровенно логике обращения к ней объяснил Владимир Орлов. Идея «древнерусской народности» и единого корня русских, украинцев и белорусов, по его мнению, это «пророссийская концепция», поскольку единство происхождения предполагает историческое родство и правоту объединения в целое. А это целое и есть Россия, Российская империя, СССР. В противовес ей выдвигается идея изначального отдельного существования и развития украинцев, белорусов и русских. Здесь мы видим прямое развитие автохтонной идеи М. В. Довнар-Запольского, еще в начале XX в. высказавшего ее в «Истории Белоруссии».

Для древних белорусов, пишет В. Орлов, нужен был древний государственный центр. Если для украинцев это, несомненно, Киев, то для белорусов – Полоцк и Полоцкое княжество [Арлоў, 2008, с. 38–39]. История Полоцка подходила на эту роль по двум обстоятельствам. Он рассматривался как колыбель православия Белоруссии. Именно здесь была третья Святая София восточнославянского мира (кроме киевской и новгородской). Тем самым в полоцкой истории соединялись все три необходимых компонента мифа об *origo gentis*: легенды о древних племенах (кривичи, полочане как непосредственные предки белорусов), легенда о первом государстве и первых князьях (Полоцкое княжество и Рогволодовичи), легенда об обретении веры и первых национальных святых (Ефросинья Полоцкая как святая и христианский просветитель XII в.).

По мнению белорусских публицистов, княгиня Ефросинья Полоцкая (1101/05–1167) была знаменем борьбы Полоцка в его борьбе за независимость [Арлоў, 1992, с. 122]. Помимо нескольких памятников Ефросинье, установленных в разных городах Белоруссии, были восстановлены связанные с ней реликвии, потерянные в XX в. Это знаменитый напрестольный крест работы мастера Лазаря Богши и рака святой, утраченная в 1920-е гг.⁵ На церемонии их освящения президент Белоруссии А. Г. Лукашенко был награжден орденом Святого Владимира [Марцинович, с. 105–106]. Этим символическим актом провозглашалась не только религиозная, но и государственная преемственность Полоцкого княжества и современной Белоруссии и ее правителей.

Вторая причина обращения к истории Полоцкого княжества – признание того, что его суверенитет был утрачен в борьбе с внеш-

⁵ Крест 1161 г. утрачен в 1941 г., в 1997 г. брестским мастером Николаем Кузьмином сделана его точная реплика, рака восстановлена тем же мастером в 2007 г.

ними врагами. Тем самым находилось естественное объяснение, почему Белоруссия обрела свою государственность только в 1991 г.: виной всему указывалась внешняя агрессия. Древняя Белоруссия существовала как независимая держава, но погибла под неудержимым натиском врагов, которые и дальше не давали свободы белорусскому народу. В трактовках национальной истории формировался, по выражению И. А. Марзалюка, «образ захваченного края», своего рода комплекс жертвы [Марзалюк, 2009, с. 133]. Национальная история до обретения независимости изображалась в русле концепции *translatio servilium* – «длющегося рабства».

От Белой Руси к Alba Ruscia

Полоцкое княжество в качестве средневекового начала Белоруссии имело только один недостаток – название. В любых национальных концепциях имя играет первостепенную роль, а Полоцк никогда не назывался «Белой Русью». Поиск обоснований древнего происхождения имени «Белоруссия» стал одним из направлений историографии и национальной мысли [Имя тваё Беляя Русь]. Здесь важную роль сыграла работа А. Белого [Белы, 2000; Белы, 2013]. Они вызвали большой резонанс, несмотря на неоднозначное отношение к ним в среде профессиональных историков [Мартынюк, 2010, с. 303–308].

Не углубляясь в полемику относительно семантики термина «Белая Русь» в Средневековье и раннее Новое время (обзор см.: [Soloviev, s. 1–33]), обратим внимание на идеологические аспекты поиска. Во-первых, еще при описаниях Полоцкой Руси авторы подчеркивали ее демократический, свободлюбивый, прогрессивный характер. В идее Белой Руси данный концепт получил дальнейшее развитие. Высказывалось мнение, что «Белая» означает «вольная», «свободная» (прежде всего от монгольского ига, повлиявшего самым роковым образом на русских). Эта мысль звучала еще в работах М. Драгоманова, А. Потебни, М. В. Довнар-Запольского [Белы, 2000, с. 4–7]. Тем самым изначальная культурная сущность Белоруссии противопоставлялась «несвободной» Московии – России.

Во-вторых, в историографии существует концепция о переносе названия «Белая Русь» с одного субъекта на другой, с изначальной подлинной белорусской «Белой Руси» на Россию: «белый царь» в титуле русских царей, «царь Белой России» в титуле Алексея Михайловича, «Белая Русь» как обозначение Новгородской республики до ее покорения Москвой, «Белая Русь» как обозначение в XVI в. земель, захваченных русскими государями у Великого княжества Литовского – Полоцка, Смоленска и т. д. [Белы, 2000, с. 29–54]. Здесь проявляется довольно распространенный в национальных идеологиях Восточной Европы дискурс о «похищении названия». Отсутствие в Средневековье названия «Белоруссия» указывает, по мнению авторов, на сложный

характер его бытования и его несомненную связь с землями, подвергавшимися аннексиям со стороны Московской Руси.

В-третьих, несомненно, с точки зрения ученых, связь названия «Белая Русь» с европейской культурой⁶. В европейских источниках оно упоминается куда чаще, чем в восточнославянских. Тем самым еще раз подчеркивается европейский, западный культурный вектор развития, размежевание с Русью/Россией, отличие от нее.

В этом плане интересна развиваемая сегодня в рамках проекта «Беларусь на перекрестке культур и цивилизаций: международные отношения и межкультурные коммуникации в X–XVI веках» (руководитель А. В. Мартынюк) концепция *Alba Ruscia* как особой культурно-цивилизационной зоны контактов средневековых культур. Она претендует на новую теорию, обосновывающую место средневековой Беларуси в системе центральноевропейских государств. Ее цель – «подчеркнуть как средневековые корни названия современного государства Беларусь и современной белорусской нации, так и ситуацию цивилизационного пограничья белорусских земель между мирами *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana*» [Мартынюк, 2015, с. 5].

Идея о цивилизационной «особости» «белорусского мира» (высказываемая в несколько иных выражениях, что не меняет ее смысла) в историографии звучит, как показали Р. Линднер и И. А. Марзалюк, начиная с работ уже упоминавшегося И. Турчиновича [Линднер, с. 75; Марзалюк, 2009, с. 11]. Концепция А. В. Мартынюка выводит ее на новый, более обоснованный уровень. Средневековая *Alba Ruscia* выступает не просто местом существования особой белорусской культуры или цивилизации, а контактной зоной. Здесь подход А. В. Мартынюка (возможно, без воли автора) оказывается близок идеям Великого Лимитрофа В. Л. Цымбурского с той разницей, что *Alba Ruscia* придается роль не лимитрофа, а субъекта историко-культурного процесса [Цымбурский]. Трактовка роли средневековой Белоруссии как культурного посредника между православным миром и Европой – это, несомненно, новое направление развития концепта «белорусского Средневековья».

Дискурс Великого княжества Литовского в белорусском национальном конструкте

Поиск «Белой Руси» в средневековых источниках и создание на этой основе интеллектуальных конструктов в какой-то степени отвечают задачам поиска национальной идентичности в прошлом. Но это все же не отменяет того факта, что название прилагалось к местности, к региону, но такой страны не существовало. Государ-

⁶ «Назва Белая Русь – унікальны помнік еўрапейскай (можна ўдакладніць: лацінскай) культуры... Высвятляецца, што гэтая назва... можа засведчыць лучнасць яе гістарычнага лёсу з лёсам еўрапейскай цывілізацыі» [Белы, 2000, с. 65].

ство, в состав которого в XIII–XVI вв. входили современные белорусские территории, называлось иначе: Великое княжество Литовское и Русское. Исходя из общности территории, история ВКЛ была отождествлена с белорусской историей.

На эту тему существует огромная литература, поэтому остановимся только на системообразующих аспектах проблемы. Первый – это спор о том, кто, собственно, такие средневековые литвины. Существует утверждение, что за этим термином скрываются предки белорусов, а вовсе не литовцев. По мнению И. А. Марзалюка, возникновению этой теории способствовала прежде всего позиция российской имперской историографии, в которой в XIX в. высказывались мнения о тождественности «Литвы» и «Руси» [Марзалюк, 2009, с. 49]. Большую роль здесь сыграла концепция «западнорусизма», изображения литовцев и поляков как внешних оккупантов исконно русских земель, русскость которых восходила еще к Киевской Руси. Учеными утверждалось, что, несмотря на вхождение в состав ВКЛ, древнерусские княжества не утратили своей «русскости»: «Литвин... исчезал в огромной массе русского народа, не мог передать ему ни своей веры, ни своего языка, сам заимствовал от него и то, и другое... Там все было русское, и вера, и язык, и гражданские уставы, самые князья литовские, рожденные от русских княжен, женатые на русских княжнах, крещенные в православную веру, казались современникам потомками Владимира Святого» [Устрялов, с. 16–17]. «...При всем внедрении постороннего элемента Русь Литовская и в этот период продолжает оставаться *русскою*, и если она меняет свои государственные и социальные устои, то по-прежнему продолжает – в языке, в быте, в правовых понятиях, в литературе, в отношении своих религиозных связей с Русью Московской – исходить, как и та, из тех же начал, какие заложены были в сознании русского народа еще на самой заре его политического существования» [Шмурло, с. 7].

Великого князя литовского Миндовга М. О. Без-Корнилович считал происходящим из рода русских князей [Без-Корнилович, с. 13]. Еще более определенно высказывался историк М. Коялович в специальном издании, вышедшем в 1865 г. параллельно на русском и французском языках, целью которого было преподать Европе «правильную» версию истории западнорусских земель после подавления польского восстания 1863 г.: «Народ Западной России... всегда называл себя русским народом, свой язык – русским языком, свою веру – русскою верою... это одно и то же имя и того народа, который дал бытие Русской империи, и того, который несчастными обстоятельствами оторван от восточной своей ветви и попал сперва под власть литовскую, а потом польскую» [Коялович, с. XIV, XVI].

Здесь требовалось только заменить «русский» на «белорусский». В знаменитой декларации М. В. Довнар-Запольского 1919 г. говорится о «Литовской Руси» как истоке Белоруссии, хотя Литва трактуется как покоритель белорусских земель (государственность последних

восходит к Полоцкому княжеству) [Довнар-Запольский, 1919, с. 3, 5]. В 1921 г. выходит очерк белорусского филолога Я. Лесика «Літва – Беларусь», в котором эти понятия отождествлялись [Лёсік]. Литва была объявлена средневековой Беларусью, а литовцам оставили название «жмудины». Как точно отметил И. А. Марзалюк, подобные оценки во многом вытекали из контекста конфликтных отношений между Белоруссией, Литвой и Польшей в роковые 1917–1920-е гг., и нацелены они были прежде всего на защиту прав молодой белорусской республики [Марзалюк, 2009, с. 52–53].

В последней четверти XX в. в связи с перестройкой, распадом СССР и обретением Белоруссией независимости подобные взгляды получают в историографии новое обоснование и пользуются немалой популярностью. Их отстаивали историки и публицисты М. Ермалович и В. Чаропка [Ермаловіч, 2000; Чаропка, 2005]. Происходит дальнейшее развитие данной идеи с разными вариациями [Насевіч, 1993, с. 97–100; Рогалев; Краўцэвіч; Урбан; Łatyszzonek; Насевіч, 2015], вокруг нее разворачиваются большие дискуссии [Шевченко, с. 55–67; Насевіч, Спірыдонаў, с. 4–27; Белы, 2007, с. 128–145; Дзярновіч, с. 234–248].

Тем самым произошло своего рода «присвоение» истории Велико-го княжества Литовского средневековым белорусам. Очевидно, что данное государство было сложносоставным, полиэтническим и поликонфессиональным, и установление идентичности его населения является предметом дискуссий. Но в изучаемом нами дискурсивном аспекте важно, что, присваивая себе всю историю ВКЛ, объявляя себя его историческими наследниками, белорусы обретали все, что нужно: свою средневековую государственность (и какую – от Балтики до Черного моря!), целый сонм исторических героев, правителей, богатую, насыщенную многовековую национальную историю. Причем, что немаловажно, это была *история европейского государства*, с магдебургским правом, религиозным плюрализмом, средневековой демократией, выборами короля, первыми университетами и школами, Ренессансом и т. д. Обретая Средневековье в виде ВКЛ, Белоруссия автоматически попадала в число изначальных держав Европы. Ее история – больше не история «обломка Российской империи» или республики СССР, это история самостоятельного государства, по своим параметрам не отличающегося от других европейских стран.

«Белорусы – щит Европы!»

Историческая память о прошлом Белоруссии сегодня конструируется как память о стране, которая все время находилась под властью других держав и из-за этого даже была вынуждена носить не свое название (Великое княжество Литовское и Русское). Сперва Белоруссия (ВКЛ) оказалась в составе Речи Посполитой, первую скрипку в которой играла Польша, затем – России (с 1795 г.), потом – СССР. Таким

образом, при описании белорусского прошлого в первую очередь оказывались востребованы образы насилия, чужестранной агрессии, оккупации, эксплуатации народных сил и природных ресурсов и т. д.

При этом белорусский дискурс формировался не самостоятельно, а путем заимствования идей из польского и российского дискурсов. Из польского были взяты идеалы державы как культурной доминанты региона, гиперболизация военных побед, религиозная и этническая толерантность, антироссийская риторика. Из русского был взят прежде всего идеал державности, сильного, побеждающего государства. Наличие славного военного прошлого и национальных военных героев – необходимый атрибут национального самосознания любого народа. При обращении к истории ВКЛ такая битва появилась и у белорусов – ей стало сражение при Орше в 1514 г., когда армия ВКЛ разбила российское войско. После 1991 г. день Оршинской битвы в Белоруссии был объявлен днем воинской славы.

Именно в день, когда произошла битва – 8 сентября – в 1992 г. в Минске приносили присягу воины вновь созданной армии независимой Белоруссии. В публицистической литературе звучат высказывания, что «в 1514 г. решалась судьба будущего белорусской нации», «подвиг героев Оршинской битвы, которые разгромили втрое превосходящее войско Московского государства, всегда будет сиять яркой страницей в истории Беларуси и освещать путь нынешнему и будущему поколению патриотов» [Лобин, с. 111]. Г. Саганович отметил, что выбор Оршинской битвы в качестве национального ориентира имеет глубокий смысл: он символизирует поворот Белоруссии к Западу, противостояние с Россией, оборону ее суверенитета [Сагановіч, 1992; Сагановіч, 2008; Грыцкевіч; Жданко; Класкоўскі; Мікалайчанка; Милованов; Осинский; Плыткewіч; Тарас, с. 5–20; Киштымow, с. 34–40; Паўловіч, с. 99–106; Шумская, с. 107–110; Астапенко, с. 111–120; Борель, с. 203–207; Класковский, с. 214–215; Гаравы, с. 216–220]. В 2014 г. в Белоруссии и Литве прошли празднования в честь 500-летия победы в Оршинской битве, проводились многочисленные научные конференции и выходили юбилейные издания.

Кроме битвы, в дискурсе белорусского Средневековья (строго раннего Нового времени) появилась и своя масштабная война с Россией – Ливонская война 1558–1583 гг. Война оказалась важным звеном конструкции, подходящей под все компоненты белорусского дискурса. В ней были и оккупация белорусских земель (Полоцк в 1563 г.), и трагедия страны, на территории которой шла война, и комплекс жертвы (изнуренное войной Великое княжество Литовское вынуждено покориться Польше и подписать Люблинскую унию), и дискурс коварного заговора внешних врагов против Белоруссии (как тайных – Польши, так и явных – Московии), и несколько блестящих побед, которые были приписаны не литовскому или польскому, а именно белорусскому оружию. Белоруссия уже в ранней национальной историографии рассматривалась как главный фигурант

Ливонской войны, на территории которой проходили основные боевые действия [Пичета, с. 46].

В 1918 г. М. В. Довнар-Запольский писал, что шляхте стало тесно в своей Польше, «соединение с братьями-литовцами для поляков было нужно в видах религиозной свободы». Поэтому-то Польша и воспользовалась порожденным Ливонской войной кризисом и навязала унию, причем «...поляки в этот тяжелый для Великого княжества час соблазняли его только унией, не давая реальной поддержки... это было насилие, но Литовско-Русское государство находилось в таком отчаянном положении, что сопротивляться не могло... [при этом] поляки готовы были совершенно оставить Литву и передать ее московскому царю» [Довнар-Запольский, 2003, с. 103, 104, 107, 110, 111]. Таким образом, к дискурсу российской угрозы добавился дискурс угрозы польской [Петров, с. 176–177]. Эти тезисы поддерживались в более мягкой форме в советской белорусской историографии [История Белорусской ССР, с. 88–89; Гісторыя Беларускай ССР, с. 229].

Данные трактовки были подхвачены белорусской эмигрантской историографией. В 1966 г. в Буэнос-Айресе вышла книга архиепископа Афанасия (А. В. Мартоса, 1904–1983), посвященная в основном истории церкви на белорусских землях. Однако в ней содержался и исторический очерк. Рассказывая о Люблинской унии, автор употребляет такие слова, как «инкорпорация», «аннексия». По его мнению, если бы не предательство, то белорусско-литовские патриоты развернули бы войну против Польши и не дали бы унии стать реальностью: «Литовско-белорусские патриоты, не желая отдавать Польше свое государство, готовились к такой войне и рассылали грамоты с призывом к ней». Однако их предала русинско-украинская шляхта, представители которой «имели какие-то счёты с белорусами и тяготились их управлением, а также соблазнились польскими шляхетскими привилегиями, которыми хотели попользоваться» [Афанасий, 42]. О предательстве волынской шляхты также говорил и М. В. Довнар-Запольский: «Волынь так быстро прониклась польскими империалистическими интересами, что продает свою родину» [Довнар-Запольский, 2003, с. 111]. Архиепископ Афанасий писал: «Роковую услугу в деле присоединения Великого княжества Литовского к Польше оказала московско-русская (sic! – А. Ф.) война с Великим княжеством Литовским, начавшаяся из-за Ливонии и Смоленска. В этой войне московские войска заняли г. Полоцк в 1563 г. и опустошили северную часть Беларуси до самого г. Вильно... великолитовские войска и воеводы храбро сражались с московскими войсками, защищая свою родину. Поляки со злорадством следили за ходом военных действий и радовались, как их союзники истекали кровью и физически слабели. Они рассчитывали, что чем больше воеводы Великого княжества Литовского потеряют сил в войне, тем менее они будут опасны в деле присоединения их государства к Польше... Эта несвоевременная война окончательно погубила Великое княжество

Литовское. Москва помогла полякам забрать это княжество себе. Не будь этой войны, государственные великолитовские патриоты еще долго отстаивали бы суверенные права своего государства и не пошли бы на унию с Польшей» [Афанасий, с. 43].

Эти идеи были подхвачены в 1990-е гг. Крупнейшим явлением в новейшей белорусской историографии Ливонской войны является монография А. Н. Янушкевича. О масштабе замысла пересмотра всей архитектоники историографического видения Ливонской войны говорит тот факт, что автор предлагает отказаться от самого термина «Ливонская война», заменив его на полонизированный и более аутентичный источником польского происхождения «Инфлянцкая вайна» [Янушкевіч, с. 6–7]. С такой сменой ориентиров логично перекликались идеи Зенона Позняка, который утверждал: «Тысяча лет белорусской державности – это тысяча лет белорусской культуры и тысяча лет войны. Среди этих войн есть она перманентная война, которая не прекращается никогда – это цивилизационная война с Россией»⁷. Сочинение Позняка озаглавлено «Беларуска-Расейска вайна» и имеет английский перевод заголовка: «Belarus is an eastern outpost» («Беларусь – восточный форпост»). Обращает на себя внимание неточный английский перевод заголовка, носящий явно дискурсивный характер [Позняк, с. 5–6].

В размышлениях Позняка видно прямое копирование польского исторического дискурса, который теперь присвоен белорусами. Последние оказались «на самом краю христианства». И проиграли войну с Россией, потому что никто на Западе не понял ее значения для обороны европейской культуры. «На краю христианства» страна оказалась одна, а ведь когда-то Беларусь уже прикрыла собой Европу – именно белорусы остановили монголо-татарское нашествие, разбив Орду на Синих Водах в 1362 г. Поглощение Белоруссии Россией, по мнению З. Позняка, в 1795 г. привело в XIX–XX вв. к мировым войнам, потому что уже ничто не стояло между мирной Европой и агрессивной Москвой.

Россия изображается заклятым врагом Белоруссии, с которой она в XVI в. вела непрерывные войны. Например, в популярной книге «Десять веков белорусской истории» В. Орлова и Г. Сагановича история конца XV – XVI в. изображена в виде следующей цепочки событий: первая война Московии с Великим княжеством Литовским (1492) – разгром татарского войска под Клецком (1506) – битва под Оршей (1514) – издание Франциском Скориной первой печатной белорусской книги (1517) – выход в свет поэмы Микола Гусовского «Песня про зубра» (1523) – рождение Льва Сапеги (1557) – активная книгоиздательская деятельность Симона Будного в Несвиже (1562) – захват Полоцка войсками Ивана «Жахливого» (1563) – разгром москвитов на реке Уле (1564) – Люблинская уния (1569) – освобождение Полоцка

⁷ Перевод автора статьи.

от московитов войсками Стефана Батория (1579) – основание Виленского университета (1579) – издание Василем Тяпинским перевода Евангелия на белорусском языке (1580) и т. д. [Арлоў, Сагановіч, с. 82–123].

Отбор событий для этого «слежка» белорусской истории говорит, что перед нами нация поэтов, ученых и гуманистов, которая вынуждена отбиваться от агрессии соседей – как облученной в цивилизованные формы и неоднозначной «агрессии» (Люблинская уния), так и угрозы прямого военного вторжения и порабощения (со стороны Москвы). Но победоносная армия ВКЛ – Белоруссии громит оккупантов, после чего возвращается к своим истинным ценностям: основывает университет, переводит Библию и т. д.

Эпоха ВКЛ на страницах книги выступает своего рода «золотым веком» Белоруссии, к идеалам и достижениям которого удалось вернуться только после 1991 г. Очень характерно в этом плане содержание второй книги В. Ракицкого «Белорусская Атлантида». Он разбил книгу на три больших раздела: «Наша», «Ня нашае наша», «Нашае наша». К «нашему» он отнес Литву, «Старожитную Русь», славян и т. д. К «нашему нашему», то есть чужому, навязанному, которое стало частью своей истории, – все, связанное с СССР, Второй мировой войной и влиянием России. К «самому нашему» – ВКЛ, Грюнвальд, Радзивиллов, Вильну и т. д. [Ракицкі, 2010, с. 4–6]. Данная тенденция – изображать «лучшим временем» период нахождения земель в составе *не-России*, а другой, европейской страны – характерна для историографий постсоветского пространства. В Прибалтике «золотым веком» называют время шведского господства в XVII в., на Западной Украине тепло говорят об австрийском владычестве.

Героизация белорусской истории достигается также за счет ее персонификации. Появились книги, содержащие популярные биографии деятелей ВКЛ периода Ливонской войны (Миколая Радзивилла Черного, Миколая Радзивилла Рыжего, Яна Иеронима Ходкевича и др.). Причем в центре повествования оказываются их подвиги в противостоянии с Москвой [Чаропка, 2002].

К какому будущему ведет Белоруссию медиевальный дискурс?

Обращение к средневековым идеалам и образам для построения современной нации и преодоления имперской ситуации оказалось эффективным. Сегодня образ средневековой Белоруссии, предшественницы современной Республики Беларусь – уже не только образ, не только интеллектуальный историографический конструкт, а константа национального самосознания. Произошло это благодаря целому ряду причин.

Во-первых, Средневековье как идеологическая основа национальной идеологии является консенсусным для разных политических сил.

Мало кто будет возражать против славного героического прошлого, против романтических образов князей и богатырей.

Во-вторых, полемика о Средневековье носит гораздо более спокойный характер, чем споры об империях, войнах и конфликтах нового и тем более новейшего времени. Представители народов, чьи предки воевали на Оршинском поле или на фронтах Ливонской войны, могут спокойно вести об этом разговор, научные дискуссии. Несмотря на все попытки их политизировать, остается пространство для неконфликтного диалога. А такая идея привлекает гораздо больше сторонников со всех сторон, чем конфронтационные лозунги. Память о Средневековье оказывается менее конфликтной, чем память о XIX–XX вв.

В-третьих, в средневековом дискурсе удачно сочетаются локальный и государственный (республиканский) уровни. Локальный патриотизм, восстановление местных памятников старины, церковь как духовный авторитет с ее святынями, имеющими средневековую историю, – все это способствует формированию национальной идентичности.

В-четвертых, медиевальный дискурс в меньшей степени присутствует в политике и националистических акциях, зато хорошо представлен в образовании, культуре, туризме, движении исторических реконструкторов и т. д. Он в гораздо меньшей степени стремится перестроить сознание социально активного поколения, зато влияет на формирование национальной идентичности у молодежи и детей. В этом плане он более медленный по эффективности воздействия, зато и более устойчивый и глубокий.

Конечно, опыт «мобилизации Средневековья» для Белоруссии не во всем положительный, прежде всего во внешнеполитической сфере. По многим вопросам нет понимания с Литвой и Польшей по части «наследия Великого княжества Литовского», в России празднование 500-летия Оршинской победы как победы белорусов над русскими воспринимается не без раздражения и удивления. В выработке медиевального дискурса очень слабо выражено взаимодействие с Украиной, хотя история средневекового периода и раннего Нового времени у этих исторических регионов Восточной Европы очень близка.

Обращение к средневековью сегодня для обоснования древних истоков белорусского нациогенеза носит в большей степени культурный и дискурсивный, чем научный характер. Во всяком случае, оно пока получило явно недостаточное научное обоснование с точки зрения и примордиалистских, и конструктивистских теорий, а существование белорусской домодерной нации пока больше продекларировано, чем доказано. Однако неразработанность исследовательского поля только побуждает к новым исследованиям и совершенно не препятствует развитию в целом успешных дискурсивных практик белорусского варианта «мобилизации Средневековья».

Список литературы

- Адамушко В. И., Елинская М. М.* Современная геральдика Беларуси. Минск : Беларуская Энцыклапедыя, 2012. 533 с.
- Арлоў У.* Таямніцы полацкай гісторыі. Мінск : Попурри, 2008. 607 с.
- Арлоў У., Плыткевіч С., Герасімовіч З.* Ад Полацка пачаўся свет. Мінск : Рыф тур, 2005. 141 с.
- Арлоў У., Сагановіч Г.* Дзесяць вякоў беларускай гісторыі: 862–1918 : Падзеі. Даты. Ілюстрацыі. Вільня : Наша Будучыня, 1999. 221 с.
- Арлоў У. А.* Еўфрасіння Полацкая. Мінск : Мастацкая літаратура ; Славяне, 1992. 219 с.
- Астапенко А.* Князі Астрожскія і беларуская нацыянальная ідэя // Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. 2014. Вып. 4. С. 111–120.
- Афанасій, архіеп.* Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни : в 3 ч. Мінск : Бел. Экзархат Рус. православ. церкви, 1990. 262 с.
- Без-Корнилович М. О.* Сведения о примечательнейших местах в Белоруссии, с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся. СПб. : Тип. III Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1855. 355 с.
- Белы А.* Хроніка «Белай Русі» : нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск : Энцыклапедыкс, 2000. 192 с.
- Белы А.* Хроніка Белай Русі : Імагалогія Беларусі XII–XVIII ст. Смаленск : Інбелкульт, 2013. 468 с.
- Белы А.* Як размежаваць Літву ад Русі // Arche. 2007. № 10. С. 128–145.
- Борель Е.* Битва под Оршей – блестящая победа, от которой нельзя отказываться // Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. 2014. Вып. 4. С. 203–207.
- Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. Т. 1. Мінск : Навука і тэхніка, 1972. Т. 1. 631 с.
- Гаравы М.* Перамога у бітве пад Оршай разбурыла планы першага падзелу Усходняй Еўропы // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2. С. 234–248.
- Грыцкевіч А.* Ішла ў бой беларуская конніца // Народная газета. 1994. 7 жніўня.
- Дзярновіч О. И.* «Литва» и «Русь» XIII–XVI вв. как концепты белорусской историографии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2. С. 234–248.
- Довнар-Запольский М. В.* История Белоруссии. Минск : Беларусь, 2003. 678 с.
- Довнар-Запольский М. В.* Основы дзяржаўнасці Беларусі. Вільня : Друкарня «Прамень», 1919. 14 с.
- Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории кривичской и древговичской земель до конца XII столетия. Киев : Типолит. И. Н. Кушнерев и К° в Москве, Киевск. отд., 1891. 170 с.
- Елинская М. М.* Современный этап развития геральдики Беларуси. URL: <http://geraldika.ru/symbols/33223> (дата обращения: 18.04.2016).
- Ермаловіч М.* Старажытная Беларусь : Полацкі і Навагародскі перыяды. Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. 365 с.
- Ермаловіч М.* Беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае. Мінск : Беллітфонд, 2000. 435 с.
- Жданко В.* Успомнілі бітву пад Оршай : адны з гонарам, другія – з праклёнам // Звезда. 1993, 9 верасня.
- История Белорусской ССР : в 4 т. Минск : Изд-во Акад. наук Бел. ССР, 1954. Т. 1. 502 с.
- Киштымов А.* Оршанская битва : по ту сторону исторического фронта // Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. 2014. Вып. 4. С. 34–40.
- Імя тваё Бялая Русь / сост. Г. Сагановіч. Мінск : Полымя, 1991. 318 с.
- Класковский А.* Битва под Оршей и синдром бульбаша // Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. 2014. Вып. 4. С. 214–215.
- Класкоўскі А.* Як бы там ні было, але пад Оршай беларускі вой засланяў грудзьмі сваю Бацькаўшчыну // Народная газета. 1993. 7 верасня.
- Коялович М.* Историческое исследование о Западной России, служащее предисловием к документам, объясняющим историю западно-русского края и его отношения к России к Польше = Etudes Historiques sur la Russie Occidentale. Introduction aux Documents servant à éclaircir L'Histoire des Provinces occidentales de la Russie ainsi que Luers rapports avec la Russie et la Pologne. СПб. : Тип. Э. Праца, 1865. 203 с.

- Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Мінск : Бел. навука, 1998. 206 с.
- Лінднер Р.* Гісторыкі і ўлада : нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. Мінск ; Санкт-Пецярбург : Неўскі прасцяг, 2005. 538 с.
- Ластоўскі В. Ю.* Аб «славянстве» маскалеў // Ластоўскі В. Ю. Выбраныя творы. Мінск : Беларускае кнігазбор, 1997. С. 390–397.
- Ластоўскі В. Ю.* Калісь і цяпер. Гістарычна-грамадзянскія нарысы. Вільня : [Б. и.], 1918. 152 с.
- Лёсік Я.* Літва – Беларусь : Гістарычныя выведы. Мінск : Тэхналогія, 2016. 33 с.
- Лобін А. Н.* Мифы Оршанской битвы // Родина. 2010. № 9. С. 111–115.
- Марзалюк І. А.* Вобраз полацкай дзяржаўнасці ў беларускім гістарычным наратыве XIX – пачатку XX ст. // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы. Мінск : Беларуская навука, 2012. 637 с.
- Марзалюк І. А.* Мифы «адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. Магілёў : МДУ, 2009. 144 с.
- Мартынюк А. В.* Алесь Белый в поисках Белой Руси // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. 2010. Вып. 3. С. 303–308.
- Мартынюк А.* Сярэдневяковыя без граніц (неабходнае прадисловіе, по возможности краткое) // Alba Russia : беларускія землі на перакрыжжы культур і цывілізацый / под ред. А. В. Мартынюка. М. : Квадрига, 2015. С. 5–7.
- Марціновіч А.* Святая Еўрасія або Адкуль ёсць, пайшла Полацкая зямля. Мінск : Беларусь, 2009. 109 с.
- Милованов и др.* Горькая победа под Оршей // Политика. Позиция. Прогноз. 1994. № 4 (30). С. ...
- Мікалаічанка А.* На паклон крыжы на Крапівенскім полі // Наша слова. 1994. 21 верасня.
- Насевіч В.* Беларусы : станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя. Смаленск : Інбелкульт, 2015. 525 с.
- Насевіч В.* Да пытання пра саманазву беларусаў у перыяд ВКЛ // Беларусіка = Albaruthenica. Кн. 2. Фарміраванне і развіццё нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. Магэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Маладзечна, 19–20 жніўня 1992 г. Мінск : [Б. и.], 1993. С. 97–100.
- Насевіч В., Спірыдонаў М.* «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. // 3 глыбі вякоў. Гісторыка-культуралагічны зборнік. Т. 1. Мінск : Навука і тэхніка, 1996. С. 4–27.
- Осинский И.* Солдагушки, бравы ребятушки, или О том, как историю превращают в место для политических ристалищ // Советская Белоруссия. 1994. 6 сент.
- Паўловіч Я.* Битва на ростанях цывілізацый // Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. 2014. Вып. 4. С. 99–106.
- Петров Н. И.* Белоруссия и Литва : Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб. : Изд. при М-ве внутр. дел П. Н. Батюшковым, 1890. 376 с.
- Пічета В. И.* История белорусского народа // Пичета В. И. Курс Белорусоведения : Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года. М. : Друк. А. П. Яроцкого, 1918–1920. 304 с.
- Плыткевіч С.* «Не ўрады вызначаюць народам святы...» // Народная газета. 1993. 11–13 верасня.
- Позыняк З.* Беларуска-Расейска вайна = Belarus is an eastern outpost. Варшава ; Нью-Ёрк ; Вільня : Беларускае Ведамасці (Belaruskiiā Vedamasti), 2005. 34 с.
- Ракіцкі В.* Беларуская Агліянтыда : Кніга другая Міты і брэндзі калянізаванай нацыі. [Б. м.] : Радые Свабодная Эўропа/Радые Свабода, 2010. 352 с.
- Ракіцкі В.* Беларуская Агліянтыда. [Б. м.] : Радые Свабодная Эўропа/Радые Свабода, 2006. 504 с.
- Рассадзін С.* Землі амаль невядомыя : Будучая Беларусь паводле антычных манускрыптаў. Мінск : Польша, 1996. 95 с.
- Рассадзін С. Я., Міхальчанка А. М.* Гербы і сцягі гарадоў і раёнаў Беларусі 1991–2004. Мінск : Беларусь, 2005. 128 с.
- Рогалев А. Ф.* Белая Русь и белорусы : в поисках истоков. Гомель : Белорус. аг-во науч.-технич. и деловой информации, 1994. 266 с.
- Сазановіч Г.* Аршанская бітва 1514 г. – канфлікт гістарыяграфій і ідэнтычнасцяў // Жыве Беларусь : бібліятэка гістарычных артыкулаў. 29.06.2008. URL: <http://jivebelarus.net/history/gistografa/orsha-battle-and-historical-identity-conflict.html?page=6#lnk5> (дата абрашэння: 17.04.2016).

- Сагановіч Г. Айчыну сваю баронячы : Канстанцін Астрожскі. Мінск : Навука і тэхніка, 1992. 68 с.
- Тарас А. Битва под Оршей в контексте политики и войны // Записы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. 2014. Вып. 4. С. 5–20.
- Тарасаў С. В. Полацк : Гонар векоў. Мінск : Беларусь, 2012. 264 с.
- Турчинович И. В. Обзор истории Белоруссии с древнейших времен. СПб. : Тип. Э. Праца, 1857. 303 с.
- Уайт С., Билецкая Т., МакАллистер И. Белорусы между Востоком и Западом // Мир России : Социология, этнология. 2014. Т. 23. № 1. С. 35–59.
- Урбан П. Старажытныя літвіны : Мова, паходжаньне, этнічная прыналежнасьць. Мінск : Тэхналогія, 2014. 215 с.
- Устрялов Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Велико княжество Литовское? Сочинение Н. Устрялова, читанное на торжественном акте в Главном педагогическом институте 30 декабря 1838. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. 42 с.
- Ушакин С. В поисках места между Сталиным и Гитлером : о постколониальных историях социализма // Ab Imperio. 2011. № 1. С. 209–221.
- Цітоў А. К. Геральдыка Беларусі (ад пачаткаў да канца XX стагоддзя). Мінск : Мінская фабрыка каляровага друку, 2010. 139 с.
- Цітоў А. К. Наш сімвал – Пагоня : шлях праз стагоддзі. Мінск : Польша, 1992. 33 с.
- Цымбурский В. Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом : Цивилизация и ее геополитика. М. : Эдиториал УРСС, 2010. 141 с.
- Чаронка В. Лёсы ў гісторыі : нарысы. Мінск : Беларусь, 2005. 558 с.
- Чаронка В. Уладары Вялікага княства. Мінск : Польша, 1996. 638 с.
- Шевченко Н. В. Білорусько-Літовська держава : нові концептуальні засади сучасної білоруської історіографії // Український історичний журнал. 1997. № 2. С. 55–67.
- Шмурло Е. Ф. Курс русской истории : Русь и Литва. СПб. : Алетея, 1999. 442 с.
- Шумская І. Хісткі грунт гістарычнай свядомасці беларусаў // Записы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. 2014. Вып. 4. С. 107–110.
- Янушкевіч А. М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск : Медисонт, 2007. 356 с.
- Halperin Ch. Rus', Russia and National Identity // Canadian Slavonic Papers = Revue Canadienne des Slavistes. 2006. Vol. 48. No 1/2. Pp. 157–166.
- Łatyszonek O. Od rusinów białych do białorusinów : U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok : Wydawn. Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. 388 с.
- Polkhy S. The Origins of the Slavic Nations : Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge ; NY : Cambridge Univ. Press, 2006. 379 p.
- Soloviev A. V. Weiß-, Schwarz- und Rotreußen : Versuch einer historisch-politischen Analyse // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 7. 1959. S. 1–33.
- Sukiennicki W. Stalin and Belarus's "Independence" // The Polish Rev. 1965. Vol. 10, no. 4. P. 84–107.
- Wrona J. Symbole państwowe przyczyną napięć społecznych i politycznych – Wybrane przykłady // Czasopismo Geograficzne. 2000. Vol. 71. Iss. 2. P. 157–172.

References

- Adamushko, V. I., Elinskaja, M. M. (2012). *Sovremennaja geraldika Belarusi*. [Modern Heraldry of Belarus]. 533 p. Minsk, Belaruskaja Jencyklopedyja.
- Afanasij, arhiep. (1990). *Belarus' v istoricheskoj, gosudarstvennoj i cerkovnoj zhizni*. [Belarus in the Historical, State and Church Life]. 262 p. Minsk, Bel. Jekzarhat Rus. Pravoslav. Cerkvi.
- Arlow, U. A. (1992). *Ewfrasinnja Polackaja* [Euphrosyne of Polotsk]. 219 p. Minsk, Mastackaja litaratura, Slavjane.
- Arlow, U. (2008). *Tajamnicy polackaj gistoryi*. [Mysteries of Polotsk History]. 607 p. Minsk, Popuri.
- Arlow, U., Plytkovich, S., Gerasimovich, Z. (2005). *Ad Polacka pachawsja svet*. [The Light Began from Polotsk]. 141 p. Minsk, Ryf tur.
- Arlow, U., Saganovich, G. (1999). *Dzesjac' vjakow belaruskaj gistoryi: 862–1918*. [Ten Centuries of the Belarussian History]. 221 p. Vil'nja, Nasha Buduchynja.

Astapenko, A. (2014). Knjazi Astrozhskija i belaruskaja nacyjanal'naja idėja. [Princes of Ostrogsky and the Belarusian National Idea]. In *Zapisy tavarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastowskaga*, 14, pp. 111–120.

Bely, A. (2000). *Hronika «Belaj Rusi»: narys gistoryi adnoj geografichnaj nazvy*. [Chronicle of “White Rus”: A Question about One Geographical Title]. 192 p. Minsk, Jencyklapedyks.

Bely, A. (2013). *Hronika Belaj Rusi: Imagalogija Belarusi XII–XVIII st.* [Chronicle of the “White Rus”: Imagology of Belarus between the 12th and 18th cent]. 468 p. Smalensk, Inbelkul’^t, 2013.

Bely, A. (2007). Jak razmezhavac’ Litvu ad Rusi [How to Separate Lithuania from Rus’]. In *Arche*, 10, pp. 128–145.

Bez-Kornilovich, M. (1855). *Svedenija o primechatel’nejshih mestah v Belorussii* [Information about Remarkable Places in Belarus]. 355 p. St Petersburg, v Tipografii III Otd. sobstv. e. i. v. kanceljarii.

Borel’, E. (2014). Bitva pod Orshej – blestjashchaja pobeda, ot kotoroj nel’zja otkazyvat’sja [Battle of Orsha – A Remarkable Victory. It is Impossible to Reject It]. In *Zapisy tavarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastowskaga*, 14, pp. 203–207.

Charopka, V. (1996). *Uladyary Vjalikaga knjastva* [Potentates of the Grand Duchy]. 638 p. Minsk, Polymja.

Charopka, V. (2005). *Ljossy w gistoryi: narysy* [Destiny in History: Essays]. 558 p. Minsk, Belarus.

Citow, A. K. (1992). *Nash simval – Pagonja : shljah praz stagoddzi* [Our Symbol – “Pogonya”: The Way through the Centuries]. 33 p. Minsk, Polymja.

Citow, A. K. (2010). *Geral’dyka Belarusi (ad pachatkaw da kanca XX stagoddzja)*. [Heraldry of Belarus (from the Beginning till the End of the 20th Cent.]. 139 p. Minsk, Minskaja fabryka kaljarovaga druku.

Cymburskij, V. L. (2010). *Rossija – Zemlja za Velikim Limitrofom: Civilizacija i ee geopolitika* [Russia Is the Land beyond the Great Limitrophe. The Civilization and Its Geopolitics]. 141 p. Moskva, Jeditorial URSS.

Dovnar-Zapol’skij, M. V. (1891). *Ocherk istorii krivichskoj i dregovichskoj zemel’ do konca XII stoletija*. [Essay on the History of the Krivich and Dregovich Lands by the End of the 12th Cent.] 170 p. Kiev, Tipo-litografija I. N. Kushnerev i K^o v Moskve, Kievsk. otd.

Dovnar-Zapol’skij, M. V. (1919). *Osnovy dzjarzhaunasci Belarusi* [Fundamentals of Belarusian Statehood]. 14 p. Vilnja, Drukarnja “Pramen”.

Dovnar-Zapol’skij, M. V. (2003). *Istorija Belorussii* [The History of Belarus]. 678 p. Minsk, Belarus.

Dzjarnovich, O. I. (2009). “Litva” i “Rus” XIII–XVI vv. kak koncepty belorusskoj istoriografii [“Lithuania” and “Rus” of the 13th–16th Centuries as Concepts of Belarusian Historiography]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1–2, p. 234–248.

Elinskaja, M. M. (2016). *Sovremennyj jetap razvitija geraldiki Belarusi* [The Modern Stage of the Development of Belarusian Heraldry]. URL: <http://geraldika.ru/symbols/33223> (mode of access: 18.04.2016).

Ermalovich, M. (1990). *Starazhytnaja Belarus”. Polacki i Novagorodski peryjady* [Old Belarus. The Polotsk and Novgorod Periods]. 365 p. Minsk, Mastackaja litaratura.

Ermalovich M. (2000). *Belaruskaja dzjarzhava Vjalikae Knjastva Litovskae* [Belarusian State the Grand Duchy of Lithuania]. 435 p. Minsk: GA “Bellitfond”.

Garavy, M. (2014). Peramoga u bitve pad Orshaj razburyla plany pershaga padzelu Ushodnjaj Ewropy [The Victory in the Battle of Orsha Destroyed the Plans of Division of Eastern Europe]. In *Zapisy tavarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastowskaga*, 14, p. 216–220.

Gistoryja Belaruskaj SSR [History of the Belarusian SSR]. (1972). T. 1. 631 p. Minsk, Navuka i tjehnika.

Gryckeveich A. (1994). I shla w boj belaruskaja konnica [Belarusian Cavalry Marched into Battle]. In *Narodnaja gazeta*.

Halperin Ch. (2006). Rus’, Russia and National Identity. In *Canadian Slavonic Papers = Revue Canadienne des Slavistes*, 48, ½, pp. 157–166.

Istorija Belorusskoj SSR [History of the Belarusian SSR] (1954). T. 1. 502 p. Minsk, Izd-vo Akad. nauk Bel. SSR.

Janushkevich, A. M. (2007). *Vjalikae Knjastva Litovskae i Infljanckaja vajna 1558–1570 gg.* [The Grand Duchy of Lithuania and the Livonian War of 1558–1570]. 356 p. Minsk, Medisont.

Kishtymov, A. (2014). Orshanskaja bitva: po tu storonu istoricheskogo fronta [The Battle of Orsha: Beyond the Historical Front]. In: *Zapisy tavyarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastovskaga*, 14, pp. 34–40.

Klaskovskij, A. (2014). Bitva pod Orshej i sindrom bul'bashha [The Battle of Orsha and the Syndrome of a "Potato Man"]. In: *Zapisy tavyarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastovskaga*, 14, pp. 214–215.

Klaskowski, A. (1993). Jak by tam ni bylo, ale pad Orshaj belaruski voj zaslanjav grudz' mi svaju Bac'kawshychu [However It Might Be, near Orsha Belarusian Warriors Stood up staunchly to Defend Their Motherland]. In *Narodnaja gazeta*, 1993 07 sept.

Kojalovich M. (1865). *Istoricheskoe issledovanie o Zapadnoj Rossii, sluzhashhee predisloviem k dokumentam, ob'jasnjajushhim istoriju zapadno-russkogo kraja i ego otnoshenija k Rossii k Pol'she* [A Historical Study of Western Russia, Serving as a Preface to the Document Explaining the History of the West-Russian Region and Its Relations to Russia to Poland]. 203 p. St Petersburg, Tipografiya Je. Praca.

Krawcjevich A. K. (1998). *Svarjenje Vjalikaga Knjastva Litovskaga* [The Making of the Grand Duchy of Lithuania]. 206 p. Minsk, Bel. navuka.

Lastowski V. Ju. (1918). *Kalis' i cjaper. Gictarichna-gramadzjanskija narysy* [Once and today. Gictarichna Civil Essays]. 152 p. Vilnja, S. I.

Lastowski V. Ju. (1997). Ab "slavjanstve" maskalew [About the Slavic Character of Muscovites]. In Lastowski, V. Ju. (Ed.). *Vybranyja tvory*. Minsk, Belaruski knigazbor, pp. 390-397.

Łatyszczek O. (2006). *Od rusinów białych do białorusinów: U źródeł białoruskiej idei narodowej* [From White Rusyns to Belarusians: At the Root of the Belarusian National Idea]. 388 p. Białystok, Wydawn. Uniwersytetu w Białymstoku.

Lindner R. (2005). *Gistoryki i wlada: nacyjatvorchy pracjes i gistorychnaja palityka w Belarusi XIX-XX st.* [Historians and Power: The Process of Nation Building and Historical Policy of the 19th-20th Cent. in Belarus]. 538 p. Minsk; St Petersburg, Newski prascjag.

Ljosik Ja. (2016). *Litva – Belarus'. Gistorychnyja vyvedy* [Lithuania – Belarus. Historical Studies]. 33 p. Minsk, Tjehnalogija.

Lobin A. N. (2010). Mify Orshanskoj bitvy [Myths about the Battle of Orsha]. In: *Rodina*, 9, pp. 111–115.

Marcinovich A. (2009). *Svjataja Ewrasinnja abo Adkul'josce pajshla Polackaja zjamlja* [St Euphrosyne, or from where the Belarusian Land Began]. 109 p. Minsk, Belarus'.

Martynjuk A. (2015). Srednevekove bez granic [The Middle Ages without Borders]. In *Alba Ruscia: belorusskie zemli na perekrestke kul'tur i civilizacij*. Moskva, Kvadriga, pp. 5–7.

Martynjuk, A. V. (2010). Ales' Belyj v poiskah Beloj Rusi [Ales Bely in Search of White Rus']. In *Studia Historica Europae Orientalis*, 3, pp. 303–308.

Marzaljuk, I. A. (2009). *Mify "adradzhenskaj" gistoryjografii Belarusi* [Myths of the "Revival" Historiography of Belarus]. 144 p. Magiljow, MDU.

Marzaljuk, I. A. (2012). Vobraz polackaj dzjarzhawnasci w belaruskim gistorychnym naratyve XIX – pachatku XX st. [Image of Polotsk Belarusian Statehood in the Historical Narrative of the 19th – Early 20th Century]. In *Polack v gistoryi i kul'tury Ewropy*. Minsk, Belaruskaja navuka, pp. 52-60.

Mikalajchanka, A. (1994). Na paklon kryzhu na Krapivenskimi poli [To the Worship of the Cross in the Krapivna Field]. In *Nasha slova*, 1994, 21.09.

Milovanov, A. (1994). Gor'kaja pobeda pod Orshej [The Bitter Victory near Orsha]. In *Politika. Pozicija. Prognoz*, Nr. 4 (30).

Nasevich, V. (1993). Da pytannja pra samanzvu belarusaw u peryjad VKL [To the Question about the Original Name of Belarusians during the Period of VKL]. In *Belarusika = Albaruthenica. Kn. 2. Farmiravanne i razvicejo nacyjanal'naj samasvjadomasci belarusaw. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi. Maladzechna, 19–20 zhnivnja 1992 g.* Minsk, S. I., pp. 97–100.

Nasevich, V. (2015). *Belarusy: stanawlenne jetnasu i nacyjanal'naja idėja*. [Belarusians: The Establishment of the Ethnos and National Idea]. 525 p. Smalensk, Inbelkult.

Nasevich, V., Spirydonaw, M. (1996). "Rus'" u skladze Vjalikaga knjastva Litovskaga w XVI st. ["Rus'" in the Structure of the Grand Duchy of Lithuania]. In *Z glybi vjakow. Gistoryka-kul'turalagichny zbornik. T. 1*. Minsk, Navuka i tjehnika, pp. 4–27.

Osinskij, I. (1994). Soldatushki, bravo rebjatushki, ili o tom, kak istoriju prevrashhajut v mesto dlja politicheskich ristalisch [Soldiers, Dashing Boys, or how History Takes Part in Political Struggle]. In *Sovetskaja Belorussija. 1994, 06.09*.

Pawlovich Ja. (2014). Bitva na rostanjah cyvilizacij [Battle at the Crossroads of Civilisations]. In *Zapisy tavarystva amataraw belaruskaj gistoriji imja Vaclava Lastowskaga, 14*, pp. 99–106.

Petrov, N. I. (1890). *Belorussija i Litva: Istoricheskie sud'by Severo-Zapadnogo kraja* [Belarus and Lithuania: Historical Destinies of the North-West Region]. 376 p. St Petersburg, Izd. pri M-ve vn. del P. N. Batjushkovym.

Picheta, V. I. (1918). Istorija belorusskogo naroda [The History of Belarusian People]. In Picheta, V. I. (Ed.). *Kurs Belorusovedenija: Lekcii, chitaniye v Belorusskom narodnom universitete v Moskve letom 1918 goda*. 304 p. Moskva, Drukarnja A. P. Jarockogo, 1918–1920.

Plokhly, S. (2006). *The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*. 379 p. Cambridge; NY, Cambridge Univ. Press.

Plytkovich, S. (1993). “Ne wrady vyznachajuc” narodam svjaty...” [No Government Is Determined by the People’s Holidays]. In *Narodnaja gazeta. 1993, 11–13 sept.*

Poz’njak, Z. (2005). *Belarуска-Rasejska vajna* [Belarusian-Russian War] = Belarus is an eastern outpost. 34 p. Varshava, NY; Vilnya, Belaruskija Vedamasci (Belaruskiĭ Vedamasti).

Rakicki, V. (2006). *Belaruskaja Atljantyda* [Belarusian Atlantis]. 504 p. S. I., Radyjo Svabodnaja Jewropa/Radyjo Svaboda.

Rakicki, V. (2010). *Belaruskaja Atljantyda* [Belarusian Atlantis]. 352 p. S. I., Radyjo Svabodnaja Jewropa/Radyjo Svaboda.

Rassadzin, S. Ja., Mihal’chanka A. M. (2005). *Gerby i ccjagi garadow i rajonaw Belarusi 1991–2004* [Arms and Flags of Towns and Regions of Belarus in 1991–2004]. 128 p. Minsk, Belarus’.

Rassadzin, S. (1996). *Zemli amal’nevjadomyja. Buduchaja Belarus’ pavodle antychnyh manuskryptaw* [Unknown Lands. The Future of Belarus according to Ancient Manuscripts]. 95 p. Minsk, Polymja.

Rogalev, A. F. (1994). *Belaja Rus’ i belorusy: v poiskah istokov* [White Rus’ and Belarusians: In the Search of Origins]. 266 p. Gomel’, Belorusskoe agentstvo nauchno-technicheskoj i delovoj informacii.

Saganovich, G. (Ed.). (1991). *Imja tvajo Belaja Rus’*. [Your Name is White Rus’]. 318 p. Minsk, Polymja.

Saganovich, G. (1992). *Ajchynu svaju baronjachy: Kanstancin Astrozhski* [In Protection of His Own Motherland: Konstantin Ostrogsky]. 68 p. Minsk, Navuka i tjehnika.

Saganovich, G. (2016). *Arshanskaja bitva 1514 g. – kanflikt gistoryjagrafij i idjentychnascjav* [The Battle of Orsha in 1514 as a Conflict of Historiographies and Identities]. URL: <http://jivebelarus.net/history/gistografia/orsha-battle-and-historical-identity-conflict.html?page=6#lnk5> (mode of access: 17.04.2016).

Shevchenko, N. V. (1997). Bilorusko-Litovska derzhava: novi konceptual’ni zasadi suchasnoĭ biloruskoĭ istoriografii [Belarusian-Lithuanian State: New Ideas of Belarusian Historiography]. In *Ukraĭnsky istorichny zhurnal, 2*, pp. 55–67.

Shmurlo, E. F. (1999). *Kurs russkoj istorii: Rus’ i Litva* [Essays on Russian History. Rus’ and Lithuania]. 442 p. St Petersburg, Aleteya.

Shumskaja, I. (2014). Xictki grunt gistorychnaj svjadomasci belarusaw [Precarious Grounds of Historical Consciousness of Belarusians]. In *Zapisy tavarystva amataraw belaruskaj gistoriji imja Vaclava Lastowskaga, 14*, pp. 107–110.

Soloviev, A. V. (1959). Weiß-, Schwarz- und Rotrußen. Versuch einer historisch-politischen Analyse [White-, Black and Red Russia. An Attempt at a Historical and Political Analysis]. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, 7*, pp. 1–33.

Sukiennick, W. (1965). Stalin and Belarus’s “Independence”. In *The Polish Review, 10, 4*, pp. 84–107.

Taras, A. (2014). Bitva pod Orshej v kontekste politiki i vojny [The Battle of Orsha in the Contest of Politics and War]. In *Zapisy tavarystva amataraw belaruskaj gistoriji imja Vaclava Lastowskaga, 14*, pp. 5–20.

Tarasaw S. V. (2012). *Polack. Gonar vekow* [Polotsk. The Pride of Centuries]. 264 p. Minsk, Belarus’.

Turchinovich I. V. (1857). *Obozrenie istorii Belorussii s drevnejshih vremen* [Overview of the History of Belarus from the Ancient Times]. 303 p. St Petersburg, Tipografiya Je. Praca.

White, S., Bileckaja, T., McAllister, I. (2014). Belorusy mezhdz Vostokom i Zapadom [Belarusians between East and West]. In *Mir Rossii: Sociologija, jetnologija, 23, 1*, pp. 35–59.

Urban, P. (2014). *Starazhytnyja lichviny: Mova, pahodzhan'ne, jetnichnaja prynalezhnasch* [Ancient Litvins: Language, Origin, Ethnicity]. 215 p. Minsk, Tjehnologija.

Ushakin, S. (2011). V poiskakh mesta mezhdru Stalinym i Gitlerom: o postkolonial'nyh istorijah socializma [In Search of Place between Stalin and Hitler: About Postcolonial Histories of the Period of Socialism]. In *Ab Imperio*, 1, pp. 209–221.

Ustrjalov, N. G. (1839). *Issledovanie voprosa, kakoe mesto v russkoj istorii dolzhno zanimat' Velikoe knjazhestvo Litovskoe?* [The Study of what Place the Grand Duchy of Lithuania Takes in Russian History]. 42 p. St Petersburg, Tipographiya Jekspedicii zagotovlenija gos. bumag.

Wrona, J. (2000). Symbole państwowe przyczyną napięć społecznych i politycznych – Wybrane przykłady [State Symbols Are Causes of the Social and the Political – Selected Examples]. In *Czasopismo Geograficzne*, 71, 2, pp. 157–172.

Zhdanko, V. (1993). Uspomnili bitvu pad Orshaj: adny z gonaram, drugija – z prakljonom [We Remembered Battle of Orsha: Some with Pride, and Others with a Curse]. In *Zvyazda*, 1993, 09 sept.

The article was submitted on 10.03.2017

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Абрамзон Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова.
455000, Россия, Магнитогорск, пр. Ленина, 38.
ate71@mail.ru

Акимова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева.
430005, Россия, Саранск, ул. Большевикская, 68.
akimova_ti@mail.ru

Бинней Метью, PhD, адъюнкт-профессор, факультет английского языка, Университет восточного Вашингтона.
99004, США, Чини, Вашингтон, 5-я улица, 526.
mbinney@ewu.edu

Вачева Ангелина, доктор филологических наук, доцент, Софийский университет имени Святого Климента Охридского.
1504, Болгария, София, бульвар Цар Освободител, 15.
avacheva@slav.uni-sofia.bg

Дворцова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет.
625003, Россия, Тюмень, ул. Республики, 9.
kaf_idir@utmn.ru

Ле Гофф Армель, сотрудник Национального архива Франции.
90001, Франция, Париж, 93383 Pierrefitte-sur-Seine cedex, rue Guynemer, 59.
le-goff.ext@culture.gouv.fr

Мезин Анна, сотрудник Национального архива Франции.
90001, Франция, Париж, 93383 Pierrefitte-sur-Seine cedex, rue Guynemer, 59.
anne.mezin@culture.gouv.fr

Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского.
410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83.
mezinsa@mail.ru

Морохин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского.
603005, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2.
alexmorohin@yandex.ru

Мокненко Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

mokienko40@mail.ru

Мюллер Стивен, PhD, Йенский университет имени Фридриха Шиллера.

07743, Германия, Йена, Fuerstengraben, 13.

Steven.mueller@uni-jena.de

Окунева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук.

119991, Россия, Москва, Ленинский проспект, 14.

olga.okuneva@gmail.com

Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова.

455000, Россия, Магнитогорск, пр. Ленина, 38.

alexpetrov72@mail.ru

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

volot@mail.urfu.ru

Рюсс Хармут, доктор исторических наук, профессор, Вестфальский университет имени Вильгельма.

48149, Германия, Мюнстер, ул. Schlossplatz, 2.

ruessbockhorst@t-online.de

Серов Дмитрий Олегович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Новосибирский государственный университет экономики и управления.

630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, 56.

serov1313@mail.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

l.s.soboleva@mail.ru

Филюшкин Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран, Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

a.filushkin@spbu.ru

Эррен Лоренц, PhD, научный сотрудник центра Восточноевропейской истории, Майнцский университет имени Иоганна Гутенберга.
55122, Германия, Майнц, Saarstrasse, 21.
lerren@uni-mainz.de

Abramzon Tatyana, Dr. Hab. (Philology), Professor, Head of the Department of Linguistics and Literary Science, Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov.
38, Lenin Ave., 455000, Magnitogorsk, Russia.
ate71@mail.ru

Akimova Tatiana, Dr. Hab. (Philology), Associate Professor, Mordovia State University named after N. P. Ogarev.
68, Bolshevistskaya Str., 430005, Saransk, Russia.
akimova_ti@mail.ru

Binney Matthew, PhD, Associate Professor, Department of English, Eastern Washington University.
526, 5th St, 99004, Cheney, WA, USA.
mbinney@ewu.edu

Dvortsova Natalya, Dr. Hab. (Philology), Professor, Tyumen State University.
9, Respubliki Str., 625003, Tyumen, Russia.
kaf_idir@utmn.ru

Erren Lorenz, PhD, Researcher, Centre for East European History, Johannes Gutenberg University of Mainz.
21, Saarstrasse, 55122, Mainz, Germany.
lerren@uni-mainz.de

Filyushkin Aleksandr, Dr. Hab. (History), Professor, Head of the Department of History of Slavic and Balkan Countries, St Petersburg State University.
7–9 Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
a.filushkin@spbu.ru

Le Goff Armelle, conservateur général du patrimoine (h) Archives Nationales, France.
59, rue Guynemer, 93383 Pierrefitte-sur-Seine cedex, 90001, Paris, France.
le-goff.ext@culture.gouv.fr

Mézin Anne, Chargée d'études documentaires, Archives Nationales, France
59, rue Guynemer, 93383 Pierrefitte-sur-Seine cedex, 90001, Paris, France.
anne.mezin@culture.gouv.fr

Mezin Sergei, Dr. Hab. (History), Professor, Head of the Chair of History of Russia and Archaeology, Saratov National Research State University Named after N.G. Chernyshevsky.

83, Astrakhanskaya Str., 410012, Saratov, Russia.
mezinsa@mail.ru

Mokienko Valery, Dr. Hab. (Philology), Professor, St Petersburg State University.
7–9 Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
mokienko40@mail.ru

Morokhin Alexey, PhD (History), Associate Professor, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
2, Ulyanov Str., 603005, Nizhny Novgorod, Russia.
alexmorohin@yandex.ru

Müller Steven, PhD, Friedrich Schiller Universität Jena.
13, Fuerstengraben, 07743, Jena, Germany.
Steven.mueller@uni-jena.de

Okuneva Olga, PhD (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences.
14, Leninsky Ave., 119991, Moscow, Russia.
olga.okuneva@gmail.com

Petrov Alexey, Dr. Hab. (Philology), Professor, Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov.
38, Lenin Ave., 455000, Magnitogorsk, Russia.
alexpetrov72@mail.ru

Redin Dmitry, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
volot@mail.urfu.ru

Rüß Hartmut, Dr., Professor, Westfälische Wilhelms-Universität.
2, Schlossplatz, 48149, Münster, Germany.
ruessbockhorst@t-online.de

Serov Dmitry, Dr. Hab. (History), Associate Professor, Head of the Department of the Theory and History of State and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management.
56, Kamenskaya Str., 630099, Novosibirsk, Russian Federation.
serov1313@mail.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.
19, Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
l.s.soboleva@mail.ru

Vacheva Angelina, Dr. Hab. (Philology), Associate Professor, University of Sofia (St Kliment Ohridski).
15, Tsar Osvoboditel Boulevard, 1504, Sofia, Bulgaria.
avacheva@slav.uni-sofia.bg

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

АРАН СПбФ – Архив Российской Академии наук, Санкт-Петербургский филиал

ARAN SPbF – Arkhiv Rossiiskoi Akademii nauk, Sankt-Peterburgskii filial

АРАН – Архив Российской академии наук

ARAN – Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk

АРГБ – Архив Российской государственной библиотеки

ARGB – Arkhiv Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki

Архив СПб ИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

Arkhiv SPb II RAN – Arkhiv St-Peterburgskogo Instituta istorii Rossiyskoy akademii nauk

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

МОИДР – Московское общество истории и древностей российских

MOIDR – Moskovskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh

ОР БАН – Отдел рукописей Библиотеки Академии наук

OR BAN – Otdel rukopisey Biblioteki Akademii nauk

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

OR RGB – Otdel Rukopisiy Rossiyskoy Gosudarstvenoy Biblioteki

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

RGADA – Rossiiskiy gosudarstvennyu arkhiv drevnikh aktov

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

RGALI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

SPF ARAN – Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk

ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области
TSDNIRO – Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских
CHOIDR – Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh

AN – Archives Nationales de France

BNF – Bibliothèque Nationale de France

GSTA PK – Geheime Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz

HHStA – Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien

MAE – Archives du Ministère des affaires étrangères, La Courneuve

MAR – Archives de la Marine

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

Научный журнал «Quaestio Rossica» издается с 2013 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Журнал является периодическим изданием (выходит четыре раза в год).

Журнал «Quaestio Rossica»

- зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013);

- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации серийных изданий (International Standard Serial Numbering) с присвоением международно-го стандартного номера ISSN 2311-911X;

- включен в объединенный каталог «Пресса России», индекс № E43166.

- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (<http://urfu.ru/science/proceedings/>) и на собственном сайте журнала (<http://qr.urfu.ru>). Журнал индексируется в *Web of Science* и *Scopus*.

- При цитировании статей из «Quaestio Rossica» необходимо указывать DOI.

Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность. Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

- Журнал рассматривает научные статьи объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами).

- К публикации в журнале принимаются не публиковавшиеся ранее научные статьи, обзоры и рецензии, освещающие актуальные вопросы российской *истории, филологии, культуры и искусства*, а также исследования компаративистского характера.

- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии, сопровождается аннотацией на русском и английском языках, с указанием темы и цели работы, методологии исследования, источников, основных результатов (от 250 до 300 слов), перечнем ключевых слов на русском и английском языках. Заполняется анкета автора (см. ниже).

- Страницы рукописи **нумеруются**.

- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом в формате .jpg с максимальным качеством (разрешение не ниже 600 dpi), с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье.

- К статье прилагаются таблица со сведениями об авторах и таблица со сведениями о статье.

- Рукописи высылаются по электронному адресу журнала: qr.urfu.ru или электронным адресам редакторов соответствующих разделов, указанных на сайте журнала.

- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.

- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** – А4 (210 x 279 мм), ориентация книжная.
- **Программа** – Word, **гарнитура** – Times.
- **Поля** – все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер – 14)
- **Межстрочный интервал** – полуторный (Формат – Абзац – Межстрочный – Полуторный).
- **Межбуквенный интервал** – обычный.
- **Абзацный отступ** – 1,25 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ – 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- Нумерация страниц (Вставка – Номер страницы – Внизу, справа).
- Переносы обязательны (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
- Квадратные скобки – на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- **Межсловный пробел** – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х – начала 1930-х гг.*
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941–1945 гг., с. 8–61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» – внешние, «...» – внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети – энциклопедисты по самому характеру своего мышления», – говорил Маршак¹*.
- **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смысловых различия контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.
- Цитирование исторических источников и художественных текстов производится на языке оригинала с переводом в примечаниях на язык статьи.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи – **рубрикационные** (заголовки, подзаголовки) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат – Шрифт – Интервал – Разреженный – 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «Неблагозвучны громкие стечения согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты прозаического текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания даются по правилам оформления ссылок.
- Ссылки – затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательны указания на количество страниц в издании и на странице цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.
- Отсылки в тексте – в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании.

нии. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

- Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform Resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения. Например: URL: <http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.2015).

- В список литературы могут быть включены только те издания, ссылки на которые приводятся в тексте статьи.

Примеры оформления списка литературы

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории ius commune // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. 62 с.

РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.

Ђосић Д. Косово. Београд, 2004. 281 с.

Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth Century. Princeton, 1945. 287 p.

Emerson R. The Social composition of Enlightened Scotland: the Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the eighteenth century, CXIV. 1973. P. 291–329.

United States Department of State // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (дата обращения: 12.07.2013).

Сведения об авторе на русском и английском языках

Фамилия / Surname	
Имя, отчество / Name, patronymic	
Ученая степень, звание / Academic degree, rank	
Организация (с указанием страны и города) / Organization (with the indication of the country and city)	
Должность / Position	
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address and phone of the place of employment	
Сфера научных интересов / Sphere of academic interests	
E-mail	
Контактный телефон / Contact phone	
Адрес для почтовой рассылки / Address for the mailing group	

Анкета статьи (таблица РИНЦ)

ФИО автора / Author	
Организация / Organization	
Страна / Country	
Город / City	
E-mail:	
Наименование статьи / Title of article	
Аннотация / Abstract (250–300 слов)	
Ключевые слова / Keywords (5–8 слов)	
Список библиографических ссылок в алфавитном порядке	

Электронный адрес: qr.urfu.ru

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 5, 2017, № 2

Редакторы *Е. Березина*

М. Симонов

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Maxim Simonov

Imposition *Alexey Matveev*

Подписано в печать 23.06.2017. Формат 70x100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,6.

Тираж 500 экз. Заказ № 218.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

Иллюстрация к статье:
А. Морохин. «И такой злой дороги не видали»: путешествие царицы
Екатерины Алексеевны по Германии в конце 1716 г.

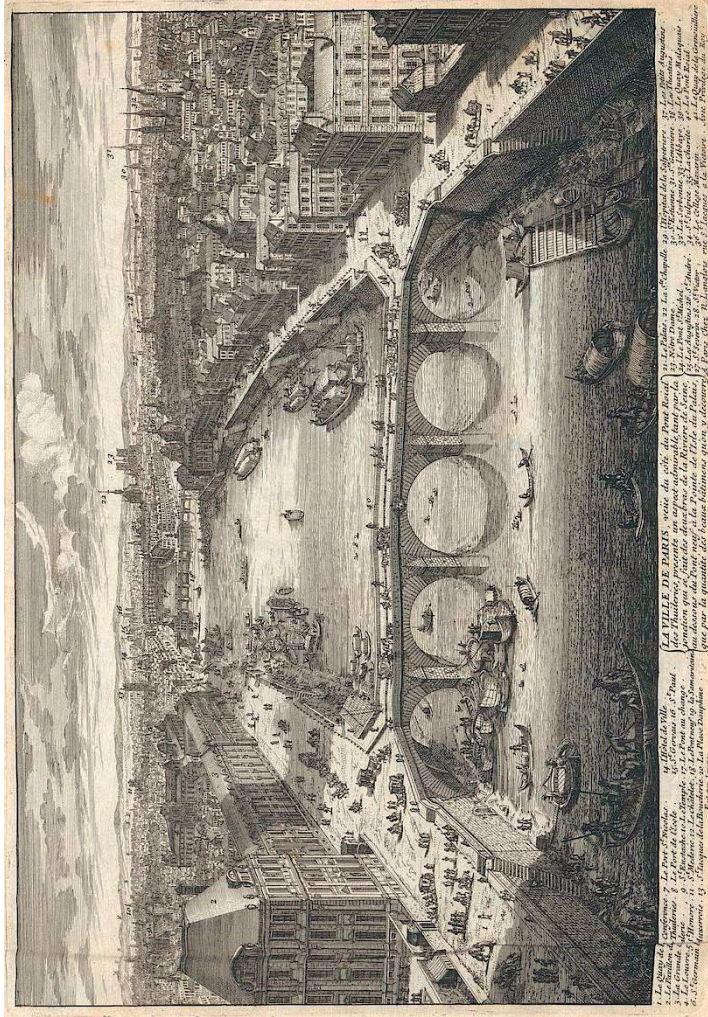
Illustration for article:
A. Morokhin. 'Such an Evil Road I Have Never Seen':
Tsarina Ekaterina Alekseevna's Trip through Germany at the End of 1716

Ж.-М. Наттье. Портрет Екатерины I. 1717. Государственный Эрмитаж
J.-M. Nattier. Portrait of Catherine I. 1717. State Hermitage

Иллюстрации к статье: С. Мезин. *Париж Петра Великого*

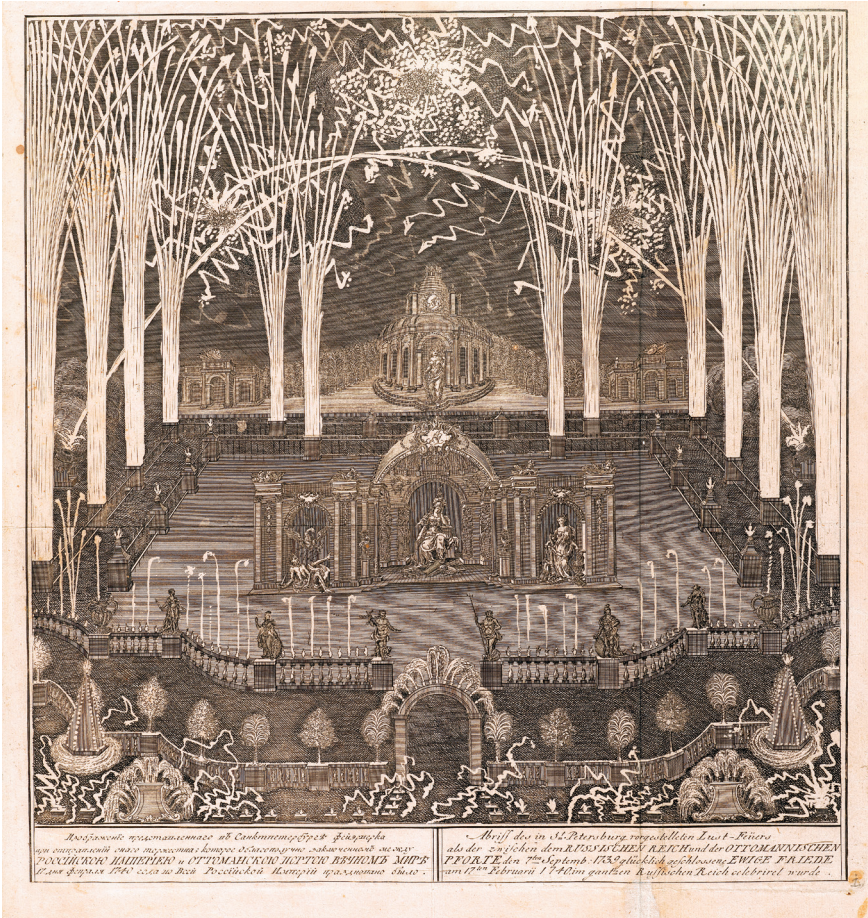
Illustration for article: S. Mezin. *The Paris of Peter the Great*

Париж. Вид со стороны Королевского моста. Гравюра конца XVII в. [Perelle A., Perelle G., Perelle N.]
Paris. View from the side of the Pont Royal. Engraving of late 17th century [Perelle A., Perelle G., Perelle N.]

Illustration for article:
M. Binney. *Empire, Spectacle and the Patriot King:*
British Responses to the Eighteenth-Century Russian Empire

Fireworks commemorating the end of the Austro-Russian-Turkish War (1735–1739) //
Fireworks Displays in Eighteenth-Century Russia. Getty Research Inst.
Digital Collections. 1740–1796. Object no 92-F291